

Владимир Богатырев

Владимир
Богатырев

ОБЪЕКТ - 2 Т.А.Б.

| литературные опыты |

Москва
БОСЛЕН

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4
Б73

Книга издана в авторской редакции

Богатырев В.А.

Б73 Объект – 2 Т.А.Б. / Владимир Богатырев. – М. : Бослен, 2017. – 400 с., ил.

ISBN 978-5-91187-299-1

Богатырев Владимир Александрович – режиссер, педагог. Закончил ЛГИТМиК в 1975 году. Мастерская З.Я. Корогодского. Был главным режиссером Тульского и Тверского ТЮЗов. Ставил спектакли в Новом Драматическом театре, в театре «Et Cetera» под руководством А. Калягина, в Санкт-Петербургском ТЮЗе и в других театрах во многих городах России. С 1993 года поставил в Российском Академическом Молодежном театре под руководством А.В. Бородина спектакли по собственным инсценировкам «Жизнь впереди» (Э. Ажара), «Поллианна» (Э. Портера), «Сказки на всякий случай» (Е. Клюева), «Жизнь одна» (В. Кондратьева и В. Шаламова) и другие. Преподает актерское мастерство в ГИТИСе (РИТИ). Лауреат Премии Москвы в области литературы и искусства.

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-91187-299-1

Художественный редактор *Л.Г. Иванова*
Технолог *М.С. Кырбаи*
Оператор компьютерной верстки
текста и переплета *А.Ю. Бирюков*
Корректор *Л.И. Гордеева*

Подписано в печать 08.06.2017
Формат 60×90/16. Заказ №

ООО «Бослен»
105082, Москва, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10
тел.: (495) 971-89-09 e-mail: info@boslen.ru
Информация в Интернете: www.boslen.ru

Отпечатано в типографии «Onebook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
129090 г. Москва, Протопоповский переулок д.6
E-mail: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

© В.А. Богатырев, 2017
© Оформление. ООО «Бослен», 2017

Уход

| Светская проповедь |

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАКС, 28 лет.

ЛЕНА – хозяйка квартиры, 48 лет.

САША – ее сын, 18 лет.

Просторная комната в два окна в двухкомнатной квартире старого питерского дома. Диван, письменный стол, столик для цветов, два кресла, три стула... Эти вещи и другие предметы быта, маленькие и большие, вазы и вазочки, коврики и салфеточки, свечи и пепельницы, миниатюрные скульптуры и прочее... помещены в комнате довольно хаотично и представляют собой некую смесь стилей и эпох. Этаким странным музеем, где уживаются друг с другом вроде бы несовместимые вещи. На стенах повешены в рамках фотографии любимых писателей, предков и близких людей, редкой красоты тарелочки, иконы, несколько картин (копии мастеров и оригиналы друзей), плакаты «Алисы», Цоя, Башлачева, Высоцкого... Все это и многое другое в целом создает ощущение гармонии и уюта. Лена входит в комнату из кухни, мы понимаем это по тому, как она снимает передник, бросив его на стул, и на всякий случай вытирает им руки. Потом она берет толстую книгу и садится в кресло. Включен маленький магнитофон, откуда звучит невнятно чье-то пение, не то Высоцкого, не то Башлачева, а может быть, неизвестного нам исполнителя. Лена открывает книгу и листает ее, изредка прислушиваясь к пению. Потом она настороженно замирает: слышно, как хлопает в коридоре дверь, кто-то шлепает по скрипучему паркету, и появляется Макс. Он заглядывает в дверь, видит сидящую Лену, решает: войти – не войти, и входит. В руках у него гитара.

МАКС. Привет! Доброе утро!

Пауза.

ЛЕНА (*выключив магнитофон*). Ты гулял?

МАКС. Да... Прошвырнулся... в ожидании завтрака.

ЛЕНА. А я вышла из ванны... Смотрю, нет... Куда, думаю, делся.

МАКС. Захотелось подышать свежим воздухом. (*Садится на пол.*)

ЛЕНА. Весной на Невском в такое время исключительно свежий воздух.

МАКС. Да. Машины и пешеходы еще не успели напукать... Так что дышалось легко. Сашка встал?

ЛЕНА. Кажется, нет.

Пауза.

МАКС. Ты вчера рано заснула.

ЛЕНА. Экскурсовода кормят ноги и язык. И то, и другое у меня вчера слишком устало.

Пауза.

МАКС. А меня посетило вдохновение. Творил до трех ночи.

ЛЕНА. Получилось что-нибудь интересное?

МАКС. Да так... Рыба. Надо будет еще обдумать. *(Через паузу.)* Ты хочешь мне сказать что-то важное?

ЛЕНА. С чего ты взял?

МАКС. Слух. Я слышу звук натянутой струны.

ЛЕНА. Слух тебе не изменил.

МАКС. И что же?

Пауза.

ЛЕНА *(печально)*. Надо что-то делать.

МАКС. В смысле?

ЛЕНА. Ну... *(Встала, заходила по комнате.)* Мне тяжело. Я вытаскиваю тебя из больницы. Хожу по всяким там... милициям, жэкам... Ты возвращаешься. Живешь неделю... две и потом опять пропадаешь. Опять где-то там блуждаешь. Вязываешься в бог знает что... Опять теряешь паспорт, свои справки, удостоверение... Опять – больница... В общем, все начинается сначала.

МАКС *(через паузу)*. Я могу уйти и больше не возвращаться.

ЛЕНА *(неуверенно)*. Может быть, оно и лучше...

МАКС *(перебирая струны на гитаре)*. Да?

ЛЕНА. Ну, сам посуди... Ты ведь не Сашка. Тебе уже двадцать девять... А поступаешь, как...

МАКС. Двадцать восемь.

ЛЕНА. Это что-то меняет?

МАКС *(перестав играть)*. Хорошо. Завтра я уйду.

ЛЕНА *(испуганно)*... Я не хочу, чтобы ты ушел. Я хочу, чтобы... Я познакомила тебя с приличными людьми. Им понравилась твоя песня. Они готовы даже напечатать твои стихи в журнале. Они могут. Но ты не пошел на встречу. Потом появился... Послал их... Зачем-то назвал придурками...

МАКС. Они и есть придурки.

ЛЕНА *(обреченно)*. Я устала.

МАКС *(с иронией)*. От меня? Больше не любишь?

ЛЕНА. Господи! Кто бы говорил! Для тебя это имело хоть когда-нибудь значение, люблю я тебя или нет?!

МАКС *(вдруг улыбаясь и заиграв веселенькую мелодию)*. Так тебе все и скажи.

ЛЕНА *(сорвавшись)*. Нет! Это невыносимо! Какая-то попытка!

МАКС *(прекратив играть)*. Но ты же сама вызвалась меня спасти. Вытащила из психушки. Пригласила к себе. Даже дала ключ от квартиры.

ЛЕНА *(вскочив)*. Ты... Чудовище! Ты бессовестный, гнусный... мерзавец...

МАКС. Гнусный мерзавец... По-моему, не по-русски.

ЛЕНА. Ладно! Все! Я тебе сказала! Делай выводы. *(Начала прибираться в комнате.)*

МАКС *(печально)*. Я уже сделал. Я уйду.

ЛЕНА. Куда?

МАКС. На улицу. На вокзал. В другой город. В психушку... Да мало ли... Теперь тебя не должно это интересовать.

ЛЕНА. О! *(Опустившись на стул.)* Я дура.

МАКС. Вероятно.

ЛЕНА. Да! Если хочешь знать, я тебе не все еще сказала!

МАКС. Неужели?

ЛЕНА. Где Джойс?

МАКС. Джойс? Умер. Забыл, в каком году.

ЛЕНА. Где подаренный мне сестрой «Улисс» Джойса? Где Сашкина куртка? Где серебряная пепельница в виде гуся?... Где гномик, фарфоровый?

МАКС. Трудно сказать. Видимо, у хороших людей.

ЛЕНА. Ты тащишь из дома. Ты воруеть! Ты, который так рьяно осуждал соседа снизу, укравшего серебряный

бюст Блока... Ты... Сам... Сам бессовестно забираешь то, что тебе не принадлежит! И продаешь. И потом колешься или как там... нюхаешь, глотаешь свои колеса... Я не знаю, что ты там делаешь. Я плохо в этом разбираюсь. Но каждый раз ты возвращаешься чумной... ненормальный... Нет, я понимаю, от этой заразы трудно избавиться. Но ты и не хочешь! Я всё сделала...

МАКС. Ты пропустила: после того, как я краду, продаю, мне надо еще купить, а это бывает непросто.

ЛЕНА (*кричит*). Замолчи!

МАКС. Не надо кричать. У меня плохо со зрением, но слух у меня в порядке.

ЛЕНА. Ненавижу! Я тебя ненавижу!

МАКС (*искренне*). Хочешь, я тебя поцелую?

ЛЕНА. О, Господи! (*Выбегает и тут же возвращается*.) Где Сашкин плеер?

МАКС. Ты же говорила, что «эта игрушка цивилизации может испортить Сашке слух»...

ЛЕНА (*едва сдерживая себя*). Ну что ж! Если ты решил уйти, то делай это сейчас. Сейчас же! Вот в это мгновение. Встань и... Иди!

МАКС. Мы еще не завтракали.

ЛЕНА (*гневно*). Ты... издеваешься, да?

МАКС. Я взываю к разуму.

ЛЕНА. Что? Кто?! Ты?! К разуму?! Мне смешно!

Макс подходит к Лене, собирается ее поцеловать, Лена напряженно замирает. И тут Макс отворачивается.

МАКС. Нет. Не могу...

ЛЕНА. Что?

МАКС. Играть. Кривляться, Лицедействовать. Глупо как-то. (*В зал*.) Извините.

ЛЕНА (*лепечет*). Ты с ума сошел?!

МАКС. Нужны какие-то другие слова... Другая история, другие средства. Мне стыдно. Тратим впустую время. И они тоже. Все! Я пас! (*Берет гитару. В зал*.) Спектакль окончен.

ЛЕНА (*в панике*). Ты, ты... как ты можешь?!

МАКС. Что? Что?! Успокойся! Они поймут. (*Зрителям*.) Вы же нас поймете? Нам надоело играть этот детский лепет...

ЛЕНА. Не нам, а тебе! (*В зал*.) Не слушайте его! Мы сейчас продолжим.

МАКС. А что тут играть? Психованного наркомана и влюбленную восторженную дуру, на двадцать лет старше его?.. А еще ее страдающий сыночек, который делает вид, что ничего не происходит... (*В зал*.) Кому интересно, я могу рассказать сюжет в двух словах.

ЛЕНА. Но ты же сам выбрал эту пьесу и неделю назад играл ее с большим удовольствием.

МАКС. То было неделю назад. Прошла целая вечность. Все это... – туфта. Обман! Иллюзия! И не имеет никакого смысла.

ЛЕНА. Скажи тогда, что для тебя имеет смысл?

МАКС. Ну... Пожалуй... Все не имеет никакого смысла... Я проснулся сегодня в пять утра и понял: жизнь не имеет смысла. А уж наше кривляние – тем более. Неужели мало иллюзий в жизни, чтобы еще созерцать здесь этот невразумительный обман! Они напрасно тратят время.

ЛЕНА. Это их личное дело: тратят они время или нет. Раз пришли, значит, хотят. Так что... давай продолжим.

МАКС. Может быть, я хочу их спасти. Хочу открыть им глаза.

ЛЕНА (*растерянно*). Что? У тебя крыша поехала?

МАКС. Вероятно.

ЛЕНА (*смотрит осторожно ему в глаза*). Ты пьян?

МАКС. Вот еще! Я в кризисе... Я... Жизнь не имеет смысла. Надо остановиться! Посмотреть вокруг. Подумать: зачем мы живем? Зачем влюбляемся, женимся или выходим замуж, заводим детей, воспитываем их? Зачем работаем, покупаем вещи, едим, пьем, испражняемся?.. Все вокруг иллюзия. Все не имеет смысла. Рано или поздно мы умрем, нас похоронят. Получается, что мы живем, чтобы умереть. Другого смысла нет. А когда это понимаешь...

ЛЕНА (*глядя в зал*). Как банально и как глупо.

МАКС. Возможно, банально, но совсем не глупо. Все, что мы делаем в этой жизни – пытаемся убежать от смерти.

Забывать о ней. Смотреть телевизор, лишь бы не думать. Трахаться, только чтобы не думать. Играем в футбол или слушаем музыку, читаем – лишь бы не думать... Надо сказать, большинству удастся. Удастся совершать самую главную в нашей жизни глупость. ... Она... Та, что с косой стоит рядышком и смеется.

ЛЕНА. Прекрати! Сейчас же прекрати нести бред!

МАКС. Пусть расстанутся с иллюзиями.

ЛЕНА (*вдруг медленно подходит к Макс, пристально смотрит ему в глаза (по роли)*). Сашка уже проснулся и сейчас умывается. Я не хочу, чтобы он тебя видел.

МАКС (*поняв, что Лена вернулась к тексту пьесы, импровизирует, соединяя свой смысл и историю пьесы*). В определенном смысле мое пребывание здесь доставляет ему удовольствие. Он тоже ищет развлечений, чтобы не думать о смерти.

ЛЕНА (*жестко*). Там другой текст.

МАКС. Не все ли равно. Что хочу, то и говорю. Теперь это не имеет никакого значения.

ЛЕНА. Имеет. Теперь ты должен меня поцеловать.

МАКС. Считаю, что я уже это сделал.

ЛЕНА. Тебе неприятно меня целовать?

МАКС. Почему же? Некоторым образом мне это даже нравится. Когда я читал первый раз эту сцену, я вообразил, как буду это делать, и радовался.

ЛЕНА. Так порадуй себя.

Макс подходит и долго с удовольствием целует ее.

ЛЕНА (*тихо*). Ты любишь меня?

МАКС. В некотором роде.

ЛЕНА. В каком?

МАКС. Ну...

ЛЕНА. Ты любишь героиню пьесы или меня?

МАКС. О! Какой прогресс. Ты решила поговорить о наших отношениях? Очень рад! Уважаемые зрители, мы выясняем личные отношения. Вчера я подумал, что ты объявила мне бойкот... Когда я звонил, ты вешала трубку, а сегодня даже не поздоровалась.

ЛЕНА. Ты правильно подумал... (*Возвращаясь к тексту пьесы.*) Что мне сказать этим... как ты их называешь, придуркам? (*Зрителям.*) Это из текста пьесы.

МАКС. Увиливаешь? (*По тексту пьесы.*) Скажи, что у нас идеологические разногласия на почве амбивалентного сознания по поводу императивной формы трансмутационного аффекта последствий свободы.

ЛЕНА. Вряд ли я смогу подобное выговорить.

Входит Сашка, делая вид, что все идет, как надо.

САШКА. Мам, где мой плеер?

ЛЕНА. Спроси у Макса.

МАКС. Он в надежных руках.

САША. В чьих же, интересно?

МАКС. Разве тебе неприятно, что кто-то радуется, пользуясь твоим плеером?

САША. Нет. Я не настолько богат, чтобы раздавать последнее твоим братанам.

МАКС. У меня нет братьев.

САША. Верни плеер. Он мне нужен.

МАКС. Я тебе подарю что-нибудь другое взамен.

САША. Другого мне не надо. Мы сегодня завтракать будем?

ЛЕНА. Да. На кухне, на плите блины. Поставь, пожалуйста, чайник.

САША. Я уже поставил.

МАКС (*снова не по пьесе*). Как себя чувствует Баобаб?

САША. Кто? Ах, да... (*Растерянно зрителям.*) Это наш администратор. (*Максу*) Он не знает, что вы тут вытворяете. Он в кабинете с девицей.

МАКС. Вот как. (*Лене.*) Видишь, мы можем делать, что хотим.

ЛЕНА. Я хочу играть пьесу. Мне нравится моя роль.

МАКС. Она тебе никогда не нравилась. Потому что... ты не любишь себя. Ты все время себя ругаешь. Как тебе может нравиться роль этой несчастной экскурсоводки, которая живет в придуманном мире и не хочет опуститься на землю?

ЛЕНА. Я сама не хочу опускаться на землю. Поэтому она мне нравится.

САША. Ребята, так ведь долго можно... *(По роли.)* Я хочу есть.
У меня сегодня лекции...

ЛЕНА. Ты можешь это сделать без нас.

САША. Ах! Вы решили сначала заняться любовью?

ЛЕНА. Я не могу заниматься любовью с наркоманом.

МАКС. Почему же?

САША. Да. Меня тоже интересует этот вопрос.

ЛЕНА. Они равнодушны к сексу. Особенно с женщиной. Вся их энергия уходит на кайф от наркоты.

МАКС. Ты об этом где-то прочитала?

ЛЕНА. Я знаю. Наркоманы чаще всего бесполое существа. Если они и занимаются сексом, то... Им все равно, как и с кем.

МАКС. Ты хочешь сказать...

ЛЕНА. Так что осторожней с ним, Саша.

САША *(удивленно)*. Ты думаешь, он голубой?

ЛЕНА. Я этого не говорила.

МАКС *(Саше)*. Я – фиолетовый. И мне все равно, какой пол. Паркетный или линолеум. Подойдет и керамическая плитка. Обожаю ходить по земляному.

САША. Шиза пошла?

ЛЕНА. Это стеб. Ты-то уж лучше меня должен знать.

САША. Да кто его поймет. Он – то так, то так.

МАКС. Между прочем, у одиноких матерей чаще всего сыновья вырастают голубыми. Голубой цвет хороший. Цвет неба.

САША *(угрожающе)*. Ты на что-то намекаешь?

МАКС. Зря расстраиваешься.

САША. Я расстраиваюсь?

МАКС *(подражая манере экскурсовода)*. Считается, что геи – избранные богом люди. Среди них девяносто девять процентов одаренных людей. Например Микеланджело, Чайковский, Пруст, Лорка, Оскар Уайльд...

ЛЕНА. Я гляжу, ты хорошо осведомлен.

МАКС. Я изучал этот вопрос в психушке.

ЛЕНА. Да, видимо, окружение там располагает к изучению подобного.

МАКС *(выходя опять из роли)*. Почему автор затронул эту тему? Чтобы заинтересовать зрителей? *(Саше)*. Может, мне тебя изнасиловать?

САША *(растерянно)*. Чего?

МАКС. Почему автору не пришло такое в голову? Хороший ход. Любовник-наркоман насилует сына своей любовницы. Публика в радостном шоке.

ЛЕНА. Она не любовница.

МАКС. А кто?

ЛЕНА. К тому же, та публика, что пришла сюда, знала, что идет не на порнографию.

МАКС. Изнасилование – не порнография. Да и ничего они не знали. Просто купили билет, чтобы развлечься...

САШКА *(весело)*. А тут – облом.

МАКС. Скажи спасибо, что они вообще пришли. Никто из нас не звезда. А они любят ходить на звезд. Сегодня это модно.

САШКА. Это всегда было модно.

МАКС. Звезды, секс и чтобы было смешно.

САША. Еще любят, чтобы поплакать. Но в конце должно быть все хорошо.

МАКС. Слушай, тебя на кухне ждут блины.

САША. По пьесе я еще здесь. Я тоже хочу поговорить... раз такое дело. *(Зрителям.)* Я играю какого-то неврастеника, который не в состоянии помешать своей мамаше любить сумасшедшего наркомана...

МАКС. А ты хотел бы помешать?

САША. Я бы выгнал его поганой метлой! Он же живой труп! Эгоист. Все ему по фигу.

МАКС. Он пишет песни, стихи... Он поэт.

САША. Ха-ха! Знаешь... таких поэтов... на каждом углу. Нынче только ленивый песен не пишет.

МАКС. На каждом углу – пошлость. И мы уже настолько пропитаны ей, что не различаем, где настоящее, а где фальшивка. ...А может, тебе тоже попробовать? Чем черт не шутит?

САША. Мне? Как персонажу?

МАКС. Тебе. Как человеку.

САША. А я и так... пишу.

МАКС (*с удивлением*). Иди ты?

САША. Только я не показываю, я для себя.

МАКС. Он тоже для себя, но – показывает.

ЛЕНА. Какой содержательный разговор.

САША. Потому что ты... то есть он, считает их гениальными. Обкурился, обкололся и раз.... Гениальное творение... Ба-ла-ла-ла-ла-ла...

МАКС. А вдруг он прав? Он же говорит, что сочувствует человечеству.

ЛЕНА. Сочувствует, поэтому тащит все из дома. Чужого, заметь! Продает, покупает... А потом... (*Саше. По фолли.*) Ты думаешь, где он утром пропал? Вот! Кончилась человеческая жизнь. Время пришло. Весна. Пора окунуться в Нирвану, обезуметь! Готовься, Сашка, снова начнется веселая жизнь. Хотя тебе-то что... Тебя целыми днями дома не будет или ты затаишься в своей комнате. А я вот буду психовать на работе: не случился ли дома пожар, не заявили ли его дружки? Пока он ловит кайф и сочувствует...

МАКС (*не по фолли*). Сочувствие – это прекрасно.

ЛЕНА (*не по фолли*). Оно и понятно. Сочувствовать легче, чем что-то делать.

МАКС. Ты в чем-то меня обвиняешь? Интересно. Я что-то должен был сделать?

ЛЕНА. Так, пустяки... Изредка узнавать, жива ли я еще или нет... Мы будем продолжать?

МАКС. Попробуем... (*По фолли.*) Когда умерла моя мать...

ЛЕНА (*по фолли*). Твоя мать была несчастной женщиной. Сначала я ее ругала. Как же, думаю... Сын в психушке. Разыскивают родственников, а она... Родная мать ничего не предпринимает, не откликается. Я звонила ей почти каждый вечер. Я возмущалась. Несчастный сыночек. Без дома. Без денег. Голодный. Раздетый... Боже, какая я была дура. Теперь-то я понимаю, почему она тебя выставила. Я понимаю, чего она натерпелась.

МАКС. Я любил ее. И ни в чем не виню.

ЛЕНА. Еще бы!

МАКС. Но ей всегда хотелось, чтобы я стал таким, как ее идеал. Глупое желание. Если бы не ее болезнь, она до сих пор бы продолжала процветать в своем газетном бизнесе и желать. У нее были пышные похороны. Она заслужила их. Она так и не смогла освободиться от своей любви ко мне, иначе она была бы жива. У нее была сильная воля. Когда я попал в первый раз со своей шизой в больницу, она меня вытащила... Между прочим, тогда мы и встретились с тобой. Ты приезжала к нам в гости на неделю.

ЛЕНА. О! Такое не забывается.

МАКС. А папочку запомнила?

ЛЕНА. Он тогда уже ушел от вас.

МАКС. Ушел, но присутствовал. Незримо. Вся квартира была им пропитана. Весь воздух, каждая вещь, каждая мелочь... Разбитое блюдце, сломанный карандаш, треснутое зеркало в ванной, старая наклейка на холодильнике, медная дверная ручка, даже дырявое ведро... Все дышало им. Потому что она его удерживала. Она ненавидела его, но не хотела отпускать. Как ты сейчас... Меня. А я тогда не понимал. Я наивно полагал, что стоит мне только вернуться, как все изменится. Но она, как всегда, напрягала меня своим идеалом. На что я не уставал расслабляться и улетал в другие миры. Даже потом, когда она сказала, что «исчерпала весь свой душевный запас» и кричала тебе, что только такая безумная женщина, как ты, способна принять меня, она надеялась, что я смогу соответствовать. Когда-нибудь...

ЛЕНА. Правильно кричала.

САША. Полный бред!

МАКС. Я предполагал, что один безумец сможет помочь другому...

ЛЕНА. Ошибался.

МАКС. Ты – тоже.

ЛЕНА. Да. Я взвалила на себя эту ношу, а теперь расплачиваюсь...

МАКС. Утешай себя тем, что ты поступила, как бедная вдова, приютившая Илью.

ЛЕНА. Какого Илью?

МАКС. Господь сказал Илье: «Встань и пойдешь в Саренту Сидонскую и оставайся там: я повелел там вдове кормить тебя». И на следующее утро Илья встретил женщину. В ту ночь ей во сне был голос: «Приюти чужеземца, что будет искать тебя». Вот ты и приютила.

ЛЕНА. Мне смешно. Господи, что ты несешь! Ты, дорогой мой, не Илья, а я никаких голосов во сне никогда не слышала.

МАКС. Но ты приняла меня, даже полюбила.

ЛЕНА. Я повторяю: ты – не Илья-пророк. Да и возраст не тот.

МАКС. Кто знает. Когда мы встретились первый раз, мне было двадцать три.

САША (*мрачно*). По-моему, вы сошли с ума.

ЛЕНА. Ты выключил чайник?

САША. Верни мне плеер, придурок. (*Саша уходит.*)

ЛЕНА. Саша!

МАКС (*через паузу*). Ты очень подходишь для этой роли.

ЛЕНА (*не по тексту*). И что дальше?

МАКС. Ты же хотела продолжать...

ЛЕНА. Хотела. Но вдруг это единственная возможность узнать правду о нас. Здесь. При всех. Пять лет – большой срок. Ты был наивен и неискушен. А я покинутая женщина с ребенком... Актриса... Ты пожалел меня?

МАКС. Ты забыла: я был тогда безжалостным. Ты не уставала это повторять. Я слишком многое ненавидел и не принимал. И мне казалось, что я буду жить вечно, и вся жизнь у меня впереди.

ЛЕНА. Теперь раскаиваешься?

МАКС. Как можно раскаиваться по поводу того, что приносило радость?

ЛЕНА. Так-так.

МАКС (*тихо*). Лучше продолжить.

ЛЕНА. Неужели. Правда глаза колет? Испугался?

МАКС (*по роли*). Ты тонко чувствующий человек, ты пропитана культурой прошлого столетия, как пропитан столетней пылью этот диван. Твои экскурсии – шедевр вечности. Потому что там, во дворце, среди застывшей роскоши нас принимало неземное существо ожив-

шей эпохи. И оно называлось женщиной, но я этого не знал. До этой встречи я думал, что женщина – это что-то совсем иное... Что подобная земная нежность и небесная плоть бывает только у ангелов...

ЛЕНА (*по роли*). И ты меня полюбил?

МАКС. Вдова, приютившая Илью, была простой женщиной, но она так же тонко чувствовала.

ЛЕНА. Я не понимаю, зачем ты мне все это говоришь?

МАКС. Как? Ты уже забыла?

ЛЕНА. Что?

МАКС. Мы же расстаемся. Мы больше никогда не увидимся.

ЛЕНА (*с недоверием*). Выходит, это наш последний разговор?

МАКС. Не веришь, что я уйду навсегда?

ЛЕНА. Не знаю. Ты внезапно появляешься, внезапно исчезаешь... Возможно, я привыкла, что так будет вечно.

МАКС. На этот раз я ухожу прощаясь. Я хочу сказать то, что никогда не говорил.

ЛЕНА. Да уж! Вдовой, приютившей Илью-пророка, ты меня никогда не называл.

МАКС. Последнее слово приговоренного...

ЛЕНА (*не слушая, вспомнив что-то свое*). Но в таком случае тебе обязательно нужно уходить. Ее сын, кажется, заболел и умер. А ты... А Илья обратился к Господу за помощью, и тот совершил чудо и воскресил сына. Потом... она гибнет. Он остается с сыном в разрушенном городе... Красивая история, но вдруг она повторится? Я еще не собираюсь умирать.

МАКС. Ты же любишь чудеса.

ЛЕНА. Я люблю другие чудеса.

МАКС. Как это ни печально... Твой сын уже серьезно болен.

ЛЕНА. Что? О чем это ты, интересно?

МАКС. Он торчит на пошлости, как я на игле. Читает всяких там Дашковых, Пашковых... Слушает Стаса Михайлова, Валерию и прочих...

ЛЕНА. Знаешь... это не самое страшное, что может произойти с моим сыном. Валерия очень даже ничего... Да и кто может определить границу между пошлостью и тем, что достойно уважения.

МАКС. И это говоришь ты?

ЛЕНА. Да. А кто же еще? *(Оглядывается.)* Здесь никого нет, кроме нас.

МАКС. Когда ты нервничаешь, ты становишься похожа на глупую гусыню.

ЛЕНА. Что я делаю?

МАКС. Твой сын болен! Он страдает близорукостью.

ЛЕНА. У него все хорошо со зрением.

МАКС. Ты же понимаешь, о чем я...

ЛЕНА. Он бывает излишне меркантилен. Да! Ленив, немного простодушен. Порой в голове у него гуляет ветер. Но у кого он не гуляет в его возрасте. Иногда он бывает очень требователен к себе и окружающим. У него есть цель, он нравится девушкам...

МАКС. Твой сын одинок, как тысяча отшельников! Он удалился в пещеру из пошлости и боится не то что вернуться в мир, а хотя бы выглянуть и посмотреть вокруг.

ЛЕНА *(кричит)*. Никогда он не был одиноким! Да и кто бы говорил! Это ты боишься выбраться из своей наркотической скорлупы! Она все тебе заслонила! Весь мир... и любовь...

МАКС. Почему же... Я довольно часто выбираюсь. Иначе я бы не смог написать ни строчки.

ЛЕНА. И вообще... Почему ты озабочен душевным состоянием моего сына! Ты что, действительно в него влюбился?

МАКС. О-о-о... Удар ниже пояса. Я вижу, тебе этого очень хочется.

ЛЕНА. Чего?

МАКС *(с улыбочкой)*. Чтобы наши отношения с ним приобрели более интимный характер.

ЛЕНА. Подонок! Не смей говорить мне мерзости! *(Отворачивается, взяв книгу и сев в кресло.)*

МАКС *(серьезно)*. Все когда-то начинается... Достаточно хоть раз ощутить пустоту. А она уже посетила его. И... почва уходит из-под ног. И ты падаешь, словно раненая птица, в поток грязи. И она уносит тебя в никуда... Все дальше и дальше. И остановиться невозможно. Ты истекаешь кровью, ты бьешься в отчаянии, пытаешься выбраться.

Ты кричишь. Но тебя никто не слышит. Потому что крик твой беззвучен. *(Берет гитару.)*

ЛЕНА. Я уверена в нем, как в самой себе.

МАКС. А в себе ты уверена?.. Мне бы так. *(Поет.)*

Учиться я готов века,

Но жизнь, увы, так коротка.

Как ни старайся, ни пыхти,

Наступит час конца пути.

Так стоит ли моих забот

Ученья хлопотливый пот.

Быть может, жить, вкушая миг,

Пока конец нас не настиг?!

ЛЕНА. Это новое? По-моему, не совсем удачное.

МАКС. Я же говорил. «Рыба»...

ЛЕНА. Да и стиль не твой.

МАКС. А у меня есть свой стиль?

ЛЕНА. Конечно. Своя интонация. Своя тема. Свой язык.

МАКС *(откладывая гитару, не по фоли)*. Свои зубы, свой рот, свой нос... Все! Хватит! Дальше пойдет лажа. Они исчерпали себя. Точнее, автор.

ЛЕНА. Неправда! Дальше самое интересное.

МАКС. Его танец с гитарой? Или твоё признание? *(Стучит себя по лбу.)* Ах, да! Его душещипательная проповедь... Это – трогательно. *(Зрителям.)* Женщины плачут, мужчины храпят.

ЛЕНА. Вот! А ты лишаешь их этого удовольствия.

МАКС. Непростительное хамство. ...Хлебом не корми, дай пострадать.

ЛЕНА. Странно. Раньше тебе нравилось.

МАКС. Раньше... Когда я не столкнулся... нос к носу. Когда испытал... Почему людям так нравится страдать?..

ЛЕНА. Почему люди не летают?

МАКС. Нравится жалеть себя. Вызывать жалость у других. Кажется, они все делают, чтобы мучиться. Точнее, мало что делают, чтобы не мучиться. Не понимают, что рай не где-то там, на небесах, а здесь, на земле. Зачем-то мучают себя и других, создавая ад и уродуя все вокруг.

ЛЕНА. Вы только подумайте! Смотрите, какой правильный человек: сам не мучается и других не мучает.

МАКС. Ну что ты... Мы, все, и я в том числе... Суетимся, как муравьи или черви в сортире, хотим занять получше место под солнцем, забраться на Олимп... И страдаем, забираясь или не попадая туда. Зачем? Наши цели не имеют границ. Мы все, почти все, похожи на старуху из сказки, пожелавшей стать Владычицей Морской... Думаю, ты не забыла, чем все у нее закончилось.

ЛЕНА. По-твоему, предел мечтаний – разбитое корыто и разрушенный домик у моря?

МАКС (*радостно*). Точно! Гениально! Как ты догадалась! Какая же ты умница! Ведь все иллюзия! Домик или дворец – на самом деле одно и то же. Они имеют разную цену только в нашей голове!

ЛЕНА. И давно ты это понял?

МАКС. Как тебе сказать... Помнишь, однажды мы ездили на дачу к моим друзьям? Милая интеллигентная пара... Их высокий, неуклюжий, ушастый сын с белокурыми кудрями и голубыми глазами... Этаким деформированный пятнадцатилетний ангел. Он посвятил тебе тогда целую поэму. И ты читала ее на берегу Залива. А все охали и ахали и тебя называли Ниной, а его – Костей. Он так по-детски беспомощно ухаживал за тобой, что, по-моему, ты немного влюбилась в него...

ЛЕНА. Да, меня всегда тянуло к тем, кто моложе меня.

МАКС. Какие гениальные стихи он писал! Каким чертовски трепетным и возвышенным он был! Как светились его глаза! Он нес в себе этот неземной свет. Он одним видом своим открывал другим прелести этой жизни. Он... Я не знаю. Я не поэт, чтобы достойно объяснить, как прекрасно было его существование. А теперь...

Пауза.

ЛЕНА. Что теперь?

МАКС. Прошло всего лишь пять лет. И он... Он похож на блуждающий скелет.словно гигантский паук высосал из него, как из мухи, все жизненные соки!

ЛЕНА. И какое отношение его судьба имеет к корыту и домику у моря? Он что, хотел взойти на Олимп, но по дороге увлекся наркотиками?

Пауза.

МАКС. Ты... не понимаешь? Или ты просто не хочешь об этом говорить?

ЛЕНА. И то и другое. Я хочу доиграть пьесу.

МАКС. А правду? Ты же хотела узнать от меня правду наших отношений.

ЛЕНА. Уже не хочу.

МАКС (*через паузу*). Что ж... Я должен тебя поцеловать?

ЛЕНА (*не по тексту*). Все-таки ты меня не любишь... Нет. Ты уже это сделал. Ты забыл?

МАКС. Я забыл, что ты хочешь услышать душещипательную проповедь автора. Знаешь... Трудно любить человека, который...

ЛЕНА. Который что?..

МАКС. Ты... всегда куда-то уплываешь. Ты растворяешься. Нет. Глупость. Ты – есть, тебя – нет. Стоит мне к тебе прикоснуться, как ты... становишься воздушной. Я перестаю ощущать твою плоть. Ты превращаешься в фантома. Я не чувствую тебя. Ты уходишь куда-то, в другие миры. Хотя стоишь рядом со мной. Я пытаюсь тебя поймать, но натываюсь на пустоту.

ЛЕНА. Боже мой! Как поэтично! А я-то не знала, что я воздушный фантом, не способный целиком отдаться сочувствующей плоти. И удовлетворить ее ненасытные мужские потребности. Я-то все думала, что такое особенное есть в твоих бабах, чего во мне нет, а оказывается, они не растворяются, как я.

МАКС (*с удивлением*). Какие бабы! О чем ты!

ЛЕНА. Твои! Те, что утешают тебя, когда ты не приходишь ко мне.

МАКС. Мы не муж и жена. И я такой, какой есть. Печально, что ты меня не слышишь. Если бы твой сын был наркоманом и твоя квартира напоминала бы притон для

бомжей... И ты нищенствовала бы... Была бы бессильна остановить его падение...

ЛЕНА. И ты мне об этом говоришь?

МАКС. Да! Тебе!

ЛЕНА. Мне смешно.

МАКС. Смех – лечит.

ЛЕНА. Если хочешь знать...

Пауза.

МАКС. Что?

ЛЕНА. Он наркоман.

МАКС. Кто?

ЛЕНА (*тихо*). Господи... Мой сын!

МАКС (*не понимая*). Сашка?

ЛЕНА (*кричит*). Мой сын! Родной! Единственный! Но я не желаю об этом говорить! Особенно здесь и сейчас. Это скучно и неинтересно. И никого не касается. Как видишь, я не желаю вызывать к себе жалость.

МАКС (*растерянно*). Мой бог!.. И... давно? И что... это далеко зашло?

ЛЕНА. Я же сказала... Что ты еще хочешь от меня услышать? Как я бегая по врачам? Умоляю?.. Мучаюсь?

МАКС. Но почему ты мне об этом не сказала?

ЛЕНА. А ты спрашивал?

МАКС. Но как я мог... даже предположить.

ЛЕНА. Естественно, ты мог только пользоваться мной, как вещью. Когда хотел – приходил, когда хотел – уходил. Кот, который гуляет сам по себе. Моего сына для тебя не существовало.

МАКС. Неправда. Когда я видел его... А видел я его, надо сказать, не так уж часто. Он почему-то меня избегал. Да и ты как будто его прятала от меня.

ЛЕНА. По-твоему, я должна была сажать его рядом, когда ты приходил?

МАКС. Но ты даже не хотела говорить о нем, когда я спрашивал!

ЛЕНА. Да, не хотела. Ну, все! Разговор окончен! Хорошо хоть чей-то сыночек открыл тебе глаза.

Входит Саша. Он явно не выдержал.

САША. Ребята, а антракт будет? Или вы решили до конца. Как это они сидят и слушают вашу болтовню? Я бы давно ушел.

ЛЕНА. Уходи. Тебя никто не держит.

САША. Ну, я... Все-таки артист, а не зритель. Мне деньги платят за то, что я тут с вами... играю ... Мне как? По роли или своими словами?

МАКС. Своими словами.

САША. А об чем речь?

МАКС. О тебе.

САША. Обо мне? А что обо мне? Я это... домой не отказался бы... меня там жена ждет.

ЛЕНА и МАКС (*хором*). Ты женат?

САША. Вот тебе раз! Вы чего, не знали?

МАКС. Я не знал.

САША. Нет, как Сашка, я еще не женат, мне еще только восемнадцать, ну... а как артист... (*Замолчал, увидел, как они внимательно на него смотрят.*) Вы чего?

МАКС. Давай лучше по роли.

САША. Ну... Вы завтракать будете? А то я все блины съел.

МАКС (*через паузу, по роли*). Хочешь, дам покурить?

САША. Не-е.... Это без меня. Вы тут можете на пару. У вас союз да любовь... Плеер только верни, а то иначе я тебя ночью придушу.

ЛЕНА. Саша!

САША. Шутка! Но он знает, как я к нему отношусь. Мне с ним детей не крестить.

ЛЕНА (*встав и подойдя к фотографиям на стене*). Он, конечно, урод...

САША. Кто?

МАКС. Я.

ЛЕНА. И мозги у него набекрень. И он вор. Ему наплевать на все, что я делаю для него. Мы почти понимаем друг друга, потому что мы слишком разные. Каждый из нас живет в своем выдуманном мире... У меня есть сын... Но с тех пор, как я впустила его, я сына словно не замечаю. Я пло-

хая мать... Я хочу вытащить из дерьма того, кто этого не хочет, и рискую потерять сына. Я получаю мизерную зарплату и почти всю ее трачу на того, кто не желает об этом думать. Мой сын младше его на десять лет, а я старше его на двадцать... И все-таки, я его люблю...

САША (*через паузу*). И кому ты все это говорила? Мне? Я это и так знаю. И что? Ничем помочь не могу. Но в дерьмо лезть не собираюсь. А если ты говорила ему, то он тебя не слышит. Загляни в его глаза. Они бездонны, как у ожившего покойника.

МАКС. Ты видел ожившего покойника?

САША. Я представляю. У меня тоже есть воображение. Если я сегодня не увижу плеер, то... Тебя здесь не будет. Как бы мать не трепыхалась.

МАКС. О! Сын решил вступить в игру. Сказал свое веское слово. Похвальный поступок. Только жаль, что все упирается в плеер. Я еще раз убедился, что мир материален.

САША. Чего тут убеждаться. Твоя материя у меня вот где! Когда ты заявляешься, от тебя воняет, как от помойки. Правильно мать говорит: ты по уши в дерьме.

МАКС. Разве она что-то подобное говорила?

САША. К тебе прикасаться-то противно. Поэт! В гробу я видал таких поэтов!

ЛЕНА. Прекрати!

САША. Нет уж, не прекращу! Я долго терпел. Больше я молчать не буду. Если ты совсем перестала соображать...

ЛЕНА. Как ты с матерью разговариваешь?

САША. О! Умоляю тебя... Мне не десять лет. Если бы он еще любил тебя, я бы понял...

МАКС. Откуда ты все знаешь?..

ЛЕНА (*Саше*). Прекрати! Иначе я...

САША. Что? Что иначе? Тебе кто дороже: я или он? Нашла, кого любить! Да и за что?! Мне, конечно, наплевать, кто что говорит, но... Скоро тебя вместе с ним в психушку заберут.

МАКС (*через паузу*). Когда ты был в ванной, я сказал твоей матери, что сегодня уйду.

САША. Ты уже сто раз уходил.

МАКС. Я не уходил, я выходил, чтобы вернуться.

САША. Ну и вали!

ЛЕНА. Что за выражение!

МАКС. Только...

САША. Только плеер сначала верни.

МАКС. Только мне бы хотелось обратить внимание на то, что... Мой уход вряд ли что изменит. Не думаю, что в мое отсутствие вы наслаждались жизнью, и лишь мое возвращение нарушало вашу идиллию.

САША. Не твое дело, как мы тут жили.

ЛЕНА. Сашка!

МАКС. Было бы приятно сознавать, что мое исчезновение не бесполезно. Но смутно верится. Вы притянули меня, а я – вас. Не будет меня, найдется кто-нибудь другой. Такой же. Тоже по уши в дерьме.

САША (*сорвавшись*). Слушай, ты, поэт-песенник!

ЛЕНА. Саша! (*Останавливая его.*)

САША (*отталкивая мать и хватая со стола нож для фрезирования бумаг*). Оставь, мать! (*Максу.*) Я тебя, зараза, сейчас покалечу!

Макс отступает.

ЛЕНА. Сашка, прекрати!

САША. Ну что, испугался?.. Давай, как мужчина с женщиной...

МАКС. Инструмент положи. Им ты ничего не исправишь.

САША. Я и не собираюсь исправлять. Я тебя поцарапаю, как ты... на прошлой неделе... (*Лене.*) Покажи ему, покажи, как он тебя полоснул...

ЛЕНА. Ты же обещал, Саша! Ты же слово давал!

МАКС (*растерянно*). О чем вы?

САША (*Лене*). Он и не помнит! Покажи, говорю! (*Обнажает руку матери, где свежий шрам.*)

ЛЕНА. Я сама виновата. Я сама дала ему нож. Ты же ничего не знаешь. (*Максу.*) Ты был уже совсем никакой... Сидел вон там, в углу, словно тебя наказали, молчал. Я стояла за столом, разбиралась в бумагах, держала

зачем-то этот ножик... Сама не помню. Не знаю. И... ругала Сашку. Его не было двое суток! Двое! И где он? Что с ним? Неизвестно.

САША. Я был у бабы Ани.

ЛЕНА. Да, но ты не сказал, не предупредил! А я что? Я и так мало уделяю тебе внимания...

САША. Я что, маленький?

ЛЕНА. Нет, но я волновалась! Я кричала. Я ругала тебя... Всеми нехорошими словами. И тогда... Тогда Макс бросился тебя защищать.

САША. Он – меня?!

ЛЕНА. Он тебя защищал. Тоже закричал... Глаза огромные... Руки, как ветряные мельницы... Схватился за этот ножик, я не отдаю, он вырывает...

САША. А ты вернулась с дня рождения?

ЛЕНА. Да. Я выпила. Немного. В общем, это случилось. Я даже не сразу обнаружила кровь...

Пауза.

САША. Ну и что?! Хоть бы и защищал.

ЛЕНА (*поправляет*). Хотя бы! Или просто: ну и защищал. Когда ты научишься говорить по-русски.

Макс вдруг начинает тихо смеяться.

ЛЕНА (*растерянно*). Что тут смешного?

МАКС (*его смех становится сильнее и громче, он уже не может удержаться и опускается на пол*). Люди... смешные... Какие же... люди... смешные...

ЛЕНА. Мы?

МАКС. Все... мы... смешные...

САША. Шиза. Надо «скорую» вызывать.

ЛЕНА. Макс. Послушай. Ты можешь остаться. Тебя никто не гонит... На плеер мы заработаем. Мне предложили халтуру. Ночью. Сторожем. Очень удобно. Две ночи работаешь, три – отдыхаешь. Платят хорошо, не то, что у нас во дворце. На плеер хватит. Потом тебе заплатят за стихи... Их напечатают. Я уговорю этих «придурков». Они мне доверяют...

Макс, слушая Лену, перестает смеяться, он внимательно на нее смотрит, с каким-то отчаянным недоумением.

МАКС. Нет... нет... Неужели человек неисправим!

ЛЕНА. Исправим! Хотя... По-моему, так неграмотно говорить. Человека нельзя исправить. Но я уверена, что можно.

МАКС. Лена! Я думал, что с вашей помощью смогу прочистить мозги.

ЛЕНА. Прочистишь!

МАКС (*поднимаясь и в таком же отчаянии*). Тихо... Спокойно...

ЛЕНА. Я не кричу. Разве я кричу?

МАКС. Лена! Мы связаны одной цепью.

ЛЕНА. Да. Я верю.

МАКС. Подожди... Пойми... Умирающее растение не воскреснет в пустыне...

ЛЕНА (*уверенно*). Конечно.

МАКС. Но даже в реке оно не оживет, если само не захочет.

ЛЕНА. Я согласна!

МАКС. Нет!

ЛЕНА. Что «нет»?

МАКС. Дождь внутри нас!

ЛЕНА. Естественно!

САША. Урок садоводства.

ЛЕНА. Помолчи!

МАКС. Совсем неважно, здесь я или меня нет...

САША. Но лучше, чтобы тебя не было.

ЛЕНА. Нет! Почему же? Он должен остаться!

МАКС (*со стоном*). Я должен уйти! Потому что я засушенный сорняк.

ЛЕНА. Почему? В тебе много живого. Ты не сорняк, ты – большой цветок.

МАКС (*смеясь и умоляя*). Очнись! Лена! Ради бога! Очнись! Ты же любишь не меня, а свою любовь ко мне. Как бы гнусно это не звучало из моих уст, потому что нет у меня права так говорить. Тебе же нравится спасать такого убогого, как я, тогда ты чувствуешь себя полноценней, что ли. Богаче, как ты говоришь...

ЛЕНА (*понимая, наконец, о чем речь*). Может быть, может быть...

МАКС. Да не «может быть», а так оно и есть! Я для тебя вроде отдушины, смысла жизни... Потому что иного... Потому что тебе мало Сашки и себя...

ЛЕНА. Конечно, мало!

МАКС. Но так не должно быть! Лена! Твое участие... Оно не спасет меня. Кроме страстного желания этого крестина, «больного цветка», нужен еще ручей, водоем, озеро, пруд...

ЛЕНА. А у нас здесь, что? Пустыня?

МАКС. А у вас здесь то, что позволяет мне быть таким, какой я есть. Как бы ты ни желала меня преобразить.

ЛЕНА. Хочешь сказать, что я тебя такого заслужила?

Пауза.

МАКС (*подходит к Лене*). Почему Господь Бог, если он есть, должен быть Верховным начальником, решающим кто что заслужил? Ты без каких-либо заслуг способна любить не урод, вроде меня, а ангела, Ты и твой Сашка...

САША. Меня оставь в покое! Я в твоём кошмаре не участвую.

МАКС. Вы способны плескаться в райских озерах и вкушать райскую пищу... Зачем вам соблазны хитрого змия? На дереве так много других яблок... (*Замечает на Лене бусы.*) Бог мой! Что я вижу! Бусы из речных ракушек! Не может быть?! Я думал, они давно уже потеряли товарный вид. Рассыпались. Потерялись.

ЛЕНА. Иногда я их ношу.

МАКС. Невероятно. Они были подарены в другой жизни.

ЛЕНА. В этой. Всего пять лет назад.

МАКС. И платье то же самое?

ЛЕНА. А ты не помнишь? «То самое» висит в шкафу. Увы, я уже выросла из него. Да и мода, прости...

МАКС. «Ах!» – как говорили в старые добрые времена. (*Берет гитару, начинает играть страстную испанскую мелодию и медленно двигаться. Потом видит влюбленный взгляд Лены и тут же все прекращает.*) (*Не по роли*). Стоп!

(*Откладывает гитару.*) Опустимся на землю... Танца не будет! Танцор не в форме.

САША. Не понял.

МАКС. Такое впечатление, что меня измазали патокой... Очень хочется вымыться.

ЛЕНА (*усаживаясь в кресло*). Мог бы и станцевать. Не развалился бы...

САША. Все, что ли?

МАКС. Почти. (*Лене.*) После того, как «чей-то сыночек открыл мне глаза»... Особенно после того, как я узнал, что случилось с твоим сыном...

САША (*думая, что они импровизируют по пьесе*). А что со мной случилось? Я в порядке.

МАКС. Мне не так просто говорить.

ЛЕНА. Я рада. По крайней мере и ты немного пострадаешь. Не все же другим.

МАКС. Скажи, пожалуйста, а он... Сам... желает освободиться или его устраивает рабское существование. Он ловит кайф – и гори оно все синим пламенем?

САША. Кто ловит-то? Объясните мне.

МАКС. Ее сын.

САША. А он что... того... тоже?

ЛЕНА. Слава богу, мы проскочили этот этап. Если бы его... устраивало... я бы его выгнала или сама ушла бы...

САША. Родного сына выгнала бы?

ЛЕНА. Когда он это понял, он ухватился за меня, как за соломинку...

САША. Ну, дела...

ЛЕНА. Давай-ка закончим этот балаган. Либо все прекратим, либо доиграем до конца... Мои дела можно обсудить, что называется, в рабочем порядке.

МАКС. Мы сейчас закончим. Осталось совсем немного. (*Саше.*) Принеси, пожалуйста, мою куртку из гримерки.

САША. А где она? Черная, что ли? Кожаная?

МАКС. Черная.

Саша уходит.

Видишь ли... Лично меня не устраивает безумная нелепая гонка, которую мы называем жизнью... Я не хочу

страдать из-за глупости. А наше существование в этом цивилизованном мире – абсолютная глупость. Я не хочу участвовать в совершенствовании ада на земле... Но поскольку я считаю, что все внутри нас, то... То, что я вижу – отражение меня. Значит, я должен покопаться в этом «внутри»... и изменить что-то... Мне очень трудно объяснить, но... Мне кажется... Если ты будешь изменять себя, то изменишь и его.

ЛЕНА. Мудрено. Но что же я должна в себе изменять?

МАКС. Это только ты сама можешь понять. Когда начнешь разбираться...

ЛЕНА. Да незачем мне в себе разбираться! Я и так про себя все знаю!

МАКС. Что-то знаешь, что-то – нет. Пойми... Мы все связаны друг с другом. Мы одно целое. Как бы это объяснить...

Ни один лист с дерева не упадет без нашего участия...

ЛЕНА. Слова... Слова...

Возвращается с курткой Саша.

МАКС. Конечно. Но иначе... другими средствами... Тоже не так просто... Как ты знаешь... В начале было слово... Пока мы еще живы и мечемся в поисках смысла... Те, конечно, кто мечется. А я уверен, у каждого хоть раз да мелькала эта коварная мысль: зачем?.. Впрочем, я говорю о тех, кто думает. Так вот... Смысла нет! Его нет! И это восхитительно! Мы – свободны! Какой бы цинизм ни отравил наши души, мы еще способны начать все сначала... Все! – наркоманы, бомжи, проститутки, министры, богатые, бедные, воры...

ЛЕНА. Прости, что прерываю. Что «начать сначала» и зачем?

МАКС. Нашу бестолковую жизнь, в которой у большинства больше мук, чем радостей. Да и радости-то...

ЛЕНА. И что же надо сделать, чтобы начать?..

МАКС. Остановиться.

САША. Это как?

МАКС. Перестать нестись, сломя голову, выполняя свои якобы важные дела и подумать: зачем? И хотя бы на

секунду ощутить, что каждый из нас часть целого, часть мироздания... Осознать, что даже, когда мы пукаем здесь, то по другую сторону нашего земного шарика может что-то произойти.

ЛЕНА. Очень выразительно.

МАКС. Мы должны любить себя, а не свою гордыню, свой успех, свои победы и прочее. Любить себя, а не пошлые побрякушки человечества в виде места, которое человек занимает, или профессии, которой служит. Я уверен, что, как и все в природе, каждый человек уникален сам по себе, что называется, голенький. А красочная обертка, его красочные одежды, которыми он прикрывает себя, – все эти... знания, умения, успехи, положение, слова... – дерьмо собачье.

ЛЕНА. Вот как... Ты против различий? Лучший поэт, артист, пожарный... Или лучший бегун...

МАКС. Это различия, придуманные человечеством, а не природой. В природе – все равны и все уникальны.

ЛЕНА. И ты?

МАКС. И я... Я такой же, как и большинство, заблудившийся, растерянный перед этим миром человек. И я очень хочу перелопатить себя, чтобы... Изменяя себя, изменить мой мир вокруг. Что и тебе предлагаю. Может быть тогда, как говорится в одной пьесе, между нами все будет по-другому и у сына, конечно, тоже. И ты полюбишь меня, а не кого-то во мне. Кого-то, каким ты меня видишь или желаешь видеть.

Пауза.

ЛЕНА. Тебе бы не артистом быть, а проповеди читать... Но, увы, на Илью-пророка и ты не тянешь. Туману много, а конкретно...

МАКС. Неужели ты не поняла?

САША (*искренне*). Я точно не понял. Меня жена просила веревку купить. Белье не на что вешать. А я забыл. Магазин до восьми. Где я теперь ее найду? Будет скандал. Вот как мне твои слова на практике применить? Как мне себя изменить, если я такой... забывчивый.

А уж если мне остановиться, да посмотреть вокруг...
А потом ощутить себя частью целого мироздания...
То я... это... Мне веревка нужна будет, которую я еще
не купил.

ЛЕНА. Хорошо он тебя...

САША. А чего хорошо-то? Я ведь серьезно! Вы тут такие
умные... Философствуете... Туда-сюда... А я... Меня за
дурака держите?... А я, между прочем, многое понимаю.
У нас у соседей сынок – наркоман. Так он довел их до
такого состояния, что они готовы уже были повесить-
ся. Ну и он... это усек. И на даче... Сам. Застрелился. Из
отцовского ружья. Когда хоронили... Все в один голос:
либо – он, либо – они. Другого выхода не было. Вот! И я
очень даже понимаю, что вы не только об этом. А вообще...
Про жизнь... Пацаны, бывает, не знают, как? Что?
Ну, всякое там... Стреляются. Из окна выбрасывают-
ся... Туда – сюда... Да и не только пацаны. И взрослые...
И к тому же – грабеж, убийства... Ни за что! Так! За здо-
рово живешь. А что делать? Как выживать?..

МАКС (вдохновенно). Можно не выживать. Можно просто
жить.

ЛЕНА. О, господи! Да если б знать, как?! Как сберечь сына?
Как сводить концы с концами? Как любить такого, как
ты... Или не любить... «Перелопатить себя. Изменить
себя – изменить свой мир...» Хотелось бы посмотреть,
как ты это будешь делать...

САША. Возьмет лопату и...

ЛЕНА. Тут взорвать надо все к чертовой матери и начать
строить мир заново. Но это тоже иллюзия. Так что...
Куда ни сунься... Единственное, что спасает, – «иллю-
зии».

МАКС (через паузу). Каждый выбирает свое. (Берет куртку,
которую принес Саша, и достает бумажник.)

ЛЕНА. Ты приготовил нам очередной сюрприз? Хочешь
показать фотографию своей новой возлюбленной?

МАКС. Дело в том, что... с завтрашнего дня я не работаю
в театре.

САША (удивленно). А где ты работаешь?

МАКС. Следующий спектакль – через две недели... Так что
я никого не подвожу. Вы успеете сделать ввод. У меня
даже есть хорошая кандидатура.

САША. Это шутка?

ЛЕНА (напряженно). Что за глупость?! Послушай... Хватит
ломать комедию.

МАКС. Баобабу я сказал перед началом... Кстати, как он себя
чувствует?

САША. Как на пороховой бочке. Сильно скандалил, когда
его оторвали от приятного занятия. Когда узнал «поче-
му», – заскучал... А куда ты уходишь? В МХТ?

МАКС. Я совсем уйду из театра. Из любого.

САША. Не может быть!

ЛЕНА. Ты хочешь сказать, что все это время... Теперь мне
понятно, почему ты прервал спектакль.

МАКС. Я прервал его, потому что не мог играть... Кажется,
я объяснял.

ЛЕНА. Да-да. Бывает. Тяжелый случай. И чем же ты собира-
ешься заняться? Бизнесом?

САША. Конечно, после нашей-то зарплаты... (С интересом.)
А каким? У тебя есть знакомые, да?

ЛЕНА. У тебя не получится. Ты к этому не приспособлен.
Тебя обманут. Ты влезешь в долги...

МАКС. Я завтра уезжаю. (Достает из бумажника билеты.) Вот
билеты... Их два. Не знал, что понадобится третий...
Точнее, что достаточно одного.

ЛЕНА. Второй, как я понимаю, предназначался мне?

МАКС. Угадала.

ЛЕНА. И куда же, интересно, ты направляешься?

МАКС. Далеко. Туда, где комары и дикие звери.

САША (растерянно). В Африку?

МАКС. В Африке есть комары? Не знал. Нет. Предпочитаю
необъятные просторы нашей родины.

ЛЕНА. Что ты его слушаешь? Он же нам лапшу на уши веша-
ет. (Подходит, берет билет, разглядывает). Странно.
В самом деле... Это чьи-то билеты? Ты их взял, чтобы
нас разыграть?

МАКС. Там стоит фамилия. На другом билете – твоя.

ЛЕНА (снова разглядывая). Правильно. Моя фамилия.

САША. А зачем уезжать? Ты эмигрируешь?
 ЛЕНА. Он уезжает в Улькан.
 САША. Это где? В Египте?
 МАКС. Я же сказал, просторы нашей родины.
 САША. Сибирь, что ли? Не может быть. Шутить?
 ЛЕНА. Решил вспомнить шестидесятые годы... Да нет... Что это я... Ты же тогда еще не родился. Или под стол пешком ходил. Бред какой-то.
 САША. Вот я и говорю. С ума сошел. У тебя, что там, друзья?
 МАКС. Друзья.
 ЛЕНА. Ну что ж... Пусть съездит, проветрится. Подождем. Долго он там не выдержит. Недели через три будем встречать.
 САША. С оркестром и с цветами.
 МАКС. Может быть.
 САША. Все равно не понимаю. Зачем тебе? Что ты там забыл? В гости, что ли?
 ЛЕНА. Чтобы поехать в гости, не надо уходить из театра.
 САША. Говорят, там теперь тоже мало платят. Скорее, здесь можно найти что-то стоящее. Если с умом.
 МАКС. На прошлой неделе я разбирал свой письменный стол. Натолкнулся на старый дневник.
 САША. Ты в детстве вел дневник?!
 ЛЕНА. Он и сейчас его ведет.
 МАКС. Я был тихим городским мальчиком, шнырявшим по петербургским дворам и подъездам... И оказывается, мечтал сбежать в неведомую глушь, где комары и дикие звери, чтобы встречать там восход и провожать закат.
 ЛЕНА. Теперь ты решил осуществить свою мечту.
 МАКС. Похоже на то.
 САША. Ну и что? Я в детстве тоже мечтал... В Африку поехать. Сокровища искать. И воображал себе, как подружусь с дикими африканскими племенами. Ну и они... Туда – сюда. В награду за мою дружбу покажут мне пещеру... А там тайник...
 ЛЕНА. Восхитительно...
 САША. Нет, правда. У меня книжка такая детская была... с картинками. Красивая...

ЛЕНА. Интересная?
 САША. А то!.. Ну и что, я теперь должен в Африку поехать?
 ЛЕНА. Я бы на твоём месте поехала. Нельзя изменять своей мечте.
 САША (Максу.) Нет! Ты подумай!
 МАКС. Я уже подумал.
 ЛЕНА (Саше). Ты что, не понимаешь?! Ему нужно разбитое корыто и полуразрушенный домик у моря. И чтобы вокруг дома – сосны до неба, над головой луна и звезды, звезды...
 САША. А там есть море?
 МАКС. Там все можно найти.
 САША. А корыто зачем?
 ЛЕНА. Какой ты земной!..
 МАКС. Вот именно... Что плохого, когда вокруг... природа. Воздух обворожительный.
 ЛЕНА. Пукать можно сколько угодно.
 МАКС. Да. Ягоды, грибы под боком. Всякая там живность... Рыбы до черта.
 ЛЕНА. Медвежатина, оленина...
 МАКС. И ни машин тебе, ни толпы... Тишина.
 ЛЕНА. Птички поют.
 САША. Но зачем так далеко-то? Поезжай за город... Там тоже птички поют. Да любая область... Питерская, Подмосковье... Под Тулой места отличные. И дикие. Я знаю.
 МАКС. Чем дальше, тем – тише. Цивилизация еще не наследила. Иначе мешать будет разбираться.
 САША. Да у нас цивилизация мало где наследила-то.
 МАКС. Не скажи.
 САША. Я не представляю. А как же кино, театр, музей?..
 МАКС. Музеи – это да. Музеев мне будет не хватать.
 САША. Нет... Точно, с ума сошел. А горячая вода! Ванная! Ты что?! Сортир на улице... Зимой, как в холодильнике.
 ЛЕНА (через паузу). Хотелось произвести эффект? Мол, вот я какой, все бросаю и уезжаю к комарам и медведям. «Буду там разбираться в себе, сидя у разбитого корыта». Не получилось, дорогой мой.
 МАКС. Да мне, честно говоря, не до эффекта было. Но... воспринимай, как хочешь. Наши отношения... зашли

в тупик. Помочь я ни тебе, ни сыну здесь не смогу. Лицедействовать надоело. Стыдно, неловко, что ли... К тому же... Я теперь хорошо помню, что она... Та, которая... Всегда рядом. Наш уход может произойти в любое мгновение. Больше нет: «потом», «завтра», «все впереди». Пора остановиться. Я тебе предложил. Ты отказалась. Совесть моя чиста.

ЛЕНА. Интересно, а как ты себе это представлял?.. Я бросаю все: работу, квартиру... Собираю чемоданчик с самым необходимым... и за тобой в тайгу, комаров кормить и себя изменять?

МАКС. Что-то вроде этого.

ЛЕНА. Чтобы серьезно себе такое вообразить, надо быть... не знаю кем. Я, знаешь ли, жить на улице никогда не мечтала. И отсутствие горячей воды, и холодный сортир меня не прельщают. Я, милый мой, всегда хотела... *(Вдруг замолкает.)*

САША. Что?

ЛЕНА. Я полжизни прожила в коммуналке и квартиру свою ждала... Как знак Господа Бога, как подарок судьбы! И я всегда хотела стать актрисой! Играть! Я еще в пятом классе в драмкружок ходила... И теперь вдруг, ни с того ни с сего, должна бросить все, что мне дорого...

МАКС. Ты никому ничего не должна.

ЛЕНА. Если все это у тебя серьезно... Отъезд и весь бред с «остановками, мирозданием, перелопачиванием»... Слово-то какое. То... У тебя либо действительно крыша поехала, либо тебя до сих пор детство по мозгам бьет. Все никак повзрослеть не можешь.

МАКС. Уеду – повзрослею.

ЛЕНА *(в сердцах)*. Если бы ты меня любил!..

МАКС. Последнюю неделю мне только ты и снилась. Просыпался в холодном поту от ужаса, что больше никогда тебя не увижу...

ЛЕНА. Ну и что?

МАКС. А однажды проснулся и стал разбираться... Если я тебя люблю... По-настоящему! То я должен поступить так, как лучше для тебя. А для тебя лучше... Если ты не едешь... Когда меня, такого, не будет рядом с тобой.

ЛЕНА. Откуда ты знаешь?! Почему ты за меня решаешь?

МАКС. Я за себя решаю. Я знаю, что если я останусь... И ты и я будем только страдать. Тебе же я – такой, какой я есть, не нужен. Если не лукавить.

ЛЕНА. А я тебе?

МАКС. Ты мне нужна любая. С сыном-наркоманом... Без сына. С Вадиком, которого ты приютила, когда я не приходил к тебе...

ЛЕНА. Вадика негде было ночевать. И ничего между нами...

МАКС. Неважно. Я тебя люблю, даже если бы было. Даже если бы ты всем позволяла ночевать и каждую ночь.

ЛЕНА. Смотрите-ка, какой благородный.

МАКС. Я тебя просто люблю. И там тоже буду любить. Дело же ведь не в сексе. Хорошо бы, конечно, и секс с любимым человеком... Но, как говорится, не хлебом единым.

ЛЕНА *(взволнованно)*. Нет! Нет! Не верю! Все это... Жуткий фарс! Ты надумал себе бог знает что! Ты сошел с ума! Зачем уезжать в Тьмутаракань!

САША. Вот именно!

ЛЕНА. Зачем вообще уезжать! Я бы еще поняла тебя, если бы ты решил отправиться за границу. Или ушел в монастырь. Но куда-то туда, не знаю куда...

САША. На деревню дедушке.

ЛЕНА. Помолчи! Я сама собиралась заняться обменом. Моему сыну необходимо сменить обстановку. Его дружки... Среда... В другом районе все изменится. Появятся новые знакомые. Не наркоманы. Меня обещали познакомить с уникальным экстрасенсом. Все может измениться. Новые люди... Но уезжать. Нет! Как я могу все бросить? Дом, театр! Я актриса! Я без этого жить не могу!

САША. Запах кулис! Пустой зал...

ЛЕНА. Да при чем тут запах! Я люблю свою профессию! Я люблю этот город! Люблю его улицы; воскресную тишину, когда все уматывают на дачу. Люблю бродить по книжным магазинам, по выставкам... Мне нравится сидеть на бульваре, есть мороженое и наблюдать за людьми! А друзья! Мои подруги, которые всегда готовы прийти на помощь...

МАКС. Я тебя понимаю.

ЛЕНА. Нет! Ты ничего не понимаешь! Ничего! Ты жалкий эгоист! Я всегда это знала! Ты убегаешь! Ты струсил! Испугался трудностей! Ты бросаешь нас! Меня! Сейчас! Когда я не знаю, что мне делать с сыном. Тебе так удобно! Выгодно! Когда я... Ты... Господи! Господи...
(Плачет.)

Макс берет гитару и начинает играть испанскую мелодию, которую он до этого прервал. Не очень-то удобно играть и танцевать, но он выделяет смешные, неуклюжие па. Саша ставит диск и включает музыкальный центр. И звучит эта же самая мелодия, и Макс перестает играть, но продолжает танцевать с гитарой, как с любимой женщиной. Музыка столь страстная и заразительная, что к танцу присоединяется Саша. Лена плачет, сидя в кресле, потом смотрит на Макса. Потом встает и выключает музыку. Саша и Макс перестают танцевать. В наступившей тишине Лена срывает с себя бусы, и ракушки рассыпаются по полу. Лена выходит.

МАКС (через паузу, по роли). Твоя мама сильно разволновалась...

САША (опять не понимая). Чья мама?

МАКС. Саша! Твоя мама сильно разволновалась.

САША. Моя? Мы, что... продолжаем?

МАКС. Иди успокой ее, как горячо любящий сын.

САША. Ну, ты... Вы... даете... (По роли.) Нечего было ее доводить до такого состояния. (Собирается уйти.)

МАКС. Подожди! (Достает ключи, отдает Саше.) Отдай, пожалуйста.

Саша уходит.

МАКС (берет куртку, надевает ее, потом складывает билеты, убирает их в бумажник. Убирает бумажник. Потом тоскливо осматривает комнату, берет гитару). Все! Финита ля комедия. Спектакль окончен. Приношу свои извинения за доставленные неудобства. ...Пора по домам.
(Уходит.)

ЗАНАВЕС

Возвращение, или Особенный день

| провинциальная история
в двух действиях |

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БАБА АНЯ (АННА КУЗЬМИНИЧНА), 76 лет.

ЛЕШКА – ее внук, 20 лет.

МАШКА – соседка, 30 лет.

АНТОН (АНТОН ЯКОВЛЕВИЧ), 47 лет.

ПОСЕТИТЕЛЬ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Однокомнатная квартира в трехэтажном доме районного поселка, который находится от областного города (масштабом Тулы или Рязани) в километрах ста, примерно. Освещена только чистенькая, но давно не отремонтированная кухня. Справа – плита, стол для посуды, раковина. Слева у стены – столик, вокруг три старых стула. Есть допотопный холодильник, он стоит в углу, у окна. Старая, но чистенькая кухонная утварь. Ближе к нам, слева – открытая дверь в коридорчик, идущий к входной двери, в ванную с туалетом и дверь в комнату. Баба Аня сидит за столом, тихонько поет, разглядывая старые фотографии. Через некоторое время слышится, как кто-то вставляет ключ во входную дверь, но у этого «кто-то» сначала ничего не получается. Баба Аня замолкает, встает, прислонившись к косяку, застывает в ожидании. Вскоре дверь открывается, и появляется долговязый, худой, коротко стриженный юноша. Он молча входит, снимает обувь и, оставив на вешалке старую рваную спортивную сумку, проходит мимо бабы Ани на кухню. Пробубнив что-то про себя, он молча садится на стул и достает сигареты. Баба Аня тоже проходит внутрь кухни.

БАБА АНЯ. Вернулся?

ЛЕШКА. А не видно? *(Осматривает кухню, закуривает.)*

БАБА АНЯ. Ни тебе «здрасьте», ни «как дела»?.. Будто в магазин сходил.

ЛЕШКА. А чего говорить-то? *(Берет с полки пепельницу.)*

БАБА АНЯ. Нечего сказать? Да-а... И не соскучился?

ЛЕШКА. У меня дела были. Когда скучать?

БАБА АНЯ. Деловой. *(Пошла к плите, зажгла газ.)* Прибарахлил-ся, я смотрю.

ЛЕШКА. Ну! Я ж работал.

БАБА АНЯ. А чего вернулся? Продолжал бы.

ЛЕШКА. Проведать. Как тут... Что? *(Бросил сигарету, пошел мыть руки.)* Да будет тебе. С утра не ел. В электричках-то не кормят. И вообще...

БАБА АНЯ. Значит, поесть приехал? *(Подогревает на плите сковородку с картошкой.)*

ЛЕШКА. Я ж сказал: проведать. *(Возвращается из ванной.)*

БАБА АНЯ *(через паузу)*. Целоваться будем?

ЛЕШКА. Можно и поцеловаться.

БАБА АНЯ. Разрешаешь?

ЛЕШКА. А что?

Встает и целует бабу Аню.

БАБА АНЯ *(запримитав, не выпуская из объятий Лешку)*. И где ж тебя носила нелегкая?! Ни привета, ни ответа... Я тут одна, как перст. В окошко гляжу... Когда, думаю, внучек единственный заявится! Когда о бабке вспомнит...

ЛЕШКА. Ну, ладно, ты... Хватит. *(Вырывается из объятий.)* У тебя тут подружек, что тараканов. И дядя Ваня под боком. *(Снова садится, закуривает.)*

БАБА АНЯ *(тут же прекратив причитать и очень живо)*. Да какие подружки? С третьего этажа? Они давно уже в мою сторону и не глядят. Разонравилась я им. Тетка Вера съехала. Ее сын забрал. Евдокия моя... Померла. Царство ей небесное. Упокой ее душу грешную. Уж больно сварливой была... Все не так для нее. Все не по ейному... В последние дни слова доброго не сказала. Все ворчит и ворчит... А я уж ее как только не ублажала. Прости меня господи, грешную. Плохие слова говорю. Да уж что мне... И так вся в грехах... Ну, а дядя Ваня... Дядя Ваня свое отпрыгал. Дома лежит, словно кукла Барби... Машка его и поит, и кормит, и судно выносит... Без движения наш дядя Ваня... Только глазами туда-сюда, туда-сюда...

ЛЕШКА *(озабоченно)*. Что это с ним?

БАБА АНЯ *(накрывая на стол)*. Да разве ж у Машки разрешь? Ме-ме... По-людски говорить-то не может.

ЛЕШКА *(удивленно)*. Онемела?

БАБА АНЯ. Да нет... Я образно... Все «ох!», «ах», «ай»... Ничего не разрешь. Я думаю, она сама, что с ним, не

знает. *(Ставит на стол разогретую картошку.)* Чем богаты, тем и рады. Если бы знала, что заявишься, может, чего другого приготовила, а так... Остатки сладки.

ЛЕШКА. Интересно, как бы я сообщил? Телеграмму, что ли, дал?

БАБА АНЯ. Мог бы и телеграмму...

ЛЕШКА. И хлеба, что ли, нет?

БАБА АНЯ. В магазин надо идти.

Лешка вздохнув начинает есть.

Надолго?

ЛЕШКА. Как получится.

БАБА АНЯ. И не надоело?

ЛЕШКА *(с возмущением)*. Вот! Опять двадцать пять! Я на твою пенсию должен жить, да?! Тебя объедать, да?! Сто раз говорил! Сама знаешь, здесь работы никакой!

БАБА АНЯ. Ой, объел. ...Хоть бы польза какая была. Учиться бы там куда поступил... или работа постоянная. А то... блуждаешь, как странник.

ЛЕШКА. А я и есть – странник.

БАБА АНЯ. Не смей!

ЛЕШКА. Хочешь, чтобы я тебя совсем бросил? Не приезжал бы, да?

БАБА АНЯ. Хочу, чтобы жизнь твоя устроилась. Ну, а я... Мне помирать скоро.

ЛЕШКА. Вот когда... это случится... тогда и посмотрим.

БАБА АНЯ. Утешил. Ох, Господи... *(Плачет.)* Отец не знамо где... по Америкам бегаёт. Мать в сырой земле лежит... Царство ей небесное. А сынок...

ЛЕШКА. Слушай! Хватит, может, а?!

БАБА АНЯ *(тут же прекратив)*. Уж поплакать нельзя. На тебя гляючи сразу в гроб хочется лечь.

ЛЕШКА. Вот еще!

БАБА АНЯ. В зеркало на себя посмотри. Словно туча в дом заявился. Того и гляди, гроза будет.

ЛЕШКА. Глупости говоришь.

БАБА АНЯ. Хоть бы и глупости. Ты больно умный... Что-то в тебе изменилось. А что? Не пойму.

ЛЕШКА. Что, что? Вырос.

БАБА АНЯ. Да нет... Вырос-то само собой...

Пауза.

ЛЕШКА. Писем не было?

БАБА АНЯ. Ты еще спроси, скоро ли тебя твой отец в свою Америку позовет!

ЛЕШКА. Может, и позовет.

БАБА АНЯ (*сравнившись*). Когда он тебе писал? Когда? Мать умерла, он и знать не знал. За десять лет одна открытка с соболезнованиями. И та с опозданием на полгода. Да и кто ему только сказать мог?! Не соображу. Не иначе как дядя Ваня разыскал. С него станет. Из-под земли человека найдет... Жалко, вот, отбегался...

Через паузу.

Сейчас-то... Займешься чем или что? Ох, непутевый... Гулять пойдешь?

ЛЕШКА. Отдохну сначала. Потом... Тебя просвещать буду.

БАБА АНЯ. Ой! Ты смотри-ка... Вместо лектора, что ли?

ЛЕШКА. Вроде того.

БАБА АНЯ. Чудеса-а.

ЛЕШКА. Никакие не чудеса! Ты здесь всю жизнь прожила. Много видела? А я где только ни побывал. Одна Москва чего стоит. Ну, и другие места... Псков, Тула, Пушкино... По Оке плавал. На пароходе. В театре был. Два раза. В монастыре останавливался. Столько людей видал. Каждый со своим... Некоторые, как в кино, живут. Хоромы! Десять комнат. Домашний кинотеатр, ванна, как бассейн, компьютеры... К подъезду машина... Вообще... Сразу и не сказать, что узнал.

БАБА АНЯ. Это хорошо. Лекции по расписанию читать будешь или как?

ЛЕШКА. Смейся-смейся... Тебе полезно. А то, чуть что, сразу слезы.

БАБА АНЯ. Поел? Просветитель.

ЛЕШКА. Чайку бы.

БАБА АНЯ (*спохватившись*). Ох! Про чай-то я и забыла. Да с тобой, как звать себя забудешь. (*Ставит чайник на плиту.*)

ЛЕШКА. Не забудешь. У тебя память... Молодые позавидуют.

БАБА АНЯ. Неужели? Это комплимент или что?

ЛЕШКА. Причем тут... Я как есть говорю. (*Встал из-за стола.*) Спасибо. Отдохну.

БАБА АНЯ. Вот тебе раз. А чай? Да и я думала, как поешь, просвещать будешь...

ЛЕШКА. Пока скипит... Ждать еще. Водички попою. Устал. (*Пьет воду из графина; потом достает из кармана деньги и кладет на стол.*) Вот... я тут поднакопил. (*Выходит.*)

БАБА АНЯ (*вслед*). Вот ведь... Зачем? Ох... Кормилец. Ну, отдохни-отдохни. Особо-то не располагайся, а то ночью спать не будешь.

ЛЕШКА (*из комнаты*). Буду! Мне отоспаться надо...

БАБА АНЯ (*осторожно*). Не забыл, какой день завтра?

ЛЕШКА. Если б забыл, на следующей неделе приехал.

БАБА АНЯ. Ох, ты, деловой какой... На кладбище рано отправимся.

Звонок в дверь. баба Аня вздрагивает.

Кого это еще нелегкая несет?

ЛЕШКА (*из комнаты*). Меня нет. Я еще не приехал.

БАБА АНЯ. Да кому ты нужен, кроме меня. Спи!

Закрыв дверь в комнату, идет открывать входную дверь. Входит мужчина среднего роста в легкой осенней курточке, в джинсах, со старым чемоданом в руках.

МУЖЧИНА (*остановившись в дверях как-то слишком скромно*). Здравствуйте, Анна Кузьминична.

БАБА АНЯ (*полупрошептом*). Здравьете. Вы ко мне? По поводу картин?

МУЖЧИНА. Каких картин? Да нет... Я по-другому. Приехал вот... Неужели не узнаете?

БАБА АНЯ. Что-то не припоминаю. Вроде похожи на кого-то... (*Вдруг растерянно замолкает.*)

МУЖЧИНА. Пройти-то можно?

БАБА АНЯ. Господи!.. У меня в комнате не убрано... Разве что на кухню.

МУЖЧИНА. Можно и на кухню.

Снимает обувь, проходит на кухню. баба Аня идет следом за ним. И она и он молча и одновременно, словно по команде, садятся.

БАБА АНЯ (*шепотом*). Антон...

АНТОН. Узнали, все-таки.

БАБА АНЯ. С трудом.

АНТОН. Да. Время много прошло. Жизнь потоптала... А я подумал, вот... Завтра день особый. Ну и решил зайти.

БАБА АНЯ (*растерянно*). Из самой Америки?

АНТОН (*замялся*). Почти.

БАБА АНЯ. Надо же... (*Через паузу.*) Такое впечатление, что тебя год не кормили.

АНТОН. Бывало и такое.

ГОЛОС ЛЕШКИ. Баба Аня! Кто там пожаловал?

БАБА АНЯ (*встав и прикрывая дверь на кухню*). Спи-спи, это ко мне из домоуправления.

АНТОН. Не ждали?

БАБА АНЯ. Где ж ждать-то?! С того света не возвращаются.

АНТОН. Ну... спасибо... С того света.

БАБА АНЯ. Для нас: с того. Заграница.

Пауза.

АНТОН. Можно, конечно, и так... Лешка-то чего? Вырос?

БАБА АНЯ (*печально, через паузу*). Нет.

АНТОН. Что значит, нет?

БАБА АНЯ (*категорично*). У него болезнь.

АНТОН. Какая болезнь?

БАБА АНЯ. Не помню, как называется, но... Не растет он. Я за ним и ухаживаю. И кормлю, и пою... Под себя ходит. В кровати и мою его. Не двигается, сердечный...

Плачет.

АНТОН (*растерянно, с удивлением*). Да быть того не может.

БАБА АНЯ. Еще как может, милый! Теперь такие болезни появились... Это все из-за атомов. Чернобыль. Последствия. Как их зовут-то? Му... ты... Мута...

АНТОН. Мутанты, что ли?

БАБА АНЯ. Вот-вот! Ну и Лешка наш.

АНТОН. А он-то причем? Здесь что, тоже атомную станцию построили?

БАБА АНЯ. Вот именно, атомную. Вот ты уехал. Ее и построили. За два года. Ну и там что-то взорвалось. А он гулял поблизости. (*Задумывается.*) Сколько ему было-то... Восемь, кажется.

АНТОН. Да, я уехал, когда ему десять было.

БАБА АНЯ. Ошиблась. Что-то с памятью. В шесть он с лошади упал... Это ты помнишь. А вот в двенадцать... Да-да... В двенадцать у него болезнь объявилась.

АНТОН. Не может быть!

БАБА АНЯ. Может, может... Лежит, сердечный, плашмя... Не двигается. (*Плачет.*) По инвалидности пенсию выдают. Нам хватает. Только разве ж это жизнь?.. Ни тебе школы... ни друзей... Медсестра приходит. Уколы делает. Доктор заявляется. Строгий такой... Из центра приезжает. Раз в две недели. Ну и... лекарства всякие. Только что уж теперь... На всю жизнь инвалид.

АНТОН. И вылечить нельзя?

БАБА АНЯ. Не-ет! Какое там! Все! Жертва... этих... Забыла. Короче, вся причина в атомах.

АНТОН. Бред какой-то.

БАБА АНЯ. Да я и говорю... Сказал бы кто – не поверила! Люда перед смертью так переживала, так переживала... Господи, прости меня грешную. Царство ей небесное. Видать сердце-то и не выдержало. Да и доктор сказал... Вот оно какое дело!

Пауза.

АНТОН (*встал, закурил*). Закурю.

БАБА АНЯ. Кури, милый, кури... Только ты... долго тут не задерживайся. Мне ведь за ним ухаживать надо. А ему тебя видеть никак нельзя. Травма будет. Психическая. Он в таком виде, а тут отец живой, здоровый, из самой Америки... Нельзя! Да и я не пушу.

АНТОН. Да-а... А я... Оттуда уехал. Надоело мне там.

БАБА АНЯ (*растерянно*). Вот те так...

АНТОН. С женой развелись. Детей не было. Годик после помаялся, ну и... На родину потянуло. Не привык. Девять лет там прожил... Не притерся. Не получилось.

БАБА АНЯ. Ну... дело понятное. И куда ж теперь?

АНТОН. Хорошо бы здесь.

БАБА АНЯ (*испуганно*). Здесь?! Да ты что! Где ж это здесь?!

АНТОН. Я имею в виду, в городе. Сейчас можно квартиру купить. У меня денег немного есть.

БАБА АНЯ. Что ты, что ты! В городе никак нельзя! А вдруг тебя кто увидит! Ему скажут. И пошло... Ты ни с кем еще не встречался?

АНТОН. Да пока нет. Хотя... Машка с третьего мелькнула... Но не признала.

БАБА АНЯ. Ну и слава богу. Стало быть, тебе скорей уезжать надо, милый.

АНТОН (*печально*). Посмотреть бы на него, пока он спит.

БАБА АНЯ. Нет-нет! И не думай! А вдруг проснется?! Глаза откроет. Испугается. А может, и не спит. Нет-нет. Идти тебе надо... Идти.

АНТОН. Да... Вот ведь какая история. Я-то думал... Куплю квартиру. Устроюсь на работу. К вам заходить будем... Заезжать.

БАБА АНЯ. На работу в городе не устроишься. Не то что здесь... Все куда подальше ездят. В основном в Москву. Отсутствие рабочих мест. Все отсюда бегут.

АНТОН. Все отсюда, а я хотел – сюда.

БАБА АНЯ. Ошибся, видишь. Ну... дело поправимое. Ты мужик деловой, устроишься... Пора тебе. Повидались – и будет.

Встает, за ней поднимается и Антон, нехотя собираются. В дверях появляется Лешка.

ЛЕШКА. Извините. Но не спится что-то... Все-таки решил чаю попить. (*Замирает, увидев Антона.*)

Пауза.

БАБА АНЯ. Однако... (*Лешке.*) Ты чего встал-то... Тебе... нельзя... Ты...

ЛЕШКА. Не понял...

АНТОН (*с иронией*). «И бес вышел из него, и отрок исцелился в тот же час».

ЛЕШКА (*растерянно*). Чего? Здравьете?

АНТОН. Привет. (*Тихо.*) Не узнал?

ЛЕШКА (*с сомнением*). Что? Кто?.. Не понял...

АНТОН. Боишься ошибиться?

ЛЕШКА. Это с какого?.. Ты...Я, это... Бабуль, чайку бы.

Баба Аня ставит снова чайник.

АНТОН. На улице встретил, не признал бы.

ЛЕШКА. Да... Круто. На американской или на нашей?

АНТОН. На обеих.

ЛЕШКА. Я сам себя не узнал бы.

АНТОН. Бабуля тут пугает меня сказками про тебя. Артистка. Ей бы по ящику в «Спокойной ночи, малыши» выступать за компанию с Хрюшей.

БАБА АНЯ. Я не пугаю. Я к тому что... Пока жива – он со мной будет. А после... Воля твоя.

ЛЕШКА. Что за сказки?

АНТОН. Да так. Про серого волка.

ЛЕШКА. Ты разве забыл, бабуля в юности в драмкружок ходила. Они на Новый год всегда сказки разыгрывали.

АНТОН. Рановато вообще-то. Начало сентября.

Пауза.

ЛЕШКА. Как в Америке? Хорошо?

АНТОН. По-разному. Жить можно.

Пауза.

ЛЕШКА. Надолго приехал?

АНТОН. Видишь ли... Не прижился я там. Все чужое. Домой захотелось.

БАБА АНЯ (*срывааясь*). Домой? Где твой дом-то?! В Тверской области? После смерти отца дом продал. И укатил. Нету теперь твоего дома нигде. Здесь Лешкин дом. Ну и мой, пока жива. Так что...

АНТОН. Я ж сказал: квартиру в городе куплю. А пока у вас поживу. Прогоните, что ли?

БАБА АНЯ. А и прогоним! Зачем нам лишний рот.

АНТОН. Не беспокойтесь, Анна Кузьминична, я за постой платить буду.

БАБА АНЯ. Твоей платы нам не надо. И квартиранта тоже. У нас тут тесно.

ЛЕШКА (*вдруг*). Да пусть поживет недельку. Пока квартиру покупает. Не на улице же ему ночевать.

БАБА АНЯ. Вот пусть и ночует там, где покупать будет.

АНТОН. Стало быть, гоните?

БАБА АНЯ. Гоним. Деньги есть. Живи в гостинице. Там, говорят, в городе целые хоромы возвели со всеми удобствами. Как раз для таких, как ты. А у нас здесь, что? Какие удобства? Ванна маленькая. Туалет совмещенный. Да и положить тебя некуда. Разве что на пол.

АНТОН. Я не привередливый.

БАБА АНЯ. Разговор окончен.

АНТОН (*сыну*). Так мне уходить?

ЛЕШКА (*бабе Ане*). Сегодня можно было бы и оставить. Лично я не возражаю.

БАБА АНЯ. А тебя не спрашивают. Сам, Бог знает где, шляешься...

ЛЕШКА. Молчу...

АНТОН. До города-то поздно уже...

БАБА АНЯ. А мы причем? Нас могло и не быть. Что бы делал?

АНТОН. Ну, если да кабы...

Звонок в дверь.

БАБА АНЯ. Господи! Кого это опять несет, на ночь глядя?!

Открывает дверь, вбегает Машка в осенней курточке поверх цветастого халата.

МАШКА. Ой! Баба Аня! Зовет! Глазами мигнул: «Срочно!»

Ой! Я сразу поняла! Я уютг поставила. Блузка в мешке. Я обернулась...

БАБА АНЯ. Дядя Ваня, что ли, зовет?

МАШКА. А то кто же?.. (*Замечает на кухне мужчин.*) Ой! Здрасьте! Не знала. Извините! (*Узнав Лешку.*) Ой! Лешка! Ай! Вернулся!.. Вот радость! А вымахал-то! Сви-терок шерстяной!

БАБА АНЯ. Потом поговоришь! Пошли! Я скоро... Решайте, Антон Яковлевич.

МАШКА (*восторженно*). Кто?! Не может быть! Вы? Господи! Светопреставление! Сейчас упаду! Антон Яковлевич? Собственной персоной! Сон! Я ж когда бежала-то виде-ла! А не поверила!

Пауза.

А сморщились-то как... Что это у вас голова трясется?.. (*Искренне, сочувственно.*) Пили много на чужбине?

БАБА АНЯ. Хватит, пошли-пошли...

МАШКА. Так ведь... Антон Яковлевич! Кто бы мог подумать!

БАБА АНЯ. Он на часок зашел, торопится...

МАШКА. Зачем же «на часок?!» Ой! А как там, в Америке? Красиво?

АНТОН. Хорошо.

МАШКА (*сочувственно*). Какой-то вы не представительный... Даже странно.

БАБА АНЯ. Пошли, говорю! Может, дядя Ваня там помира-ет, а ты здесь...

МАШКА. Ой! Баба Аня! Так моргал, так моргал... Я уютг пос-тавила...

БАБА АНЯ. Если меня кто спрашивать будет, я в двадцать седьмой, на третьем...

ЛЕШКА. Хорошо.

Баба Аня и Машка выходят.

ЛЕШКА (*через паузу*). Голодный, наверно... А жрать нечего. Я все съел. У нас не Америка. Не разбежишься.

АНТОН. Да у нас там тоже... По-всякому.

ЛЕШКА. Чего ж не писал?

АНТОН. Да не о чем. Все дела. То, се...

ЛЕШКА. Там тоже столярничал?

АНТОН. Ну... и это было. Что подвернется. Квартиры ремонтировал... Машины чинил. Разное... Ты-то как? В армию не забрали?

ЛЕШКА. Я единственный опекун. Да и здоровье...

АНТОН. А что?

ЛЕШКА. Всего понемногу.

АНТОН. Учиться не пошел?

ЛЕШКА. Куда? Да и не способный я. Еле до выпускных дотянул. У нас и школа-то была...

АНТОН. Школа.... Да-а...

Пауза.

ЛЕШКА. Я думал, ты нас в Америку заберешь. Все ждал.

АНТОН. Ну... видишь... не получилось.

ЛЕШКА. Неужели там хуже, чем здесь?

АНТОН. Не-ет. Там... жизнь. Свобода. Делай, что хочешь, но по закону. А законы... Вот окурочек бросил. Штраф. Улицу перешел в неположенном месте – штраф. На женщину посмотрел с вожделием – штраф. Ведь никаких денег не хватит... Сколько ни работай...

ЛЕШКА. А если не смотреть на женщину и окурочек не бросать?

АНТОН. Ну... Кто ж выдержит?

Пауза.

ЛЕШКА. Я бы выдержал.

АНТОН. Слушай... *(Закурив и подойдя к окну.)* Да не был я ни в какой Америке. Никогда!

ЛЕШКА *(ошалело)*. Как это? Не верю.

АНТОН *(печально)*. Придется... Бабке только не говори.

ЛЕШКА *(разочарованно и с каким-то отчаянием)*. Не был?! Никогда!? Не был! А мы-то...

АНТОН. Получилось так. Мы с твоей матерью вроде как... договорились. Она меня сама послала. Тяжело здесь было. Я видишь, брат, пил много... Сам знаешь... Ну, и она... Ты, говорит, либо бросай пить, либо уезжай. А я молодой, горячий был... Мы и развод заочно оформили... Да и Костик у нее был. Она Костика любила, а не меня. Меня жалела. Короче... история долгая. Я, чтобы от греха подальше... Бросил ее. А Америку для тебя и для бабки придумали. Все романтичнее как-то... Мы с ней встречались потом. В городе. Она про тебя рассказывала. Потом я другую женщину встретил. Дура

дурой... Ну, я-то сначала не понял. Красивая баба... Жить стали... И пошло... Мы с ней на пару в запой уходили. А после... Сбежал, короче. На юг. В Сочи. Там три года жил. Последний год в Москве ошивался.

ЛЕШКА. Как это мы не встретились...

АНТОН. Ты там был?

ЛЕШКА. Бываю. Периодически.

АНТОН. Москва... Клоака. Засасывает. Я там жил у одной...

Ни кожи, ни рожи. Жалко было. Сама на шею вешалась. Детей хотела. Ну... я не выдержал... Зачем мне еще дети? У меня ты есть. Сбежал. Как ты хоть?... Все это время. Ну, последнее время... Чем занимаешься?

ЛЕШКА. Путешествовал. В разных местах был. Много хороших людей встретил. Они меня кормили. Вещи дарили, деньги давали... Кому-то, конечно, приходилось платить...

АНТОН. В смысле. Как платить? Работой?

ЛЕШКА. И работой тоже. Всяко.

АНТОН. Что-то я не понимаю.

ЛЕШКА. А чего понимать? Люди разные. И добрые – тоже.

Они, как только узнавали меня поближе, отставали. И начинали просто так заботиться. Мне ведь надо было, пока я работу искал, только ночлег и чтобы пожрать. Ну, а когда работа... Тогда легче. Ни от кого не зависишь. Я в палатке помогал торговать. Потом на пароходе, вроде помощника матроса... В сторожах побыл...

АНТОН. Надо было встретить девицу с квартирой. По России их... Ох, сколько! Попадались ведь?

ЛЕШКА. Мне не попадались. Я... по любви хочу. Мне так просто не надо.

АНТОН. По любви, оно, конечно, лучше, но... Нет, я тебя понимаю. Сколько я баб встречал... А таких, как твоя мать... По пальцам можно сосчитать: светлая женщина. Остальные так... Бабье! И почему-то светлые чаще всего бывают непутевыми... Ну... Вроде женщин легкого поведения. Почему так? Жизнь, что ли, их крутит больше всех?... Вот монашек взять... «Мы к Богу,

мы к душе»... И что? Бесов в них – видимо-невидимо. А вот эти, что... проститутки... Без выкрутасов. К свету тянутся. А бабье... оно... Животом живет. Им деньги подавай. А если их нет? Так что... Я светлых люблю. Вот баба Аня – светлая. И Машка – тоже светлая... Я Машку помню. Как она... изменилась?.. Или что?

ЛЕШКА. Значит, они проститутки?

АНТОН. Какой ты бестолковый у меня. Я ведь культурно выражаюсь. Как в литературе.

ЛЕШКА. Я в литературе не разбираюсь.

АНТОН. А зря... Книга – источник знаний.

Пауза.

ЛЕШКА. Мне лучше всего было в монастыре... Там все добрые. Я, может быть, туда вернусь. Потом... Сейчас то я как бабулю оставлю? Ей помогать надо. Я за нее в ответе. Я ж у нее один...

АНТОН. Теперь вдвоем помогать будем.

ЛЕШКА. Бабуля не согласится.

АНТОН. Мы уговорим ее.

ЛЕШКА. Рано или поздно, она все узнает.

АНТОН. Ну и что?

ЛЕШКА. То!..

Пауза.

Я там... Такое пережил, что... Я на тебя надеялся.

АНТОН. Само собой... Понимаю. Десять лет ни слуху ни духу... Вроде как Америкой наслаждаюсь... И вдруг... Ты меня вправе ненавидеть.

ЛЕШКА. Да нет... Я тебя тоже понимаю. От такого житья...

Я у одного мужика жил. Так он на балконе козу держал...

АНТОН. Не может быть.

ЛЕШКА. Честное слово. Так вот... Как только ему плохо... Мужуку-то. Он эту козу бить начинает. Коза бе-бе, а мужуку легче сразу.

АНТОН. Это ты к чему?

ЛЕШКА. Почему некоторым людям, когда плохо... бить кого-то хочется?

АНТОН. Ты про меня, что ли?

ЛЕШКА. Я вообще.

Через паузу.

На улицу пойдешь?

АНТОН. Бес его знает. А куда еще? Назад не поеду. Каждый день буду заходить. Уламывать твою бабуку будем. Согласен?

ЛЕШКА. Что-то она долго. Как бы там дядя Ваня...

АНТОН. Помер, что ли? Да нет! Давно здесь была бы. Охи, ахи, слезы...

ЛЕШКА. Дядя Ваня хороший.

АНТОН. Само собой. Тоже – человек. Я его, правда, плохо помню. Он меня не особо жаловал. Я думаю, Костика-то он Милке подсунул.

ЛЕШКА. Это как же?

АНТОН. Ну, познакомил. У него день рождения был. Он Костика и пригласил. Точно-точно.

ЛЕШКА. Мать о тебе всегда хорошо говорила.

АНТОН. На то она и мать... Чтоб хорошо говорить. Будет она тебе про свою любовь к Костику рассказывать! Зачем ей?!

ЛЕШКА. Я думаю, она тебя любила.

АНТОН. Может, и любила... По-своему. Машка-то вышла за кого или нет?

ЛЕШКА. Кому она нужна.

АНТОН. Не скажи. Женщина приличная. Все на месте.

ЛЕШКА. Я не видел, чтоб к ней кто приставал.

АНТОН. Это еще ничего не значит. Бабуля твоя, наверно, видела.

ЛЕШКА. Бабуля, может, и видела. У нее зрение... как у сокола.

АНТОН. Ну! Скажешь тоже. Нашел сокола. Она очки носит.

ЛЕШКА. Ну и хорошо. Пусть носит. А тебе зачем?

АНТОН. Что?

ЛЕШКА. Про Машку.

АНТОН. Просто. Жалко.

ЛЕШКА. Теперь она и подавно ни кому не нужна.

АНТОН. Почему же?

ЛЕШКА. Женщина с добавкой.

АНТОН. В смысле? Дядя Ваня – добавка?

ЛЕШКА. А то нет? За ним постоянный уход нужен. Судно выносить и прочее. Кто ж пойдет?! Машка хоть и светлая, но... Чокнутая. Мы с ребятами иначе и не звали ее.

АНТОН. Чем же она чокнутая?

ЛЕШКА. А я знаю? Ляпнет что-нибудь... Хоть стой, хоть падай. Я ее никогда не понимал. Непредсказуемая.

АНТОН. Что ж... Бывают и такие... А ребята-то твои... Они где?

ЛЕШКА. Разъехались. Кто куда. Что им здесь? Да и кто был-то? Так... Разные... Потрепаться вместе. Пиво попить. У нас... Интересы часто не совпадали.

АНТОН. Ты вроде в детстве... Плясать любил.

ЛЕШКА. Я много чего любил. ...Парикмахером хотел стать.

АНТОН. Так в чем дело? Еще не поздно.

ЛЕШКА. Кого тут стричь? Машку? Да и на то деньги нужны... Чтоб учиться. *(Вдруг печально.)* Я уже не хочу. Я сейчас... ничего не хочу. Зачем?

Пауза.

АНТОН. Эх, Лешка, Лешка... Почему это у нас жизнь какая-то нескладная?... Я, конечно, виноват. Но как по-другому-то? Здесь остался бы... Лучше бы не было. Ты мне поверь... Я, честно говоря, думал. Они с Костикумкой сойдутся. Костикумку-то к тому времени его Надька надоела. Ну и... Новая семья. Отец тебе. То, се... Но... Видишь, как вышло. Мать заболела. Если бы...

Через паузу.

Видать – судьба.

БАБА АНЯ *(она вошла чуть раньше и тихо стояла в дверях).* Как же! Валите все на судьбу! Так оно легче, так делать ничего не надо. Был здоровый мужик, красивый, работающий... А во что превратился?! Руки трясутся. Голова тоже, словно за веревочку кто дергает... Судьба! Ну, не получилось у вас с Людмилой. Не подошли вы друг

другу... Так и что? Сразу пить? Жизнь-то твоя не закончилась. Сил в тебе было, что в молодом бычке. И куда ты эти силы приложил? На что истратил?

АНТОН. Вы всего не знаете, Анна Кузьминична.

БАБА АНЯ. Это я-то не знаю? На Костю Стручонкого намекаешь? Был такой красавец. Дальний родственник Ванин. Весь из себя... Как зефир в шоколаде. Так то глупость у Людмилы была. Бес попутал. На рожу смазливую польстилась.

АНТОН. У нее – глупость, а у меня – что?

БАБА АНЯ. Тоже глупость. Ты бы не раскисал. Мужик ты или кто? Мозги бы ей прочистил.

АНТОН. Да как же прочистить?! Анна Кузьминична! Если Людмила... Я его топором пришибить хотел... А Людмила на шею мне... *(Обижено).* Я еще и виноват.

БАБА АНЯ. А я тебя не виню. И топор ни к чему. Можно было по-мирному.

АНТОН. Это как же «по-мирному», интересно?! Посмотрел бы я на вас.

БАБА АНЯ. И смотреть не надо... Ладно! Дело прошлое. Не хочу я в том разбираться. Царство ей небесное. Господи, прости ее душу грешную. Вас, молодых, не поймешь. Может, она и вправду тебя разлюбила.

ЛЕШКА *(зло).* Любила она его! Любила! Я точно знаю.

БАБА АНЯ. Что ты тогда понимать мог? От горшка два вершка.

ЛЕШКА. Неправда! Я все уже понимал!

БАБА АНЯ. Как бы то ни было... Людмила уже три года в земле лежит, а ты по земле ходишь... И нечего было жизнь свою под откос пускать. У тебя все-таки сын рос.

АНТОН. Так он где рос-то?! Где?! Я в каких краях скитался? Я в Америке... скитался.

БАБА АНЯ. Мог бы из своей Америки материальную помощь оказывать.

АНТОН. Да из каких доходов, интересно?! Меня там не ждали! Мне надо было сначала доверие завоевать.

БАБА АНЯ. Девять лет завоевывал? Да? Ладно! Потом поговорим. Утро вечера мудренее... К Машке иди! Я догово-

рилась. У нее двухкомнатная. Место хватит. Она тебя устроит. Сама к Васильичу ляжет. Накормит тебя.

АНТОН (*растерянно*). Ну, спасибо, Анна Кузьминична...

БАБА АНЯ. Мне твои «спасибо» ни к чему. Машку благодари. Я ее еле уломала. Испугалась так... Будто я ее принца заморского прошу принять. Иди. А завтра поговорим.

АНТОН. Да-а... Не ожидал я от вас такого... сюрприза.

БАБА АНЯ. А я такая... Васильич, когда бегал... Не уставал удивляться. Мы тоже на месте не стоим. За десять-то лет кое-что повидали.

АНТОН. Я вас всегда уважал. Если что и было... Так то по глупости. Какой я вам шкафчик для посуды соорудил? А? До сих пор служит. У меня ж золотые руки.

БАБА АНЯ. Золотые... Были когда-то. А нынче золото-то поистерлось.

АНТОН. Не скажите! Я и сейчас могу. Заказывайте, что хотите!

БАБА АНЯ. Ничего мне от тебя не надо. Ступай.

АНТОН. Зря брезгуете.

БАБА АНЯ. Я не брезгую. Утруждать не желаю. Ты сначала сам с собой разберись, а потом уже заказы выполняй.

АНТОН. Так, может, заказы мне в том и помогут?..

БАБА АНЯ. Уж если Америка не помогла... То... Я пока нигде не слышала, чтобы оттуда кто возвращался... Там, говорят, все процветают.

АНТОН (*растерянно*). Говорят, что кур доят.

БАБА АНЯ. Ой, умник. Я ему про Фому, а он мне про Ерему.

АНТОН. Америка не для нас, Анна Кузьминична. Мы для их жизни не приспособлены.

БАБА АНЯ. А ты меня с собой не сравнивай. Кто знает, попади я туда... Так, может, развернулась бы.

АНТОН. О-о! Далеко нам до них.

БАБА АНЯ. С такими, как ты, пожалуй, и далеко.

АНТОН. У нас менталитет разный.

БАБА АНЯ. Менталитет, может, и разный, а люди – везде люди. Либо живут, либо маются. Придумают тоже... Менталитет..

ЛЕШКА. Дядя Ваня-то зачем звал?

БАБА АНЯ (*Антону*). Ступай-ступай. Завтра продолжим.

Антон начинает собираться, берет свой чемоданчик и тут вспоминает.

АНТОН. Кстати... Я ведь забыл. (*Раскрывает чемодан.*) Сказками-то заслушался.

Достает и протягивает Анне Кузьминичне безумно пестрой расцветки платок.

Вот вам.

БАБА АНЯ. Боже мой! Пестрота-то какая! Не иначе как у попугаев стащил.

АНТОН. Попугаи платки не носят. Просто я подумал... Оно... Хотелось чего повыразительней.

БАБА АНЯ. Оно, конечно... Чтоб сразу видать было, что из Америки.

АНТОН. Ну... На тряпки сгодится.

БАБА АНЯ. Зачем же... Я буйство красок люблю. (*Накидывает платок на плечи.*)

АНТОН (*достает синюю кепку с длинным козырьком, протягивает Лешке*). Тебе.

ЛЕШКА. Спасибо.

АНТОН. Американская, настоящая.

ЛЕШКА. Я верю. (*Надевает, смотрится в зеркало.*)

АНТОН. Стало быть, до завтра?

БАБА АНЯ. До завтра, до завтра.

ЛЕШКА. Пока.

Антон выходит, баба Аня закрывает за ним дверь.

Что с дядей Ваней-то?

БАБА АНЯ. Помирать собрался. Так я ему сказала... Что следует. До чего мужики нежные создания... Может, вся сила их в том ребре была, из которого нас, баб, сделали?

ЛЕШКА. Ты мудрая, бабуль...

БАБА АНЯ. Я хоть и закончила семь классов сельской школы, но голова у меня варит не хуже, чем у твоего отца.

ЛЕШКА. «И был вечер, и было утро: день шестой».

БАБА АНЯ. Иди мойся да спать ложись... «день шестой»...
 ЛЕШКА. «И благословил Бог седьмой день... Ибо в иной
 Почил от всех дел Своих».
 БАБА АНЯ. Наизусть выучил?
 ЛЕШКА. Когда в монастыре был. Я им по хозяйству помогал.
 Дрова колол...
 БАБА АНЯ ...Зачем он тебе такой?

Пауза.

Опять ведь в Америку укатит.
 ЛЕШКА. Не-ет. Теперь не укатит. На что?
 БАБА АНЯ. А деньги на квартиру? Думаешь, купит? ...Укатит!
 Или пропьет все и... Какую-нибудь бабу найдет. Будут
 пить вместе.
 ЛЕШКА. Да кому он нужен? Кроме нас.
 БАБА АНЯ (*взорвавшись*). Ну, уж мне-то совсем не нужен! Иди,
 мойся! Полотенце у зеркала.
 ЛЕШКА. Ванну приму.
 БАБА АНЯ. Прими-прими. Сразу полегчает.
 ЛЕШКА (*уходя, с тоской*). Мне легко. Даже очень.
 БАБА АНЯ. Пожалуй, сегодня уж никто не заявится.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Утро. Та же кухня. Во входную дверь входит баба Аня. Проверив, спит ли Лешка, закрывает дверь в комнату и проходит на кухню. Достает из огромного пакета на стуле продукты и собирается готовить завтрак. Звонок. Испуганно вздрогнув, опять заглянув в комнату, открывает дверь.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Мне бы Анну Кузьминичну.
 БАБА АНЯ. Это я. Вы по поводу картин?
 ПОСЕТИТЕЛЬ. Угадали.
 БАБА АНЯ. Наконец-то. Проходите. Вы извините, у меня там спят. Вы... на кухню. Обувь не снимайте...

Проходят на кухню.

Присаживайтесь. Я вас вчера ждала. Сегодня уж решила, что не приедете.
 ПОСЕТИТЕЛЬ. Вчера не смог. Сумасшедший день был. Да и они не могли.
 БАБА АНЯ. Понимаю. Чайку?
 ПОСЕТИТЕЛЬ. Да нет... Надо в город успеть к часу. Они ждать будут.
 БАБА АНЯ. Еще до часу времени-то... Успеете.
 ПОСЕТИТЕЛЬ. Дел много. Вам ведь тоже со мной желательно.
 БАБА АНЯ. А мне-то зачем?
 ПОСЕТИТЕЛЬ. Всякие формальности. Документы оформить. Я с собой мастера взял. Он в машине сидит. Картины бы надо упаковать. Деньги мы вам в городе сразу отдадим.
 БАБА АНЯ. Значит, понравились?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Вы будто не знаете. Не то слово! Они сразу им понравились. Но выяснить надо было: что да как... И о цене долго совещались.

БАБА АНЯ. О цене мы бы и так сговорились.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Не скажите. Они иностранцы. Налог, пошлина. Да и потом, зачем же задешево отдавать. Картины-то – народное достояние.

БАБА АНЯ. Скажете тоже... Я их так... для души рисовала. Достояние...

ПОСЕТИТЕЛЬ. У вас выставка была? А скоро еще предполагается. Того и гляди знаменитостью станете. Да можно сказать, уже стали.

БАБА АНЯ. Вот! Самый неприятный момент! Я их не для славы... Это Василич, сосед наш, да Машка по всему поселку раструбили.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Короче. Они платят вам по тысяче, берут пять картин. Те, что отобрали.

БАБА АНЯ. Значит, пять тысяч. Хорошо. Ой, хорошо. Почти десять моих пенсий.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Каких десять?! Они по тысяче долларов платят.

БАБА АНЯ (*растерянно*). Долларов... Да вы что?

ПОСЕТИТЕЛЬ. А как же иначе? Знай наших. Получается приблизительно сто сорок пять тысяч нашими. Ну, минус налоги, конечно...

БАБА АНЯ. Сто сорок пять... Я таких денег... За всю свою жизнь не видела.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Радуйтесь. Стало быть, согласны вы?

БАБА АНЯ. Я даже не знаю... А соглашаться?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Смешная вы... Что ж не соглашаться. Вам до конца своей жизни хватит, если экономно. От государства вы никогда ничего подобного не получите. Потом у вас еще остались картины. И новые напишете... Миллионершей станете.

БАБА АНЯ. Ой... Что делается...

ПОСЕТИТЕЛЬ. Пойдемте к вам в подвал. Я мастера позову. Пока он будет картины упаковывать, мне надо к зна-

комым сходить... У меня тут знакомая была. Года три назад виделись. Хочу проведать.

БАБА АНЯ. Кто же это?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Спиридонова Настя Степановна.

БАБА АНЯ. Так она ж замужем! В крайнем доме живет.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Я знаю, что замужем. У нас с ней деловые отношения. Были. Мне надо презент ей передать.

БАБА АНЯ. Ах, презент. Хорошее дело. Я могу проводить вас.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Зачем же вам беспокоиться. Сам найду. (*Встает.*)

БАБА АНЯ. Ой! А у меня ж спят! Мне же завтрак готовить надо!

ПОСЕТИТЕЛЬ. Вы откройте... Мастер пусть картины упаковывает. А сами завтрак готовьте.

Появляется сонный Лешка.

ЛЕШКА. Здравсьте. (*Бабе Ане.*) Уже с утра гости?

БАБА АНЯ. Да... зашли... Я сейчас... Ты тут... Умывайся. Себя в порядок приводи. Я скоро. Пойдемте.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Пойдемте.

Выходят. Лешка провожает их изучающим взглядом, потом проходит на кухню, роется в пакете, отламывает кусок булки, намазывает маслом. Входит Машка.

ЛЕШКА. Привет!

МАШКА. Куда это баба Аня заспешила с утра?

ЛЕШКА. А я знаю?

МАШКА. Ты, говорит, помоги, воду поставь... Мужчина с ней представительный. Наверно, по картинам пришел.

ЛЕШКА (*заинтересованно*). По каким картинам?

МАШКА. Вот новости? Она тебе не говорила?

ЛЕШКА. О чем?

МАШКА. Ой! Не знаешь?

ЛЕШКА. Я в этом доме всегда все узнавал последним.

МАШКА. Ух, ты! Баба Аня теперь художница!

ЛЕШКА (*растерянно*). Кто? Какая художница?

МАШКА. Картины рисует! Красивые!

ЛЕШКА. Не понял. Какие картины?

МАШКА. Ой, Лешка! Все вокруг, кто еще не помер, на бабу Аню теперь зуб имеют.

ЛЕШКА. Какой зуб?

МАШКА. У нее же выставка была. Художественная. Картин! Народу было... Из города приехали! Ой, как хвалили! Один круленький такой в газету даже написал. Какой праздник был! С ума сойти! Я шампанское пила! Дядя Ваня купил...

ЛЕШКА. С ума точно можно сойти.

МАШКА. Она подвал под домом очистила.

ЛЕШКА. Кто?

МАШКА. Баба Аня! Дядя Ваня ей помогал. Подарил ей на юбилей краски, кисточки, холстину... Полочки сделал. Ой, все по-настоящему! Она там работает.

ЛЕШКА. Кто? Баба Аня?

МАШКА. А я об чем?! Талант у нее прорезался, как зуб! И все свой зуб заимели... Ругаются. Ты бы только слышал. Некоторые ей в след плюются. Завидуют. А она смеется. Нет, есть те, кто радуется. Ей грамоту дали, как раньше, при коммунистах. В Москве заинтересовались. Приезжал один, с бородой... Обозвал как-то похорошему. Искусствовед!

ЛЕШКА (*растерянно*). Моя бабуля картины рисует?

МАШКА. Не то слово! У нее их там, в подвале... Много! Все лето почти не вылезала. Ой, какие красивые. Глаз не оторвать! Цветы всякие... Пятна! Голубые, зеленые, розовые... Как в природе! Дух захватывает! Я их своим детям показывала.

ЛЕШКА (*с удивлением*). У тебя, что, дети появились?

МАШКА. Да малышам моим! Я же в районном детском саду теперь работаю. На весь поселок – десять детей. Но все-таки детсад организовали, а меня воспитательницей сделали. Платят мало... Но зато удовольствие. Они такие смешные... Да и где у нас платят больше?!

ЛЕШКА. Сказки какие-то...

МАШКА. Не веришь?

ЛЕШКА. Верю. Но все равно сказки. Отец где?

МАШКА. Спит еще. Мы с ним до трех ночи беседовали. Содержательный он у тебя. Ему бы не пить – чудо-человек!

ЛЕШКА. Никак влюбилась?

МАШКА. Хотя бы и влюбилась! Не твоего ума дело!

ЛЕШКА. Да я что...

МАШКА. Считаешь, не подхожу ему? Больно глупая?

ЛЕШКА. Ничего я не считаю. ...Он старик для тебя.

МАШКА. Главное, чтобы душа была молодая.

ЛЕШКА. А у него молодая?

МАШКА. Лешка! Ты любил когда-нибудь?

ЛЕШКА. Я и сейчас люблю.

МАШКА (*с интересом*). И кто она?

ЛЕШКА. Бабуля моя.

МАШКА. Ой! Я о другой любви спрашиваю.

ЛЕШКА. Любовь – она одна. Либо есть, либо нет.

Возвращается баба Аня и сразу на кухню.

БАБА АНЯ. Вот и я... Воду поставила?

МАШКА. Ой, баба Аня... Я тут рассказывала...

БАБА АНЯ. Ясно. Представляю, что ты тут наговорила... Иди к себе. Буди Антона. Пусть умывается. Сейчас я завтрак приготовлю. (*Лешке.*) А ты что прохлаждаешься? Помылся?

ЛЕШКА (*с напряжением*). Ты правда в художницы поступила?

БАБА АНЯ. Никуда я не поступала. Просто рисую. Картины разные. А что?

ЛЕШКА. Вроде бы ничего. Думаю, как мне к этому относиться...

БАБА АНЯ. А ты поменьше думай. И так вон, брови домиком. Сростутся скоро. Иди-иди, умывайся. Потом поговорим.

Лешка уходит в ванну. Машке.

А ты что застыла?

МАШКА. Ой, баба Аня...

БАБА АНЯ. Что случилось?

МАШКА. Лешка против будет. Чую! Сердцем чую!

БАБА АНЯ. Почему против? Что ты чуешь?

МАШКА. Он так посмотрел... Так... В глазах что-то нехорошее появилось.

БАБА АНЯ. Будет тебе! С чего бы ему против быть? Иди!

МАШКА. Не знаю. Чувствую.

БАБА АНЯ. Сама тоже приходи, когда Васильича приберешь. Как он?

МАШКА. Я его прибрала уже. Ему хорошо сегодня. Улыбается. Глаза так и светятся. А вот Лешка...

БАБА АНЯ. Иди!

Вытравливает Машку, потом прислушивается к ванной и продолжает готовить завтрак. Входит Антон.

АНТОН. Добренькое утро!

БАБА АНЯ. Доброе-доброе... Встал уже?

АНТОН. Да-авно! Я мылся, брился. Приходил в форму.

БАБА АНЯ. Пришел?

АНТОН. А как же! Пивка даже успел выпить.

БАБА АНЯ. С утра! Ой, неисправимый ты, Антон.

АНТОН. Пиво – не алкоголь. Детям дают.

БАБА АНЯ. Только такие, как ты, и дают.

АНТОН. Анна Кузьминична, вы, стало быть, теперь художник?

БАБА АНЯ. Машка наболтала?

АНТОН. Расписала в картинках. Кино увидел. Цветное, широкоформатное, стереофоническое. Три дэ.

БАБА АНЯ. Не одобряешь? Думаешь, с ума сошла? На старости лет чужим делом занялась.

АНТОН. Отчего же. Очень даже одобряю. Рад! Горжусь! Всегда мечтал художником быть. Не получилось. Так вот... Вы вроде как вместо меня.

БАБА АНЯ (*передразнивает*). «Мечтал». Писал бы! Кто тебе мешает! Бери кисть, краски и за работу.

АНТОН. Хм. Легко сказать.

БАБА АНЯ. А что? Я ведь академиев не кончила. Раз – и начала. Ох, даже не знаю, как получилось. По телевизору у Васильича смотрела... Он и подбил. Хочешь, говорит – давай. Портрет мне заказал, да у меня ничего не вышло. А потом... До сих пор не верю, что могу что-то

путное нарисовать. Кажется, обманываю всех. Я долго никому не показывала. Вроде как училась... Книжку купила одну... Даже Васильичу не показывала... А показала... Машка балаболка, чуть ли не весь поселок собрала. И пошло-поехало.

АНТОН. Да-а. Народный художник.

БАБА АНЯ. Получается, что так.

АНТОН. Не-ет! Теперь мне здесь точно делать нечего.

Теперь я уж уеду, не сомневайтесь. И гнать не надо. Сам уберусь. В лучах вашей славы купаться не собираюсь.

БАБА АНЯ. Вот и хорошо. Некому будет Лешку с пути истинного сбивать.

АНТОН. Да людей много. Если он захочет, всегда найдутся те, кто собьет.

БАБА АНЯ. Типун тебе на язык!

АНТОН. А я что, я констатирую.

БАБА АНЯ (*прислушавшись к звукам в ванной*). Что это Лешка там так долго делает?

АНТОН. А он в ванной, что ли? (*Тоже прислушивается*.) Вода шумит. Видать, решил основательно помыться.

БАБА АНЯ. Лешка! Ты что там, заснул?

АНТОН (*подходит к двери*). Лешка! Ты там?

Смотрит на бабу Аню.

БАБА АНЯ (*подбежав к двери, стучит*). А ну-ка, давай выходи! Что не отвечаешь, оглох? Лешка! Я дверь сейчас сломаю!

Стучит, потом собирается взламывать дверь, но дверь сама открывается, и выходит Лешка.

ЛЕШКА. В чем дело? Помыться спокойно нельзя. (*Идет в комнату*.)

БАБА АНЯ. Да... Это Машка все! Бестолковая!

ГОЛОС ЛЕШКИ. Что такое? Ванна наша понадобилась?

БАБА АНЯ. Решила проверить одну вещь. Срочно. Возомнит о себе бог знает что...

ГОЛОС ЛЕШКИ. Завтрак готов?

БАБА АНЯ. А как же! Сейчас-сейчас... (*Накрывает на стол*.)

АНТОН. Лешка, ты в курсе, кто у тебя бабуля?

ЛЕШКА (*входя*). Машка сказала.

БАБА АНЯ. Язык бы этой Машке оторвать. Хотела как... по-человечески, по-нормальному... Всегда она... Идите садитесь.

Антон и Лешка садятся за стол.

АНТОН. Запоминай, Лешка. Потом мемуары писать будешь. Завтрак со знаменитостью. Смотри, как она хлеб режет.словно картину пишет. Раз-раз, раз-раз...

БАБА АНЯ. Бессовестный. Нет, чтобы самому порезать. Мужик все-таки.

АНТОН. Так я... Думал, не доверяете мне. Да и Лешка на что?

ЛЕШКА. У меня руки, как крюки. Мне бабуля не доверяет.

БАБА АНЯ. Да уж! Руки у тебя не из того места растут. Таких кирпичей нарежешь, что в рот не лезут.

ЛЕШКА. Видишь! Для нее я все не так делаю.

БАБА АНЯ. Ну уж не все! Не преувеличивай.

ЛЕШКА. Я даже пол подметаю, как курица. Весь мусор по всему дому разношу.

БАБА АНЯ. Когда это я такое говорила?

ЛЕШКА. Было дело. Еще я стираю, будто в грязной луже ноги полоскаю. Сижусь за столом, как китаец.

АНТОН. Это как же?

ЛЕШКА. Сплю, как трактор. Постель убираю, как «Мамай прошел».

АНТОН. Какой Мамай?

БАБА АНЯ (*растерянно*). Ты чего это? Что с тобой? Будто в суде показания даешь. Что на тебя нашло?

АНТОН. Ты, Лешка, теперь должен оберегать Анну Кузьминичну. И путешествовать... ни-ни!.. Картины-то, наверное, денег стоят. Продавать можно.

БАБА АНЯ. Можно. Только не в деньгах счастье.

АНТОН. Оно конечно. Когда их у тебя много, можно о них и не думать.

БАБА АНЯ. Скоро должен посредник вернуться. И мне в город надо будет съездить. Документы оформить... У меня американцы пять картин купили.

АНТОН (*восхищенно*). Ексель-моксель! Все-таки без Америки не обошлось! Очуметь! И что мне теперь, нищему, делать в этом доме?!

БАБА АНЯ. Какой же ты нищий? Квартиру в городе купить – деньги немалые нужны.

АНТОН. Нужны.

БАБА АНЯ. Что же прибудняешься?

АНТОН. Да я, собственно...

Замолчал.

БАБА АНЯ. Что такое? Опять гадость какую-нибудь хочешь сказать?

АНТОН. Ну вот! Сразу и гадость... Я правду хочу сказать. Я о деньгах-то для форсу говорил. Цену себе набивал. На самом деле... Нет у меня ничего. Так... Сто рублей с копейками. На мелкие расходы. Пивка купить.

БАБА АНЯ. Вот тебе раз.

АНТОН. И в Америке я... ни в какой не жил. Никогда. Сказки! Мы их, Анна Кузьминична, тоже умеем сочинять.

БАБА АНЯ (*растерянно*). А где ж ты десять лет болтался?

АНТОН. Везде. Куда судьба забросила, там и болтался.

БАБА АНЯ. Опять «судьба»!

Через паузу.

Я сама тебе квартиру куплю. В городе мне за картины сто сорок пять тысяч дают. Ну, уж если пропьешь, пеняй на себя!

АНТОН. Сто сорок пять тысяч! С ума сойти!

ЛЕШКА (*растерянно*). Так много? Неужели правда?

БАБА АНЯ. Сама не верю.

АНТОН. Лешка! У тебя бабуся – миллионерша!

БАБА АНЯ. Где наша не пропадала! Может, и буду!

АНТОН. Главное, о хлебе насущном думать не надо. ...Вот так пироги! (*Встал, закурил.*)

Анна Кузьминична... И вы мне... Мне, непутевому... Квартиру купите?

БАБА АНЯ. Куплю!

АНТОН. Почтище сказок, ей-богу!.. *(Вдруг сообразив.)*
 Пойдите-ка. А Лешка, стало быть, у вас останется?
 А меня побоку?

БАБА АНЯ. Как же иначе? Ты женщину найдешь. Семья
 образуется. Своя. Дети пойдут... Будете жить-пожи-
 вать, добра наживать.

АНТОН. Вот оно что... Покупаете меня?

БАБА АНЯ. Я? Зачем мне тебя покупать? Я как лучше хочу.
 Лешка уже самостоятельный. У него – своя жизнь.
 У тебя – своя. Вместе-то вам тесно будет. Да с незнако-
 мой женщиной.

АНТОН. А вам, значит, вдвоем не тесно?

БАБА АНЯ. Пока место хватало.

АНТОН. Понятно. Ну, что ж... Семья у меня, конечно, будет.
 Можете не сомневаться. А Лешку... Его делить придется.

БАБА АНЯ. Это как же? Распиливать его будем, как в цирке?

АНТОН. Вы не лукавьте, Анна Кузьминична. Я говорю о том,
 что... Он неделю у меня будет жить, неделю – у вас...

БАБА АНЯ. Что ему у тебя делать? С чужой женщиной!

АНТОН. Они познакомятся поближе. Она и станет – своя.

БАБА АНЯ. Ладно. Там видно будет. Поживем – увидим...
 Женщины, которые обеспечены, ведут особенный
 образ жизни. Может, и я себе кавалера найду.

АНТОН. Во, твоя бабуля дает прикурить! На старости лет
 новую жизнь начнет.

БАБА АНЯ. Мне и начинать не надо. Я и так уже не первый
 день новой жизнью живу. А теперь... Захочу – машину
 куплю. Тебя в шоферы возьму. Умеешь машину водить?

АНТОН. Долго ли научиться. На курсы пойду. За ваш счет,
 естественно.

Лешка вдруг встает из-за стола и уходит в комнату.

Чего это он?

БАБА АНЯ. Лешка, ты куда? Какая муха тебя укусила?

АНТОН. Вроде обиделся?

ГОЛОС ЛЕШКИ. Я поел уже. Спасибо. Подремлю еще...
 Спал плохо.

БАБА АНЯ. А лекции когда будешь читать? Когда меня про-
 свещать начнешь?

ГОЛОС ЛЕШКИ. Ты в город собралась. Там тебя американ-
 цы просветят.

Вбегают Машка.

МАШКА. Ой! Уже завтракаете?.. А я вот... Дверь-то не закры-
 та...

БАБА АНЯ. Специально не закрывали. Тебя ждали. Садись.
 МАШКА *(закрыв дверь, проходит на кухню, садится)*. У меня
 к вам, баба Аня, разговор есть, тайный. Ой, что спро-
 сить хочу! Что сказать! Такое дело... Аж дух захватыва-
 ет!

БАБА АНЯ. Вернусь из города – спросишь.

МАШКА. Ой! Вы в город едете? Счастливая! Наверно,
 с этим представительным мужчиной? Такой важный,
 с сумочкой.

БАБА АНЯ. Да у него только вид такой. На самом деле... еще
 тот прохиндей. К Насте отправился...

МАШКА. А дядя Ваня весь светится. Не иначе как на поправ-
 ку пошел. Ой! Какая жизнь чудная, какие в ней оборо-
 ты случаются. Успевай только понимать... А что это вы
 молчите? Случилось что?

АНТОН. Анна Кузьминична у нас теперь бизнесменша. Кар-
 тины продает. За сто сорок пять тысяч.

МАШКА *(растерянно)*. Ой! Ух ты!.. Целое состояние! И дадут?
 А вдруг обманут?

АНТОН. Какой интерес американцам обманывать?

МАШКА. Да какой у всех! У них там на каждом углу мафио-
 зия. Я телевизор смотрю.

АНТОН. Ну и то? Обманут – международный скандал обра-
 зуется.

МАШКА. Неужели? Ой! Как же я рада за вас, баба Аня!
 Теперь вы каждый день можете себе свою любимую
 халву покупать.

АНТОН. Анна Кузьминична мне квартиру собирается
 купить. В городе.

МАШКА. Ой! Да не может быть! Баба Аня! *(Смотрит с восхи-
 щением.)* Вы не человек, вы – чудо! Вы... Как... Божия
 Матерь!

БАБА АНЯ. Помолись еще на меня. Совсем у тебя, Машка, мозги в раскоряку.

МАШКА. Да нет же! Вы такая... Я ведь до этого... думала-гадала: как быть? И вдруг, вы... *(Осеклась.)* Лешка поел уже?

АНТОН. Пошел дремать. Не выспался, вроде. Надо бы ему тоже что-то купить, Анна Кузьминична. Отцу – квартира, а сыну... Что он – рыжий?

БАБА АНЯ. Как-нибудь обойдемся без твоих советов. Больно деловой стал.

АНТОН. Время такое. Практичное. Без расчетов теперь только дураки живут.

БАБА АНЯ. Далеко ты на своем расчете уехал?

АНТОН. Да я-то не рассчитывал. Мне и в дураках удобно было.

БАБА АНЯ. Оно и видно.

МАШКА. Мне, наверно, лучше уйти.

БАБА АНЯ. Сиди.

АНТОН. Вот ведь докатилась и до вас волна. Придется учиться деньги считать.

БАБА АНЯ. Я их всегда считать умела.

АНТОН. Так то разве деньги?.. Так... Копейки. А тут... Миллионами ворочать будете.

БАБА АНЯ *(вдруг тихо)*. Что-то мне нехорошо... *(Поднялась и тут же села.)* В глазах... рябь какая-то.

МАШКА *(подскочив к бабе Анне)*. Ой, баба Аня... Давление, наверно? Таблеточку дать?..

БАБА АНЯ. Погоди, милая, погоди... Сейчас отпустит. У меня такое бывает. Редко, но бывает. Возраст, все-таки. Легче уже... Вроде как проясняется. Переволновалась шибко. День такой... Особенный.

МАШКА. Как же в город поедете, баба Аня?! Нельзя вам!

БАБА АНЯ. Хорошо поеду. Я себя знаю.

АНТОН. Таблетки с собой надо бы взять. А то, мало ли...

БАБА АНЯ. Испугался?

АНТОН. Само собой.

БАБА АНЯ. За меня или за квартиру?

АНТОН *(всплыв)*. Да что ж вы меня так опускаете?! Анна Кузьминична! Я что, чурка какая?!

БАБА АНЯ. Шучу я так. Не по-доброму. Знаю. Разговор мне наш не понравился. Занесло меня куда-то... Не в ту степь. От того и плохо стало. *(Машке.)* Пока я в городе буду, ты бы тут... прибралась.

МАШКА. Ой! Баба Аня! Конечно! Я всегда рада у вас побыть... Как я без детей скучаю, если б вы знали. Только дядя Ваня замер, я и... Как коза вокруг колышка. Вторую неделю к детям не хожу. Боюсь я, кого найдут. Как я буду без них?

БАБА АНЯ. Сиделку найдем. Калистратовна в прошлом медсестрой была. Что ей, лишние деньги не нужны?

МАШКА. Не пойдет она. Гордая. Разве что я попрошу.

БАБА АНЯ. Конечно, ты. Со мной она и разговаривать не станет.

АНТОН *(вставая)*. Прошу женщин извинить меня. Схожу... подумаю. *(Выходит в туалет.)*

БАБА АНЯ. И какую ты мне тайну хочешь рассказать?

МАШКА *(показывает на туалет)*. Потом... Слышно.

БАБА АНЯ. Потом так потом... Тебе бы, Машка, мужика хорошего найти. Засиделась ты в девках. Этот твой ушастый из магазина мне не нравится. Пустой больно. Глаза глупые, как у курицы. Чего ты в нем нашла?

МАШКА *(покосившись на туалет)*. Он вовсе не мой, баба Аня. Я уже давно с ним не встречаюсь. Я ни с кем теперь не встречаюсь. Мне нравятся определенные мужчины. У нас таких нет.

БАБА АНЯ. Какие же определенные?

МАШКА. Большинство мужчин, баба Аня, как дирижабли. Я по телевизору видела. И воздуху много, и большие, и основательные, и летают, а радости никакой.

БАБА АНЯ. А тебе, как самолет, подавай. Чтоб дух захватывало?

МАШКА. Самолет, конечно, лучше, но я не про это... Мне человек нужен, а не летательный аппарат.

БАБА АНЯ. Они все человеки... Что-то я не пойму.

МАШКА. Ой! Баба Аня! В человеке все есть! А не один воздух или способности летать.

БАБА АНЯ. Что «все»? Принца заморского ждешь. Не дож-
дешься.

МАШКА. Да нет же! Принцы, они сладкие! А мне нужен,
чтобы все в нем. Как в салате «оливье».

БАБА АНЯ. Ну, знаешь... Ты хоть думай, что говоришь! А то
так можно не знамо до чего договориться.

МАШКА. Мне бы, например? Такого? Как дядя Ваня, но пос-
покойнее.

БАБА АНЯ. О-о! Чего захотела. Таких, днем с огнем не
сыщешь. Ты его молодым не видела... Ох, горячий...
Стройный, плечистый... Волосы кудрявые. Мы с ним...
Погуляли на славу. И почему он мою подругу выбрал,
до сих пор не пойму?! И прожили-то они три года. Она
ему Иринку оставила и укатила...

Возвращается Антон, и женщины замолчали.

АНТОН (*усаживаясь*). Содержательный у вас разговор. Аж
дух захватывает.

БАБА АНЯ. Не слушал бы. Не для твоих ушей говорили.
Сидел бы себе, да думал.

АНТОН. Когда о таких важных вещах говорят, плохо дума-
ется. Чайку, что ли, еще выпить?

МАШКА. Сидите. Я налью вам.

БАБА АНЯ. Загляну-ка я в комнату.

Направляется в комнату.

АНТОН (*печально*). Не согласится она.

МАШКА. Подождать надо.

ГОЛОС БАБЫ АНИ. Ты что, а? Ты что это?! Ну-ка, покажи!
Чего прячешь? Дай сюда! Я тебе говорю!

ГОЛОС ЛЕШКИ. Ничего не прячу! Иди! Пошла!

ГОЛОС БАБЫ АНИ. Это что ж ты?! Что задумал, а?!

ГОЛОС ЛЕШКИ. Уйди! Не трогай меня!

Слышна возня.

АНТОН. Что там такое?

БАБА АНЯ (*вбегая*). Вы посмотрите-ка! А?! Посмотрите! И где
он их только взял? (*Показывает горсть таблеток и пузырек.*)

Вы только посмотрите... Чужало мое сердце! Чужало! Это
надо же! Надо же, что удумал! (*Выбрасывает в туалет таб-
летки.*) Как меня бог спас... Как же я вовремя зашла!

МАШКА. Ой! Баба Аня! Я сразу поняла! Я только увидела
глаза его! У меня мурашки по телу так и побежали...

БАБА АНЯ. Хочешь меня в гроб загнать раньше времени? Не
позволю! Я тебе кто? Единственный близкий человек!
Ты думал, что со мной станется?! Подумал? Да и глав-
ное: с чего? Что я тебе плохого сделала?!

ЛЕШКА (*выбегает, в истерике*). Зачем я тебе теперь нужен?!
Зачем?! Ты сама себя обеспечишь! Я тебе не нужен!
Я никому не нужен! Я больной! Глупый! Недоумок!
Я ничего не умею делать! Зачем я тебе?! Такой! Урод!
Я только ради тебя и жил! А теперь... У тебя все есть!
Я не хочу, как он... Я думал, мы когда-нибудь вместе...
В Америку поедem. Что он возьмет нас! С тобой! А он
сам... Ненавижу себя! Такого! Никчемного! Глупо-
го! Ни на что не годного! Зачем я тебе?! Что мне тут
делать?! Там с матерью! Лучше! Я к ней хочу! Она ждет
меня! Я знаю, что ждет! (*Плачет.*)

БАБА АНЯ. А ну, замолчи! Замолчи, говорю!

Толкает его на стул.

Ишь, что выдумал! Он никому не нужен?! Ты снача-
ла себе нужен! Себе! Тебя бог для чего создал, чтобы
ты таблетки глотал?! Чтобы ты в мир этот не верил?
(*Антону и Машке.*) Дайте ему воды!

*Притихшие Антон и Машка дают Лешке воды. Он пьет в полусте-
терике, зубы стучат об край стакана, вода проливается.*

ЛЕШКА. Отстаньте от меня! Не нужна мне вода! Не хочу!
Я только обуза всем!

БАБА АНЯ. Пей, пока дают! Обуза! Ишь, чего выдумал?!
Я тебе быстро мозги вправлю!

ЛЕШКА. Вот именно! У меня всю жизнь мозги набекрень.
Я же говорю, что урод! Никому не нужный урод!

БАБА АНЯ. Да замолчишь ты или нет! Как тебе не стыд-
но! Молодой, красивый! Здоровья нет? Вылечим! Да

и от чего нет? От того, что себе не веришь! В себя не веришь! Все на других оглядываешься. Хочешь, чтобы само собой все образовалось? Дороже самой жизни на белом свете ничего нет! Каждый ее миг на вес золота. Каждый листок на дереве... Пылинка каждая... А ты грязными своими лапами...

ЛЕШКА. Я мылся! Я душ сначала принял! Я чистый!

БАБА АНЯ. Чистый, так слушай! Что тебе говорят! Ты мне всегда нужен был! А если б и не нужен, то что? Мы себе должны быть нужны! В первую очередь. Мир этот в радость нам дан! Думаешь, я почему картинки рисовать стала... Да потому что мир увидела! Радость его познала! Почему, думаю, я должна слезами обливаться? Почему без толку у окошка сидеть? Какой такой бес меня закрутил, что словно заживо в могилу сунул? Вот уж не знаю, Бог ли надоумил или кто... Только увидела я свет. Поняла, что не жила... Или плохо жила. По-глупому. Вот и стала кисточкой водить. Спасибо, Васильич помог. Мне! Старухе! Помирать надо... А я... вот красками балуюсь. Так что о тебе говорить?! Да я могла и не рисовать. Мне просто на лавочке сидеть в радость стало. Словно пелена с глаз спала. Словно глаза открылись. Мир божий увидела во всей красе... Вот и ты открой глаза-то... Открой! Если любишь меня... Если я для тебя не пустой звук... Не кукла Барби или ящик какой с картинками, а живой человек! Посмотри вокруг. На себя посмотри! И еще этому, который себя отцом твоим считает, глаза открой. А то он их вином-то залил... Заспиртовал!

АНТОН. Неправда! Я давно уже мало пью!

БАБА АНЯ. Молчи! Не об тебе речь. Вон Васильич лежит без движения. Парализованный. А глаза светятся! Ты сходи, посмотри на него. Посмотри! Во что он верит? Чему радуется?! А?! Переживаешь, что у тебя нет того, что у других? Что компьютера и машин всяких нет, что не стал пока Архимедом или кем там... Кобзоном, или Каприом каким-то?.. Так что? Эка невидаль... Вот счастье-то. Перед людьми красоваться. Голый зад пока-

зывать... Мы зачем живем-то? Зачем? Чтоб пройти тропинку свою... Свою дорожку. А она у каждого-то... Разная. И ни одна ничуть не хуже другой!.. Чем я, к примеру, хуже президента?! Что государством не умею управлять? А почему я должна уметь? Плевать мне на это! Дай бог собой по-людски управлять... А то меня ведь тоже заносит. Да-да. Старое-то, оно так и тянет... Как бес лукавый. На ухо шепчет. Только я его посылаю. Куда подальше. Потому как знаю, что мир вокруг меня всех богатств краше! Никакие доллары теперь мне его не закроют. Как бы мне тошно не было! А мне, милый мой, еще как тошно бывает. Да и здоровьем я не богата, сам знаешь. Да и есть бывало нечего... Как же ты в разных местах побывал и ничего хорошего не заметил?.. Не верю!

ЛЕШКА (*тихо*). Я заметил.

БАБА АНЯ. А чего тогда туча тучей заявился?! Москва мозги поворотила? Всякие блага, да красивая жизнь пылью глаза зачернила? Хочешь жить, как министры?

ЛЕШКА. Как министры не хочу.

БАБА АНЯ. А как кто? У них своя дорожка... И дай бог им счастья! Пусть они там... У тебя своя жизнь! И пестовать ее нужно, как свой чирей на попе.

ЛЕШКА. Я его не пестовал.

БАБА АНЯ. Да уж... я будто не знаю. Все лето носился с ним, как курица с яйцом.

ЛЕШКА. Больно было.

БАБА АНЯ. А жизнь она такая... Больно, а радоваться надо!

Берет стул, подсаживается к Лешке, осторожно гладит.

Родненький ты мой... Я ж тебя люблю. Люблю. Ты мне из-за денег, что ли, нужен? Ты мне так нужен. Я без тебя сразу помру. Я картины рисую, а сама думаю, где он, что с ним... Тяжело ему там? Легко? Одет ли? Сыт ли? Я ж без тебя, как птица без крыльев. Как цветок без воды. Ты у меня... Как в этой дурацкой песне поется?.. Забыла.

ЛЕШКА. Не знаю.

МАШКА. Зайка моя...

БАБА АНЯ. Вот именно.

Резкий звонок в дверь.

Господи! Напугал!

Машка открывает дверь, входит слегка выпивший посетитель.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Анна Кузьминична, все в ажуре. Картины упакованы. Так что... можно отправляться в путь-дорогу. От Насти большой привет вам. Мы с ее мужем очень хорошо посидели. Как братья. Он у нее толковый мужик...

БАБА АНЯ. Рада за вас и за Настю. Спасибо вам за привет... Но я никуда не поеду.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Почему? Завтра сложнее будет. У нас завтра совещание. Да и американцы ждут. Никак нельзя.

БАБА АНЯ. У вас совещание, а у нас встреча близких родственников. Езжай, милый, к себе. Скажи, что мне некогда, да и передумала я. Никаких картин продавать не буду.

ПОСЕТИТЕЛЬ (*трезвая*). Да вы что, Анна Кузьминична. Мы же сговорились. Так дело не пойдет. Я без вас не уеду. Вот здесь сяду и буду ждать. (*Садится на пол.*)

АНТОН. Не горячитесь, Анна Кузьминична. От добра добра не ищут.

МАШКА. Баба Аня! Это ж деньги! Как же так?! А квартиру Антону Яковлевичу! Он ведь мне вчера предложение сделал!

БАБА АНЯ (*с удивлением*). Здрасьте! Приехали!

Пауза.

МАШКА (*тихо*). Я потом сказать хотела. У меня само как-то вырвалось.

БАБА АНЯ. Это что ж получается? Он и есть твой салат «оливье»? И на Васильича он похож? Да он самый настоящий дирижабль!

МАШКА (*тихо*). Неправда!

БАБА АНЯ. Человек ей нужен определенный! Какой же он человек? Он – перекаати-поле. Сорная трава. Да нет... именно что «дирижабль»!

АНТОН. Напрасно вы так, Анна Кузьминична. Между прочим, Маша – человек самостоятельный, взрослый. Сама себе хозяйка. И вы нам не мать.

БАБА АНЯ. Если б я была твоя мать, давно убежала бы на край света.

АНТОН. И бросили бы меня на произвол судьбы?

БАБА АНЯ. Ох! За что мне такое наказание?.. Дура я, дура! Сама козла в твой огород запустила!

МАШКА. Да что вы! Баба Аня! Мы с Антоном Яковлевичем очень душевно побеседовали. Он ведь совсем другой!

БАБА АНЯ. Волк он в овечьей шкуре! Вот он кто! Мозги тебе запудрил. Да и как быстро-то. Раз, два – и спелись. Как в сказке.

МАШКА. Я всегда его ждала, баба Аня. Вот вы телевизор не смотрите, а я смотрю, иначе вы бы меня поняли. Я, конечно, не такая умная, как там. И не красавица. Но и я знаю, что такое большая любовь.

БАБА АНЯ. Ты-то, может, и знаешь... А он? У него-то к тебе что? Какой интерес?

АНТОН. Вы сами сказали: женщину найдешь... Вот я и нашел. Я что, полюбить не могу? Я тоже – человек! Я ее за муку полюбил!

БАБА АНЯ. Ой! Светопреставление! Сказка! Царевна-лягушка и Иван-царевич! Лешка! Ты у нас за серого волка. А я... Баба Яга. А вы, гражданин... Не успела узнать, как вас величать?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Трифилий Игнатьевич я.

БАБА АНЯ. О! Редкое имя. Из греков, что ли?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Господь с вами! Я русский! Чистокровный.

БАБА АНЯ. Ну, хорошо, Трифилий Игнатьевич. За Кощея Бессмертного будете.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Почему это за Кощея? Я что, на него похож?

АНТОН. Анна Кузьминична юность вспомнила. Когда она в самодеятельности участвовала.

БАБА АНЯ. И вспомнила! С вами еще не то вспомнишь!.. Короче! (*Машке.*) Зачем вам еще квартира? Вот он у тебя и будет жить.

МАШКА. С дядей Ваней? Он квартиру родной дочке завещал. Она мне сама завещание показывала.

БАБА АНЯ. Дочке, которая в Москве живет и как отец родной выглядит, забыла?

МАШКА. Что делать... Я ведь ему приемная. Разве что по прописке... Так ведь они делить начнут. Ой, баба Аня! Тоска... Я не выдержу.

БАБА АНЯ. Ты отца раньше времени не хорони.

МАШКА. Ну, что вы! Я ведь так... Что ж делать?.. Мысли-то скажут. Само думается.

БАБА АНЯ. Вот именно, что скажут.

АНТОН (*основательно*). Не переживайте. Я заработаю. Я, Маша, заработаю. Надо же когда-то новую жизнь начинать.

БАБА АНЯ. Не зарабатывай.

АНТОН. Не верите?

БАБА АНЯ. Верю. Но когда зарабатываешь, она тебе уже не нужна будет, квартира-то.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Придется ехать, Анна Кузьминична. Да и зачем американцам удовольствие доставлять? Пусть они раскошелятся. Я бы с них в два раза больше содрал. Картины-то у вас – чудо... Они за бугром их за миллион продадут.

ЛЕШКА. Да что вы на бабулю набросились! Она так решила.

Пауза.

БАБА АНЯ. Считаешь, не продавать мне их?

ЛЕШКА. Я не знаю. Если б в них все дело было... Ты же сама сказала, у каждого своя дорожка...

БАБА АНЯ. Опять в путь отправляешься? По чужим углам скитаться.

ЛЕШКА. А что еще делать? Деньги на дороге не валяются.

БАБА АНЯ. Деньги-то не валяются... А вот люди... Могут в яму свалиться и... До конца жизни там барахтаться. Упасть легче, чем подняться.

АНТОН. Это вы опять обо мне?

БАБА АНЯ. Больно много чести.

Через паузу.

Поеду я. Только... Торговаться тоже буду! Пусть уж платят по полной программе. Миллион так миллион...

МАШКА. Ой! Баба Аня! Вы же не умеете! Они вас обманут.

Я сейчас-то боюсь, как бы они вас не надули...

БАБА АНЯ. А ты не боюся. И не обманут.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Они все решили, Анна Кузьминична. Ничего не выйдет.

БАБА АНЯ. Ну, не выйдет, значит, не судьба. Как говорит Антон Яковлевич. На месте разберемся. (*Начинает собираться. Машке.*) Поди Васильича проверь, да и возвращайся... (*Антону и Лешке.*) А вы тут не переругайтесь.

АНТОН. Чего нам ругаться. Свои люди.

БАБА АНЯ. Свои люди чаще всего ругаются. Ну.. ничего не обещаю. Бог рассудит. Прощайте! (*Пошла, вернулась.*) Вернусь, на кладбище отправимся.

Уходит вместе с Трифилием Игнатьевичем.

МАШКА. Пойду, проверю дядю Ваню.

АНТОН. Сходи.

МАШКА. И покормлю его.

АНТОН. Покорми.

МАШКА. Я не виновата. У меня само вырвалось.

АНТОН. Что вылетело, того не поймает. ...Да будет тебе переживать. Проживем как-нибудь.

МАШКА. Я «как-нибудь» не хочу. Хочу хорошо.

АНТОН. Хочешь – значит, будет. Ступай.

МАШКА. Только вы обо мне не забудьте.

АНТОН. Разве ж тебя забудешь?

Машка выходит. Пауза.

ЛЕШКА. Что это вы вдруг выдумали? Она же намного моложе тебя.

АНТОН. Ну и что? Она мне всегда нравилась. Когда я ее еще девчонкой видел. После твоей матери на втором месте была. Она всегда на меня с обожанием смотрела.

ЛЕШКА. Женитесь. Дети родятся.

АНТОН. Все может быть.

ЛЕШКА (*посмотрев на часы*). Еще только двенадцать...

АНТОН. Да. Пивка бы сейчас.

ЛЕШКА. Я бы от водки не отказался.

АНТОН. Еще чего! Ты смотри у меня.

ЛЕШКА. Ты мне не указ. У тебя своя семья будет.

АНТОН. Одно другому не мешает.

Пауза.

ЛЕШКА. Мы велик-то только в прошлом году выбросили.

На попа стоял. У дверей. Как башня. Все об него ноги били...

АНТОН. Какой велик?

ЛЕШКА. Обыкновенный! Зеленый. С одной педалью.

АНТОН. Ну и... Зачем? Педаль потерялась, что ли?

ЛЕШКА. Зачем-зачем? Отвалилась! Еще когда потеряли!

АНТОН. Когда?

ЛЕШКА. Когда ты меня учил! Мы в канаву свалились... Все забыл.

АНТОН. А! Тогда-то. Ну, помню.

ЛЕШКА. Ничего ты не помнишь. Мы еле доперлись. Ты меня на себе тащил.

АНТОН. Так ты ушибся сильно. Как же не помню... Мать еще меня полотенцем хлестала. Горланила, что рано тебе...

Мал еще. А я... Вот ведь... А потом чай пили... с баранками. Вместе.

ЛЕШКА. Я баранки до сих пор люблю.

АНТОН. Ну! Сейчас они не те. Суховаты. И сладость не та.

ЛЕШКА. Все равно.

АНТОН. Я тебе хотел привезти... Да передумал. Какие в Америке баранки...

ЛЕШКА. Мне те, что ты из деревни привозил, нравились...

А в лото играли, помнишь?

АНТОН. Как же. Я всегда выигрывал.

ЛЕШКА. Не всегда. Я тоже выигрывал.

АНТОН. Ты? Когда?.. Ну, разок-другой... Тебе мать помогала.

ЛЕШКА. Неправда. Это ты ей помогал. Я видел. Искал бочонки с ее цифрами. А бабуля обижалась.

АНТОН. Бабуля ревновала.

ЛЕШКА. Зачем ей? Она выиграть хотела.

АНТОН. ...Теперь в лото не играют. Теперь компьютер.

ЛЕШКА. И видик. ...Я одно кино видал у мужика... Ну, по видуку... Там человек всю свою жизнь вспоминает...

АНТОН. Старик?

ЛЕШКА. Кто?

АНТОН. Вспоминает.

ЛЕШКА. Почему? Ему, как тебе. Даже меньше.

АНТОН. И чего он?

ЛЕШКА. Чего?

АНТОН. Ну, вдруг... Вспомнил.

ЛЕШКА. Так. Захотелось.

АНТОН. Бывает. Я вот тоже, когда ехал сюда... Вспомнил.

ЛЕШКА. Что?

АНТОН. Как меня корова боднула. Шрам, между прочем, на всю жизнь, на самом заметном месте. Хочешь покажу?

ЛЕШКА. Не хочу.

АНТОН. Как хочешь. Я ведь сильный был. Да. Между прочим, и сейчас ничего. Пообтрепался малость в странствиях-то... Ну... Отдохнуть надо. И я... Организм у меня закаленный.

ЛЕШКА. Проспиртованный.

АНТОН. Бабке вторишь.

ЛЕШКА. ...Я себе представлял все, как ты нас в Америку заберешь... Как мы... На белом пароходе поплывем.

АНТОН. Почему на пароходе-то?

ЛЕШКА. А я знаю?.. Виделось так. Когда мы тут с бабкой загибались... Года три назад. Ей пенсию не давали. И мне не везло. Гнали отовсюду. Если б не дядя Ваня... Сон мне был. Белый пароход – и мы с бабулей на нем. С чемоданами и с велосипедом... На палубе. А ты на берегу в черном костюме и в белой шляпе... Вокруг люди какие-то. Много людей. Я по трапу схожу. Чемоданы с велосипедом у меня два здоровых мужика в детских панамках забирают. И ты ко мне бросаешься. Обнимаешь меня. Целуешь... А бабули нет. Все ее искать бросились. На корабль побежали, а она, оказывается, в машине. В черной такой, большой, с открытым верхом... Сидит и нас зовет.

АНТОН. Вот сон-то в руку.

ЛЕШКА. Ну, мы сели в машину. Ты за рулем.

АНТОН. Точно в руку!

ЛЕШКА. И только ты газ включил, как машина в воздух поднялась. И мы полетели.

АНТОН. Самолет, значит?

ЛЕШКА. Да нет! Машина! Внизу люди. Толпа. Все веселые такие, нам машут, кричат что-то радостное. В руках шары разноцветные. А мы все поднимаемся и поднимаемся... И вдруг уже облака. Разные облака. Красивые. А после... Потом. Мама вдруг...

АНТОН. Ну да? Рядом, что ли?

ЛЕШКА. На облаке. Впереди. В сарафане своем голубом стоит. В том, что ты ей подарил. Мы мимо пролетаем, я кричу: «Мама, давай к нам!»

АНТОН. А она?

ЛЕШКА. Она говорит: «Я потом. Вы меня ждите... Я после буду!.. «Вам, – говорит, – и без меня хорошо». Мы пролетаем мимо нее. Я оборачиваюсь. Ее и нет уже. Я кричу: «Мама, ты где? Где?» Вы меня с бабулей держите... А я кричу, плачу... И тут, вместо мамы, Машка...

АНТОН. Ну, точно в руку! Я же говорю!

ЛЕШКА. Я Машке кричу: «Зачем ты?! Где мама? Надо маму найти! Давай ищи!..»

АНТОН (*после паузы*). Ну... и дальше что?

ЛЕШКА. Дальше я проснулся. Меня Машка будит. «Бабуля, – говорит, – в собес пошла. Вставай».

Пауза.

АНТОН. Да-а... какая история. Пророческий сон.

ЛЕШКА. Теперь мне... Ни Америки, ни... И жизнь... Как зеленый велосипед без педали...

АНТОН. Да ты чего! Какие твои годы... Профессию приобретешь. Встретишь барышню... Светлую.

ЛЕШКА. И что из этого? Наговорила, наговорила... А дальше – жить!

АНТОН. Кто? Бабуля твоя? Это она всегда умела. Говорить. Правда, и делать тоже умела. Если что и держалось в доме, так только благодаря ей...

ЛЕШКА. Я ее люблю.

АНТОН. Да я вообще-то тоже.

ЛЕШКА. А меня?

АНТОН. Ты ж сын мой.

Пауза.

ЛЕШКА. Вроде по обязанности...

АНТОН. Да что ты, глупый!

Хватает Лешку за зашивок. Лешка утыкается в отца. Через паузу оба одновременно молча закуривают.

ЛЕШКА. Я все время о тебе думал.

АНТОН. Я почему-то, тоже.

ЛЕШКА. Мне тебя... Мне без тебя... Бабуля она и есть бабуля.

Одному, конечно, тоже хорошо...

АНТОН. Одному тоскливо. Бывает.

ЛЕШКА. Вот-вот.

АНТОН. Вдвоем веселей.

ЛЕШКА. Ага. А когда втроем, или вчетвером, или...

АНТОН. Всем миром... Чтоб нам так жить... Вместе. Было бы хорошо.

ЛЕШКА. Сказка.

АНТОН (*продолжая*). ...Ложь, да в ней намек. Добрым молодцам – урок.

С шумом в квартиру вваливается баба Аня, за ней – Машка. Мужчины растерянно встают.

БАБА АНЯ. Вернулась! (*Садится.*) Решила их так отдать.

Подарить, стало быть. Вспомнила я, что у них трагедия получилась с терроризмом-то... Представила себе, что я буду торговаться в трагическое время... Машину оставила. И говорю их посреднику... Вези мои картины им в подарок. Тот, конечно, растерялся. Уговаривать меня стал. А я ни в какую... На попутке доехала. Хороший человек попался. Десятку с меня взял.

АНТОН. Эх, ексель-моксель. Еще и в накладе оказались.

БАБА АНЯ. Что я, торговка какая?!

АНТОН. Крепко в вас, Анна Кузьминична, коммунистическое сознание сидит.

БАБА АНЯ. Сознание у меня одно! Мое!.. Я новые нарисую.
И продать всегда успею. У меня в подвале вон сколько... Штук пятнадцать осталось.

МАШКА. Ох, баба Аня, баба Аня!

БАБА АНЯ. Что «ох»? Васильич встал?

МАШКА. Будет вам... Ожил маленько. Я его покормила...
Опять нищенствовать хотите? А Лешка? Опять ски-
таться?

БАБА АНЯ. Я его не пушу. Пусть только попробует!

МАШКА. А картины?! Краски, холсты! На что вы все поку-
пать будете? Талант свой в землю зароете? Бог с ней,
с квартирой, перебьемся. И на еду найдем... Как-
нибудь. Но картины-то... Не позволю вам! Сама с про-
тянутой рукой пойду... Лишь бы... людям добро!

БАБА АНЯ. Ой! Добро! То-то я вижу, как они, люди-то, на
скамеечке шепчутся. Мое «добро» обсуждают. Как они
шипят – точно гусыни.

МАШКА. Разве то люди! Тетки старые!

АНТОН. Бабье!

МАШКА. Они и не шипят. ...Когда это вы на них внимание
обращали? Прямо не узнаю вас.

БАБА АНЯ. Поживи с мое: всех не узнавать будешь. Не толь-
ко меня.

АНТОН. Горячитесь, Анна Кузьминична. Горячитесь. Рань-
ше я такого не замечал за вами.

БАБА АНЯ. Много ты в своей жизни замечал? Себя не заме-
тил, а туда же!

АНТОН. Кто старое помянет, тому глаз вон.

БАБА АНЯ. Да я бы рада была свои глаза на месте твоих
дырок вставить. Только природа не позволяет. Не при-
живутся.

ЛЕШКА. Если б он не прозрел, бабуля, он бы не вернулся.

БАБА АНЯ. Великое прозрение. Жизнь прищучила – и вер-
нулся. Вот оно и все прозрение.

ЛЕШКА. Ты же не знаешь! Бабуля!

БАБА АНЯ. Я одно знаю... Язык у меня с трудом поворачи-
вается «штуками» их называть. Они для меня, словно
дети. Как я их продавать могу?

АНТОН. Раз дети, будем их растить.

БАБА АНЯ. Да. Я смотрю, шибко вы опечалились.

АНТОН. А то нет? Сто сорок пять тысяч на дороге не валя-
ются.

БАБА АНЯ. Значит, так... *(Встала.)* Маршрут такой... Идем
сейчас к дяде Ване, потом в подвал. На картины пос-
мотрим, а дальше – к Людмиле... Поживем – увидим.
Надо с Людмилой посоветоваться. Да и их тоже спро-
сить.

ЛЕШКА. Кого их?

АНТОН. Кого? Детей. Несообразительный ты, Лешка.

БАБА АНЯ. Я из машины-то вышла... Когда вернулась. Бог
мой... Солнышко, словно мать родная по голове гла-
дит. Птицы на дереве, как летом щебечут. Не иначе мне
что говорят. По лестнице поднимаюсь... Радость такая
во мне, будто я своей любимой халвы объелась досыта.
К чему, думаю, так? Сейчас поняла... И вправду день
особенный.

АНТОН. Само собой.

БАБА АНЯ. Это Людмила знаки мне подает. Слово благо-
словляет. Разве я не счастливая? Внук рядом. Не шата-
ется где-то по городам, весям... Рядом с внуком – отец
его... Уж какой есть, другого бог не подал. Хорошо хоть
заявился, и на том спасибо. А с отцом рядом любящая
его мадам... Может, ей и горько с ним придется, да сама
выбирала. И картины мои со мной... Чего еще надо?..
Какая, все-таки, жизнь веселая! Успевай только улыба-
ться. Скучать некогда. *(Сказала и заплакала, и потом добавила.)*
Хорошие вы мои... Как же я вас всех люблю.

Резкий звонок в дверь, все вздрагивают.

Господи! Кто это еще пожаловал?

Схватила за сердце.

Никак Ваня встал?!

Все испуганно замирают.

МАШКА. Ой! Баба Аня! Вот хорошо-то было бы!

Снова звонок.

АНТОН (*испуганно*). Бросьте вы! Если он парализованный, как он встать может.

БАБА АНЯ. А чудо! Сегодня все может!

МАШКА. Ой! Я по телевизору видела. Один герой долго лежал... Лет десять. А потом вдруг встал. И пошел на радость всем!

АНТОН. Так то кино, а тут жизнь.

Снова звонок.

БАБА АНЯ (*Машке*). Иди-ка, открой!

Машка идет открывать, и входит Трифилий Игнатъевич.

АНТОН. Вот вам и чудо.

БАБА АНЯ. Напугал ты нас, Трифилий.

ТРИФИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ. Чем же это? Я позвонил? Как положено. Я картины вам назад привез. Дарственную тоже оформлять надо. Без вас ничего не выйдет. Все равно в город придется. Ни сегодня, так завтра... Да и жалко такую красоту – даром. Было бы кому! Терроризм – он нынче у всех, а они... В деньгах, как в шелках. Переживут.

БАБА АНЯ. Все-таки я права была, Трифилий Игнатъевич.

ТРИФИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ. В чем, Анна Кузьминична?

БАБА АНЯ. Есть в тебе что-то от Кощея. Ей-богу, есть. (*Повернулась.*) Что ж... Пошли Ваню навестим. Вдруг он и в самом деле...

АНТОН. Надеетесь?

БАБА АНЯ. Надеюсь. Без надежды никак нельзя. Надо верить.

Все выходят.

ЗАНАВЕС

Октябрь 2001

В полете, или «Мы рождены, чтоб сказкой сделать пыль...»

| Романтическая история
в двух актах, девяти картинах |

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЛЕНА, 25 лет

ДЯДЯ САША – 65 лет

ЭДИК (ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ) – муж Лены, 29 лет

АЛЕКСЕЙ, 26 лет

СЕРГЕЙ, 28 лет

МАРГО, 32 года

ПРОЛОГ

Утро жаркого лета. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь сосновый лес, освещают большую поляну. На нее-то и выходят оглядываясь дядя Саша и Алексей. Одеты они почти по-клоунски. Дядя Саша – в нелепой цветной рубашке с короткими рукавами и шортах, а Алексей в коротких и широких штанах бурого цвета и огромной желтой футболке.

АЛЕКСЕЙ (*оглядываясь*). Не рано ли мы остановились?

ДЯДЯ САША. Судя по карте, озеро где-то рядом. Поставим машину там, под соснами. (*Восторженно.*) Боже мой! Леша! Какая жизнь! Я себе представить не мог... Как же это хорошо – быть свободным!.. Делать то, что душа пожелает... Почему сей перевертыш не произошел со мной раньше?!

АЛЕКСЕЙ. Всему свое время.

ДЯДЯ САША. Каким же я был занудой! Как скучно смотрел на мир! Не понимать красоты каждого мгновения... И... Да. Да! Молчу! На меня подействовал животворящий воздух. Все это – возбуждает и зовет к продолжению полета.

АЛЕКСЕЙ (*задумчиво*). Само собой.

ДЯДЯ САША. Сначала мы позавтракаем. Потом... Поиск озера. Чем раньше мы его найдем, тем лучше!

АЛЕКСЕЙ. Когда странствуешь, не стоит забывать... Мир не без добрых людей. Любой полет души может быть внезапно прерван.

ДЯДЯ САША. То есть?

АЛЕКСЕЙ. Вы ведь только научились летать... А я уже в школе совершал свои первые робкие попытки. К тому же, у нас с вами были разные школы.

ДЯДЯ САША. Я не столь наивен, как ты думаешь.
 АЛЕКСЕЙ (*мрачно*). Отлично. Пупком чую... место это...
 ДЯДЯ САША. Что с тобой? Ты сегодня какой-то...
 АЛЕКСЕЙ. Никак не проснусь.
 ДЯДЯ САША. А пора бы, дружочек! Рога трубят!
 АЛЕКСЕЙ. Неужели? Охота уже началась?
 ДЯДЯ САША (*внимательно посмотрев*). Ты все-таки странный... Непредсказуемый. Но это хорошо... Ты мне нравишься.
 АЛЕКСЕЙ. Вы мне – тоже. Что бы я делал без вас. Вы посланы мне судьбой.
 ДЯДЯ САША. Не говори глупости! Кто-нибудь другой подвез бы тебя...
 АЛЕКСЕЙ. Они всего лишь «подвозили». С ними у меня не возникало взаимопонимания на почве парения.
 ДЯДЯ САША. Ладно, хватит болтать. Я – за машиной, ты – за хворостом. Пора устраиваться.
 АЛЕКСЕЙ. Еще один серьезный вопрос.
 ДЯДЯ САША. Один?
 АЛЕКСЕЙ. Да. Перед началом новой жизни вы основательно изучили то, что называется дзэн?
 ДЯДЯ САША. Ну... Я прочел одну книгу... Очень толстую. И очень внимательно прочел... (*Вдруг замолчал, посмотрев на Алексея.*) Леша! Ты жуткий провокатор! Разве для того, чтобы открыть глаза на мир, нужно познать в совершенстве дзэн?
 АЛЕКСЕЙ (*улыбаясь*). Нет, конечно. Это я так. Праздное любопытство.
 ДЯДЯ САША. Ты... Если ты сейчас не отправишься за хворостом...
 АЛЕКСЕЙ (*вдруг, глядя в небо*). Дядя Саша! Вы только посмотрите! Чайка! С ума сойти!
 ДЯДЯ САША. Где? Не вижу?
 АЛЕКСЕЙ. Только что над нами пролетела чайка.
 ДЯДЯ САША. Прекрасно! Это говорит о том, что озеро совсем рядом!
 АЛЕКСЕЙ. И пора ставить машину.
 ДЯДЯ САША. Под соснами.

АЛЕКСЕЙ. И собирать хворост.
 ДЯДЯ САША. И разжигать костер.
 АЛЕКСЕЙ. Верно.
 ДЯДЯ САША. Так что ж ты стоишь?
 АЛЕКСЕЙ. Общение с вами притягивает, как магнит, дядя Саша. Трудно оторваться.
 ДЯДЯ САША. Приложи усилия.
 АЛЕКСЕЙ. Ради вас хоть в огонь.
 ДЯДЯ САША. Я пошел. (*Уходит.*)
 АЛЕКСЕЙ. Я тоже. Встретимся под соснами. Смотрите, не потеряйтесь. Пароль: чайка. (*Уходит.*)

ПЕРВЫЙ АКТ

Картина первая

Ранний вечер. Красивый берег красивого озера. Песок, камни, кусты, сосны. Лена тоскливо блуждает по берегу. На ней шикарное белое легкое платье. Звонит мобильный телефон.

ЛЕНА. ...Привет! Ты приближаешься?.. Рада. Нет, никто не звонил. Тебе показалось... Вечернее. Почему? Природа располагает... Я хотела тебя спросить... Да, я слышу. Скажи: спасибо. Нет, я читала... Сочувствую. Я надеюсь, Эд, что ты... Постараюсь... И я целую.

Лена выключила телефон и, повернувшись лицом к солнцу, села на большой камень. С правой стороны из-за деревьев появляется дядя Саша. Одет он в белые элегантные брюки и свободную светлую рубашку. Появившись, дядя Саша замечает Лену и останавливается, с восторгом разглядывая ее.

ДЯДЯ САША (*тихо*). Бог мой! Невероятно!

ЛЕНА (*почувствовав взгляд и обернувшись, удивленно*). Здравствуйте!

ДЯДЯ САША. Добрый вам день!.. Вы прекрасны! Вы... Чудо!

Прошу вас!.. Замрите! Хоть на чуть-чуть!..

ЛЕНА (*отворачиваясь*). Зачем? И что дальше?

ДЯДЯ САША. Дальше? Ну... Было бы очаровательно, если бы вы произнесли монолог Нины Заречной из пьесы Чехова «Чайка». «Люди, львы, орлы и куропатки, рога-тые олени, гуси...»

ЛЕНА. Я что, похожа на ненормальную?

ДЯДЯ САША. Боже упаси! Просто... Читая монолог, вы бы продлили чудо.

ЛЕНА. Неужели?

ДЯДЯ САША. Да. Волшебный берег! Колдовское озеро! И вы, такая юная и красивая... В легком белом платье... Сидите на камне в лучах заходящего солнца. Все почти как у Антона Павловича в пьесе... Чудо!

ЛЕНА (*вставая*). Понимаю... Рада за вас и за Антон Пальгача...

ДЯДЯ САША (*через паузу, заглянув в глаза*). ...Хотите, я расскажу вам о том, что прочитал в ваших глазах?

ЛЕНА. Вы – экстрасенс?

ДЯДЯ САША. Нет. Всего лишь режиссер. Театральный.

ЛЕНА (*заинтересованно*). Ого! Интересно. И зачем же вы сюда пожаловали, господин режиссер? Искали вдохновения?

ДЯДЯ САША. Бродил по лесу. Наслаждался прелестями первозданной природы. Потом натолкнулся на гигантский недостроенный забор. Или стену... Хотел уже повернуть назад... Как вдруг... Озеро. Берег. Девушка в белом платье...

ЛЕНА. Да еще и сидит на камне. И в полном одиночестве... Я это слышала... Так что ж вы там прочитали в моих глазах?

ДЯДЯ САША. Многое. Ваше желание, например.

ЛЕНА. Какое именно? У меня их много.

ДЯДЯ САША. Думаю, главное.

ЛЕНА. О! И что же это за желание?

ДЯДЯ САША (*через паузу*). Любить!

ЛЕНА (*через паузу*). Да ну? Я, между прочим, замужем.

ДЯДЯ САША. Я знаю.

ЛЕНА (*удивленно*). О? И я люблю своего мужа.

ДЯДЯ САША (*качает головой*). Не уверен. Ваше замужество – стечение обстоятельств. Вы хорошо к нему относитесь, но по-настоящему его не любите. По-настоящему вы еще никого не любили.

ЛЕНА (*с пафосом*). Вам сказали об этом мои глаза?

ДЯДЯ САША. Обычно, когда люди общаются, они слишком заняты собой. Если бы они почаще смотрели друг другу в глаза... Они многое смогли бы прочитать.

ЛЕНА. В самом деле?

ДЯДЯ САША. Во всяком случае... Понять, о чем человек думает, можно.

Пауза.

ЛЕНА. И о чем же я думаю?

ДЯДЯ САША (*стараясь подражать интонации Лены*). «Жаль, что этому толстенькому дядечке не двадцать пять или хотя бы двадцать семь... Хорошо бы было встретить прекрасного юного принца. Стройного, умного, доброго. Но принцы бывают только в сказках. Поэтому приходится созерцать старомодного придурка. В нем есть что-то привлекательное. Но, по-моему, он зануда. Можно, конечно, познакомиться с ним поближе, но...» Кстати, мы еще не познакомились. Меня зовут Александром или – дядя Саша. Как вам удобней?..

ЛЕНА (*резко*). Да не хочу я с вами знакомиться! И вообще... Все, что вы говорите, чушь собачья!

ДЯДЯ САША. Хотите! Не упрямитесь! Как вас зовут?

ЛЕНА. Черт те что! Лена меня зовут. И что дальше?

ДЯДЯ САША. Дальше... (*Через паузу.*) Я вас обниму и поцелую.

ЛЕНА (*заинтересованно*). Ну, знаете ли... Вот так сразу? Ни с того ни с сего? Вы все-таки... Не первой свежести.

ДЯДЯ САША. Да. Но меня это не смущает. Почему бы и не поцеловать? И вовсе не сразу.

ЛЕНА. Вы считаете, что я готова целоваться с каждым, кто блуждает тут по лесу? Путаєте меня с какой-то героиней.

ДЯДЯ САША. Нет, не путаю и не считаю. Здесь не бывает блуждающих. Я единственный и неповторимый.

ЛЕНА (*заинтересованно*). Послушайте...

ДЯДЯ САША. Я вас очень внимательно слушаю. Я впитываю каждое ваше слово, ваш жест, взгляд. Можно сказать, я улавливаю малейшее движение вашей души.

ЛЕНА. И не устали? Все-таки возраст?

ДЯДЯ САША. Что вы! Как можно! Я не устану никогда! Вы для меня – небожительница. Неужели можно устать от общения с небесным созданием?!

ЛЕНА. Меня еще сравнивали с лазерным лучом...

ДЯДЯ САША. Думаю, они были правы. Ваше свечение столь же ярко. Вы ослепляете.

ЛЕНА (*тихо*). Светит, да не греет.

ДЯДЯ САША. Звезды тоже не греют, но они прекрасны. Наверно, со звездой вас тоже сравнивали...

ЛЕНА. Не без этого. Только какой толк от звезд? Да и банально.

ДЯДЯ САША. Для кого как... Можно изнывать от тоски в дивном саду и радоваться, увидев первый росток турнепса или цветной капусты.

ЛЕНА. Вы еще и садовод?

ДЯДЯ САША. Любитель. Каждое лето проявлял на даче заботу о вишневых деревьях. Мечтал собрать большой урожай. Но каждый раз больше пяти-шести ягод на дереве не появлялось. Так вот... Все зависит от того, как мы смотрим на мир. Мы сами выбираем, что хорошо, что плохо, что нам нравится и что – нет.

ЛЕНА. Короче, я произвела на вас неизгладимое впечатление.

ДЯДЯ САША. Не то слово! Я считаю, наша встреча не случайна. Зачем-то Провидение соединило нас.

ЛЕНА. Вы уверены?

ДЯДЯ САША. Не так часто встречаются чудеса.

ЛЕНА. Может быть, может быть...

Пауза.

ДЯДЯ САША. Думаю, вы не знаете себя.

ЛЕНА. Да что вы?! Я изучила себя вдоль и поперек.

ДЯДЯ САША. Возможно, произошла ошибка. И вы изучали свое представление о себе. С собой, настоящей, вы встречаться боитесь. Я уверен в этом. Мне кажется, ваш муж появился... Как спасение. В тот момент, когда вашу душу буквально раздирало на части от разнообразных желаний. Он почувствовал вашу смуту, неискренность... И воспользовался этим. Но теперь... Теперь... Как вы говорите... «Что дальше?»... Прошло время. Вы вкусили прелести новой жизни...

И вот... Возвращение к неразрешенному. Снова смута. И сплошные вопросы. Девочка моя... Можно я буду вас так называть? Вы потеряли ощущение свободы, лишились гармонии... Когда человек чувствует себя счастливым... По всей видимости, и свобода и покой были мнимыми.

ЛЕНА. Все-то вы знаете.

ДЯДЯ САША. Загляните мне в глаза. Вы многое в них прочтете. Некоторое время назад я начал новую жизнь. Открыл, что рай не там, на небесах, а здесь – на земле. То есть, не знаю, есть ли он там, но здесь он должен быть наверняка. Все зависит от нас. Однажды мы должны начать делать то, что хочет наша душа, а не наш ум. Я понимаю. Все это красивые сентенции. Но я не знаю, как иначе мне открыть вам себя и помочь открыться вам. Мне не двадцать пять, и я не прекрасный юный принц... Я всего лишь толстенький, пожилой дядечка, встретивший прекрасную юную принцессу... Но и пожилые дядечки способны чувствовать... К тому же, кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Резко обнимает Лену и целует ее. Она не сопротивляется.

ДЯДЯ САША (после поцелуя). Боже! Как прекрасно, словно прикоснулся к парному молоку!

ЛЕНА. Фу! Терпеть не могу парное молоко. (Отходит.)

ДЯДЯ САША. Когда-то я его тоже не любил. (Взглянув на Лену.) Стоп! Стоп! Никаких негативных мыслей! Никаких сожалений! Вы – богиня и вы совершили достойный вас поступок.

ЛЕНА. Вы все испортили своим молоком.

ДЯДЯ САША. Неправда. Я лишь обратил внимание на невинность наших объятий.

ЛЕНА (ехидно). Рассказывайте.

ДЯДЯ САША. Клянусь! Если б вы знали... Я так долго заблуждался.

Пауза.

ЛЕНА. Все-таки вы... Не очень-то похожи на режиссера.

ДЯДЯ САША. Понимаю, вы встречали других... Девочка моя, я разрушаю свою темницу и выхожу в мир, на свободу...

ЛЕНА. Что ж... Желаю вам не заблудиться по дороге.

ДЯДЯ САША. Как? Вы уходите? Лишаете меня счастья видеть вас?!

ЛЕНА (печально). Сегодня мой день рождения...

ДЯДЯ САША (в растерянности). Не может быть?! Бог мой! Это же прекрасно! Сегодня самый счастливый день!

ЛЕНА. Скоро приедет мой муж... И гости. Будет пьянка. А я совсем не готова... к пьянке.

ДЯДЯ САША (восторженно). Будет праздник! Цветы, шампанское! Все будут целовать вас и дарить вам подарки. Будут говорить, какая вы красивая, умная, добрая...

ЛЕНА (мрачно). Все напьются, как свиньи, и начнут выяснять отношения... А потом кого-нибудь покалечат.

ДЯДЯ САША. Нельзя так мрачно смотреть на мир!

ЛЕНА. Можно! Прощайте...

ДЯДЯ САША. Подождите! Еще минутку...

ЛЕНА. «Еще минутку» – и может случиться непоправимое. Вы ничего не знаете ни про меня, ни про это озеро, ни про моего мужа... У вас другая жизнь – и она слишком далека от меня. Слышите шаги? Приближается еще один небожитель... Лучше бы вам не встречаться с ним.

ДЯДЯ САША. Ваш муж?

ЛЕНА. Мой соглядатай... Телохранитель... Он редко меня оставляет одну.

ДЯДЯ САША. Все так серьезно?

ЛЕНА. Да. Только потому, что телохранители тоже имеют право на личную жизнь, нам удалось познакомиться. Уходите!

ДЯДЯ САША. Принцесса и охранник. Прямо сказочное королевство.

Появляется Сергей.

ЛЕНА. Ну вот... Теперь выкручивайтесь сами...

СЕРГЕЙ (выходя из-за деревьев, надевает легкий пиджак и потфавляет ворот у рубашки). По первому разряду освежился.

Вода – парное молоко. *(Замечает дядю Сашу.)* Это кто?
Лена Ванна...

ЛЕНА. Режиссер. Он тебе объяснит, что ему надо. *(Дяде Саше.)* Я в дом. До свидания.

Уходит.

СЕРГЕЙ. И чё надо? *(Достает пистолет.)*

ДЯДЯ САША *(растерянно)*. Да, собственно... Мне необходимо побыть здесь немного... Очень красивое место.

СЕРГЕЙ. И чё? Территория охраняется. Частная собственность. Посторонним находиться запрещается.

ДЯДЯ САША. Я не посторонний, я знакомый.

СЕРГЕЙ. Знакомым в особенности.

ДЯДЯ САША. Почему? Меня пригласили на день рождения.

СЕРГЕЙ. Сюда не приглашают, сюда зовут.

ДЯДЯ САША. Значит, позвали.

СЕРГЕЙ. Когда?

ДЯДЯ САША. Я что, перед вами должен отчитываться?

СЕРГЕЙ. Документ есть?

ДЯДЯ САША. Какой документ?

СЕРГЕЙ. На въезд.

ДЯДЯ САША. Зачем мне «въезд». Когда я пришел пешком.

СЕРГЕЙ. Сюда пешком не ходят.

ДЯДЯ САША. А я пришел.

СЕРГЕЙ. Зря.

ДЯДЯ САША. Что значит, зря? Мне лучше знать...

СЕРГЕЙ. Ты точно чё-то не догоняешь, батя.

ДЯДЯ САША. Во-первых, я вам не батя, а во-вторых... Я вам мешаю?

СЕРГЕЙ. У, ёнть... Пушку видишь?

ДЯДЯ САША. Вижу.

СЕРГЕЙ. Так исчезни! Пока я добрый.

ДЯДЯ САША. Но я гость.

СЕРГЕЙ. Мы тут все гости...

ДЯДЯ САША. Оказывается, вы еще и философ?..

СЕРГЕЙ. Я торчу!.. Батя, у тя, чё, уши заложило?!

Пауза.

ДЯДЯ САША. Пожалуйста... Если вы так хотите... Я уйду.

СЕРГЕЙ. Мне без разницы. Я приказ исполняю.

ДЯДЯ САША. Да... Сочувствую. Тяжело вам... *(Уходит.)*

СЕРГЕЙ *(достав мобильник и набрав номер)*. Колян, список, ёнть, у тебя? Да не ругаюсь я, блин. Список! Кого, кого!.. Гостей!.. Ну! Там режиссер имеется? Уё! Сколько? Шесть персон? Чё это он? Ну, и... Я тебе кто? Профессор? Иди ты!.. Все, кончаю... К тебе потопала. Не звезды! Наше дело стороной... Да пошел ты!.. *(Выключает телефон, убирает пистолет, садится на камень.)*

Картина вторая

Лес. Поляна. Неподалеку в глубине стоит старенький «Москвич». На траве постелено одеяло, и на одеяле сидит по-турецки Алексей. Перед ним развернута какая-то книга. При появлении дяди Саши Алексей встает, закрывает книгу и с интересом смотрит на дядю Сашу.

АЛЕКСЕЙ. Где это вы так долго пропадали? Я уже начал волноваться.

ДЯДЯ САША *(меланхолично-загадочно)*. Я... Гулял... Там... У озера. Я его нашел.

АЛЕКСЕЙ. Поздравляю!

ДЯДЯ САША. Там удивительное озеро, Леша. Колдовское озеро! Как у Чехова в «Чайке»!

АЛЕКСЕЙ. А у Чехова там было озеро?

ДЯДЯ САША. Леша! Не в этом дело... Я познакомился с одной особой... Она... Я познакомился... Некоторым образом, с принцессой.

АЛЕКСЕЙ. Ого... Быть того не может! Ни больше, ни меньше... В наше время! С принцессой?! *(Заинтересованно.)* И что она там делала?

ДЯДЯ САША. Правда-правда... Она возникла передо мной, как... «дивное видение». Как... сбывшийся сон. Словно спустилась с небес. Она... грациозна, как балерина. В ее лице есть что-то от греческой богини. Ее глаза... Я не был обижен судьбой на встречи... И верность моей

бывшей жене не исключала увлечений... Но я никогда не испытывал ничего похожего к женщине. Впервые я так... Очарован. Восхищен. Я... заморожен...

АЛЕКСЕЙ. Даже, когда встретили свою бывшую жену?

ДЯДЯ САША. Жену... Вероятно... Нет! Конечно! Встреча с женой была тоже прекрасна. И я ее любил. Да. Но... Тогда я был другой. И встреча была другая. После того, как я открыл, что жизнь прекрасна и удивительна... Я как бы заново родился... Мир перевернулся. Леша! Да что я тебе объясняю?! Ты же меня прекрасно понимаешь!

АЛЕКСЕЙ. Понимаю. После того, как вы разбили свою любимую фарфоровую чашку, вы научились летать...

ДЯДЯ САША. Я научился жить! Леша!.. Нет! Не научился. Я понял, что значит любить мгновенья! Наслаждаться тем, что имеешь... Сейчас! В данный момент! Любить солнце... Листья! Траву! Деревья!.. Моя жена решила, что я на старости лет сошел с ума. А я всего лишь стал учиться жить. Я ничего не смог ей объяснить. С ней случилась истерика. Я с трудом ее приводил в чувство... И потом, как ты знаешь, она срочно улетела в Америку к сыну... Мы даже развод оформляли заочно. Леша! Полгода назад я бы не смог так спокойно расстаться с ней, не смог бы забросить работу, собрать вещички, сесть в свою развалюху и отправиться бог знает куда... Тот, прошлый, посадил бы тебя из машины через десять минут. Мы бы никогда не смогли понять друг друга.

АЛЕКСЕЙ. А принцесса? Она...

ДЯДЯ САША. Что принцесса?

АЛЕКСЕЙ. Она поняла вас?

ДЯДЯ САША (*через паузу, печально*). Не думаю. Нет... Так... Может быть, заинтересовалась. Да, собственно говоря,... Важно ли это сейчас?... Я влюбился... Я встретил чудо! Я общался с небесным созданием. Что мне еще?! Я рад, что она есть... Что я... касался ее... Заглядывал в ее неземные глаза, слышал ее нежный голос...

АЛЕКСЕЙ. Дядя Саша... Как я вас понимаю. И завидую... белой завистью. Всю жизнь хотел встретить принцессу. (*Печально.*) Хотя зависть, она и есть зависть.

ДЯДЯ САША. Завидуй! У меня все хорошо. А вот у нее... Она... несчастна, Леша. И это некоторым образом огорчает мою радость. Я желал бы видеть ее счастливой... Я, видишь ли... Мне стыдно, что я парю в облаках, а Лена...

АЛЕКСЕЙ. Принцессу зовут Лена?

ДЯДЯ САША. Да. И у нее сегодня день рождения.

АЛЕКСЕЙ (*с удивлением*). Надо же! И сколько принцессе исполнилось?

ДЯДЯ САША. Представь себе, она мне об этом не сказала!

АЛЕКСЕЙ. Вот ведь какая! Но я, надеюсь, не старуха?

ДЯДЯ САША. Леша! Как ты можешь?..

АЛЕКСЕЙ. Мало ли. Засиделась в принцессах. Бывает.

ДЯДЯ САША. Ей, вероятно, столько же лет, сколько и тебе.

АЛЕКСЕЙ (*растерянно*). Ва-у!

ДЯДЯ САША. В отличие от тебя... Она человек семейный.

АЛЕКСЕЙ. Неужели?

ДЯДЯ САША. Да. Но мужа своего не любит.

АЛЕКСЕЙ. С ума сойти! Бедняжка!

ДЯДЯ САША. В том-то и дело!

АЛЕКСЕЙ. Ошибка молодости?

ДЯДЯ САША. Можно сказать и так.

АЛЕКСЕЙ. Дядя Саша... Я сражен... Я в восторге от вас. В таком возрасте...

ДЯДЯ САША. Разумеется, в твоих глазах я выгляжу старым козлом, влюбившимся в несчастную овечку...

АЛЕКСЕЙ. Да вы что! Не каждый юнец способен так воспарить. Я же говорю: вы уникальная личность.

ДЯДЯ САША. Леша! Пожалуйста! Можно быть хоть чуть-чуть серьезней! Ей в самом деле плохо. В твоем возрасте страдания бывают слишком мучительными и чреватые нежелательными последствиями. Не мне тебе говорить. Все-таки принцессы заслуживают счастливой участи.

АЛЕКСЕЙ. Не только принцессы...

ДЯДЯ САША. Я хотел бы как-то помочь ей... Но не уверен даже, что смогу увидеться с ней еще раз...

АЛЕКСЕЙ. Почему? Разве вы с ней не договорились о тайной встрече?

ДЯДЯ САША. О какой встрече, Леша?!

АЛЕКСЕЙ. Она, что, отшила вас?

ДЯДЯ САША. Пришел ее охранник, и мы вынуждены были расстаться.

АЛЕКСЕЙ (*с удивлением*). Ого! Она важная птица.

ДЯДЯ САША. Я не представляю себе, как можно снова увидеть ее. Вполне возможно, что она уже празднует свой печальный день рождения, рядом с ней сидят ее нелюбимый муж и гости...

АЛЕКСЕЙ (*задумавшись*). Может, вам ее украсть? Я помогу. Устраиваем засаду в кустах. Дожидаемся, когда она останется одна... И в мешок. На плечо. Тащим сюда. А здесь вы уже разбираетесь, что да как...

ДЯДЯ САША. Мы не в горах Кавказа, Леша. Мы цивилизованные люди. Да и что она скажет? Украсть... Она может не захотеть.

АЛЕКСЕЙ. Но это же для ее пользы.

ДЯДЯ САША. Перестань!

АЛЕКСЕЙ. Вы ей все объясните. Если она не дура, она поймет. И, может быть, откроет вам свои объятия... Вы будете странствовать с ней по просторам Вселенной. Гулять по лесу. Собирать ягоды, грибы и лекарственные растения. Потом их сушить на зиму. Летом ночевать в машине. Зимой – на ваши сбережения жить в гостинице. И наслаждаться радостью общения. Да и ваша дача... Она же осталась у вас. Вечерами у камина... Ей должно понравиться.

ДЯДЯ САША. Леша! Что за бред ты несешь?!

АЛЕКСЕЙ. Вот тебе раз! А как иначе вы себе представляете будущую совместную жизнь? Не собираетесь же вы вернуться в вонючий город, в вашу пыльную квартиру к любимым тапочкам с помпончиками и «ящичку» с «веселыми картинками»?

ДЯДЯ САША. Я пока себе ничего не представляю. И меня не волнует наша совместная жизнь. Меня волнует,

что я могу сделать для нее. Понимаешь? Не для себя!.. Странствовать... Вряд ли она захочет. Странствовать с тем, кто годится ей в отцы, если не в деды! И потом... Для странствий она должна меня любить... А я ей всего лишь симпатичен. Во всяком случае, мне так показалось. Нет! Какие странствия?!

АЛЕКСЕЙ. Но если вы хотите ей помочь... Я бы на вашем месте... (*Замолчал.*)

ДЯДЯ САША. Да-да. Кстати, очень интересно. Что бы ты делал на моем месте. Что подсказывает тебе твой опыт? Поделись.

АЛЕКСЕЙ. Да нет... Мой опыт... Он слишком индивидуален.

ДЯДЯ САША. Ты имеешь в виду возраст?

АЛЕКСЕЙ. Ну что вы?! Я про себя... Меня в школе с седьмого класса держали за тюкнутого. Представляете, какой у меня опыт? Понравившиеся мне барышни обходили меня стороной. А такие же, как я, попадались редко, не были несчастны и почему-то не нравились мне. И я не стоял на месте, я развивался. На сегодняшний день, я уверен, встречу я несчастную принцессу, она бы провалилась срочно сквозь землю и предпочла страдать с нелюбимым мужем...

ДЯДЯ САША (*растерянно*). Вот оно что... Не предполагал, что ты относишься к себе так...

АЛЕКСЕЙ. Как?

ДЯДЯ САША. Не слишком-то уважительно.

АЛЕКСЕЙ. Это я-то?! Да вы что! Хотя я и не обладаю никакими талантами и, что называется, «без определенных занятий»... Но я очень себя уважаю и люблю.

ДЯДЯ САША. Чистить сортир у несчастной бабки, одичавшей от отсутствия людей, помогать собирать урожай старикам или дежурить в детском доме – довольно определенные занятия. И благородные!

АЛЕКСЕЙ. Ох! Но не постоянные.

ДЯДЯ САША. К тому же... Твои рассказы о своей работе были заразительны и полны юмора. У тебя редкий дар рассказчика.

АЛЕКСЕЙ. Дядя Саша! Умоляю вас... Когда обо мне говорят столь серьезно и возвышенно, я чувствую себя Карлсоном, который живет на крыше.

ДЯДЯ САША (*в недоумении*). Почему Карлсоном?

АЛЕКСЕЙ. Не знаю. Но сразу хочется сказать себе голосом Раневской: «Ми-лый».

ДЯДЯ САША. Глупости! Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил «милый»?

АЛЕКСЕЙ. Еще чего! Я бы закип, услышав это сладкое слово. Барышни подобное не жалуют. А мои предки даже благородное «любимый» или «дорогой» произносили лишь по отношению к неодушевленным предметам. Я воспитывался в спартанских условиях. Все-таки соревнование по добыванию денег – это даже не Олимпийские игры. Это гораздо круче. (*Печально.*) Да вы лучше меня все знаете.

ДЯДЯ САША. Я?.. Да. Знаю. Но... С другой стороны. Нет. Я не знаю. Я говорил своему сыну «милый», и его это не корбило.

АЛЕКСЕЙ. Странно, что он вас бросил.

ДЯДЯ САША. Отправился на «соревнования» и... В Америке более солидный призовой фонд.

АЛЕКСЕЙ. Еще бы.

Пауза.

ДЯДЯ САША (*задумчиво*). «...Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...»

АЛЕКСЕЙ. Я огорчил вас?

ДЯДЯ САША. Никогда. Выходит, ты никогда никого не любил по-настоящему.

АЛЕКСЕЙ. Вероятно. Но это не значит, что я не способен понять вас.

ДЯДЯ САША. Не сомневаюсь, Леша, не сомневаюсь... Если жизнь – театр, то театр – это жизнь.

АЛЕКСЕЙ. А попроще? Для тех, кто университетов не кончал.

ДЯДЯ САША (*вдохновенно*). Для тех – я парю. И высоко.

АЛЕКСЕЙ. Придумали, как помочь принцессе?

ДЯДЯ САША. Очередное озарение, мальчик мой.

АЛЕКСЕЙ. Везет вам.

ДЯДЯ САША. Жизнь в полете полна мистики и предполагает умение читать знаки.

АЛЕКСЕЙ. Неужели? Не заметил.

ДЯДЯ САША. Этому тебя буду учить я. Скажи мне... Ты меня уважаешь?

АЛЕКСЕЙ. Дядя Саша... Мы сегодня еще не пили.

ДЯДЯ САША. Мне важно знать: готов ли ты ради меня совершить поступок, который...

АЛЕКСЕЙ. Не пугайте.

ДЯДЯ САША. Ты... Я... Я что-то значу для тебя?

АЛЕКСЕЙ. Очень много. Вы для меня, как отец родной.

ДЯДЯ САША. Пожалуйста, будь серьезен.

АЛЕКСЕЙ. Буду! А что надо сделать? Пожертвовать своей жизнью ради вас? Я готов!

ДЯДЯ САША. Леша!

АЛЕКСЕЙ. Но я же серьезно! Даже очень!

ДЯДЯ САША. Поклянись, что ты согласишься сделать для меня то, что я попрошу.

АЛЕКСЕЙ. Клянусь! Только я бы хотел, чтобы мой пепел развеяли над пустыней!

ДЯДЯ САША (*возмущенно*). Господи!

АЛЕКСЕЙ. Дядя Саша, я сейчас серьезен, как никогда! Меня таким серьезным никто никогда не видел. Даже любимая кошка. А уж я с ней всегда был серьезным.

ДЯДЯ САША. Леша...

АЛЕКСЕЙ. Да?

ДЯДЯ САША (*вдруг замаявшись*). Давай сначала поедим. Я что-то есть захотел.

АЛЕКСЕЙ (*подозрительно*). Вы – и есть?! Это в самом деле серьезно. Но учтите! Меня после еды в сон тянет.

Поднимается и идет к машине, дядя Саша – за ним.

Картина третья

Снова берег озера. Сережа дремлет на траве. Появляется Лена, и Сергей встает.

ЛЕНА. Дядечка, что здесь был... Он... Ты поговорил с ним?
Что он тебе сказал?

СЕРГЕЙ. Сказал – «Гость». Но в списках нету. Я его отправил.

ЛЕНА. Напрасно.

СЕРГЕЙ. Приказ, Лена Ванна. До приезда Хозяина никаких мужиков. *(Через паузу)*. Когда забор доделают, тогда...

ЛЕНА. Тогда можно будет?

СЕРГЕЙ. Тогда не попрут. Проволока. Отправлять некого будет.

ЛЕНА. Думаешь, этот дядечка способен посягнуть на мою честь?

СЕРГЕЙ. А то! Я в «М. К.» читал, восьмидесятилетний горец поимел пятнадцатилетнюю школьницу.

ЛЕНА. Но он же не горец, он – режиссер. А я не школьница.

СЕРГЕЙ. Режиссеры тоже мужики.

ЛЕНА. Ясно.

Пауза.

СЕРГЕЙ. Знакомый ваш?

ЛЕНА. Некоторым образом.

СЕРГЕЙ. Ну... Эдуард Николаевич разберется.

ЛЕНА. Боюсь, что да...

СЕРГЕЙ. А чё?

ЛЕНА. Да нет... Ничего.

СЕРГЕЙ. Что ж так?..

ЛЕНА *(вдруг решительно)*. Признаюсь тебе, что уже... поздно.

СЕРГЕЙ. Чё поздно? *(Смотрит на часы.)* Николаич к семи обещался. Еще четверть часа, как пить дать.

ЛЕНА. Я говорю, поздно ты подошел.

СЕРГЕЙ *(не понимая)*. Когда? Куда?

ЛЕНА. Когда мы с режиссером общались.

СЕРГЕЙ. Я рядом был. В сортир только и освежиться. Имею право.

ЛЕНА *(серьёзно)*. Долго в сортир ходил. Все уже случилось.

СЕРГЕЙ. Что? Шутки шутите, Лена Ванна?

ЛЕНА. Да нет. Пока тебя не было, мы с ним вступили в интимную связь. Причем инициатива шла от меня.

СЕРГЕЙ *(через паузу)*. Как так?

ЛЕНА. Вот так. Здесь на травке. Даже еще следы остались.

Сергей растерянно смотрит на траву. Шум подъезжающей машины.

СЕРГЕЙ *(растерянно)*. Эдуард Николаевич.

ЛЕНА. По-моему, да.

СЕРГЕЙ *(неуверенно)*. А узнает?

ЛЕНА *(невозмутимо)*. Плохо сторожил.

ГОЛОС ЭДУАРДА. «Лена! Ау! Красота моя! Ты где? Где вы?»

СЕРГЕЙ. Не скажете! Забоитесь.

ЛЕНА. С меня станет. Я дама капризная.

СЕРГЕЙ. Да он же вас...

ЛЕНА. Сначала он тебя... *(С улыбкой.)* А я что-нибудь придумаю.

СЕРГЕЙ. Лена Ванна...

Появляется Эдуард.

ЭДУАРД. Заждались?

Подходит к Лене, целует ее.

Здравствуй, красота моя ненаглядная! Поздравляю!

Дает ей коробочку.

ЛЕНА *(взяв коробочку)*. И что же это у нас там в коробочке?

ЭДУАРД. То, что не бомба, ручаюсь!

ЛЕНА *(открывает)*. О-о-о! С ума сойти! *(Искренне радуясь.)* Прелесть какая... Это же целое состояние. *(Примеряет кольцо.)*

ЭДУАРД. Состояние – не состояние... А внимания заслуживает.

ЛЕНА. Спасибо, дорогой. *(Целует его.)* Ты – щедрый муж.

ЭДУАРД. Стараемся.

Звонит мобильник.

Да!.. И где ты видел? Когда? Куда? Поди его поймай! Крутит, собака... Не на того напал. Пусть захлебнется

в своем... Само собой! Я повторять не люблю. Хорошо. Жду, жду... *(Выключает.)* Я смотрю, ты еще не переоделась... А гости на подходе, красота моя.

ЛЕНА. Я хочу, чтобы сегодня все было просто, Эд. По-домашнему... Хочу свечи на столе... Шампанское, тихую музыку...

ЭДУАРД. По-домашнему... Боюсь, гости не так поймут.

ЛЕНА. Ты объяснишь. А кто будет? Я их знаю?

ЭДУАРД. Видишь ли... От тебя заказов не поступало... Я пригласил тех, кто повеселей.

ЛЕНА. Это же здорово! И никаких деловых партнеров?

ЭДУАРД. Исключительно простые смертные. У меня от деловых – голова кругом.

Звонит мобильник.

Короче, увидишь... Да!.. И что? Кто тебе сказал? Врет! У него кишка тонка. Спокойно, спокойно... Нет канала, милый! Тупик!.. А ты попробуй!.. Вот ведь, паршивый... Давай, давай! Не больше. Час-два. Хорошо. *(Выключает.)*

Пауза.

ЛЕНА. Может быть, ты отключишь?

ЭДУАРД. Пренебреженно. Но не сейчас.

ЛЕНА. Разве сегодня не мой день?

ЭДУАРД. Твой. Но не все сразу, красота моя. *(Смотрит на неё, но весь в своих мыслях.)*

ЛЕНА. Мы сегодня познакомились с режиссером. Правда, Сережа?

СЕРГЕЙ *(растерянно)*. Был тут один...

ЭДУАРД *(настороженно)*. С каким режиссером?

ЛЕНА. В театре работает. В каком, не сказал. Я его пригласила на день рождения.

ЭДУАРД *(напряженно, Сергею)*. А где вы его нашли? Он что, живет рядом?

ЛЕНА. Мы с Сережей гуляли и натолкнулись. Смотрим, дядечка. Пожилой, солидный, интеллигентный.

ЭДУАРД *(озираясь)*. Ну! И где он?

ЛЕНА. Пошел прогуляться в ожидании тебя. Он очень стеснительный. «Надо, – говорит, – дождаться хозяина. Как хозяин скажет, так и будет».

ЭДУАРД *(озабоченно)*. Он на машине? Он что, здесь?.. Зачем гулял? Когда вы его встретили?

ЛЕНА *(успокаивая)*. Дорогой мой, он милый, добрый человек. Говорит, правда, несколько высокопарно... Но в остальном...

ЭДУАРД. Мне это не нравится.

ЛЕНА. Послушай...

ЭДУАРД. Ладно. Посмотрим. Покажите мне его.

ЛЕНА. Сережа! Куда он пошел? Найди. Скажи, хозяин не возражает. Объясни. Ты понимаешь?

СЕРГЕЙ. А если не найду?

ЛЕНА. Ты уж постарайся.

Сергей уходит.

ЭДУАРД. Ты уверена, что он – режиссер? Здесь кто угодно мог прогуливаться... Когда они, блин, этот забор восстановят?!

ЛЕНА. Эд! Сегодня мой день! Можешь ты хотя бы...

ЭДУАРД. Могу. Я все могу. В пределах разумного. *(Подходит к ней.)* Чем ты сегодня занималась?

ЛЕНА. Тебя это действительно интересует?

ЭДУАРД. Меня все интересует.

Пауза.

ЛЕНА. Я думала.

ЭДУАРД. О чем?

ЛЕНА. Я сегодня постарела на один год.

ЭДУАРД. Как печально. Я постарею сегодня на десять... Если этот мерзавец...

ЛЕНА. Эд! Я здесь! Перед тобой!

ЭДУАРД. Да. Я сверну ему шею. Повешу его... Ты меня знаешь. Я слов на ветер не бросаю.

ЛЕНА. И что же на этот раз случилось?

ЭДУАРД. Извини. Все! Забыли. ... На время.

ЛЕНА. Ты меня любишь?

ЭДУАРД (*удивленно*). Дурацкий вопрос.

Звонит телефон.

Да! Ну и что?.. (*Слушает с напряжением.*) Зачем?.. Да... Нет! Хорошо. Да... Послушай... Нет! До встречи... (*Выключает.*) Так о чем мы? (*Отходит.*)

ЛЕНА. О том, что ты меня любишь.

ЭДУАРД. И горжусь этим, красота моя.

ЛЕНА. Сегодня по «Эхо Москвы» один профессор поведал всем, что... Если как следует заглянуть в глаза человеку, то можно узнать, что он скрывает.

ЭДУАРД (*настороженно*). Ты это к чему? Считаешь, что я что-то от тебя скрываю? Ну правильно... Сколько у меня дел.

ЛЕНА. Речь идет о мыслях, которые человек скрывает в тот момент, когда на него смотрят.

ЭДУАРД. Как-то ты сложно выражаешься. Что же я скрываю? Что не люблю тебя?

ЛЕНА. Посмотри на меня и скажи, о чем я думаю.

ЭДУАРД. Зачем? Мне и смотреть на тебя не надо... Я и так знаю.

ЛЕНА. И о чем же?

ЭДУАРД. Перестань! Пойдем в дом.

Звонит телефон.

Да?.. А! Это ты... (*Улыбается.*) Не направо, а налево... Не знаю, не знаю... Подчиненные на работе... (*Смеется.*) Птица Феникс... Не скромничай!.. Она?! Скорей уж сова... Не похожа? Кто? Вылитая трясогузка... Да-да. Спец. Я ходил в зоокружок... Мама мечтала, но я не послушался... Ждем-ждем... Универсам с другой стороны. (*Снова смеется.*) Еще чего! Ладно. Не задерживайтесь. (*Выключает.*)

ЛЕНА. Так все-таки. О чем я думаю?

ЭДУАРД (*посмотрев на Лену и закрыв глаза.*) Что-то не верится, что я у него одна. Наверняка завел себе какую-нибудь стерву. Хорошо бы посмотреть, что за птица?! Поди

тянет из него деньги. Безвкусная молодая тварь... Эдуард Николаевич, вы такой... Вы – сякой... Ходит вокруг него... (*Открывает глаза.*) Ну и... так далее. Угадал?

ЛЕНА. Угадывать не надо. Надо увидеть... Прочитать в глазах.

ЭДУАРД. Умоляю тебя. Если я угадал, то ты не права. Кроме тебя у меня никаких баб.

ЛЕНА. Даже твоя Марго?

ЭДУАРД. Марго обрабатывает информацию. Ей некогда. Да и у нее своих мужиков хватает. Посолидней меня будут. У нее... Слушай... Что с тобой сегодня?

ЛЕНА. Мне двадцать пять, а это... уже много.

ЭДУАРД. Смешно. Боишься, что разлюблю? Красота моя, пойдем примем немного, пока халявщики не наехали.

Снова звонит телефон.

Да!.. Как, где? В больнице. Серый врать не будет. Они шестером его топтали. На нем живого места не осталось... Мое какое дело? Оклемается – достанет... Десять кусков... Я что, псих?.. Ладно. Завтра выясним. Терпи. Не ты один. Хорошо. (*Выключает.*)

ЛЕНА (*до этого внимательно наблюдавшая*). «И чего она привязалась? Что ей еще надо? Наслушалась какого-то мудака и решила, что поумнела! Что ей не так? Живет на всем готовом. Ни хрена не делает. А ты тут крутишься, как белка в колесе... Собачку, что ли, ей подарить? А то ведь от скуки на мужиков бросаться начнет... А была такая девочка... тихая... Наивная, скромная... Испортил я ее. Испортил. Другая бы молилась на меня. Радовалась бы, что пахать не надо, как папа Карло. Что деньги...»

ЭДУАРД (*прерывая*). Может, хватит?

ЛЕНА. Я не угадала?

ЭДУАРД. Хорошего же ты обо мне мнения...

ЛЕНА. Лучше ошибаться, чем... Три года назад, когда мы поженились... Мне казалось, что все будет как-то иначе.

ЭДУАРД. Да что ты? Сходила бы к гадалке. Она раскрыла бы тебе глаза.

ЛЕНА. Наверно, надо было закончить институт или устроиться на работу...

ЭДУАРД. Цивилизованная женщина при цивилизованном муже не работает... Да любая баба мечтает оказаться на твоём месте! Лишь бы не пахать за гроши... Да-да, как папа Карло... Где-нибудь в клинике, или в школе, или в занюханном госучреждении. А если не за гроши, то, моя милая, тебе пришлось бы вкалывать по десять часов... У меня за так ни одна баба валюту не получает! Захотелось в метро топтаться, в очередях стоять, на автобусе кататься?! На оптовых рынках себе шмотки выбирать?! Что ты мне тут...

ЛЕНА. Я не любая, я твоя жена. И от «места» я не отказываюсь. Я хочу понять...

ЭДУАРД (*срываясь*). Что?! Что, блин, ты хочешь понять? Чего тебе не хватает?! Работай! Дома! Коврики вышивай! У тебя, кажется, хорошо получалось.

ЛЕНА (*тихо*). Ого... Ты... Никогда... себе... не позволял... Ничего похожего.

ЭДУАРД. Да. Не позволял. И что? Надоело, блин. Устал. Я такой, какой... есть. И... Мне тоже может быть хреново. Поняла?

ЛЕНА (*растерянно*). Я... Я не знаю... Я боюсь. Я... Если хочешь знать... всего боюсь. Твоих денег, подарков, твоих компаньонов, друзей, твоих исчезновений и твоего возвращения... Я... (*Плачет.*) Я не чувствую тебя... Раньше, когда мы встречались... Когда ты обещал мне золотые горы...

ЭДУАРД. Я что? Не сдержал своего обещания?

ЛЕНА. Я тебя чувствовала. Или мне так казалось.

ЭДУАРД. Чувствовала – не чувствовала... Только не плачь. Для меня это... Ногтем по стеклу. Знаешь ли, чтобы существовать, надо крутиться. Остановка смерти подобна. Остановишься – упадешь... А упал – затопчут.

ЛЕНА. А чтобы жить?

ЭДУАРД. Что «жить»?

ЛЕНА. Ты сказал: «Чтобы существовать», а я хочу знать, что надо делать, чтобы жить?

ЭДУАРД. Извини, в философии не силен.

ЛЕНА. Ты заключаешь контракты, продаешь, покупаешь... Добываешь деньги. Ты крутишься. Тебе некогда. Ты не хочешь, чтобы тебя «затоптали»... Что все это? Как это называется? Жизнь? Ты счастлив? Ты получаешь от всего этого удовольствие?

ЭДУАРД (*через паузу*). Представь себе, получаю.

ЛЕНА. Тогда... Тогда извини. Больше не буду тебя мучить. Снова стану тихой, наивной, хорошей девочкой. Извини! Я... неблагодарная, капризная дрянь.

ЭДУАРД. Я этого не говорил.

ЛЕНА. Не говорил. Но, может быть, подумал.

Появляется Сергей.

СЕРГЕЙ. Еле нашел. В озере плескался. Как морж. Повезло... Сказал, что придет.

ЭДУАРД. Вот видишь, твой режиссер нашелся.

ЛЕНА. Он не мой.

Слова звонит телефон.

ЭДУАРД. Да! Ну! (*Слушает.*) Наконец-то! Отшить его надо! Отшить! Пусть не примазывается! Ни его ума дело! Бери все! А этого... Если что... У нас один уже... Приходит в себя. Давай-давай. Посмотрим. Часа на два отключу... Подождут. Главное, чтоб этот мерзавец заткнулся. Все! Привет семье! (*Выключает.*)

ЛЕНА. Но я рада, что он нашелся. (*Уходит.*)

ЭДУАРД. Я тоже.

СЕРГЕЙ (*вдруг*). Можно его и прогнать. Нет проблем.

ЭДУАРД (*с удивлением*). Зачем же? Пусть нас повеселит.

СЕРГЕЙ. Да он на клоуна не похож.

ЭДУАРД. Веселят, Серый, не только клоуны. Пошли. Как-никак праздник. Гости скоро завалятся... Все-таки бабы – глупые существа, Серый.

Уходят.

Картина четвертая

Поляна. ДЯДЯ САША перед зеркалом от машины завязывает галстук. АЛЕКСЕЙ сидит на траве и курит.

АЛЕКСЕЙ (*растерянно*). Дядя Саша... Это шантаж.
 ДЯДЯ САША. Это – доброе дело. Ты же сам проникся сочувствием к бедной девочке...
 АЛЕКСЕЙ. Я ее не знаю... Зачем? Глупо... И может быть в отличии от вас, она... не произведет на меня столь сильного впечатления... И я не смогу даже...
 ДЯДЯ САША. Она... сразит любого... Да ты уже заочно жаждешь ее увидеть: душой чувю. Кроме всего... Это же ради меня. Пока я обрабатываю его, ты... доставляешь радость...
 АЛЕКСЕЙ. Да какую радость! Я... не умею... Чушь!.. Честно говоря, клятву можно нарушить. Я произнес ее в состоянии повышенной возбудимости и легкого шока.
 ДЯДЯ САША. В случае отказа ты разобьешь мое сердце и упадешь в моих глазах.
 АЛЕКСЕЙ (*печально*). После того, как ваше сердце будет разбито, падать будет не в чем или некуда... Как правильно?
 ДЯДЯ САША. Не знаю. Не морочь мне голову. Чертов галстук!.. Я разучился завязывать галстуки.
 АЛЕКСЕЙ (*вдруг*). А может, бог с ним?
 ДЯДЯ САША (*настороженно*). С чем?
 АЛЕКСЕЙ (*растерянно*). Вы и без галстука хороши!
 ДЯДЯ САША. Нет! Я должен предстать во всем блеске своего... Там же соберется в некотором роде элита.
 АЛЕКСЕЙ. Дайте-ка я вам завяжу... (*Помогает завязать галстук.*) Элита... Вдруг там будут «столбы» общества? Какие-нибудь министры.
 ДЯДЯ САША. Да хоть кто!
 АЛЕКСЕЙ. Ох! Неужели они согласятся на спектакль?
 ДЯДЯ САША. Во-первых, кто, они? Должна согласиться она – это главное. Согласится Лена, согласится и ее муж. Остальные меня не интересуют. Во-вторых, не

на «спектакль», а на одну лишь сцену, даже отрывок из сцены... О! (*Замирает, задумываясь.*) Это будет великолепно! Восхитительно!.. Всю жизнь мечтал поставить «Чайку». И четыре раза начинал ее репетировать. И каждый раз что-нибудь да мешало. То не было денег, то уходил артист... Словом, неосуществленная мечта. И вот наконец-то! Пусть отрывок... Но все-таки! И с кем! Кто главная героиня?!

АЛЕКСЕЙ. А кто герой?!
 ДЯДЯ САША. М-да... С героем у нас... не фонтан. Из меня герой, все равно что из тебя... бизнесмен.
 АЛЕКСЕЙ. Вы не правы, дядя Саша. Бизнесмен из меня был бы никудышный, а вот герой из вас – самое то! Я уверен. Поискать еще...
 ДЯДЯ САША. Перестань! Единственное оправдание – оригинальное решение. Треплев, которому за шестьдесят... Такого еще не было. Хотя я выгляжу гораздо моложе...
 АЛЕКСЕЙ. Сорок пять – не больше!
 ДЯДЯ САША. Ну это уж ты... Потом... Аналогии, ассоциации... «Лолита» Набокова, например... Хотя, естественно, бред! Героя должен был играть ты. Но, увы, это нам слишком усложнит задачу.
 АЛЕКСЕЙ. Да я бы и не согласился. Тут бы вы меня не поймали.
 ДЯДЯ САША. Ошибаешься, дружок. Я умею ловить. Артиста, если не поймаешь, он хорошо не сыграет. (*Галстук завязан, и дядя Саша демонстрирует себя.*) Ну, как я?
 АЛЕКСЕЙ. Отлично! Как в лучших домах Лондона.
 ДЯДЯ САША. Присядем на дорожку. (*Садится на раскладной стульчик, открывает книгу.*) Всегда при мне... Кажется, я выучил пьесу наизусть.
 АЛЕКСЕЙ. Всю жизнь мечтать... Поневоле выучишь.
 ДЯДЯ САША. Не скажи!.. Я о многом мечтал, а осуществилось... Да-а... Прошел по жизни, как товарный поезд.
 АЛЕКСЕЙ. Дядя Саша! Ау! Не опускайтесь на землю!
 ДЯДЯ САША. Разумеется! Только в небо! (*Оглядываясь.*) Все ли я предусмотрел? По-моему, я так не готовился ни к одной репетиции.

АЛЕКСЕЙ. План не забудьте!

ДЯДЯ САША. Да-да! *(Встает, поднимает лежащую на траве бумажку.)* План! У меня здесь все расписано. В нескольких вариантах.

АЛЕКСЕЙ. Видела бы вас сейчас ваша жена, наверно, ни за что бы не уехала.

ДЯДЯ САША. Ты ее не знаешь. Она бы не уехала, она бы умчалась на помеле, лишь бы только не видеть, как я готовлюсь. Она никогда не любила смотреть, как я готовлюсь. В последнее время мне приходилось выходить на улицу, чтобы только не мешать ей вязать очередной свитер.

АЛЕКСЕЙ. А этот, что вы подарили? Тоже она связала?

ДЯДЯ САША. Разумеется.

АЛЕКСЕЙ. Мастерница. Быть может, вы плохо ценили ее таланты?

ДЯДЯ САША. Я?! Да я рекламировал ее таланты на каждом углу. Все друзья и знакомые шарахались при моем упоминании о ее талантах.

АЛЕКСЕЙ. Значит, переборщили. Во всем нужна мера.

ДЯДЯ САША. Леша! Прекрати! *(Встал.)* Итак... Все инструкции ты получил. *(Смотрит на часы.)* Пожалуй, пора... Как все-таки прекрасна жизнь! Стоит только ее открыть... И... Какие неожиданные повороты она подбрасывает, какие сюрпризы! Успевай только ловить! Кто бы мог подумать...

АЛЕКСЕЙ. Как жаль, что я не видел ни одного вашего спектакля.

ДЯДЯ САША. О! Я поставил их больше сотни, а настоящих... Тех, которые радовали бы меня... Было разве что три... или четыре. Да и те шли неровно. Я все время был недоволен. И надо сказать, напрасно.

АЛЕКСЕЙ. Вот именно! Я никогда не поставлю ни одного спектакля, не напишу ни одной книги, не нарисую ни одну картину... Не сыграю роль, не построю дом... Но неужели из-за этого моя жизнь будет хуже жизни того, кто это сделает?!

ДЯДЯ САША. Бесспорно, мой мальчик. Жизнь – это... жизнь!

АЛЕКСЕЙ. Свобода!

ДЯДЯ САША. Вкушение мгновений!

АЛЕКСЕЙ. Танец!

ДЯДЯ САША. Музыка!

АЛЕКСЕЙ. Блаженство!

ДЯДЯ САША. Райское наслаждение!

АЛЕКСЕЙ. «Баунти»! С орехами и в шоколаде!

ДЯДЯ САША. Леша!

АЛЕКСЕЙ. Одним словом? Полет души!

ДЯДЯ САША. Да! И я готов взлететь!.. Учти... Ты поклялся. *(Уходит.)*

Картина пятая

У озера. Появилось несколько красивых стульев. Зажгли яркие разноцветные фонари, гирляндой развешанные на деревьях. Лена выходит, покачиваясь, с книгой в руках, подходит к стулу.

ЛЕНА. ...Кружение полета... Кажется, я уже опьянела. Два бокала шампанского и... вот вам. *(Садится, открывает книгу, читает.)* «Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... Отдохнуть! Я – чайка... Не то... Я – актриса. Ну да...» *(Прекращает читать.)* Зачем я согласилась? Разве я на нее похожа? Я – чайка... Хм. Я – ворона, а не чайка. Кар-р – кар-р ... *(Подражает вороне.)*

Входит Сергей. Заметив Сергея.

Кого мы видим... Сережа! Репетировать?

СЕРГЕЙ. К чему мне?..

ЛЕНА. Вот именно. Ты же вызвался машину чинить этому... Весельчаку с усами. Как же его... Альфреду Игнатьевичу. До чего ж глупый тип...

СЕРГЕЙ. Я прежде посмотреть зашел...

ЛЕНА. На меня? Давно не видел?

СЕРГЕЙ. Обстановку.

ЛЕНА. Все переживаешь?

СЕРГЕЙ. Зачем мне? Вам переживать.

ЛЕНА. ... Посмотрел?

СЕРГЕЙ. Зря вы... Будь моя воля...

ЛЕНА (*зло*). Серый, ты мне праздник портишь! Я сегодня гуляю.

СЕРГЕЙ. Ну... Гуляйте! (*Посмотрел вокруг – и пошел.*)

ЛЕНА (*снова усаживаясь*). И что ж я его так не люблю? (*Читает.*) «Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на свете девяносто лет...» Девяносто лет. Впечатляет. Мне бы Треплева изображать... Одна сплошная любовь! Как я это должна играть? Человек, который никого не любит – не человек... Лучше страдать из-за неразделенной любви, чем болтаться, как... какашка... Фу!.. живу, не зная, зачем и для чего... Господи! Как плохо...

Появляется дядя Саша, в руках у него прозрачная ткань.

ДЯДЯ САША. Вот и я! Сейчас мы с вами повесим это восхитительное творение рук человеческих... И возникнет занавес. Декораций никаких. Одно пустое пространство. (*Вешает между деревьями ткань.*) Вид прямо на озеро и на горизонт. Пожалуй, здесь лучше. Как вам кажется?

ЛЕНА. Никак. Вам видней.

ДЯДЯ САША. Не вижу энтузиазма. Бойтесь? Все будет хорошо. Вы непременно очаруете гостей своим талантом. Я уверен. Вы потрясете их застывшие души. Они узнают, что такое настоящее искусство.

ЛЕНА. Дядя Саша... А если он прав?

ДЯДЯ САША. Кто, моя девочка?

ЛЕНА. Мой муж.

ДЯДЯ САША. Самым правильным сейчас будет... прочитать текст. Найти в роли что-то близкое и понятное вам.

ЛЕНА. Дядя Саша, вы должны меня выслушать. Вас я почему-то не стесняюсь. Я вам доверяю.

ДЯДЯ САША. Но, девочка моя, ваш муж может прийти в любую минуту...

ЛЕНА. Я узнаю его шаги, стоит ему лишь спуститься с крыльца.

ДЯДЯ САША. Да вы просто медиум, экстрасенс.

ЛЕНА. Ведь я любила его. Правда! Он был не так богат и еще только начинал... Я испытывала к нему... (*Замолчала.*)

ДЯДЯ САША. Вряд ли можно назвать любовью то, что вы к нему испытывали.

ЛЕНА. Как вы категоричны. Но вы правы... Я лгу себе... Он водил меня по ресторанам и знакомил со знаменитостями... Он тогда уже знал многих, кого я могла лицезреть лишь по телевизору. Я таяла, как мороженое, на солнце... текла от удивления и восторга...

ДЯДЯ САША. Девочка моя...

ЛЕНА. Тсс!.. Учиться я никогда не любила. Кроме феноменальной памяти – никаких способностей. После школы – два года idiotских курсов ради поступления в финансово-экономический... Передумала. Научилась водить машину. Так... Между делом... Моя мать всю жизнь трудилась, как пчелка... Обеспечивала меня, как могла и предоставляла мне полную свободу... У меня не было подруг. Так... Все, кто меня окружал, казались мне глупыми, инфантильными дурами. Я не знала: что делать, чем заняться? Куда пойти? И тут подвернулся он... Вы правы... Как спасение... Как возможность избавиться от своих страхов перед будущим. От неопределенности.

Дядя Саша пытается ее прервать.

Подождите! Пожалуйста! Я прошу вас. Я ищу близкое и понятное мне в роли. И, честно говоря, мало что нахожу. Я всегда хотела... Как бы это сказать?.. Выбиться в люди. Занять положение... Положение обеспеченной дамы при обеспеченном муже. И я получила это. Он выполнил все, что обещал. Все по первому классу. И в настоящее время я... (*Села.*) Вот видите?.. Не совпадает. Ничего не совпадает. Молчите!.. Я никогда не хотела быть актрисой. И в кружок ходила из-за подружки. И слава меня не прельщала. А главное... Я не люблю! Никого!

ДЯДЯ САША. Не обязательно все должно совпадать. Вы разочарованы... А это уже что-то!

ЛЕНА. Но она-то не разочарована! Ее отчаяние от неразделенной любви. От отсутствия славы, о которой она так мечтала. Я должна понять самое главное: любовь.

ДЯДЯ САША. Самое главное: случилась другая жизнь. Не та, какую она себе представляла и о какой грезила.

ЛЕНА. Но я же получила, что хотела!

ДЯДЯ САША. Вы этого хотели? (*Разводит руками.*)

ЛЕНА (*неуверенно*). Уже не знаю.

ДЯДЯ САША. Вы, как и герои пьесы... Шагнули в реальность. И вас встретил «девятый вал»! Извержение вулкана! Кораблекрушение! Вы «попали в круговорот»!

ЛЕНА. Я попала в шестикомнатную квартиру после евроремонта.

ДЯДЯ САША. Это всего лишь щепки... А сколько еще там всякого разного крутится...

ЛЕНА. Под чутким руководством моего мужа.

ДЯДЯ САША. Нет. Он там же, вместе с вами...

ЛЕНА. И все это кружение называется жизнь.

ДЯДЯ САША. Не думаю. Жизнь – это совсем другое.

ЛЕНА. Что?... Дядя Саша, скажите мне. А вы... Вы известный режиссер?

ДЯДЯ САША. Что вы... В узких кругах. Я даже не дорос до Тригорина... Потому что никогда не был модным... Я прошел огонь, воду и медные трубы... В некотором роде изведаль вкус славы. И имею право говорить о том, как все это нелепо. Желание остаться в веках, прозвучать, заявить о себе... Все это сочинил человек для оправдания своего пребывания на земле. В жизни важна сама жизнь. А не наши глупые желания. Не они составляют ее прелесть. Желания проходят. А мы продолжаем жить. Для чего? Чтобы, сломя голову, отдаться во власть новых желаний? Когда я смотрю на мальчиков и девочек, жаждущих во что бы то ни стало стать звездой, у меня сжимается сердце... И я вспоминаю эту пьесу. Мы очень глупо живем... Господь Бог вряд ли предполагал возникновение того, что мы называем

«цивилизацией». Для него она оказалась печальным сюрпризом.

ЛЕНА. Но как же без желаний?! Вся жизнь – сплошные желания! В чем же тогда, по-вашему, смысл? «Прелесть жизни».

ДЯДЯ САША. Мне это трудно объяснить. Во-первых, есть желания ума и желания души. Вторые – ближе к истине. Они естественны, как дыхание. Во-вторых... Когда мы любуемся закатом или наблюдаем с радостью за течением реки, или наслаждаемся первыми лучами весеннего солнца... Мы же ничего не желаем. Мы просто пребываем... Я вас погружаю в такие дебри... Все хорошо, что естественно. Пусть будут эти... желания! Лишь бы не попасть к ним в рабство. «Выдавливает из себя по капле раба», словно засохшую пасту из тюбика, очень обременительное занятие.

ЛЕНА. Значит, я не должна желать любить и быть любимой.

ДЯДЯ САША. Любить – и желать любить, быть любимой и желать быть любимой – разные вещи... разве мы не рабы своих желаний? Разве не из-за них все страдания, боль, муки и болезни? Преступления, убийства, войны... Освобождение от желаний и есть путь к свободе.

ЛЕНА (*читает*). «И да поможет господь бесприютным скитальцам...»

Входит Эдуард, за ним – Сергей.

ЭДУАРД (*Лене*). Гости увлеклись нашим путешествием по Франции. Под виски, оказывается, хорошо смотрится.

ЛЕНА. Напоминает телешоу...

ЭДУАРД (*Дяде Саше*). А у вас надолго? Сколько нам еще ждать?

ДЯДЯ САША. Полчаса! Не меньше. Все-таки хочется как лучше.

ЭДУАРД. Непонятно.

ДЯДЯ САША. Прежде чем мы пройдем на сцену вместе... Елене Ивановне надо бы сосредоточиться. Освоить текст... Хорошо бы, если бы мы оставили ее ненадолго одну... Чтобы ей никто не мешал.

ЭДУАРД. Одну?

ЛЕНА. Зачем, дядя Саша?

ДЯДЯ САША. Вы должны погрузиться в атмосферу. Побродить немного в одиночестве. *(Смотрит на Сергея.)* Я думаю, здесь не темный лес... Наши блуждания... Особенно Сергея... Могут помешать.

ЭДУАРД. Вы думаете?

ДЯДЯ САША. Размышления профессионала.

ЭДУАРД. Я полный профан в этих делах. Последний раз я ходил в театр, кажется, год назад... И, честно говоря... Был уставший – все продремал. Даже не помню, что смотрели...

ЛЕНА. Остров рабов.

ЭДУАРД. Да... Примечательный спектакль. Достойная игра артистов... Мы потом с ними встретились.

ЛЕНА. Мы не могли с ними встречаться. Они итальянцы. А среди итальянцев у нас нет знакомых.

ЭДУАРД. Да? Большое упущение. Познакомимся. Что нам стоит.

ДЯДЯ САША. Так вы не возражаете, Эдуард Николаевич?

ЭДУАРД. Я подчиняюсь мнению профессионала. *(Лене.)* Желаю тебе... погрузиться. Но не слишком, а то потом придется вытаскивать. *(Смеется.)*

ЛЕНА. Я постараюсь не опускаться на дно.

Эдуард и Сергей уходят, дядя Саша задерживается.

ДЯДЯ САША. Скоро я вернусь. Вы прочтите вслух все, что я отметил в пьесе и потом мысленно повторите... *(Уходит.)*

ЛЕНА. Хорошо. *(Оставшись одна, снова садится на стул, читает.)* «Жила я радостно, по-детски – проснешься утром и запоешь. Любила вас, мечтала о славе, а теперь? *(Закрывает книгу.)* Выступлю безобразно, но все скажут: «как гениально» – и пойдут доедать свои салаты и пить... А я... Буду философствовать с дядей Сашей и ждать прекрасного и юного принца. *(Лена замирает, увидев выходящего из-за деревьев Алексея.)*

Он медленно проходит к камню, садится и закуривает.

АЛЕКСЕЙ. Привет.

Пауза, оба разглядывают друг друга с явной симпатией.

ЛЕНА. Ты... заблудился? Озеро. Берег. И я. Сидящая на стуле...

АЛЕКСЕЙ. Нет. Я здесь хорошо ориентируюсь. Что касается «сидения на стуле», то... На камне было бы выразительней. Хотя тоже... ничего. Впечатляет.

ЛЕНА. Сейчас сюда придет мой надзиратель и его охранник.

АЛЕКСЕЙ. Не сейчас. Они все пошли в дом... Меня зовут Алексей, а ты, как я понимаю, Лена.

ЛЕНА. Мой муж не любит посторонних.

АЛЕКСЕЙ. Я знаю, а ты?

ЛЕНА. Я? Я верная жена.

АЛЕКСЕЙ. Редкий случай.

Пауза.

ЛЕНА. Что ты здесь делаешь, Алексей?

АЛЕКСЕЙ. Да вот... шел мимо, заглянул. Тебе не нравится мое имя?

ЛЕНА. Отчего же?..

АЛЕКСЕЙ *(через паузу)*. У тебя сегодня день рождения?

ЛЕНА. Вроде того. Откуда ты знаешь? Подслушал?

АЛЕКСЕЙ. Вроде того. *(Достает из кармана фарфоровую фигурку лягушки.)* Это тебе. Поздравляю! *(Протягивает Лене.)* На долгую память.

ЛЕНА. Мне? *(Берет фигурку.)* ... Смешная лягушка.

АЛЕКСЕЙ. Она мне тоже понравилась. Я ее купил вчера на рынке. Люблю лягушек.

ЛЕНА. И живых тоже?

АЛЕКСЕЙ. Живых особенно. Они очень странные существа. Таинственные.

ЛЕНА. Неужели? Они скользкие, мокрые... И страшные.

АЛЕКСЕЙ. Это только так кажется на первый взгляд. Если к ним приглядеться... то они очень даже красивые создания. Каждая лягушка – не расколдованная Царевна.

ЛЕНА. А-а... Ясно.

АЛЕКСЕЙ. Не веришь?

ЛЕНА. Не знаю.

АЛЕКСЕЙ. Могу доказать. Надо только найти живую лягушку.

ЛЕНА. Вряд ли здесь есть. *(Оглядывается.)*

АЛЕКСЕЙ. Печально. Можно, конечно, пойти поискать...
Но поиск займет много времени.

ЛЕНА. Жаль. Я бы посмотрела.

АЛЕКСЕЙ. Серьезно?

ЛЕНА. Вполне.

АЛЕКСЕЙ *(после долгого колебания, решившись)*. Из-за отсутствия объекта можно сначала осуществить обратный процесс. А потом уже...

ЛЕНА. Обратный? Это как же?

АЛЕКСЕЙ. Очень просто. Я тебя целую. Ты превращаешься в лягушку. Потом я опять тебя целую, – и ты становишься Царевной.

ЛЕНА. Ах, вот как!

АЛЕКСЕЙ. Согласна?

ЛЕНА. Не получится.

АЛЕКСЕЙ. Почему? Я же не предлагаю тебе целоваться со мной, как какой-нибудь особе легкомысленного поведения. Поцелуй нужен исключительно для доказательства.

ЛЕНА. Я все равно буду ненастоящей царевной.

АЛЕКСЕЙ. В результате физиологических изменений ты станешь настоящей. Уверю тебя. Так как? Ты готова?

ЛЕНА *(через паузу)*. Я готова.

Алексей подходит и долго целует Лену.

ЛЕНА *(после поцелуя)*. Не произошло.

АЛЕКСЕЙ. Странно. Надо попробовать еще разок. Вероятно, что-то не сработало.

ЛЕНА. А ты раньше пробовал?

АЛЕКСЕЙ. Ни разу. Ты – первая. Но по законам волшебства, которое я знаю в совершенстве, должно получиться.

Снова обнимает и целует Лену. Она не сопротивляется.

ЛЕНА *(после поцелуя)*. Не судьба...

АЛЕКСЕЙ *(хлопнув себя по лбу)*. Понял!

ЛЕНА. Что?

АЛЕКСЕЙ. Ты – уже Царевна! Без превращений. Поэтому и не срабатывает.

ЛЕНА. Ах, вот в чем дело. И сколько таких царевен было на твоём пути?

АЛЕКСЕЙ. Ни одной! Я же сказал. Ты – первая. Клянусь мамой! Зачем мне врать.

ЛЕНА. А ты у меня на сегодня второй. Наверно, в этом причина.

АЛЕКСЕЙ. Как, «второй»? А кто первый?

ЛЕНА. Дядечка один. Режиссер. Мы с ним тоже целовались. Он давно уже должен прийти и показать мне, как играть роль. У нас сегодня представление в мою честь. Я буду изображать главную героиню *(читает)*. «Я – чайка... Не то. Я – актриса... Ну да...»

АЛЕКСЕЙ. Дядечка не в счет. Я думал, другой кто. Из гостей.

ЛЕНА. Другой – мой муж... Все! Пора закругляться. Кажется, кто-то идет.

АЛЕКСЕЙ. Это остановилась чья-то машина.

ЛЕНА. Рано или поздно – они придут.

АЛЕКСЕЙ. Ну и что? Они придут, а нас нет.

ЛЕНА. А где ж мы будем?

АЛЕКСЕЙ. Мы уйдем. Во дворец. Царевны должны жить во дворце.

ЛЕНА. У тебя есть дворец?

АЛЕКСЕЙ. Без него нельзя. Здесь недалеко.

ЛЕНА *(вдруг)*. Все ложь и обман.

АЛЕКСЕЙ. Я бы сказал иначе. Все – наши фантазии. Одни фантазии – в кайф, другие – в лом. Я предпочитаю первые и предлагаю их разделить со мной.

ЛЕНА. Надолго?

АЛЕКСЕЙ. Что?

ЛЕНА. Разделить.

АЛЕКСЕЙ. Навсегда.

ЛЕНА. Так сразу.

АЛЕКСЕЙ. Зачем медлить? Так как? Слабо? Ко мне во дворец.

Пауза.

ЛЕНА. Нас найдут.

АЛЕКСЕЙ. Кто не рискует, тот...

ЛЕНА. Не пьет шампанское. Я уже сегодня выпила.

АЛЕКСЕЙ. Тот не летает.

ЛЕНА. Да? Я не летаю. Точно. Не умею.

АЛЕКСЕЙ. Научим. Это очень просто.

ЛЕНА. У меня не получится.

АЛЕКСЕЙ. Когда-то я тоже так думал.

ЛЕНА. А я – нет. Раньше я думала, что смогу полететь. До второго класса верила, что меня научат летать.

АЛЕКСЕЙ. Я научу.

Слышны голоса.

ЛЕНА. И где же твой дворец?

АЛЕКСЕЙ. Там, за соснами. Через болото, по тропинке налево. Потом по мостику к большому камню. А дальше: прямо, прямо...

ЛЕНА *(резко.)* Пошли. *(Идет в направлении, которое показал Алексей.)*

Он поспешно пошел за ней. Когда они скрываются, появляется ДЯДЯ САША. Озирается.

ДЯДЯ САША. Лена! Елена Ивановна! Вы где? Вы... прогуливаетесь? Что-то я вас не слышу. *(Присаживается на камень.)*

Появляется Сергей.

СЕРГЕЙ. А где Лена Ванна?

ДЯДЯ САША. Думаю, где-то здесь, поблизости. Вы, Сережа... принесите нам, пожалуйста, то легкое кресло. На веранде. Плетеное такое...

СЕРГЕЙ. Его нельзя трогать. Оно хозяйское.

ДЯДЯ САША. Я знаю. Здесь ведь все хозяйское. Вы скажите, что я попросил. Он разрешит.

СЕРГЕЙ. Хозяин сейчас с гостями в саду.

ДЯДЯ САША. Боже мой! Ну и хорошо, что в саду. Вы найдите его... Извинитесь. И объясните.

СЕРГЕЙ. Может не дать.

ДЯДЯ САША. Вы... не хотите идти или не можете?

СЕРГЕЙ. Я обдумываю.

ДЯДЯ САША. Хорошо. Я подожду.

СЕРГЕЙ. А где Лена Ванна?

ДЯДЯ САША. Она погружается.

СЕРГЕЙ. А я должен принести кресло?

ДЯДЯ САША. А вы – кресло.

СЕРГЕЙ. Далеко тащить.

ДЯДЯ САША. Вам помочь?

СЕРГЕЙ. ... Как-нибудь обойдусь. *(Уходит.)*

ДЯДЯ САША. Слава тебе, Господи... Не человек, а Змей Горыныч *(Оглядывается)*. Лена! Елена Ивановна! Вы где?

ВТОРОЙ АКТ

Картина шестая

Поляна. Лена и Алексей лежат на траве. Вдалеке виднеются «остатки» развалившегося дома: кирпичи, рама, дверь, провода и пр. АЛЕКСЕЙ курит.

АЛЕКСЕЙ. Как себя чувствует принцесса среди незнакомых елок и сосен?

ЛЕНА. Хорошо. Мне давно не было так... хорошо.

АЛЕКСЕЙ. Это вдохновляет. Значит, полет состоится.

ЛЕНА. Как? Разве мы еще не летали?

АЛЕКСЕЙ. Что? Первые шаги. Первый взмах крыльями. Первая попытка оторваться от земли. Удачная попытка.

ЛЕНА. Что же будет, когда я полечу?

АЛЕКСЕЙ. О-о! Об этом лучше не думать. Всему свое время.

Пауза.

ЛЕНА. Так хорошо мне было только в детстве... На огромном мамином диване. Я забиралась на него с ногами со своей любимой куклой, и мы смотрели мультики по телику. Потом я рассказывала кукле разные истории. Смешные. Я сама их придумывала.

АЛЕКСЕЙ. Здорово.

ЛЕНА (*трогая его уши*). Какой ты...

АЛЕКСЕЙ. Какой?

ЛЕНА. Сейчас сверкнет молния, бабахнет гром и... ты исчезнешь.

АЛЕКСЕЙ. Ну что ты! Я никогда не исчезну.

ЛЕНА. Почему же? Все когда-нибудь исчезнут.

АЛЕКСЕЙ. Смелое заявление... Моя душа соприкоснулась с твоей. Она теперь, как песик у дверей...

ЛЕНА. Что-что?

АЛЕКСЕЙ. Придумалось так. Души бессмертны. А мое истинное «я» – это душа. Значит, я – не исчезну. Как и ты. И все-все-все... Жизнь вечна.

ЛЕНА. Ты думаешь?

АЛЕКСЕЙ. Я в этом уверен. Поэтому мы в ответе за наши души.

ЛЕНА (*задумавшись*). Даже и не знаю, хорошо ли это или плохо.

АЛЕКСЕЙ. Ни то, ни другое. Это данность.

ЛЕНА. А у птиц тоже есть душа?

АЛЕКСЕЙ. Естественно.

ЛЕНА. Даже у муравьев?

АЛЕКСЕЙ. Чем они хуже?

Пауза.

ЛЕНА. Послушай... А где ты живешь?

АЛЕКСЕЙ. Нигде. Я странствую. Я осваиваю просторы Вселенной.

ЛЕНА. Для бомжа ты слишком... приличный.

АЛЕКСЕЙ. Я цивилизованный бомж. Я слежу за собой и не позволяю себе опускаться. Я же сказал... Я всегда стараюсь находиться в полете.

ЛЕНА. Это все, конечно... Красиво, но... Дом. Еда. Надо же чем-то питаться. На это нужны деньги. Да и вообще...

АЛЕКСЕЙ. Я королевич. Можно сказать, принц. У меня редко бывают проблемы с деньгами.

ЛЕНА. Ты получил наследство? Или выиграл в лотерею?

АЛЕКСЕЙ. Принцы не играют в лотереи. Наследство можно получить, только когда умрет король. Но король жив. И не умрет никогда.

ЛЕНА. Я тебя серьезно спрашиваю. Я хочу знать, с кем я имею дело.

АЛЕКСЕЙ. Зачем? Разве тебе недостаточно того, что ты знаешь?

ЛЕНА. Чтобы разделить с тобой навсегда те фантазии, что – в кайф? Недостаточно. Я знаю лишь, что ты цивилизованный летающий бомж.

АЛЕКСЕЙ. Это уже много. Фактически, все!

ЛЕНА. Для тебя. Но мне нужны подробности.

АЛЕКСЕЙ. Подробности узнаются с годами. Когда прочитываешь книгу заново, обнаруживаешь детали, разнообразные мелочи, на которые не обращал внимания раньше...

ЛЕНА. Я никогда ни одну книгу не перечитывала. Я понимала все сразу. Или не понимала. Я мало что читала по-настоящему.

АЛЕКСЕЙ. Это не смертельно. Этому ты тоже научишься. Это входит в курс обучения. Иначе будет трудно летать.

ЛЕНА. Лягушка, которая учится летать...

АЛЕКСЕЙ. Ты – Царевна. Или Принцесса. Как тебе больше нравится?

ЛЕНА. А если серьезно? Если очень серьезно.

АЛЕКСЕЙ. Нет ничего серьезней полета... Хорошо. Сделаем паузу. Скушаем «Твикс»... Мне двадцатьшесть лет. Я не женат. Я бросил своих родителей, когда мне исполнилось восемнадцать. Из армии меня отпустили через полгода по состоянию здоровья. Но и полгода мне хватило, чтобы подтвердить свое открытие: летать лучше, чем ходить по земле. Я открыл это в пятом классе простой российской школы, когда мне объяснили, что я свободный человек и живу в свободной стране. В седьмом классе я понял, что мир несовершенен, а потом... Мне захотелось что-либо понимать. Понимание мешало мне летать... Слишком большая нагрузка. Капитализм – это притяжение. Впрочем, как и коммунизм, фашизм, анархизм и прочие «измы». Я пробовал поступать на физмат. Полеты требуют точности. Но у меня не набралось необходимой суммы. И я решил заняться самообразованием. В ночной палатке делать это было очень удобно. Покупатели почти не беспокоили меня. Таким образом, я получил образование, достойное принца, который умеет летать... Все! «Твикс» съеден. Памперсы не съе-

добны. «Клинское», «Балтику» и «Правильное» пиво, как ни печально, я не употребляю. Я вообще не переношу запаха пива. Обрати внимание: для тех, кто летает, пиво опасно. Тянет к земле. Впрочем, не только пиво.

ЛЕНА. Ну, а дальше? Что было дальше?

АЛЕКСЕЙ. Дальше – тишина. Свежий воздух. Просторы Вселенной. Добрые дяди и тети, готовые накормить за посильную работу нищего студента... Да. Каюсь. Приходится обманывать. Но должны же быть хоть какие-то радости и у тех, кто не летает. Люди никогда не разучатся делать добрые дела. Даже те, кто забыл, что это такое.

ЛЕНА. А не страшно? На просторах Вселенной как раз больше таких, кто забыл.

АЛЕКСЕЙ. Таких много в больших городах. Или просто – в городах. А за чертой... Начинается немая зона. Даже на больших дорогах, где водятся дикие звери... Кому нужен летающий бомж? Во времена Великого Переселения, среди Беженцев и Беспризорников, мало кто обращает на меня внимание...

ЛЕНА. Честно говоря, очень похоже на сказку.

АЛЕКСЕЙ. Ты права. Моя бабушка говорила: «Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью». Сегодня можно сказать: «Мы рождены, чтоб сделать сказкой пыль». Все изменилось.

ЛЕНА (*через паузу*). Я на сказку не способна.

АЛЕКСЕЙ. Ты не знаешь себя.

ЛЕНА. Я уже это сегодня слышала.

АЛЕКСЕЙ. Ты сегодня сделала первые шаги... Зря мы взяли паузу. Но ничего! Сейчас продолжим обучение, и ты вернешься к себе.

ЛЕНА. Когда вернусь?..

АЛЕКСЕЙ. Со временем. Кстати, надо бы показать тебе мой дворец.

ЛЕНА. Боюсь, он мне не понравится. У меня отсутствует воображение.

АЛЕКСЕЙ. Воображение есть у всех. И оно поддается развитию.

ЛЕНА. Это тоже входит в курс обучения?

АЛЕКСЕЙ. Совершенно верно.

ЛЕНА. Странно. Когда большинство сидит у компьютера и осваивает виртуальную реальность... Наверно, ты родился не в ту эпоху.

АЛЕКСЕЙ. Что ты! В самую что ни на есть ту! Там бы я был заодно со всеми. Толпа поглотила бы меня, и я не смог бы летать. А в наше время мне мало кто мешает. Я действительно свободен. Приятно сознавать, что ты не состоишь ни в одной из тусовок.

ЛЕНА. А те, кто летает, не тусуются?

АЛЕКСЕЙ. Не получается. Полет – это же состояние души. И никаких цепей оно не терпит. А все тусовщики – фанаты своих цепей.

ЛЕНА (*тихо и жестко*). Нет!

АЛЕКСЕЙ. Что «нет»?

ЛЕНА. Я не умею быть не как все. Я очень переживаю, если... (*Замолчала.*)

АЛЕКСЕЙ. Если, что?

ЛЕНА. Мне хочется одеваться у Армани, пить чай из китайского фарфора. Я люблю свою шестикомнатную квартиру, где любимая мебель из Франции. Наша дача – настоящая вилла по итальянскому образцу... Я люблю бывать на презентациях, где можно запросто поговорить со знаменитостями. Я люблю, когда мне дарят скромненькое колечко с бриллиантом... Я просто торчу от... (*Замолчала.*) Нет! Ты совсем меня не знаешь. Я не подхожу тебе. Я не та, кто тебе нужен.

АЛЕКСЕЙ. Кто кому нужен, знает один Господь Бог. Ты просто слишком далеко ушла от себя. Потерпи немного. Вот откроешь другой мир... Научишься летать... И, повторяю, вернешься к себе.

ЛЕНА (*резко*). Не хочу я возвращаться к себе... Пора. Извини. Я очень рада, что все это было, но... Во всем виновато шампанское. Я давно его не пила... Там, наверно, паника. Все меня ищут. Я должна идти.

АЛЕКСЕЙ. Ты никому ничего не должна.

ЛЕНА. Этот день рождения запомнится мне на всю жизнь.

АЛЕКСЕЙ. Обведешь на календаре число красным фломастером или поставишь крестик?

ЛЕНА. Я не Принцесса, не Царевна... А этот мир не сказочное королевство. Я слишком старая, чтобы научиться летать...

АЛЕКСЕЙ. Ты слишком юная, чтобы понимать, от чего ты отказываешься. Тебе надо повзрослеть.

ЛЕНА. Еще повзрослеть? Мне девяносто лет.

АЛЕКСЕЙ. Для полетов – возраст младенца.

ЛЕНА. И ты готов нянчиться со мной, менять памперсы, кормить меня из бутылочки, одевать?

АЛЕКСЕЙ. Я готов на все... Что не сделаешь ради... брошенного на произвол судьбы грудного ребенка.

ЛЕНА. Вздорного ребенка! Капризного, неблагодарного, эгоистичного...

АЛЕКСЕЙ. Младенцы такими не бывают. Ты все придумала.

ЛЕНА. Ошибаешься! Это ты придумал! Ты – ребенок! Потому что не ходишь по земле, а паришь в облаках... Прощай! Мой юный принц... (*Уходит.*)

Картина седьмая

У озера. Занавеска между деревьями. Несколько стульев. Появилось плетеное кресло, на котором и сидит Эдуард. Рядом бродит Сергей.

СЕРГЕЙ. Я ее враз отыщу, Эдуард Николаевич.

ЭДУАРД. Нет. Пусть он сам ее найдет. Подождем. Пока гости там плескаются... Глядишь, протрезвеют.

СЕРГЕЙ. Зря вы...

Пауза.

ЭДУАРД. А у тебя жена есть, Серый?

СЕРГЕЙ. Есть одна...

ЭДУАРД (*удивленно*). А сколько полагается?

СЕРГЕЙ. Я об том, что... Она не под законом.

ЭДУАРД. Вы не зарегистрированы?

СЕРГЕЙ. Мы – так. По согласию.

ЭДУАРД. И как вы живете? Ругаетесь или полное взаимопонимание?

СЕРГЕЙ. По-разному бывает. Я ее держу... В черном теле.

ЭДУАРД. Бьешь?

СЕРГЕЙ. Случается, пугаю.

ЭДУАРД. И действует?

СЕРГЕЙ. Глупостей не делает.

ЭДУАРД. Чтобы женщина и не делала глупостей?.. Вздор! По-моему, вся их жизнь состоит из одних глупостей.

СЕРГЕЙ. Не скажите.

ЭДУАРД. Ты ее любишь?

СЕРГЕЙ. Она добрая.

ЭДУАРД. Ну и что? Я тебя спрашиваю: любишь ли ты ее?

СЕРГЕЙ. Без любви... И собака сбежит.

ЭДУАРД. Я не вообще... Я о настоящей, большой любви... Как в книжках. Или в кино, в театре... Ты же смотришь кино?

СЕРГЕЙ. Смотрю.

ЭДУАРД. Ну и?

СЕРГЕЙ. Я же сказал.

ЭДУАРД. Ты со всеми так общаешься? Или только со мной?

СЕРГЕЙ. Как? Я вас уважаю.

ЭДУАРД. А кого не уважаешь? С теми как?

СЕРГЕЙ. Не пойму я чё-то...

ЭДУАРД. С тобой по душам, Серый, а ты...

СЕРГЕЙ. Я что... Я готов даже признаться.

ЭДУАРД. В чем? Ты гомик, что ли?

СЕРГЕЙ. Зачем? Я натурал.

ЭДУАРД. А в чем дело тогда? Украл у меня что?

СЕРГЕЙ. Обижаете, Эдуард Николаевич.

ЭДУАРД. В чем признаться?

СЕРГЕЙ. Опасаюсь расстроить.

ЭДУАРД. Валяй! Я и так уже по всем статьям... В разобранном виде. Давно со мной ничего похожего не было. Лишнего, что ли, выпил.

СЕРГЕЙ. Я о Лене Ванне.

ЭДУАРД. А она-то тут при чем? У тебя что, роман с ней?

СЕРГЕЙ. Она меня презирает.

ЭДУАРД. Так что? Влюбился в нее? Она баба соблазнительная. Но не для тебя... Может, и я для нее мелковат. Сколько ее знаю... Понять не могу: то ли в ней глупости через край, то ли ума. А разобраться все некогда. Голова другим забита. Да и надо ли? Один раз живем. (Пауза.)...Так о чем я? Нравится она тебе?

СЕРГЕЙ. Долго забор ставят.

ЭДУАРД (зло). Серый, блин! Ты по-людски можешь изъясняться?!

СЕРГЕЙ. Роман у нее с этим... Который знакомый.

ЭДУАРД (удивленно). Что? С режиссером? С дядей Сашей? Со стариком? Серый... Ты случайно не перегрелся? По-моему, у тебя крыша едет.

СЕРГЕЙ. Вам видней. Со стороны-то...

ЭДУАРД (встал). Ну-ка, посмотри мне в глаза... Сядь! Вот сюда сядь, в кресло.

Сергей садится.

Валяй! Говори. Я слушаю.

Картина восьмая

Поляна. Все подготовлено к отъезду. Алексей сидит на земле. Дядя Саша ходит кругами.

ДЯДЯ САША. ... Для того чтобы вы встретились, мне надо было встретить тебя, потом встретить ее, потом устроить вашу встречу! Так не бывает в жизни! Такое можно увидеть только в театре... Это невероятно! Это судьба! Счастливый случай!

АЛЕКСЕЙ. Она ваша. Вы любите ее! И я, как подонок... Как последний... Я воспользовался случаем... Я... Не смел.

ДЯДЯ САША. Она не моя, она мужа, которого не любит. Ты выполнил всё по полной программе! Я даже мечтать о подобном не смел. То есть... я мечтал...Но... Ты оправдал мои надежды! Ты...

АЛЕКСЕЙ. Всё. Я ухожу... Уезжаю. Я не могу. К тому же она, по-моему, никого не любит. Меня тем более...

ДЯДЯ САША. Ты слегка опередил события – и вот результат.

Ну и что? Ты прекрасно сыграл!

АЛЕКСЕЙ. Ничего я не играл. Я не актер, а жизнь – не театр.

ДЯДЯ САША. Театр! И еще какой! Об этом Шекспир сказал!

АЛЕКСЕЙ. Дядя Саша! Поезд ушел. Пора отправляться в дорогу.

ДЯДЯ САША. Лена – не поезд, а твоя судьба! Ты что же, оставишь ее здесь? Бросишь в самый ответственный момент в ее жизни? Когда она в тебе так нуждается?!

АЛЕКСЕЙ. Вы впали в банальности. Узнаю интонации моей бабушки. Так, наверно, говорят в старых пьесах...

ДЯДЯ САША. Так говорят люди, которым не безразлична судьба своих близких.

АЛЕКСЕЙ. И которые мирно с ними расстаются в шестьдесят с хвостиком.

ДЯДЯ САША. Леша, ты меня не слышишь!

АЛЕКСЕЙ. Слышу. Она не нуждается во мне!

ДЯДЯ САША. Какой ты, все-таки, еще... Вы же нашли друг друга! И не надо себе лгать! Ты в нее влюбился, как... Ромео! И она, уверен, тоже... как Джульетта.

АЛЕКСЕЙ. Вы забыли, чем закончилась история их любви?

ДЯДЯ САША. Я очень хорошо помню. И поэтому не хочу, чтобы история повторилась. И сейчас же иду туда. И мы с ней играем! Как бы тебе не было это неприятно. Потом... Они идут пить. Развлекаться. А мы... Все должно случиться, как запланировано. И никаких отступлений от инструкции. В противном случае... Видел бы ты меня! Я бог знает, что болтал ее мужу. Полчаса нес околесицу про психологическое состояние человека, который первый раз должен выйти на сцену. А в итоге пришлось пойти ее искать.

АЛЕКСЕЙ. Околесицу или сцену?

ДЯДЯ САША (*с иронией*). Очень остроумно. Лену! И тебя... И о чем ее муж сейчас думает?.. Не смею даже вообразить.

АЛЕКСЕЙ. Нельзя человека силой заставить летать!

ДЯДЯ САША. Нельзя. Но можно подтолкнуть. Попытаться открыть глаза. Предложить... Как-то поспособствовать.

АЛЕКСЕЙ. Я способствовал.

ДЯДЯ САША. Не спорь со мной! Я прав! Я буду ждать. Мы будем ждать. Мы в сто раз лучше сыграем, если ты окажешься где-нибудь поблизости. (*Тихо.*) Мальчик мой, я же люблю вас обоих, и сердце мое подсказывает, что вам непременно надо быть вместе... Иначе, зачем же я разбил китайскую фарфоровую чашку... (*Уходит.*)

Картина девятая

У озера. Эдуард сидит в кресле. Лена у камня, осматривает «место действия».

ЭДУАРД. Где же твой режиссер?.. Вы не встретились? Он пошел тебя искать.

ЛЕНА. Как видишь, я одна. Вероятно, пошел искать в противоположную сторону.

ЭДУАРД (*через паузу*). Тебя не было почти час.

ЛЕНА. Я прошлась вдоль берега. Вышла на дорогу... Я готовилась. Хочу произвести хорошее впечатление. Все-таки, это мое первое выступление.

ЭДУАРД. Надеешься, что будет второе?

ЛЕНА. Может быть, и третье, и четвертое... Почему бы и нет?.. Если у меня получится.

ЭДУАРД. Решила поступать в Театральный?

ЛЕНА. Меня уже не возьмут. Поздно. Но ты можешь выступить спонсором. Или куда-нибудь пристроить... На роль. Сейчас так многие делают. Были бы деньги. (*Открывает книгу.*) Почему ты не с гостями?

ЭДУАРД. Раньше тебя гости не волновали.

ЛЕНА. Я же знала, что ты с ними.

ЭДУАРД. А я вот их бросил. Доверил Марго.

ЛЕНА (*растерянно*). Она тоже приехала? В мой день рождения?

ЭДУАРД. Да, красота моя. С одним очень представительным мужчиной. И что здесь плохого?

ЛЕНА. Ничего. Я не ожидала...

ЭДУАРД. Я тоже.

ЛЕНА. Но ты пригласил ее.

ЭДУАРД. Я о другом. О твоём, мягко скажем, странном поведении... В твой день рождения.

ЛЕНА. Что здесь странного? Я никогда не выступала. Для меня все новое... Незнакомое... Я волнуюсь.

Пауза.

ЭДУАРД. Интересно, долго нам еще придется ждать твоего дядю Сашу?!

ЛЕНА. Он не мой. Ты спрашиваешь так, словно мы с ним сговорились.

ЭДУАРД. А разве нет?

ЛЕНА. О чем?.. Я тебя не понимаю?

ЭДУАРД. Я не намерен торчать здесь всю ночь.

ЛЕНА. Пусть Сергей его найдет.

ЭДУАРД. Вряд ли, он тебя заменит.

ЛЕНА (*настороженно*). О чем ты?!

Появляется дядя Саша.

ЭДУАРД. Наконец-то.

ДЯДЯ САША. Слава богу! Вы нашлись! А мы тут уже стали волноваться... Я обошел все вокруг... Мы с Эдуардом Николаевичем подумали, не случилось ли что?..

ЛЕНА. По Эдуарду Николаевичу я этого не заметила.

ДЯДЯ САША. Все в порядке... Главное, вы нашлись. И можно начинать. Вы подготовились, правда? Вы в состоянии? Нам не надо пройти текст?

ЭДУАРД. По-моему, вы слишком долго готовились.

ЛЕНА. Не надо.

ДЯДЯ САША. Эдуард Николаевич! Придется вас побеспокоить. Кресло нам понадобится...

ЭДУАРД (*встает*). Ради бога...

ДЯДЯ САША. Пока вы зовете гостей, мы с Еленой Ивановной...

ЭДУАРД. Гости придут позже... Я хочу сначала сам посмотреть.

ДЯДЯ САША (*растерянно*). Как?

ЛЕНА. Зачем? Два раза я играть не собираюсь... Ты в своем уме?

ЭДУАРД. Я хочу принять участие в вашей игре. Выступить в роли первого зрителя... Я не люблю рисковать. И должен быть уверен, что затея стоит денег, хотя бы на пятьдесят процентов.

ДЯДЯ САША. Причем тут деньги?.. Вы нам не доверяете?

ЭДУАРД. Я ничего не смыслю в театре. Но... отличить провал от успеха сумею. Я беспокоюсь за вас. Долг хозяина и мужа. (*Звонит.*) Серый! Иди сюда!.. Разумеется. Скажи Марго, что мы их позовем. Да... Она знает. (*Выключает телефон.*)

ЛЕНА. Что ты тут устраиваешь?! Это просто издевательство.

ЭДУАРД. Сыграть для любимого мужа – «издевательство?»

ДЯДЯ САША. Елена Ивановна, в театре обычно перед выходом на публику бывают так называемые прогоны для пап и мам, когда приходят все свои... Жены, мужья, родственники. Самая доброжелательная публика. Так что... Здесь нет ничего унижительного...

ЛЕНА. Хорошо, пусть будет, как в театре. Только в «доброжелательности» я сомневаюсь.

ЭДУАРД. Напрасно, красота моя.

Появился Сергей.

Садись, Серый, вот сюда. Нет, рядом со мной...

СЕРГЕЙ. Я ведь... Не особо... разбираюсь.

ЭДУАРД. Я тоже не спец. Не имеет значения. (*Усаживаются.*) Что-нибудь пойдем.

Пауза.

ДЯДЯ САША. Можно начинать?

ЭДУАРД. Естественно. Мы ждем.

Дядя Саша берет под руку Лену и отдергивает занавеску, потом ведет Лену к поставленному у камня креслу.

Лена замечает в глубине леса Алексея. Он стоит так, что его не видят Эдуард и Сергей.

ДЯДЯ САША. Нина! Это вы... Я точно предчувствовал, весь день душа моя томилась ужасно... О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будем плакать.

ЛЕНА. Здесь есть кто-то.

ДЯДЯ САША. Никого.

ЛЕНА. Я знаю, Ирина Николаевна здесь... Заприте двери...

ДЯДЯ САША. Тут нет замка. Я заставлю креслом (*Ставит кресло у полуоткрытой занавески.*) Не бойтесь, никто не войдет.

ЛЕНА. Дайте я посмотрю на вас. Тепло, хорошо... Я сильно изменилась?

ДЯДЯ САША. Да... Вы похудели. Как-то странно, что я вижу вас. Отчего вы не пускали меня к себе? Я знаю, вы здесь живете уже почти неделю... Я каждый день ходил к вам по нескольку раз, стоял у вас под окном, как нищий.

ЛЕНА. Я боялась, что вы меня ненавидите... Давайте сядем. Сядем и будем говорить, говорить. Хорошо здесь, тепло, уютно... Слышите – ветер? У Тургенева есть место: хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый угол. «Я – чайка... Нет, не то... О чем я? Да... Тургенев... «И да поможет господь всем бесприютным скитальцам». Ничего. (*Плачет.*)

ДЯДЯ САША. Нина, вы опять... Нина!

ЭДУАРД. Настоящие слезы! Подумать только!

ЛЕНА. Господи! Не могу! Не хочу! Он же издевается! (*Уходит к стульям.*)

ЭДУАРД. Да почему же? Мы что, должны молчать, как рыбы? Все получается очень по-настоящему. Мне нравится. В чем дело?

ДЯДЯ САША. Елена Ивановна! Вы играете прекрасно! Я восхищаюсь вами!

ЛЕНА. Что вы, дядя Саша!

Изда деревьев чуть ли не выпрыгивает крупная дама в декольтированном платье.

МАРГО. Эдуард Николаевич! Что ж такое?! Я выдохлась! Все уже объелись хлебом и жаждут зрелищ! Меня отправили на разведку...

ЭДУАРД. Пусть потерпят, Марго. Скоро позовем.

МАРГО. Не слишком ли затянулось ваше «скоро»? (*Замечает Лену.*) Елена Ивановна! Голубушка! Наконец-то я вас вижу! Эдуард Николаевич прячет от меня такое очаровательное создание! Не иначе как считает, что я способна вас укусить. Вы меня извините, милая, за опоздание. У меня кавалер квелый. Соображает туго. Завез меня не в ту степь...

ЭДУАРД. Маргоша! Будь умницей...

МАРГО. Я ей буду, если вы вспомните, что я женщина и тоже требую внимания... А почему вы все такие серьезные? Надо пить и смеяться, как дети! Елена Ивановна! Кажется, у вас сегодня день рождения? Или я опять что-то перепутала?

ЛЕНА. Нет. Не перепутали.

МАРГО. Так что ж мы? Я хочу выпить с вами на брудершафт. Преподнести вам свой презент и... Я хочу стать вашей подругой. Я смогу вам столько рассказать про Эдуарда Николаевича...

ЭДУАРД. Маргарита Львовна...

МАРГО. Зачем так официально? Мы же с вами не в офисе. (*Лене.*) Я простая незамужняя женщина, блуждающая в поисках любви! Леночка! Вы счастливый человек, вас любит гений! Вам есть чему радоваться... А я... Я одинокая птица. Порхаю с ветки на ветку. И не могу нигде свить своего гнезда. Ни одна особь мужского пола не соответствует моим мечтаниям... Кроме Эдуарда Николаевича, разумеется.

ЛЕНА. Это объяснение в любви?

МАРГО. Что вы, голубушка. Я не посягаю на вашего мужа. Ни в коем случае!

ДЯДЯ САША (*Эдуарду*). Как я вижу, Маргарита Львовна не в курсе, что наше зрелище предполагает...

МАРГО. Бог мой! Кто это? Что за привлекательный толстячок? Почему нас не познакомили? Мужчина, вы мне нравитесь!

ЭДУАРД (*подходя к ней*). Марго! Дорогуша. Займи гостей еще минут на пятнадцать. Ты отлично умеешь развлекать.

МАРГО (*кокетливо посмотрев на Эдуарда*). Только ради вас. Вы, как все гении, Эдуард Николаевич, адски трудный человек. Но это не мешает мне вас любить. В общечеловеческом смысле этого слова... (*Всем.*) Я временно покидаю сей милый уголок. Елена Ивановна, голубушка, надеюсь, что мы подружимся... Обаятельный толстячок, я положила на вас глаз... (*Посылая воздушный поцелуй, уходит.*)

ЭДУАРД (*усаживаясь*). Нас прервали. Приношу свои извинения. (*Пауза.*) Что-то не так?

ДЯДЯ САША. Может быть, не стоит?

ЭДУАРД. Еще как стоит! Я никогда не видел такой свою жену. Я открываю ее заново.

ДЯДЯ САША. Но вы, кажется, поняли, что провала не будет.

ЭДУАРД. Я понял, что в данный момент гости к подобному зрелищу не готовы. И трудно представить, когда они созреют. Получается, что... Мы с Серым – единственные зрители. Вы же не хотите, чтобы ваши труды пропали даром?..

ЛЕНА (*резко*). Итак, вы стали уже писателем... Вы писатель, а я – актриса. Попали мы с вами в круговорот. Жила я радостно, по-детски – проснешься утром и запоешь: любила вас, мечтала о славе, а теперь?.. Груба жизнь!

ДЯДЯ САША. Нина, я проклинал вас, ненавидел, рвал ваши письма и фотографии, но каждую минуту я сознавал, что душа моя привязана к вам навеки... Я зову вас, целую землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне лучшие годы моей жизни... Оставайтесь здесь, Нина, умоляю вас, или позвольте мне уехать с вами!

ЛЕНА. Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть. Я – чайка... Не то. Я – актриса. Ну да!

Снова из глубины появляется Марго.

МАРГО (*крича*). Серьезные вы мои! Только посмотрите, что я нашла! (*Показывает всем.*) Это же гриб! Настоящий! Белый гриб! Конец света, ей-богу!..

ЭДУАРД. Грибы?

СЕРГЕЙ. Охренеть... Настоящий.

МАРГО. Не поганка! Не мухомор занюханый! А белый! Здесь! На пути! Я потрясена!.. Елена Ивановна, голубушка, дарю вам! На счастье (*Пихает Лене гриб.*) Когда будете есть, загадайте желание.

ЛЕНА. Обязательно загадаю.

МАРГО. Сто лет грибов не собирала... И вот! Смотрите! Красавец-то какой! Ядреный... Глаз не оторвать!

ЭДУАРД. Серый...

Сергей подходит к Марго.

СЕРГЕЙ. Маргарита Львовна...

МАРГО. Нет-нет. Не сопровождайте... Я сама дойду. (*Уходит, бормоча.*) Это надо же... Белый гриб... Нашла...

ДЯДЯ САША (*продолжая*). Оставайтесь.

ЛЕНА. Нет-нет... Не провожайте, я сама дойду. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Люблю страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде... Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства – чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните? «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которые нельзя было видеть глазом – словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... (*Отходит к последнему стулу за Эдуардом и садится, прекращая играть.*)

ДЯДЯ САША. Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму... (*Подходит к Лене.*)

ЭДУАРД (*через паузу*). Это все?

ДЯДЯ САША. Мы сократили сцену... Нина уходит. Треплев, проводив ее, тоже покидает площадку. Дальше входит Дорн и за ним все. Потом слышен выстрел... Дорн сообщает Тригорину, что Константин Гаврилович застрелился.

ЭДУАРД. Доходчиво. И, как говорится, хорошего понемножку...

ДЯДЯ САША (*Лене*). Вы прекрасно играли. Если бы у меня был свой театр... Я бы, не задумываясь, отдал бы вам все главные роли.

ЛЕНА. И мужские тоже?

ДЯДЯ САША. Что вы! Мужские...

ЭДУАРД. Он играл бы сам.

ДЯДЯ САША. Ошибаетесь. Я не актер.

ЭДУАРД. Не скромничайте. Вы тоже были на высоте.

Возвращается Сергей.

...Серый! Дай-ка мне пушку.

Сергей дает Эдуарду пистолет.

Вот, возьмите.

Протягивает дяде Саше, тот не понимая, берет.

ДЯДЯ САША. Зачем? Пугать гостей?

ЭДУАРД. Вы должны доиграть роль до конца. Нет финала. Нам нужно поставить точку. Подбить бабки, так сказать.

ДЯДЯ САША. Что значит... «поставить точку»? Треплев уходит за кулисы... А здесь... на сцене другие персонажи. Я только что объяснял. Не могу сообразить, о чем вы?

ЭДУАРД. О лицах кавказской национальности.

ДЯДЯ САША. О чем?

ЭДУАРД. Мне тут Серый рассказал об одном горце, который изнасиловал пятнадцатилетнюю школьницу. Горцу было восемьдесят лет. Вам сколько, дядя Саша?

ДЯДЯ САША. Много. А в чем, собственно, дело? При чем тут эта история?

ЛЕНА. Господи!

ЭДУАРД. Вот-вот (*дяде Саше*). Вы в хорошей форме, дядя Саша.

ДЯДЯ САША. Я всего лишь подыгрывал Лене. Эту роль должен был играть молодой талантливый артист.

ЭДУАРД. Да, с молодым ей было бы приятней, но пришлось с тем, кто подвернулся.

ЛЕНА (*дяде Саше*). Он хочет сказать, что у нас с вами роман, дядя Саша.

ДЯДЯ САША. Роман? У нас?

ЛЕНА. Да... Что мы с вами переспали в его отсутствие... И теперь он жаждет расплаты...

ДЯДЯ САША. Но... я...

СЕРГЕЙ. Личное признание Лены Ванны.

ЭДУАРД (*Сергею*). Помолчи!

ДЯДЯ САША (*удивленно, повернувшись к Лене*). В чем? Елена Ивановна...

ЛЕНА. Больно уж меня достал этот серый человек, дядя Саша, – и я глупо пошутила. Простите меня!

СЕРГЕЙ. Хороша шутка.

ЭДУАРД (*повернувшись и с иронией*). Такими вещами не шутят.

ЛЕНА. Хватит, Эдуард! По-моему, ты достаточно покуражился. Оставь дядю Сашу в покое. Там тебя Марго зажда-лась.

ЭДУАРД. Марго, я уверен, ищет грибы. Ей сейчас не до меня. ... Так как, дядя Саша?

ДЯДЯ САША. Что? Лена же сказала, что она пошутила.

ЭДУАРД. За все надо платить. Даже за шутки. Будьте последовательны. Доиграйте свою роль до конца.

ДЯДЯ САША. Не понимаю... Роль доиграна. Вы... тоже шутите?

ЭДУАРД. Нет, я не шучу.

ДЯДЯ САША. Чуть какая-то... Заберите свой пистолет. (*Кладет пистолет на стул.*) И прекратим этот спектакль.

ЭДУАРД. Испугались?

ДЯДЯ САША. При чем тут «испугались»? Я не понимаю смысла вашего желания... Вы взрослый, умный человек... Елена Ивановна сказала, что она пошутила. Что вы хотите?

ЭДУАРД. Выстрела. И только.

ДЯДЯ САША (*с иронией*). В воздух? Или, чтобы я из-за шутки убил себя?

ЭДУАРД. Естественно, второе. Вы же интеллигентный человек. Что здесь непонятного? (*Улыбаясь.*) Я не верю, что моя жена пошутила. (*Через паузу.*) Вы можете убить себя

здесь, а можете уйти подальше. За кулисы. Ваше право.
Но я жажду мести.

ДЯДЯ САША (*растерянно*). Но это... Нонсенс! Это... желание, простите, ненормального человека.

ЭДУАРД. Желание обманутого мужа.

ДЯДЯ САША. Театр абсурда. Это уже театр абсурда, а не комедия...

ЭДУАРД (*улыбаясь*). Пусть так. Я жду. (*Пауза.*) Вам все равно не отвертеться.

СЕРГЕЙ. Он не сечет, Эдуард Николаевич...

ЭДУАРД. Помолчи, Серый!

Пауза.

ДЯДЯ САША. В конце концов... Мне нечего терять. И не думайте, что я боюсь... смерти. Я переступил эту черту. Но некоторым образом... я не «секу», как выразился господин Сережа... Мне не ясен смысл... Я не могу поверить.

ЭДУАРД. Вы же не хотите, чтобы пострадала Лена?

Пауза.

ДЯДЯ САША. Ах, вот как...

ЛЕНА. Не слушайте его! Ничего он со мной не сделает.

ЭДУАРД (*зло*). Ты заблуждаешься, красота моя.

Долгая пауза.

ДЯДЯ САША. В таком случае... Я совершу то, что вы просите...

ЛЕНА. Дядя Саша! (*Бросается к нему.*) Не смейте!

ДЯДЯ САША (*останавливая ее*). Девочка моя! Дорогая! Посмотрим правде в глаза. (*Усадив ее на стул и отходя.*) Вы знаете... Мне кажется, что я всю жизнь искал именно вас... Я любил свою жену. И все-таки, это была другая любовь... Я себе лгал, а значит, и ей... Вы удивительный человек, думающий. В ваши юные годы, уверен, это большая редкость. Многие ваши сверстники и сверстницы, к сожалению, даже не представляют себе, как можно задавать вопросы, которые вы задае-

те себе, и еще пытаться ответить на них... Я надеюсь, что Эдуард Николаевич оставит вас в покое, после всего... Лишь бы вы не упустили, говоря возвышенно, своего счастья. Вы потом поймете, о чем я говорю. Может быть, я и родился для того, чтобы в конце концов встретить вас и способствовать вашему счастью. Так что... Видимо, необходимость моего поступка predetermined свыше... И глупо переживать и расстраиваться. В чем-то Эдуард Николаевич прав. Ему обидно. И даже не столько за поступок тела, сколько за то, что совершила душа... Она, смею надеяться, соприкоснулась с другой, более близкой для нее... Ваш муж потерял власть над ней. А для Эдуарда Николаевича это большая потеря... Я рад, что чувствовал дыхание вашей души. Это подарок судьбы. Если бы вы знали, как я счастлив...

Подходит к пистолету, но его опережает появившийся из-за деревьев Алексей.

АЛЕКСЕЙ (*взяв пистолет*). Многоуважаемый муж! Лена переспала со мной! И я готов выполнить ваше желание!

ЭДУАРД. С тобой?! (*Растерянно оглядывая Алексея.*) Не понял. Серый, ты слышал?!

СЕРГЕЙ. А то!

ЭДУАРД. Тыща баксов!

ДЯДЯ САША. Алексей! Что ты здесь делаешь?! (*Эдуарду.*)

Этот молодой человек просто желает спасти меня и болтает бог знает что! (*Алексею.*) Сейчас же уходи отсюда! Ты нам мешаешь! Мы сами разберемся!

АЛЕКСЕЙ. Не разберетесь, дядя Саша! Я в состоянии ответить за свои поступки.

ДЯДЯ САША. За чужие, молодой человек!

ЭДУАРД. Кто бы мог подумать?! Не нахожу слов!

СЕРГЕЙ. Полный улет!

ЭДУАРД (*Лене*). Этот клоун (*показывает на Дядю Сашу*) у тебя в роли подставного лица выступал?

СЕРГЕЙ. Не хило!

ЛЕНА (*растерянно*). Дядя Саша... Вы его знаете?

ДЯДЯ САША. Да вот... Можно сказать, подобрал на дороге. Он прекрасный молодой человек! Но поразительно упрямый... (*Алексею.*) Не стройте из себя героя, Леша. Ваш вымысел наивен. Не правда ли, Лена? Сергей был свидетелем наших взаимоотношений. (*Лене.*) Я вас люблю. И не вижу смысла скрывать это...

АЛЕКСЕЙ. Что бы Лена ни сказала, я уже признался, дядя Саша. Назад пути нет.

ДЯДЯ САША. Не говори глупостей! Дай-ка мне пистолет!

Пытается силой отобрать пистолет, но его хватает сзади Сергей.

Да вы что?!

СЕРГЕЙ. Тихо, батя.

ДЯДЯ САША. Оставьте меня! Как вы смеете?! Отпустите! Не прикасайтесь!

АЛЕКСЕЙ (*Сергею*). Отпусти его!

Сергей отпускает.

ДЯДЯ САША (*Эдуарду*). Да что ж такое?! Кому вы больше верите? Вашему телохранителю или этому юнцу, бродяге?... Который где-то отсутствовал целый день и вдруг объявился, чтобы взять на себя ответственность за то, чего, собственно, и не было!..

СЕРГЕЙ (*становясь между дядей Сашей и Леной*). Не дергайся, батя.

ЭДУАРД (*дяде Саше зло*). Я верю бродяге. Вы уже свое сыграли. Уступите молодым. Он тоже желает выйти на сцену.

ДЯДЯ САША (*растерянно*). Какую сцену?!

АЛЕКСЕЙ (*Эдуарду*). У Чехова Константин Гаврилович стреляется за кулисами. Где здесь кулисы?

ЭДУАРД. Спросите у режиссера. Ему лучше знать.

АЛЕКСЕЙ. Дядя Саша, кулисами могут быть те сосны?

ДЯДЯ САША. Сосны? Нет. Не знаю... Леша! Здесь не театр! Здесь нет кулис! Нет сцены! Ради бога! Дай мне пистолет! Это не игрушка... Он ничего с нами не сделает! Он цивилизованный человек.

АЛЕКСЕЙ. Не сомневаюсь в его принадлежности к цивилизации. Но именно она-то и тянет к земле. Разве не вы говорили?

ДЯДЯ САША. Леша! Он не посмеет нас тронуть.

АЛЕКСЕЙ. Надо быть человеком чести, дядя Саша. Тоже ваши слова.

ДЯДЯ САША. Мои. Но когда дело касается...

АЛЕКСЕЙ. Дело касается души, а она бессмертна!

ДЯДЯ САША (*срываясь*). Черт возьми! О какой чести идет речь?! Пусть этот сумасшедший найдет второй пистолет... И вы будете стреляться. Пожалуйста! Дуэль! Как положено! Кто кого! Но убивать себя, чтобы, видите ли, удовлетворить притязания этого безумца... (*Эдуарду*) Вы что, не понимаете, что она вас не любит?.. Вы не нужны ей! И ваша месть не имеет никакого смысла!

ЭДУАРД (*сдержанно*). Возможно, и не любит.

ЛЕНА (*спокойно*). Уже не люблю. И оставь их в покое. Кажется, по твоей теории, во всем виновата женщина. Меня и вини. Мы можем наедине выяснить наши отношения.

ЭДУАРД. Уже не можем. Я, дорогая, игрок. Ты же знаешь.

ЛЕНА. Я сейчас позову гостей! Должен же найтись среди них хоть один разумный человек!

Лена идет, но ей преграждает путь Сергей.

СЕРГЕЙ. Зачем нам свидетели?

ЛЕНА. Да ты что?! Пусты меня!..

АЛЕКСЕЙ. Лена! Не горячись! Так или иначе... Меры будут приняты. Зачем себя обманывать. Ты же знаешь, что не отвертеться... Ты права, я не люблю ходить по земле, парить в облаках для меня привычнее. Мне часто казалось, что я уже давно там... Как цивилизованного летающего бомжа меня сей финал вполне устраивает. Не знаю, каковы дальнейшие планы у твоего мужа, но надеюсь, что он оставит тебя в покое... И если ты захочешь... Парить. То... Дядя Саша... Он по-настоящему тебя любит. Наверно, так никто никогда не любил, как он... Я на такое не способен.

ДЯДЯ САША. Неправда!

АЛЕКСЕЙ. Правда! Я не умею любить. Моя любовь слишком специфическая.

ДЯДЯ САША. Что он говорит?! Нет?! Вы только послушайте... Что он говорит?! Если ты совершишь это безумие... Я сделаю то же самое.

АЛЕКСЕЙ. Воля ваша. Поступайте, как считаете нужным. Но прежде подумайте о принцессе.

ЛЕНА. Леша! Дай мне пистолет! Это я во всем виновата!

АЛЕКСЕЙ. О-ля-ля... Не безумствуй! Глупость тебе не идет.

ЛЕНА. Я прошу тебя! Он же играет! Для него это всего лишь...

АЛЕКСЕЙ. Я тоже люблю играть.

ЛЕНА. Леша! Я умоляю тебя! Пожалуйста!

ЭДУАРД. Может быть, вы поцелуетесь на прощание?

АЛЕКСЕЙ. Только если с вами. В знак благодарности за доставленное удовольствие.

ЭДУАРД. Я с мужчинами не целуюсь.

АЛЕКСЕЙ (*крик чайки. Подняв голову и увидев ее в небе*). Чайка. Как символично. Куда ж тебя, бедную, занесло?

ЭДУАРД (*посмотрев вверх*). Оголодала.

СЕРГЕЙ. На прошлой неделе тоже чирикала.

ЭДУАРД. Чирикают, Серый, воробьи. Чайки кричат, и очень противно.

СЕРГЕЙ. Кричат вороны, Эдуард Николаевич.

АЛЕКСЕЙ (*смеясь*). Содержательный разговор.

Пауза.

ЭДУАРД. Между прочим, есть простой выход... (*Поднимает руки*.) Я безоружен.

АЛЕКСЕЙ (*с иронией*). Действительно.

СЕРГЕЙ. Эдуард Николаевич! Вы чё?!

АЛЕКСЕЙ. Соблазн велик.

ЭДУАРД. И я думаю, вас оправдают. Свидетели надежные.

АЛЕКСЕЙ. Захотелось поменяться ролями?.. Не дождетесь. (*Уходит.*)

ДЯДЯ САША. Леша! (*Бросается за ним, но Сергей его останавливает.*) Заводи машину и уезжай! Я умоляю тебя! Ты слышишь! Всё это глупость! Этот мерзавец...

ЛЕНА. Алексей! (*Она тоже одновременно кидается за Алексеем, но её останавливает Эдуард.*) Пусти меня! Подонок! Мразь! Пусти! (*Кричит.*) Люди! Марго! Кто-нибудь!

СЕРГЕЙ. Эдуард Николаич! Он ведь сбежит. А оружие-то на мне числится...

ЭДУАРД. Я тебе новый достану. Пусть бежит...

СЕРГЕЙ. Что он тянет-то. Точно сбежал...

ЭДУАРД. Он выбирает место. Думаешь, так просто самому себя хлопнуть?

СЕРГЕЙ. Бес его знает. Не пробовал.

Слышен выстрел, и все вздрагивают. Дядя Саша и Лена бегут туда, где прогремел выстрел, но Сергей грубо их останавливает, отталкивая. Дядя Саша падает. Эдуард открывает пьесу, читает.

СЕРГЕЙ. Куда! Без вас разберутся!

ЛЕНА. Подонок! Ублюдок! Ненавижу!

Лена поднимает дядю Сашу, помогает ему сесть. Дядя Саша хватается за сердце.

ЛЕНА. Лекарство... У вас есть что-нибудь с собой?

ДЯДЯ САША. Лекарство...

ЭДУАРД. Серый, ты будешь Тригориным... Нет! Я буду Тригориным. Вот твои слова. Читай!

СЕРГЕЙ. Эдуард Николаевич, я?

ЭДУАРД. Читать не умеешь?

СЕРГЕЙ. Умею.

ЭДУАРД. Ну! Так в чем дело?

ДЯДЯ САША. Надо принять правильное решение... Да... Может быть, он ... Мимо. Или в руку... Боже, какую глупость я говорю.

СЕРГЕЙ (*читает*). «Я хо-тел вас спро-сить...»

ЭДУАРД. Да нет же! Вот здесь! (*Показывает.*)

СЕРГЕЙ (*читает*). «Уве-ди-те отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну».

ЛЕНА (*удерживая дядю Сашу*). Похолодало. Накиньте на себя плед. Будет теплее...

ЭДУАРД (*кричит*). Дальше!

СЕРГЕЙ. «Дело в том, что...» Трудно. Давно не читал.

ЭДУАРД. Ну-ну!

СЕРГЕЙ. Константин Га-врилыч за-стре-лился».

ЭДУАРД. Bravo! Занавес!

Пауза.

СЕРГЕЙ. Пойти проверить, Эдуард Николаевич? Да и пушка как бы не потерялась.

ЭДУАРД. Сходи.

СЕРГЕЙ. А с телом-то что делать? Закопать?

Пауза. Сергей, так и не получив ответа, уходит.

ДЯДЯ САША. Вы дрожите... Я с вами! Здесь! Дайте-ка я вас укутаю. У вас такое легкое платье... *(обнимает ее).*

Вдалеке слышен смех и шальная музыка.

ЭДУАРД. Пожалуй, можно идти к гостям...

С другой стороны леса медленно выходит Алексей.

ДЯДЯ САША *(растерянно)*. Это ты? Ты?! Живой? Да? Господи!.. Конечно же, ты... *(Бросается к нему.)* Как же я рад! Как... Глупый... Какой ты...

АЛЕКСЕЙ *(подходя, тихо)*. Шутка удалась. *(Бросает пистолет на стул.)*

Крик чайки, которая снова пролетает над ними.

ДЯДЯ САША. Где шутка? Какая?

СЕРГЕЙ *(возвращаясь)*. Опять, зараза, залетела.

АЛЕКСЕЙ *(смеется, опускаясь на землю)*. Патроны холостые.

ЭДУАРД *(забирая пистолет, проверяет его, потом несколько раз стреляет в чайку)*. Кроме одного. Все холостые, кроме одного. У нас с Серым игра такая... Можешь радоваться. Тебе повезло.

ЛЕНА *(с ужасом смотря на Эдуарда)*. Ты... не человек. Ты... Монстр.

Алексей снова смеется.

ЭДУАРД. В самом деле? Неужели похож?

Пауза.

АЛЕКСЕЙ *(поднимаясь, мрачно)*. Игра состоялась. Ваше желание исполнено. «Бабки подбиты». Мы можем удалиться?

ЭДУАРД. Я вас не гоню. Можете присоединиться к гостям.

АЛЕКСЕЙ. Какая роскошь...

ЭДУАРД *(Лене)*. Отправишься с ними?

ЛЕНА. Разрешаешь?

ЭДУАРД. Не держу. Все равно у тебя ничего не получится.

Натура не позволит. Через неделю этот оборванец тебе надоест... Его квартира в «хрущевке» надоест. Если вообще таковая у него имеется... Его пиво с чипсами... Мода на рай в шалаше прошла. Нынче, красота моя, нищеты стыдятся... Если, конечно, это не профессия. И ты не придурок из прошлого. Как дядя Саша... Через год он сам начнет искать надежную пристань, в чем я не сомневаюсь. Мы все это проходили. Когда мне было двадцать лет... Понадобится такой монстр, как я... Приходи... Я приму. Я добрый. *(Собирается уйти.)*

Появляется Марго.

Пушку, Серый, заberi.

МАРГО *(приближаясь. В одной руке у нее – грибы, в другой – убитая чайка)*. Отвратительно! Глупо! Мерзко! За что вы убили чайку?! Это, некоторым образом, садизм... Ответьте!

ЭДУАРД *(подойдя и обнимая за плечи)*. Спокойно, Марго! Спокойно! Пойдем! Я тебе все объясню.

МАРГО *(не двигаясь)*. Куда? Почему? Бедная чайка! Здесь что, произошла разборка? Вы поругались? Из-за меня?

ЭДУАРД. Марго! Ты требовала к себе внимания. Я его тебе даю.

Уводит растерянную Марго.

МАРГО *(уходя)*. Да... Но я... потрясена. Чайка...

Пауза.

АЛЕКСЕЙ. Какая мерзкая игра...

ДЯДЯ САША. Небо, Алексей, небо.

Лена бросается к Алексею. Плачет. Алексей ее успокаивает.

Тихо! Спокойно! Всё закончилось. Все хорошо закончилось! Небо! Небо! Оно зовет! Оно нас ждет! Пора в полет! Туру-ру-ру..

ЛЕНА (*в истерике*). И что дальше... Что дальше?

АЛЕКСЕЙ (*печально*). «Дальше – тишина».

ДЯДЯ САША. В полет! Разве не понятно? Нас ждет небо!

Я отвезу вас... На дачу. Да... Нас ждет... Продолжение полета. «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы... Вы не гораздо ли лучше их?.. Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем... Довольно для каждого дня своей заботы».

АЛЕКСЕЙ. Выучили наизусть?

ДЯДЯ САША. Запомнил. Один человек хороший часто цитировал.

ЗАНАВЕС

Гости

| Частная история |

А. и В.

...Но нам остановиться не дано,
Найти на счастье, на беду ли дом,
Везде в гостях мы, все для нас одно...

(...от Иозефа Кнехта.)

Г. ГЕССЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЛЕКСЕЙ ШАНОВ

АННА ВАСИЛЬЕВНА ГЛЕБОВА – его жена.

САШКА – ее сын.

ИВАН

ГОСТЬ

– 1 –

Довольно просторная кухня с окном на балкон в трехкомнатной квартире в большом доме большого города. У стены – стол, покрытый веселенькой клеенчатой скатертью, обычные кухонные табуретки, напротив – стандартная плита, кухонные шкафчики, раковина и пр. Видны входная дверь и коридор, ведущий в одну из комнат. Аня что-то снимает с плиты.

АЛЕКСЕЙ *(входя на кухню)*. Дерьмо!

АНЯ. Все еще не можешь успокоиться?.. *(Накрывает на стол.)*

По-моему, очень мило...

АЛЕКСЕЙ. Не спектакль, а дерьмо!.. Нет. Хуже!..

АНЯ. Ревнуешь. Завидуешь...

АЛЕКСЕЙ. Было бы чему.

АНЯ. Кто-то там... На сцене. В свете прожекторов. *(Ураковины.)* Я тебе поставила.

АЛЕКСЕЙ. Меня хоть завтра возьмут обратно... Нет! Спасибо. Покувыркался. *(Взглянув на стол.)* А рюмашку?

АНЯ. Это в честь чего же?

АЛЕКСЕЙ. Траур по театру!

АНЯ. Глупости.

АЛЕКСЕЙ *(блуждая у окна)*. Бред! Что же происходит?!

АНЯ. Жизнь не стоит на месте, дружок. Новые поколения. Новое искусство.

АЛЕКСЕЙ. Какое, на хрен, новое поколение!

АНЯ. Сколько лет Гришке?

АЛЕКСЕЙ. Какому? Васильеву? Двадцать.

АНЯ. И он радовался... Сказал: «клёво».

АЛЕКСЕЙ. И что? Кто у него родители? Кто его воспитывал? Голову оторвать таким родителям!

АНЯ. Ого! Да больше половины страны... Получили бы удовольствие. А ты, вот, такой критик... на бедных родителей обрушиваешься...

АЛЕКСЕЙ *(с иронией)*. Бедных!

АНЯ. Ты будешь есть? Остынет.

АЛЕКСЕЙ. Только с тобой и с бутылкой.

АНЯ. Тогда без меня.

АЛЕКСЕЙ *(после паузы)*. Анёк! *(Внимательно смотрит на нее.)*
Ты не права.

АНЯ *(смирившись)*. Я всегда не права... *(Ставит на стол бутылку, подсаживается.)*

Пауза.

АЛЕКСЕЙ *(разливает)*. Больше в театр ни ногой!

АНЯ. Как же... *(Через паузу, взяв рюмку.)* Со стороны посмотреть: алкаши.

АЛЕКСЕЙ. А то! Я тебе вчера говорил: лечиться надо.

АНЯ. Прекрати! За что хоть пьем-то?

Чокаются.

Может, голова пройдет...

АЛЕКСЕЙ. За то, чтобы все театры закрылись. Навсегда!

АНЯ. Да ну тебя!

АЛЕКСЕЙ. А как иначе? Пусть все в баню ходят.

АНЯ *(задумчиво)*. Знаешь, что... Во-первых, бывает и хорошее. А потом... Наша эстрада, например... Или телевидение. Тоже... Всё закрыть?

АЛЕКСЕЙ. Тише будет.

АНЯ. Старые мы уже. Я же говорю!

АЛЕКСЕЙ. Опять двадцать пять!

АНЯ. По-моему, я опьянела.

АЛЕКСЕЙ. Так сразу? А говоришь, не надо лечиться.

АНЯ. Лешка!

АЛЕКСЕЙ. Пьяница. *(Наливает себе.)*

АНЯ. Не смешно.

АЛЕКСЕЙ *(насторожившись)*. Тихо!

АНЯ *(прислушиваясь)*. Что? Кто?

АЛЕКСЕЙ. Звонок. Слышала?

АНЯ. Когда?

АЛЕКСЕЙ. Сейчас.

АНЯ. Где? Ничего не слышу.

АЛЕКСЕЙ. Пьяница, да еще и глухая. А видеть-то еще видишь? *(С сочувствием.)* Что с тобой алкоголь сделал.

АНЯ. Шутишь опять.

АЛЕКСЕЙ. Какие шутки? Звонят.

АНЯ. Открой.

АЛЕКСЕЙ. Здрасьте. Кто хозяйка?..

АНЯ. С места не сдвинусь. Сам открывай!

АЛЕКСЕЙ. Да я-то открою. Поем, вот, и открою.

АНЯ. Открой.

АЛЕКСЕЙ. А Сашка где?

АНЯ. Его дело. Я ему не нянька.

АЛЕКСЕЙ. Может, дружки его? Или он сам?

АНЯ. У него ключи. Кстати, в отличие от Гриши, ему бы не понравилось.

АЛЕКСЕЙ. Да он театр с детства не любил!

АНЯ. Мне лучше знать. В его детстве мы с тобой еще были не знакомы.

АЛЕКСЕЙ. Конечно. Кто родители-то?

АНЯ *(с иронией)*. Понимаю. Дебилы.

Резкий и длинный звонок в дверь. Аня испуганно вскакивает.

АЛЕКСЕЙ *(с удивлением)*. Я же говорил: звонят.

АНЯ *(внимательно смотрит в глаза Алексею)*. Разыгрываешь?

АЛЕКСЕЙ. Похоже?

АНЯ. Не знаю. Может быть, Сашка ключи потерял. Или соседи?

АЛЕКСЕЙ. Я говорю: друганы его. Открывай.

АНЯ. Сегодня все на дне рождения у Виолетты. Забыл? Неужели опять к тебе? Очередные дружки твои с улицы.

АЛЕКСЕЙ. Конечно... Как что... так ко мне.

АНЯ. Странный звонок. Я боюсь.

АЛЕКСЕЙ. Вот те раз. С чего это вдруг? Сашку боишься? День рождения закончился.

Снова звонок.

Иди.

АНЯ. Не пойду! Я что, сумасшедшая?

АЛЕКСЕЙ (*утвердительно*). Ну да. А ты не знала?

Снова звонок.

АНЯ. Это не Сашка. Сашка так не звонит. Либо разыгрываешь, либо действительно к тебе кто.

АЛЕКСЕЙ. А если ко мне, то не разыгрываю?

Снова звонок.

АНЯ. Открывай!

АЛЕКСЕЙ (*с ухмылкой*). Вот! Я тоже боюсь.

АНЯ. Кажется, ушёл.

Снова звонок.

Ой!

Леша молча, очень серьезно встает и идет открывать. Аня медленно идет за ним. За дверью высокий худощавый, но очень представительный мужчина в длинном черном плаще и шляпе.

МУЖЧИНА. Можно?

АЛЕКСЕЙ (*настороженно*). Вам кого?

МУЖЧИНА (*к Алексею*). Вас, Алексей. Не узнали?

АЛЕКСЕЙ. Что-то не припомню.

МУЖЧИНА. Мы с вами сидели вчера на скамеечке в садике, когда вы собачку выгуливали.

АЛЕКСЕЙ (*настороженно*). У меня нет собачки. Точнее: была месяца три назад. И сбежала. Потерялась. Думаю: помирать ушла. Старая была.

МУЖЧИНА (*печально*). Неужели три месяца прошло? Какой странный продукт, это время. Извините, ошибся. Но на скамейке мы с вами сидели. Не сомневайтесь.

АЛЕКСЕЙ. Я много с кем сидел... И чего? Зачем я вам?

МУЖЧИНА. Не хотелось бы на ходу.

АНЯ (*увидев колебания Алексея*). А вы кто? Что вам нужно?

МУЖЧИНА (*словно что-то вспоминая или очень сложное обдумывая*). Кто же я?.. Даже не знаю, что сказать... Одинокое существо, печально блуждающее во времени. И пространстве.

АНЯ. Бомж, что ли?

МУЖЧИНА. Вроде того.

АНЯ (*не поверив, с иронией*). А к нам зачем?! Идите, блуждайте там где-нибудь! Идите! Нам бомжей не надо!

АЛЕКСЕЙ. Подожди, Ань! А что надо-то? Денег? Поесть?

АНЯ. Еще чего!

АЛЕКСЕЙ. Да подожди ты!

МУЖЧИНА. Что вы! У меня всё есть. Я сытый. Точнее: мой голод другого характера. Я, вот, захватил с собой... (*Достает из кармана пальто бутылку очень дорогого французского коньяка*). В гости осмелился зайти, позаботился...

АНЯ (*пытаясь вытолкать*). Нет! Нет! Никаких пьянок! Я не пушу!

МУЖЧИНА. Вы же только что выпивали за закрытие всех театров. Навсегда.

АНЯ (*растерянно*). А вы откуда знаете? Подслушивали?

МУЖЧИНА. Что вы.

АЛЕКСЕЙ. Ладно, Ань! Приличный человек. У всех бывают проблемы. Я вспомнил: сидели.

АНЯ. Да ты с кем только ни сидишь в последнее время...

АЛЕКСЕЙ. Заходи.

АНЯ (*не пуская*). Зачем это? Откуда я знаю, кто он? Сейчас в городе столько маньяков развелось. Нет. Леша, я не хочу, чтобы он входил. Мы его не знаем...

МУЖЧИНА. Познакомимся. Я могу документы показать.

АНЯ. Не надо мне документы ваши! Сейчас всё что угодно можно подделать.

МУЖЧИНА (*сочувственно*). Как хорошо, что у вас прошла голова...

АНЯ (*растерянно*). Когда? (*Прислушивается к себе*.) Ну да... Прощла. А вы откуда знаете?

АЛЕКСЕЙ. Ань, под личную ответственность.

АНЯ (*смирившись, но с вызовом*). Да пожалуйста! Делайте, что хотите! Я пойду спать!

АЛЕКСЕЙ. А ужин?

МУЖЧИНА. И любопытство? Вы же просто стремитесь узнать, что меня к вам привело.

АНЯ (*с удивлением*). Я стремлюсь? Терпеть не могу самодовольных, самоуверенных людей!

МУЖЧИНА. Как ни странно, я тоже.

АЛЕКСЕЙ. Проходи. Тебя как звать?

Мужчина снимает шляпу и пальто и вешает на вешалку в коридоре. На мужчине просторный, выдавший видья, но привлекательный темный пиджак, белоснежная рубашка, приятно красный галстук.

МУЖЧИНА. Иван.

Все троем проходят на кухню.

АЛЕКСЕЙ. Ваня, стало быть. Садись.

Все трое усаживаются за стол. Иван ставит бутылку и достает из карманов пиджака разнообразные деликатесы: икру, балык и другие прелести.

А это зачем?

ИВАН. Дополнение. В наборе.

АЛЕКСЕЙ. Богатый, что ли? *(Аня молча прибирает на столе.)*

ИВАН. Временное пополнение. Получил скромное наследство. *(Оглядываясь.)*

АЛЕКСЕЙ. Большое?

ИВАН. Приличное. У вас здесь просто. Люблю, когда просто.

АЛЕКСЕЙ. Нас устраивает. *(Взглянув на этикетку, разливает и поднимает рюмку.)* Французский. Пьем? За знакомство.

АНЯ *(отодвинув свою рюмку, разглядывая мужчину)*. Я не буду.

АЛЕКСЕЙ. Это же коньяк. Иностранный.

АНЯ. Ну и что? Может быть, он отравленный.

АЛЕКСЕЙ. Значит, порем вместе.

АНЯ *(серьезно)*. Я не хочу!

АЛЕКСЕЙ. Хочешь, чтобы помер я один?

АНЯ. Как остроумно.

ИВАН *(после того как выпил, закусывая)*. Театр уже никогда не будет таким, как прежде. Еще двадцать–тридцать лет, и... Новые технические введения заставят изменить общий подход... Физики откроют... *(Замолчал и тут же продолжил сочувственно.)* Я не предлагаю смириться или изменить себе. Достаточно изменить отношение к действительности. Хотя... Я понимаю, как вам тяжело.

АЛЕКСЕЙ. Да пошло оно всё!..А ты в какой сфере? Тоже в искусстве?

ИВАН. Всего лишь интересуюсь, как дилетант. Я вне сфер.

Сколько себя помню... Кормился интеллектуальным трудом. То одно, то другое... Ничего интересного.

АЛЕКСЕЙ. Вкус привлекательный. Давай еще. *(Разливает.)*

ИВАН. А супруга?

АНЯ. Супруга коньяк не пьет.

ИВАН. Можно приобрести вино.

АНЯ. Спасибо, не надо. У нас, как видите, водка есть.

АЛЕКСЕЙ *(выпив, к Ивану)*. Так и что?

Пауза.

ИВАН *(пожав плечами)*. Что? Хорошо сидим.

АЛЕКСЕЙ. Дело-то какое?

ИВАН. Дело... Разве в гости заходят только ради дела?

АЛЕКСЕЙ. Ну, ты не темни. Меня не обманешь.

ИВАН *(разглядывая солонку)*. Дело... Да вот дружок один мой жаждет с вами встретиться.

АЛЕКСЕЙ. Ну! И что ж он не зашел?

ИВАН. Боится.

АЛЕКСЕЙ. Чего? Кого?

АНЯ. Нас, что ли?

ИВАН. Стесняется.

АЛЕКСЕЙ. Почему? Он кто?

ИВАН. В том-то вся причина.

АЛЕКСЕЙ. Не врубаюсь. *(Снова разливает.)*

ИВАН. Он не совсем ваш. Он из других сфер.

АЛЕКСЕЙ. Не понимаю. Ты о чем?

АНЯ. Вы, смотрю я, тоже из других. *(Встала.)* Я пошла спать.

ИВАН. Вас он тоже жаждет видеть.

АНЯ. По этому случаю мне теперь не ложиться?

ИВАН. Отчего же. Ваше право. *(Тоже встал.)* Но главного-то я не сказал.

АЛЕКСЕЙ. Да не тyani ты резину!

ИВАН *(очень серьезно)*. Он издалека. С другой планеты.

Пауза.

АЛЕКСЕЙ. В буквальном смысле?

ИВАН. Именно. От того и стесняется.

АНЯ. Так. Ясно. *(Взглянув на Ивана, изменив решение, в дверях.)*

Картошечки хотите?

ИВАН. Вы же спать отправились.

АНЯ. Ради такого случая вернусь.

ИВАН. Решили, что я сумасшедший? Понимаю. Вполне естественная реакция. Но я в здравом уме. И от картошки не откажусь.

Аня возвращается и подогревает картошку.

АЛЕКСЕЙ. И давно он?

ИВАН *(продолжая стоять)*. Что?

АЛЕКСЕЙ. Оттуда. С другой планеты.

ИВАН. Я не спрашивал. Но, думаю, с год.

АЛЕКСЕЙ. Прилично. Пьем?

ИВАН *(возвращается за стол и берет налитую рюмку)*. Пьем.

АЛЕКСЕЙ *(выпив)*. С Марса?

ИВАН. Подальше. Из другой галактики.

АЛЕКСЕЙ. Вот так, значит. И зачем мы ему?

ИВАН *(как бы оправдываясь)*. Конституция.

АЛЕКСЕЙ. Что?

ИВАН. Ваша натура и конституция ему подходят. Он у каждого не может собирать информацию. Ему нужно, чтобы подходила конституция.

АНЯ *(накладывая картошку)*. Ах, мы ему нужны для информации... А вы тоже с другой планеты?

ИВАН. Я? Нет.

АНЯ. Но сферы другие?

ИВАН. Угадали.

АНЯ. Что ж тут угадывать?! И так видно. А у него конституция какая? Маленький, зелененький, с большими глазами...

ИВАН. Зачем? Обычный. Человеческий вид.

АЛЕКСЕЙ. У нас с ней *(осматривает Аню)* одна конституция?

ИВАН. Одна.

АЛЕКСЕЙ. Надо же. Не замечал. *(Разливает.)* И по каким признакам? *(Опять осматривает.)*

ИВАН *(серьезно)*. По ушам.

АЛЕКСЕЙ. О как! *(Трогает свои уши, смотрит на Аню)*. У нас уши разные. У нее, как у кролика.

ИВАН. Дело не в форме.

АЛЕКСЕЙ. А-а-а...

Пауза.

ИВАН. И какое решение?

АЛЕКСЕЙ. Где?

ИВАН. Встретитесь?

АЛЕКСЕЙ. Он не буйный?

ИВАН. В каком смысле?

АЛЕКСЕЙ. Когда выпьет, что делает?

ИВАН. Что и всегда.

АЛЕКСЕЙ. А всегда он что делает?

ИВАН. Как все.

АЛЕКСЕЙ. Не, Вань. Каждый – свое. Я, например, в драку лезу, а он?

ИВАН. Пьет.

АЛЕКСЕЙ. А после?

ИВАН. Нет «после». Он может пить, не останавливаясь. На него алкоголь не действует.

АЛЕКСЕЙ. Иди ты. Ты меня заинтриговал.

ИВАН. Можно завтра.

АНЯ. Завтра у меня уборка. Встречайтесь где-нибудь... На улице.

АЛЕКСЕЙ. Тебе меня не жалко?

АНЯ. Мне достаточно тех, которые здесь живут. Пусть с другой планеты в другом месте встречаются.

АЛЕКСЕЙ. Ань, ты не справедлива. *(Ивану.)* Да пусть заходит. Пока я на работу не устроился... Посмотрим на него.

АНЯ. Я смотреть не буду. Я вас выгоню. Всех троих.

АЛЕКСЕЙ. Ань. Не горячись. Увидим – разберемся.

Аня оставляет в покое посуду, которой она до этого занималась, и демонстративно уходит в комнату.

ИВАН. Можно и на улице...

АЛЕКСЕЙ. Точно не буйный?

ИВАН. Слово джентльмена!

АЛЕКСЕЙ. Ладно. Тащи его сюда. Там видно будет.
 ИВАН. Хорошо. *(Встает.)* В таком случае, я пойду.
 АЛЕКСЕЙ. Вот! Еще детское время. Сиди. Куда тебе спешить? Жена ждет?
 ИВАН. Не ждет. Но лучше идти. *(Выходит из кухни.)* Не хочу быть причиной семейного скандала.
 АЛЕКСЕЙ. Да разве это скандал? *(Уже в дверях.)* Детский сад. Ты к соседям справа зайди. Они там...
 ИВАН *(отстраненно)*. Завтра в шесть.
 АЛЕКСЕЙ *(удивленно)*. Почему в шесть?
 ИВАН. Удобно всем.
 АЛЕКСЕЙ. Как скажешь.

Иван выходит. Алексей закрывает дверь, возвращается на кухню. Буквально через секунду появляется Аня.

АНЯ. Я этих психов не пущу. И тебя вместе с ними.
 АЛЕКСЕЙ. Боишься нас заразить? Да ладно, чего там. Мы, если что, «скорую» и в смирительную рубашку тебя. Главное: не пей.
 АНЯ. Я не шучу.
 АЛЕКСЕЙ. Ну да?
 АНЯ. Пора смириться. *(Через паузу.)* Леша! Никакие встречи не помогут. Ты... Все твои метания напрасны. Уже ничего не изменишь...
 АЛЕКСЕЙ. О чем ты?
 АНЯ *(кричит)*. Прекрати! Я хочу, чтобы ты не встречался с этими сумасшедшими!
 АЛЕКСЕЙ *(тихо)*. Почему бы и нет? Ань! Повеселимся.
 АНЯ *(умоляюще)*. Наше время кончилось, Леша. Ничего не будет. Пришли другие люди. Мы с тобой не вписываемся во всё это. Другое искусство. Другой театр.
 АЛЕКСЕЙ. Как это, кончилось?! Ты чего? У меня планы... Я еще умирать не собираюсь.
 АНЯ. Я не хочу, чтобы ты встречался с этими шаромыжниками! Слышишь! Я требую! Я их не пущу!
 АЛЕКСЕЙ. Они-то тут причем?
 АНЯ. Потому что... Я же вижу: ты цепляешься! Ты ищешь... Ты пытаешься найти опору там, где ее нет. Пожалуй-

ста, я прошу тебя, перестань мучиться. *(Нежно.)* Всё нормально. Всё хорошо. Ты прав. Ты такой, какой есть. Ты... Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты перестал метаться...

АЛЕКСЕЙ. Да ты что? *(Заглядывает ей в лицо.)* Точно напилась. И когда успела?
 АНЯ. Леша, мне не смешно. Я прошу тебя!
 АЛЕКСЕЙ *(целует ее)*. Глупая, глупая. Мы с ними не долго. Кстати, с тобой он тоже желал встретиться.
 АНЯ. Господи! *(Тихо.)* Зачем тебе?!
 АЛЕКСЕЙ. Людям надо помогать.
 АНЯ. Они же не люди. Они с другой планеты.
 АЛЕКСЕЙ. Там тоже люди. Инопланетные.

– 2 –

Та же кухня. Иван, Аня, Алексей и гость сидят за столом. Вид у гостя самый что ни на есть человеческий. Хотя странность какая-то ощущается. Как у бомжей или людей из глубокой провинции: некая неадекватность жестов, взглядов, поворотов. Где-то часа два, пожалуй, сидят. Не меньше. Соответственно с выпивкой и отличной закуской. Такое впечатление, что лучше компании не бывает. Даже Аня весела и раскраснелась: либо слегка выпила, либо от алкогольных паров.

АЛЕКСЕЙ *(продолжая разговор, гостю)*. ...Нет! Ты, мне, не увильвай. Мы твои тайны знаем. Так что поднимай рюмку. И пьем за союз двух миров! И до дна.
 ГОСТЬ *(подняв рюмку и встав)*. ...У вас бесконечное число жизней. И существование их, то есть ваше, не прекращается никогда?! Не может!.. И знаков об этом видимо-невидимо. Даже есть такие, что без намеков. Жизнь вечна. В этом вашем учении... Этот человек... Христос. Он же воскрес?! Неправильно человеки относятся к смерти. Смерть всего лишь переход в другую форму, к другой жизни. Удивительное рядом. Конечно, и к этой привыкаешь, связи завязываются. Хочется про-

должения. Но что ж делать?.. Таков порядок. Человечки не понимают, что она, жизнь, в этом обличии дана для особых дел. Что в другой начнется другое. И так бесконечное число раз. И не остановить преображений. И надо жить в данном мгновении. И радоваться. И планеты-то другие – это не миры. То есть миры, но другая жизнь. Так что, я раньше... Может быть, тоже здесь был. От того я с вами здесь... Зов далеких созданий. И мои помыслы... Моя миссия... Она не просто так... Она... Я чувствую... Я здесь...

АЛЕКСЕЙ. А чувствуешь чем?

ГОСТЬ (*растерянно*). Как, чем?

АЛЕКСЕЙ. У вас чувство в каком месте находится?

ГОСТЬ. Ну... Как и у вас... Мне трудно объяснить. И я хотел сказать...

АЛЕКСЕЙ. Не устал говорить-то? Ладно. Ты... Давай. Рюмку-то не держи зря, а пей.

ГОСТЬ (*смущенно*). Понимаю, за ваше здоровье. (*Пьет.*)

ИВАН (*уточняя*). Хорошо сидим.

ГОСТЬ. Да.

АЛЕКСЕЙ. Ты когда вопросы-то будешь задавать, а? Мы тебе чем помочь можем? Тебя что интересует?

ГОСТЬ (*с энтузиазмом*). Меня все интересует. Как вы живете? О чем думаете? На что надеетесь?..

АНЯ (*кокетливо*). Какой вы. Мы вам и так уже все наши тайны раскрыли. А вы еще хотите?

АЛЕКСЕЙ. А ты как думала? Они нас готовы под микроскопом рассматривать. Да для этого им надо нас к себе забрать.

ГОСТЬ (*радостно*). Очень точно. Очень! Я, собственно, это и хотел вам предложить. Чтобы вы со мной туда отправились. Я вас через определенный срок назад верну.

АЛЕКСЕЙ (*озадаченно*). Иди ты?!

АНЯ (*с удивлением*). Ого!

ИВАН (*печально*). Желает вас познакомить с инопланетным существованием.

АЛЕКСЕЙ (*с иронией*). И как же мы туда отправимся? На летающей тарелке?

ГОСТЬ (*тихо и очень серьезно*). Да нет. Я вас так доставлю. (*И взмахнул ручкой.*) Главное, ваше согласие нужно.

АЛЕКСЕЙ (*через паузу*). Так – это как?

ГОСТЬ (*снова взмахнув ручкой*). Раз – и там.

АЛЕКСЕЙ. Понятно. А согласие письменное или на словах?

ГОСТЬ. Можно на словах.

АЛЕКСЕЙ. Ань, ты как? Полетишь?

АНЯ. Что ты сразу на меня. Сам решай.

АЛЕКСЕЙ. Очень кстати предложение. Зачем мне в Новгород ехать. Когда вот оно... Развеюсь.

АНЯ. В Новгороде тебя дочка ждет.

АЛЕКСЕЙ. Да на фиг я ей нужен.

АНЯ. Ты собирался Сашку с собой забрать.

ГОСТЬ. Его тоже к нам можно взять. Даже желательно.

АЛЕКСЕЙ. Ну да?

ГОСТЬ. Да. (*Закуривает.*)

АЛЕКСЕЙ. А там тоже курят?

ГОСТЬ (*стыдливо*). Нет. Это я здесь пристрастился. Дурная привычка.

АЛЕКСЕЙ. У-у-у... Здесь их пруд пруди. Привычек-то. Ты к окошку поближе. К форточке.

ГОСТЬ (*перемещаясь к форточке*). Нам нужно разобраться, почему человек так странно живет, когда все условия располагают к другому.

АЛЕКСЕЙ. Неужели до сих пор не разобрались?

ИВАН (*печально*). Непродуктивная затея. (*Он единственный, кто сидит отстранившись, словно озабочен чем-то своим.*)

АЛЕКСЕЙ. Во! Ваня не одобряет.

ИВАН (*отстраненно*). Я сомневаюсь.

АНЯ. Чай пить будете?

АЛЕКСЕЙ. Шутишь? Мы еще и не выпили как следует.

ИВАН (*встает*). Я бы не отказался. От чая.

АНЯ. Видишь.

АЛЕКСЕЙ. Ты чего? Еще пить и пить.

ИВАН. Одно другому не мешает. (*Подходит к окну.*)

АНЯ. Я приготовлю.

АЛЕКСЕЙ (*вдруг искренне, словно с кем-то споря*). Я бы отправился! С удовольствием! Я бы посмотрел, как там, в небесах.

Мне эта жизнь здесь... Во где! (*Провел ладонью по щеке.*) Только... Да чего не понимать-то?! Неужели не ясно, что светопреставление давно началось? Дьявольское пиршество. Пришествие Сатаны! Ты знаешь, кто такой сатана? У вас как там с этим? С религией и прочим...

АНЯ (*удивленно*). Что-то новенькое. Ты серьезно или как?

ГОСТЬ. С сатаной я знаком.

АЛЕКСЕЙ. Лично? (*Ане*). Слушай, пока я не улечу.

АНЯ. А мы разве не вместе?

АЛЕКСЕЙ. Это еще подумать надо. Заслужила ли ты. Уши у тебя, как у кролика. Как бы ошибки не вышло.

ГОСТЬ. Нет! Ошибки никакой.

АЛЕКСЕЙ. Так вот... Искусство это... сегодняшнее.... Ужастики, триллеры и прочая дребедень... Его рук дело.

ИВАН (*поворачиваясь*). Поклеп. Прошу меня извинить... Но это клеветы. Всё дела рук человеческих.

АЛЕКСЕЙ. Да брось ты! Тоже с ним лично знаком?

ГОСТЬ. У вас говорят: нет дыма без огня.

АЛЕКСЕЙ (*вдруг серьезно*). Точно смотреть вокруг. Во что люди превратились. Ни за что ни про что убьют тебя и дальше пойдут, как будто так и надо. Брата продадут, мать родную...

АНЯ. Всегда так было. Может быть, сейчас побольше зла. Но всегда так: добро и зло... (*Алексею*.) Что ты о каких-то прописных истинах заговорил?

АЛЕКСЕЙ (*с тоской*). Это только кажется, что они прописные. Если и вправду можно было бы... Куда подальше...

ГОСТЬ. Вы не верите, что я могу вас на другую планету доставить? Но я вам правду говорю.

АЛЕКСЕЙ (*посмотрев молча на гостя*). Да верю я... Просто... Давай выпьем.

ГОСТЬ. За совместное путешествие! (*Пьет.*)

АЛЕКСЕЙ. За совместное! (*Пьет.*) Давай, Анька, собирайся! Сейчас и отправимся. Что с собой брать-то? Или туда налегке надо?

АНЯ. А Сашка как же? Он скоро должен прийти.

ГОСТЬ (*смущенно*). Дело в том... Что... Сейчас никак нельзя.

АЛЕКСЕЙ. Вот те раз! Сам же предлагал.

ГОСТЬ. Надо скоординироваться. Предупредить. И прочее.

АЛЕКСЕЙ. Я-то думал, тебе как можно раньше нужно.

ГОСТЬ. Раньше, но не сейчас.

АЛЕКСЕЙ. Здравсьте! Завел – и в кусты. И когда же можно?

ГОСТЬ. Дня через два. Они ведь... У нас. И ждать перестали.

Такие... Странные.

АЛЕКСЕЙ. Ну... Они перестали, а мы подождем. (*Встал, подошел к окну, где стоит Иван.*) А то, дядя, смотри. Здесь хреново. Вся надежда на тебя. (*Закурил.*) Что скажешь, Вань?

ИВАН. Я думаю, может, мне тоже с вами?

АЛЕКСЕЙ. А как же! Ты что, не собирался?

ИВАН. Да я бывал там уже, и не один раз.

АЛЕКСЕЙ (*с большим удивлением*). Иди ты! И как там?

ИВАН. Получше, чем здесь. Но для меня та же тоска.

АЛЕКСЕЙ. Инте-ре-сно. Ну-ка, расскажи.

ИВАН. Сами увидите. Не буду. (*Сел снова к столу.*)

АЛЕКСЕЙ. Ань, чего делается-то? Фантастика. Сашки жалко нету. Ему бы понравилось. Он читает своих Лукьяновых... А почему тоска-то?

ИВАН (*печально*). Везде происходят одни и те же процессы. Конечно, комбинаций – неограниченное количество. И все-таки... Хотелось бы чего-нибудь новенького.

АЛЕКСЕЙ. Загадками говоришь.

ГОСТЬ. Это он от неограниченных возможностей. У него их... Чего хочешь. Вот он и... С жиру бесится.

АНЯ. Да... Веселые вы, ребята.

ГОСТЬ (*смущенно*). Да какие «ребята», на пенсию пора.

АНЯ. У вас там тоже на пенсию выходят?

ГОСТЬ. Да... есть похуже... Но я это на вашем языке... Чтоб понятнее...

АНЯ. Ясно. А выглядите вы очень молодо. От силы на тридцать.

ГОСТЬ. Конституция такая.

АЛЕКСЕЙ (*возвращаясь на место*). Если там такая же похабень, то на фига путешествовать? Я хочу побывать, где хоть какая-нибудь справедливость имеется. Где себе подобных не поедают с превеликой радостью. Где

умеют любить. И материальная зависимость не уравнивает мыслящее двуногое существо с помойным ведром. *(Кричит.)* Света хочу! *(Ане.)* Ты думаешь, отчего я так на рыбалку рвусь? Там же гармония. Всё по-честному. И никакой тебе проституции. Ведь что такое артист? Проститутка. Только особенная. Торгует собой. Но на расстоянии. Ладно бы на сцене. Профессия обязывает. А когда в жизни?.. А-а-а! Да сейчас все торгуют. Все – проститутки. За деньги-то готовы на всё. Один большой публичный дом. Вот что такое наша планета. А на рыбалке... Тишина. Ветерок. Рыбка плещется. Солнышко греет. Птички поют... Сидишь себе, на водичку смотришь... Красота. И обо всей бесовщине забываешь. И в организме твоём такой покой наступает... Как на небесах...

ИВАН. Уверю вас, ошибаетесь. На небесах покой только во сне. Если бы там, конечно, позволено было спать.

АЛЕКСЕЙ. А ты там тоже бывал?

ИВАН. Знаю из первых рук.

АНЯ. И чьи же это руки? Ангелов?

ИВАН. Вроде того. Только называются иначе.

АНЯ *(с иронией)*. Иначе: черти?

ИВАН. Черти – это в сказках... Зачем вам об этом? Вы же не верите в мистику.

АНЯ. Отчего же? В трезвую мистику я верю, а в пьяную...

АЛЕКСЕЙ. Ладно, стынет. Ни всё ли равно. *(Разливает.)* Давайте-ка выпьем.

ГОСТЬ. Хорошее предложение.

Звук открываемой двери.

АНЯ *(радостно)*. Сашка пришел.

АЛЕКСЕЙ. Очень кстати. *(Кричит.)* Сашка, иди сюда!

АНЯ. Да дай ты человеку в себя прийти.

АЛЕКСЕЙ. Думаешь, он надрался?

АНЯ. Да ну тебя!

САШКА *(заходя, оглядывая всех)*. Чего такое?

АЛЕКСЕЙ. Полетишь с нами на другую планету?

САШКА *(через паузу, решив подыграть)*. Когда?

АЛЕКСЕЙ. Дня через два.

САШКА. А чё! А в Новгород когда?

АЛЕКСЕЙ. Потом в Новгород.

САШКА. Ну, можно.

АЛЕКСЕЙ. Давай садись. Сейчас мы по стопочке. Коньяк.

Дорогой. (Разливает).

ИВАН *(вставая и протягивая руку)*. Иван.

АЛЕКСЕЙ. Да, познакомься.

ИВАН *(показывая на поднявшегося Гостя)*. Гость.

САШКА. А имя?

ГОСТЬ. У нас не принято.

САШКА. Где у вас? На другой планете?

АЛЕКСЕЙ. Само собой.

САШКА *(усаживаясь, замечая деликатесы)*. Стол-то, не слабо.

АЛЕКСЕЙ. А ты думал!.. Пьем!

Выпивают.

САШКА *(Ивану)*. Вы тоже с другой?

ИВАН. Что вы, юноша. Я вне планет.

АЛЕКСЕЙ. Может, нам с собой твою Наталью захватить?

САШКА. Еще чего! Она не захочет. Она боится неизвестности.

АЛЕКСЕЙ. Она же не одна будет, а с нами.

САШКА. Тем более.

АЛЕКСЕЙ. Зря. Вчетвером было бы веселей. А рыбалка там есть?

ГОСТЬ. Есть. Только рыба другая.

АЛЕКСЕЙ. Не всё ли равно. *(Ане.)* Может, мне там остаться?

(Гостю.) Я там могу остаться? Работа там есть?

САШКА *(с иронией)*. Какая работа на другой планете?

ГОСТЬ *(утвердительно)*. Найдем.

АЛЕКСЕЙ. Класс! Решено, я там остаюсь.

АНЯ. Ты сначала слетай, посмотри. *(Возится у плиты.)*

АЛЕКСЕЙ. И посмотрю. А ей найдется работа? Там к женщинам как относятся?

ГОСТЬ. Там ко всем хорошо относятся.

АЛЕКСЕЙ. Ну, а к бабам? Там секс есть?

ГОСТЬ. Там всё есть, но другое.

АНЯ. Я там не собираюсь оставаться. Мне и здесь нравится.

САШКА (*поднимаясь*). Пойду к себе.

АЛЕКСЕЙ (*усаживая*). Сиди ты!

САШКА. Да у меня, Шанов, своих игр хватает. Я попозже загляну.

АНЯ. Ты же не поел.

САШКА. Я в гостях наелся.

АНЯ. Чаю попей. Я уже заварила.

САШКА (*поколебавшись, садится. Гостям*). А вы почему наст-то выбрали? Народу много.

АЛЕКСЕЙ. Конституция подходит. Уши.

САШКА (*с большим удивлением*). Чего? Чьи уши?

АЛЕКСЕЙ. Наши. У них там по ушам определяют.

САШКА. Офигеть.

ГОСТЬ. Ну... Кроме ушей есть и другие основания...

САШКА (*не выдержав*). Да будет вам... трендеть-то! Поди, все вас гнали куда подальше...

АЛЕКСЕЙ. Эх, Сашка, любишь ты правду.

САШКА. Да причем тут...

ИВАН (*глядя на Сашу*). В ваших словах, юноша, есть доля истины.

ГОСТЬ (*смущенно*). Да чего там, Ваня. От правды не убежишь.

Так трудно найти... человек с вашими установками.

САШКА. Кто же еще таких... чудаков, извините, в дом пустит?! Рыбак рыбака видит издалека.

АЛЕКСЕЙ. А ты как думал? Может, мы одной крови.

САШКА. Само собой. (*Гостям.*) У нас здесь братья по крови часто бывают. Так что стесняться нечего.

АНЯ. Особенно твои братья.

САШКА. А что я, рыжий?

АНЯ. Ты бесстыжий! Я твоего Вадика больше не пущу.

САШКА. А чем он хуже?

АНЯ. Хуже кого?

ГОСТЬ. Вы меня, пожалуй, не так поняли. Напиток для нас не играет никакой роли... Скорее, наоборот...

ИВАН. Пожалуй, нам лучше уйти.

АНЯ. Зачем же?! Мы вам очень рады.

САШКА. Чай будет?

АЛЕКСЕЙ (*вдруг гостю*). Пошли за пивом сходим? Здесь рядом. Я тебе по дороге про человечество расскажу.

АНЯ. Началось.

ГОСТЬ. С удовольствием.

Встают, собираются и в тишине выходят.

Пауза.

ИВАН. Сколько милиционеров родилось.

АНЯ. Что?

САШКА. Бойтесь? Вы случайно не в розыске?

ИВАН. Что вы! Меня давно уже никто не разыскивает. А вот за ваш долг я переживаю. Деньги шальные, грязные.

АНЯ (*настороженно на Сашку*). Какой долг?

САШКА (*в крайнем удивлении и растерянности*). Вы... Откуда вы знаете? Вам Наталья сказала?

ИВАН. У меня есть другие источники. С вашей любимой мы не знакомы.

АНЯ (*испуганно*). Какой долг, Саша?

САШКА (*жестко*). Я взял у Комова деньги. Хочу начать свое дело.

АНЯ. Какое дело, Саша! Ты должен сначала доучиться. Тебе год остался!

САШКА. Мне надоело нищенствовать! Да и институт этот гребаный... Толку от него. Из наших один процент устраивается по профессии, а так... Я уйти собираюсь.

АНЯ. Саша! Ты с ума сошел! Тебя сразу заберут в армию!

САШКА. Не заберут. Я больной.

АНЯ. Четыре года коту под хвост?

САШКА. Я многому научился.

АНЯ. Получи сначала диплом!

САШКА. Сейчас это немодно. Я его купить смогу.

АНЯ (*кричит*). Нет! Нет! Я не позволю! Никогда!

САШКА. Тише, мать!

АНЯ. Никогда! Тем более эти деньги... Зачем ты связался с Комовым?! Он бандит! Вор! Бог знает, где он их достает! Он тебя обманет!

САШКА. Не обманет.

ИВАН. Вы его плохо знаете, юноша.

САШКА (*кричит*). А вы?! Вы знаете?! Кто вам сказал?! Что вы вмешиваетесь не в свое дело?!

ИВАН. Я знаю.

САШКА. Всё! Я пошел спать. А вы тут... Пейте! Летайте на другие планеты...

АНЯ. Нет! Не отпущу тебя, пока не пообещаешь, что вернешь Комову деньги.

САШКА. Уже поздно. Я их уже вложил.

АНЯ (*испуганно*). Господи, куда?

САШКА. Мы соединились с соседом. Арендовали помещение... Короче, дело закрутилось.

АНЯ (*со стоном*). Еще и сосед. Он же... Он ничего не соображает, ничего не умеет... Он же ненормальный!

САШКА. Да не нормальной нас. Такой же придурок.

АНЯ. Нет! Не смей так говорить! Какое помещение вы арендовали? Зачем? Что вы собираете там делать?

САШКА. Долго рассказывать. И пока еще вопрос решается. Я ушел. (*Уходит.*)

АНЯ. Саша! Подожди!

Пауза.

Что вам известно про долг?

ИВАН. Деньги чужие. И могут понадобиться в любую минуту. А ваш знакомый не любит церемониться.

АНЯ. Сколько?

ИВАН. Спросите лучше у сына.

АНЯ (*устало, с иронией*). Он скажет! Он женится, а я узнаю случайно и от других! И этак лет через пять. Если он не успеет за это время развестись... Господи! Что ж это за жизнь!.. В лицее платят копейки. Лешка уволился. Да и получал-то не больше моего. Если бы не редкие съемки, сидели бы мы на мели... А теперь и этого нет. Хочет сниматься только в настоящем... Настоящее сегодня днем с огнем найдешь... Да и не всякий возьмет. Он ведь не звезда. Всегда в стороне. За других драться готов, а за себя... С дивана не встанет! А я еще решила... Дура! Почему у нас всё складывается как-то не по-людски?..

ИВАН. О! Пока не так страшно. Да можно ведь и там остаться.

АНЯ. Господи, да прекратите вы!.. Вроде бы не глупый человек. (*Внимательно посмотрев на Ваню.*) Впрочем... Захотим, и останемся... Чай еще будете?

ИВАН. Нет. Спасибо.

АНЯ. Что они так долго за пивом ходят?

ИВАН. Сейчас придут. (*Через небольшую паузу.*) Мы, конечно, чудачки, которых никто в дом не пустил, кроме вас, но это ничего не значит. Точнее: значит то, что... (*Подходит к ней.*) Я могу вам помочь.

АНЯ. Боже мой! Каким же образом?

ИВАН. Возьмите. (*Протягивает ей золотое кольцо с бриллиантом.*)

АНЯ. Что это? Зачем? Вы что?! Мне только этого еще ни хватало.

ИВАН. Клянусь, никакого криминала. Наследство бабушки. Могу дать расписку. Вам очень пригодится. Стоит больших денег.

АНЯ. Тем более! Я хоть и дура, но не до такой степени, чтобы принимать дорогие кольца от постороннего человека.

ИВАН. Почему же? Это подарок. Признаюсь... (*Тихо.*) Вы мне очень нравитесь.

АНЯ. Здравсьте. Скажите еще, что вы страстно любите меня и готовы драться на дуэли с моим мужем... Боже... Что я говорю?

ИВАН. Дуэли, по-моему, давно отменили. Хотя я готов, если в том будет необходимость.

АНЯ. Кажется, я тихо схожу с ума...

ИВАН. Я действительно люблю вас.

АНЯ (*с иронией*). Любовь с первого взгляда?

ИВАН. Нет. Я давно на вас обратил внимание.

АНЯ. Ого! Вот еще! Вы что ж, за мной наблюдали? Следили?

ИВАН (*через паузу*). Некоторым образом.

АНЯ. Ужас!

ИВАН. Почему же?

АНЯ. Мне не нравится, когда за мной наблюдают!

ИВАН. Вы читали «Фауста» Гёте?

АНЯ (*с недоумением*). В юности читала.

ИВАН. Мне всё время хочется назвать вас Маргаритой. Вы столь же трепетны, наивны и прекрасны.

АНЯ. Извольте шутить? Какая же я Маргарита?.. Ей лет было... в два раза меньше. И потом... К пьесам фотографии не прикладываются. Спектакль смотрели?.. Я вам напоминаю исполнительницу главной роли...

ИВАН. Вы мне напоминаете Маргариту. Но вы сама по себе. И для меня вы прекрасны! Мне нравятся такие женщины.

АНЯ. Какие? Замужние?

ИВАН (*резко*). Мне нравитесь вы!

АНЯ (*через паузу*). Во-первых, я вам не верю. Вы всё... производите как-то...

ИВАН. Как?

АНЯ. Не знаю. По-моему, когда любят, то... Во-вторых, я люблю своего мужа.

ИВАН (*через паузу*). Да. В некотором роде любите, я знаю.

АНЯ. Что значит, в некотором роде?

ИВАН. Жалеете. Он столько раз вас бросал. У него дочь в Новгороде. И дочь в Москве. Вы одна воспитывали Сашку.

АНЯ. Сашка – не его сын.

ИВАН. Я знаю. Но... Только вы его полюбили, только Сашка привык к нему... Как он вас бросил.

АНЯ (*вскипев*). Ну и что! Не вам его судить! Что вы знаете?! Он артист! И прекрасный артист! Он не мог сидеть на одном месте. Ему мало где нравилось, он переезжал из города в город, потому что не находил главного: настоящего творчества. Ему не везло. Я понимаю его. У него особенный характер, особенная природа... Если бы вы видели, как он играет... Его в свое время приглашал Алексей Герман... И если бы не случай... Я думаю, он прекрасно сыграл бы...

ИВАН (*шепчет, восторженно глядя на нее*). Девочка... Вы наивны, как девочка. Но поэтому вы мне и нравитесь. Вас так легко обмануть. Какие удивительно нежные у вас глаза. Как у печального ангела.

АНЯ (*растерянно*). Почему печального?

ИВАН. Вы надеетесь, что сыном привяжете его к себе более надежно. Но этого не произойдет.

АНЯ (*растерянно*). Сыном? Привяжу?

ИВАН. Ну да. У вас должен родиться сын.

АНЯ. Я всего лишь хочу... Так что ваши...

ИВАН (*тихо*). Он уже... совершается...

АНЯ (*через паузу*). Вы пророк?

ИВАН. Иногда выступаю в этой роли. Пророка. Хотя я могу и ошибаться. Я лучше в прошлом и настоящем разбираюсь. Будущее – многовариантно. И обманывает... Спротивляется. Не желает раскрываться. Уверю вас, я не лгу. (*Доверительно.*) Знаете... Мне не так просто живется, если можно назвать мое существование жизнью... Я не больше кого-либо нуждаюсь в понимании и любви. Попробуйте меня услышать... Если бы вы знали, что творится там... Внутри этой ненадежной оболочки. И как мне бывает трудно терпеть... И как невыносимо порой осознавать, что... И носить в себе, не имея права, и опасаясь... (*Резко приблизившись к ней.*) Я никогда не наталкивался на столь нежное существо... Как бы я хотел быть всегда рядом с вами!

АНЯ (*отходя*). Не верю.

ИВАН. Чему?

АНЯ (*тихо*). Что-то вы не похожи на несчастную овечку... Да и знаете... Я тоже много чего хотела бы. Давайте сменим тему. (*Отходит к окну.*) Где же они застряли?

ИВАН (*отходя*). Очередное приключение. Их остановила милиция. Но сейчас всё в порядке. Они приближаются к дому.

АНЯ (*словно защищаясь и оправдываясь*). Вполне возможно. Он часто попадает в разные истории.

ИВАН (*встает*). Да. Он мне рассказывал. Однажды на скамейке он мне о многом рассказывал. Я пойду. До встречи. Кольцо я оставлю. Если что... Можете его выкинуть в окно. Кто-нибудь подберет. У меня была очень богатая бабушка. (*Выходит.*)

АНЯ. Подождите. Они придут, а вас нет...

ИВАН. Ну и хорошо.

АНЯ. Боитесь, что я обо всем расскажу?

ИВАН. Непременно расскажете. Но я не боюсь.

АНЯ. Почему же?

ИВАН. Он поймет. До поры до времени многим мужчинам нравится, что на их женщин заглядываются другие. *(Уходит.)*

Аня подходит к окну, потом наливает себе чай и садится, задумавшись, за стол. Появляется Саша.

САШКА. Он ушел?

АНЯ. Как видишь.

САШКА. Что он тебе сказал?

АНЯ. Что ты идиот, что связался с Комовым.

САШКА. Неправда. Он не мог так сказать.

АНЯ. Мог. Он сказал, что у тебя талант. Что ты способен написать хорошие песни, но для этого надо учиться. Учиться музыкальной грамоте, пению и прочим вещам, которые помогут тебе осуществить свое желание. Что тебе необходимо читать как можно больше настоящей поэзии. И полюбить Пушкина. Что, связываясь с бизнесом, ты опять выбираешь неправильный путь. Что ты напрасно мучаешь себя и не доверяешь своей природе... Что ты должен...

САШКА *(прерывая)*. Неправда. Неправда! *(Кричит.)* Не верю! Это ты! Всё это говоришь ты! И всё это фигня. Я поступаю так, как мне нравится! И оставь меня в покое, поняла?!

АНЯ. Саша! Послушай меня! Я знаю...

САШКА. Не хочу я тебя слушать! Сейчас другое время. Ты ничего не понимаешь. Ты отстала на сто лет! Всё! Пока! Я сплю! Спокойной ночи! *(Уходит.)*

Аня снова подходит к окну и слышит звук открываемой двери: возвращаются Алексей и гость.

ГОСТЬ *(продолжая разговор)*. Нет-нет... Добро всё решает. А я на негатив только и наталкиваюсь... И почему не любить друг друга, не уважать... Планета такая огром-

ная. Столько места... Зачем бороться? Зачем? Делай каждый свое, да и всё. Так нет...

АНЯ. Вас задержала милиция?

АЛЕКСЕЙ. Как ты догадалась?

АНЯ. Не я одна.

АЛЕКСЕЙ. Неужели и Иван тоже?

АНЯ. И еще каждая собака в подъезде.

ГОСТЬ *(обнаружив кольцо)*. Ушел, стало быть, а колечко вам оставил.

АНЯ. Отгадали.

АЛЕКСЕЙ *(озабоченно)*. Иван ушел? Что за кольцо?

АНЯ. Ушел. И на прощание подарил мне это кольцо.

АЛЕКСЕЙ. Во дает!

ГОСТЬ. Я говорил, Ваня. С ним надо ухо востро. Бездна. Затянет – не успеешь оглянуться.

АНЯ. О чем вы?

ГОСТЬ. Кому он только не дарил его. Дон Жуан. Ловелас. Альфонс. Стоит только увидеть красивую женщину, как сразу влюбляется.

АНЯ. У него что, коллекция подобных колец?

ГОСТЬ. Зачем? Оно всегда к нему возвращается.

АНЯ. Каким же образом? Дамы его возвращают?

ГОСТЬ. Бывает и так.

АНЯ *(с иронией)*. Не понимаю. Оно волшебное?

АЛЕКСЕЙ. Он что, тебе в любви объяснялся?

АНЯ. Вроде того. Сказал, что я похожа на Маргариту.

АЛЕКСЕЙ. А он Мастер?

АНЯ. Нет. На Маргариту из «Фауста» Гете.

АЛЕКСЕЙ. Смотри-ка! У него хороший вкус.

АНЯ. Не примазывайся. С Маргаритой ты меня никогда не сравнивал.

АЛЕКСЕЙ. Ну, каждому свое. Зато я тебя сравнивал с пуделем из двенадцатой квартиры, и с рыбой-пилой, и с кроликом. А вчера, помнишь, сравнил тебя с хомяком? Ты была очень на него похожа.

АНЯ. Не смешно.

АЛЕКСЕЙ. Пока он тебя тут обольщал, ты потеряла чувство юмора.

АНЯ (*вдруг, тихо*). Сашка занял денег у Комова и вместе с нашим соседом решил заняться бизнесом. Они даже что-то там сделали...

АЛЕКСЕЙ (*через паузу жестко*). Впечатляет! И сколько занял?

АНЯ. Не сказал. (*С сомнением.*) Можно продать это кольцо...

АЛЕКСЕЙ (*наливая себе и гостю*). Продай... Выпьем, дядя. За нас. (*Пьет.*)

ГОСТЬ. Если так пойдет, у человечества – печальное будущее.

АЛЕКСЕЙ. Так – это как?

ГОСТЬ. Потеря тонкой субстанции и увеличение ложных ингредиентов ощутимой видимости.

АЛЕКСЕЙ. Ты где учился, дядя?

ГОСТЬ. У себя. Курсы прошел.

АЛЕКСЕЙ. Курсы чего?

ГОСТЬ. По-вашему: курсы изучения ближайших составляющих в бесконечном измерении доступных величин.

АЛЕКСЕЙ. А по-русски?

ГОСТЬ. О чужой жизни. Прошу извинить, меня иногда заносит. Здесь очень нервная обстановка. Я имею в виду, на планете.

АЛЕКСЕЙ (*Ане*). А дело-то какое?

АНЯ. Не знаю. Ничего не знаю. Разве он скажет?! И о долготы... Только благодаря Ивану выяснилось...

ГОСТЬ. Пожалуй, мне пора. Очень рад был познакомиться.

АЛЕКСЕЙ. Мы когда летим-то? Послезавтра?

ГОСТЬ. Я надеюсь. Сегодня же запрошу разрешение. И завтра зайду, скажу.

АЛЕКСЕЙ (*с недоумением*). А могут не разрешить?

ГОСТЬ (*смущенно*). ...Всякое бывает. Очень они... Как бы это... Есть уже опыт. Но я надеюсь, что в этом случае проблем не будет.

АЛЕКСЕЙ. Да-а, дядя... Хитер! Ну, бывай! Во сколько завтра заявишься?

ГОСТЬ. В 18 ноль-ноль. (*Уходит.*)

АНЯ. До свиданья!

Пауза.

АЛЕКСЕЙ. Еще по стопочке?

АНЯ. Вроде бы не сумасшедшие... А говорят черте что.

АЛЕКСЕЙ. В тебя. Родственные души.

АНЯ (*разглядывая кольцо*). Кольцо красивое... Я таких в руках никогда в жизни не держала.

АЛЕКСЕЙ (*закуривая*). Может, вам пожениться?

АНЯ. А ты отпустишь?

АЛЕКСЕЙ. Я не жадный. На войне, как на войне. Погулял. Поделись с товарищем.

АНЯ. Нашел товарища!

АЛЕКСЕЙ. А что? Тебе не нравится?

АНЯ. Почему же?... В нем есть что-то притягательное. Соблазнять он умеет.

АЛЕКСЕЙ (*вдруг*). Если в Новгород не выберусь, сдохну.

АНЯ. Так что ж ты тянешь? И Сашке лучше. Он хоть одумается там. А я пока...

АЛЕКСЕЙ. Кольцо продашь?

АНЯ. Не знаю. Голова кругом.

АЛЕКСЕЙ. Пить меньше надо. Он когда придет-то?

АНЯ. Кто? Иван?

АЛЕКСЕЙ. Ну да.

АНЯ. Не знаю.

АЛЕКСЕЙ. Спросила бы... Ладно, давай спать. Завтра разберемся. Что-то меня сегодня алкоголь совсем не берет. Не иначе как влияние гостя.

АНЯ (*тихо*). Леша. Ты меня любишь?

АЛЕКСЕЙ. Люблю. (*Выходит.*)

– 3 –

Та же квартира. Вечер следующего дня. 18 ноль-ноль. Звонок. Сашка идет открывать дверь. Входит на кухню с Иваном.

САШКА. Они скоро придут. Мать у подруги. А Шанов за сигаретами отправился.

ИВАН. А гость? Опаздывает?

САШКА. Не имею понятия. Вам лучше знать. Чайку?

ИВАН. Рановато. (*Достает коньяк и закуску.*)
 САШКА (*живнув на коньяк*). Не устали?
 ИВАН. Привычка. Что это у тебя? (*Показывает на книгу в руках у Саши.*)
 САШКА. Лермонтов.
 ИВАН (*просматривая заложённую страницу*). «Печальный Демон, дух изгнания...» Актуально. (*Возвращает книгу*)
 Садись.
 САШКА. Спасибо, у меня дела.
 ИВАН. Да нет у тебя дел. Ты меня ждал. И Шанова за сигаретами отправил. Хотя у него были, но ты их спрятал.
 САШКА. Вы – экстрасенс?
 ИВАН. Нет. Послушай... Комова могут забрать. И будет следствие. Им нужна организация. Группа... Возьми-ка... (*Протягивает ему сверток с деньгами.*) Здесь долг...
 САШКА. Откуда вы всё знаете? Спасибо. Не надо.
 ИВАН. Матери можешь не говорить. И не нужен тебе этот бизнес. Толку не будет. Не умеешь и не научишься. Так. На уровне пятиклассника. Разоритесь с соседом. И никогда потом не рассчитаетесь. Его вообще близко нельзя подпускать...
 САШКА. Ну, разорюсь. Я хочу сам...
 ИВАН. Самому... Что ж... Отрадно. Только... Лучше закончить институт. Через несколько лет твоя профессия понадобится. А пока надо бы терпеть... И учиться.
 САШКА (*кричит*). Терпеть! Надо! Как вы можете знать, какая у меня профессия?! В институте-то запутались. Каждый год новое придумывают...
 ИВАН. Юноша... Поверьте мне. Я столько повидал на своем веку... Отец вас покинул, когда тебе было семь лет... Фактически, ты существовал без отца. Неприятная штука. Шанов заменить его не смог...
 САШКА. Мне не нужен был отец.
 ИВАН. Я всего лишь предлагаю помощь и ничего не прошу взамен. У меня есть власть, деньги... Я способен устроить твою жизнь. Я готов...
 САШКА. Предпочитаю сам себя устроить.

ИВАН. Не так-то просто... жить...
 САШКА. Меня только одно интересует: писать мне песни или нет?.. Не исключено, что я создам группу. У меня уже песен десять есть... И нашлись слушатели, которым нравится... Если б еще за это платили...
 ИВАН (*как-то печально глядя в окно*). Писать или нет... Видишь ли... Никто, кроме нас самих, не имеет права ответить на столь интимный вопрос. Но... Если что и есть прекрасного в жизни, так это творчество. Любое творчество. Оно не имеет границ и поэтому преодолевает время. Оно столь же бесконечно, как мир. И оно единственное убивает скуку и тоску. И преодолевает тление. Творческий акт сам по себе есть жизнь. Вне зависимости от результата. Результат – смерть. Он предполагает остановку. А мир... Вечный мир не останавливается никогда. И результата не имеет. Хочешь вечности – твори. В первую очередь для себя. И не жди похвал, славы, успеха и даже признания...
 САШКА (*прерывая*). Очень красиво. Но я не люблю красивых слов. Я практик.
 ИВАН (*усмехнувшись*). Если бы ты был практиком, ты бы не мучил свою мать нелепым поведением. Для практиков, юноша, действительность более ясна, чем для тебя.
 САШКА. Я никого не мучаю!
 ИВАН. Мучаешь. Себя, а значит, и остальных. Идет.
Входит Алексей.
 АЛЕКСЕЙ (*Ивану*). Здорово. Извини, ходил за сигаретами.
 ИВАН. Мне сказали.
 САШКА. Я приду. (*Уходит к себе в комнату.*)
Иван убирает сверток, который так и не взял Саша.
 АЛЕКСЕЙ (*закуривая*). А этот... Гость... Не было? Где он?
 ИВАН. Не знаю.
 АЛЕКСЕЙ. Странно. Ты – и не знаешь.
 ИВАН. За всем не уследишь.
 АЛЕКСЕЙ. Мне тут сказали, что ты от Глебовой без ума...

ИВАН. Правильно сказали.

Пауза.

АЛЕКСЕЙ. И что делать будем?

ИВАН. Любить.

АЛЕКСЕЙ. Предлагаешь любовь на троих?.. Жена, муж и любовник. Под кроватью.

ИВАН (*внимательно посмотрев в глаза Алексею*). Почему под кроватью?.. Любые изменения к лучшему. Бездействие смерти подобно. Либо сейчас, либо никогда. Уверяю, потом будет поздно.

АЛЕКСЕЙ (*разглядывая бутылку*). Что-то пить не хочется. К чему бы это?

ИВАН (*подходя к окну*). Мы же с тобой похожи. Я вроде твоего двойника. Только пространства разные и степень информированности. Я твое отражение в бескрайнем зеркале.

АЛЕКСЕЙ. Если бы у меня была возможность выбирать, я бы тебя в двойники не выбрал.

ИВАН. Чем же я тебе не нравлюсь?

АЛЕКСЕЙ. А я знаю? Нутро сопротивляется.

ИВАН. Надо сказать, твой настоящий двойник – очень мирное существо, в отличие от тебя, и работает в бане сторожем.

АЛЕКСЕЙ. Я тоже работал одно время.

ИВАН. Ну, это случайный эпизод. А он в искусстве мало что понимает. Обожает сериалы. Жена – бухгалтер. Две дочки работают в магазинах. Одна – в продуктовом, другая – в бутике: женское белье продает...

Пауза.

АЛЕКСЕЙ. Зачем ты мне об этом?

ИВАН. Жизнь твоя могла бы сложиться и иначе... Кстати, знаешь, кто такие двойники?

АЛЕКСЕЙ. Кто же?

ИВАН. Варианты. То, что не реализуется в одном, реализуется в другом. Сбоев в программе не должно быть.

АЛЕКСЕЙ. А есть программа?

ИВАН. Есть. Составляющие. Зерно упало – должно прорасти. Если не получается, прорастет двойник.

АЛЕКСЕЙ. А если и двойник тоже... того? Да и что значит: реализоваться? Какая, интересно, моя программа? Звездой сделаться? Пыль в глаза пускать, как эти... что в шоколаде? И кто же эту программу составляет? Господь Бог? Или высшие космические силы?

ИВАН. Не на все вопросы можно ответить просто. И не мне раскрывать твой смысл. Каждый в состоянии сам обнаружить свое... желанное.

АЛЕКСЕЙ (*через паузу*). Ладно. Для моих мозгов... Мудрено. Я человек простой и к тому же не особо образованный. Давай пить.

ИВАН. Боишься решать. Боишься заглянуть в глубь себя. Трусишь. Бежишь от себя, как черт от ладана. Боишься всего, что носишь в себе. Что вложила в тебя природа. Боишься прорасти. Опасаешься, что дерево окажется не очень-то привлекательным для окружающих. Напрасно.

АЛЕКСЕЙ. Ну, теперь уже и поздно прорасти. Да и... Я и так для окружающих не подарок.

ИВАН. Да. Периодически из тебя вылезает такое, что тебе становится страшно и стыдно, и ты убегаешь в надежде, что там, где-то в другом месте, будет всё по-другому. Но, увы, там – всё так же. Там – всё повторяется. И ты опять бежишь... В конце концов ты возвращаешься назад в надежде, что после испытанного будет иначе... Но всё вновь повторяется... Я знаю. Я очень хорошо знаю, что ты испытываешь... Я знаю это безысходное чувство тоски и скуки... Это чувство отчаяния, невысказанности, нереализованности... Чувство, заставляющее порой совершать не самые благовидные поступки... За которые потом становится стыдно... Но изменить ничего нельзя... И опять тоска. Опять безысходные муки... И несвобода. Ощущение несвободы при полной несвязанности чем-либо...

АЛЕКСЕЙ (*зло*). Ничего ты не знаешь! Мы с тобой – люди совсем разные! Я бегу в поисках настоящего! Я ишу то, что меня радовало бы, и прежде всего в работе. Потому что другого смысла не вижу. А какой может быть смысл, если нет главного? Не бабы же?! У них свои смыслы... Тоска... Тут ты, может, и прав. А в главном... Как не бежать, если всё катится в тартарары... Где он, прогресс? Где лучшая жизнь? Чем дальше в лес, тем больше дров. Раньше дверь нараспашку: заходи, кто хочешь. А нынче – кодовый замок. Раньше о террористах мы в книжках читали, а теперь нос к носу сталкиваемся. Дурная жизнь. Мерзопакостная! От нее и бежишь куда подальше...

ИВАН. От себя не убежишь.

АЛЕКСЕЙ. Ладно. Знаем мы! Для меня выход один. Речка. Удочка. Поплавки. Тишина... А это всё (*провел рукой перед собой*) от лукавого.

ИВАН. У тебя будет сын.

АЛЕКСЕЙ (*через паузу*). Отлично. Еще один несчастный придурок на земле.

ИВАН. Как мы хорошо о себе думаем.

АЛЕКСЕЙ (*удивленно*). Хорошо?

ИВАН. Тебе же приятно ощущать себя придурком. Несчастливым, непризнанным, нереализованным. Приятно, что у тебя родится сын. Жизнь прошла не зря. Там, глубоко внутри, ты очень рад... Очень.

АЛЕКСЕЙ. Ну и рад! Слушай, достал ты меня! Тебе чего надо? Я на другую планету полечу и там останусь. Ясно? И будет!.. Давай выпьем! (*Разливает.*)

Входит Аня. Они даже не услышали, как она открывала дверь.

АНЯ. Воркуете, голубки? А я думала, деретесь. Где ж наш гость?

АЛЕКСЕЙ. Пока еще не заявлялся.

АНЯ. Опаздывает. Может, не придет? Испугался: вдруг не может полет обеспечить. Как быть? Бедный. (*Хлопочет у плиты.*) Вы, конечно, пьете, как всегда, и не ели.

АЛЕКСЕЙ. Ошибаешься. Еще не пили, тебя ждали.

АНЯ. Помыли мне косточки?

АЛЕКСЕЙ. Больно много чести.

АНЯ. Сашка у себя?

ИВАН. Читает «Демона» Лермонтова.

АНЯ. Ого! Прогресс! Кто бы мог подумать...

АЛЕКСЕЙ. Рано радуешься. Это он так к полету готовится. Изучает опыт. Мало ли, с высоты на грешную Землю удастся посмотреть.

АНЯ. Мне налили?

АЛЕКСЕЙ (*с удивлением*). Вот те раз! Ты тоже будешь пить?

АНЯ. Буду. А нельзя?

АЛЕКСЕЙ. В честь какого же праздника?

АНЯ. Я деньги нашла. У Светки. Она сказала, что даст. Как только, так сразу. (*Достает кольцо.*) Вот ваше кольцо. Целехонько.

ИВАН. Я вынужден вас огорчить. У Светки столько денег нету.

АНЯ. Почему же?

ИВАН. Он занял девяносто тысяч.

АНЯ. У Светки больше есть.

ИВАН. Баксов. Зеленых. Долларов.

АЛЕКСЕЙ (*тихо*). Почему девяносто-то? Идиот.

Пауза.

ИВАН. Столько предложили.

АНЯ (*опускаясь на стул*). Что же делать? Лучше бы в банке взял...

АЛЕКСЕЙ. А у тебя такая банка есть?

АНЯ. Мне не до шуток.

ИВАН. Я улажу всё.

АНЯ (*быстро*). Нет! Не надо. Как-нибудь сами.

ИВАН. Хорошо. Отложим этот вопрос до возвращения?

АЛЕКСЕЙ. А если не вернемся?

АНЯ. Леша!

АЛЕКСЕЙ. Что? Я тебе налил. Как просила.

АНЯ (*через паузу*). Хорошо. (*Взяла рюмку. Печально.*) Откладываем и откладываем... И жизнь свою... Тоже откладываем. Всё ждем чего-то. Почему? А хочется... Выпьем? За счастливую жизнь. А? Хорошо бы, если б на самом деле можно было бы слетать на другую планету. Где жизнь лучше, чем у нас. И, может быть, остаться там. И жить долго и счастливо и умереть в один день. (*Пьет.*)

АЛЕКСЕЙ. С кем?

АНЯ (*нервно*). Со всеми!.. Помечтать нельзя?

АЛЕКСЕЙ. Можно, но осторожно.

Звонок в дверь. Аня и Алексей вздрагивают, и Аня идет открывать.

АНЯ. Это гость.

АЛЕКСЕЙ (*глядя на часы*). На полчаса опоздал.

Аня возвращается с гостем.

АНЯ. Ну, чем порадуете?

ГОСТЬ. Как вы сразу... Быка за рога.

АНЯ. А что нам... Ждать? Мы такие. Обещали – выполняйте!

К тому же вы опоздали.

ГОСТЬ (*радостно*). Уговорил. Разрешили.

АНЯ (*бодро*). Ура! Летим!

ИВАН (*с иронией*). Какое счастье.

ГОСТЬ (*печально*). Только срок отодвинули... В пределах трех недель.

АНЯ. Как же?..

АЛЕКСЕЙ. Да-а... Кудесник ты, дядя. Умеешь крутить.

ГОСТЬ. Нет... Слишком много хрупкости. Мы противостоянию лишь учимся.

АЛЕКСЕЙ. Чему учиться?

ГОСТЬ. Я так... Сегодня утром на подоконнике бабочку созерцал... Такая нежная и незащищенная...

АЛЕКСЕЙ. Бабочки, дядя, вредители. Бывают даже ядовитые.

ГОСТЬ. Возможно, да... И всё-таки... Эта была удивительно трепетной и растерянной...

АЛЕКСЕЙ. Не верю я, что там лучше, чем у нас. Те же порядки, вижу я. Придется отказываться. Да, Ань?

АНЯ. Ну... я не знаю.

ГОСТЬ (*испуганно*). Как же отказываться?! Я уже договорился. Нет! Там не так. Там новое! Я удивляюсь, сколько тут у вас зла. А там – гармония. Вы увидите... Вам сразу станет легче. Там...

АНЯ. Это Шамов шутит. Конечно, мы полетим. Только больно долго ждать. Тут столько проблем... Как с ними полет увязать? Трудно.

ГОСТЬ (*умоляюще*). Вы уж потерпите... Как-нибудь. Увяжите. Ваня поможет. Он же обещал. Он многое способен сделать. Правда, Вань?

АНЯ. Почему бы ему в таком случае не повлиять на ваше руководство?

ГОСТЬ. На руководство – нет. Нельзя. Он влиять может только здесь. У нас влияние другое...

АНЯ. Какая же тут «гармония», интересно? Ну-ка, расскажите нам про свою планету. Вы нам обещали, да так и не рассказали.

ГОСТЬ. Так вы сами увидите. Планета далекая. В созвездии Лебедя... Простым языком не описать. А на научном, тем более не поймете.

АНЯ (*смирившись вдруг*). Ну что ж... Не говорите. Увидим сами. (*Входит Саша.*)

САШКА. Все в сборе.

АНЯ. Очень кстати. Садись. Сейчас будем ужинать. Через пять минут голубцы будут готовы.

АЛЕКСЕЙ (*разливая*). Выпьем за успех безнадежного дела!

ГОСТЬ (*с обидой*). Зачем же вы так?

АЛЕКСЕЙ. Да я о своем, о девичьем. Пьем!

Все, кроме Ани, молча пьют. За окном проехал с грохотом грузовик.

САШКА. Еще один милиционер родился.

АНЯ. Нет. Тихий ангел пролетел.

АЛЕКСЕЙ. Больно громко. Не иначе как двойник Люськи Алексеевой. Такой же тяжелый.

ИВАН. У ангелов двойников не бывает.

АЛЕКСЕЙ. Вань, а ты не оттуда? Не от господа Бога случаем?

ИВАН (*тихо*). Нет, я не оттуда.

АЛЕКСЕЙ. Жалко. А то глядишь... Сначала на другую планету. Потом на небеса. Содержательная была бы экскурсия.

АНЯ. На небеса ты и так попадешь.

АЛЕКСЕЙ (*с сожалением*). Я грешник. Не попаду. Я буду гореть в аду в огне.

АНЯ. Все мы... Давно уже горим.

ГОСТЬ (*торопливо*). Нет, вы не правы... Не все. Мало, конечно, но есть... Нет!

Все с удивлением смотрят на гостя, который вроде как и не замечает их взглядов.

Если б все горели, не было бы надежды на спасение. А она есть... Добро хоть и редко, но побеждает. (*Вдруг нервно заходит по комнате.*) Вы знаете, что Бог Отец-то настоящий – совсем другой. Да-да. Не тот, что из вашего Ветхого Завета. Истинный Бог Отец – невидимый, неконечный, без формы и без данности. Он, как свет, везде и во всём. Источники у вас есть старинные, подлинные... Я прочитал. А из Ветхого Завета Бог, решивший власть свою проявить, отошел от Бога Всевышнего и только одним народом-то и озаботился... Только их и спасал. Их, несчастных, к земле обетованной вел... а остальные вроде как и не Его. А чьи же они? А откуда ж они-то тогда? Другие-то? Чьи же, те, кто чужой, кто не нужен, кто не соответствует... У кого боги почему-то другие... Что им делать-то, как жить-то? Нет! Им-то как? Почему же Он их, заблудших, не желает спасти? Истинный Бог Отец и послал на Землю Сына своего Иисуса. Чтобы он попытался восстановить справедливость и открыть глаза заблудшим и противостоять богу недоброму. Отступнику. Иначе... Что ж получается? Ведь у ТАКОГО Бога не могло быть ТАКОГО Сына. Разве что только пошел Он против Отца, а потом вдруг... помощи

попросил... А над ними обоими был Бог – Дух Святой... (*Увидел смотрящие на него удивленные взгляды и смутился.*)

Тихо.

Это я так... К случаю. К словам, можно сказать... Прорвалось.

АНЯ (*повторяет*). Им-то как? Им как жить?..

АЛЕКСЕЙ (*гостю*). А мне говорили, что ты пьешь и не пьянеешь. А получается, что напился...

ГОСТЬ. Что вы! Я... Ни в одном глазу.

АЛЕКСЕЙ. В глазу может и нет, а в голове?

САШКА. Голубцы Глебова пересолила. Влюбилась?

ИВАН. По-моему, вы ошибаетесь, юноша. Соли-то как раз и не хватает...

– 4 –

День следующий. На столе – недопитая бутылка водки. Недоеденная закуска. Аня с полотенцем в руках прибирается на кухне. Входит Иван.

ИВАН. Пиршество продолжается.

АНЯ. Странно. А вы хотели, чтобы оно закончилось?

ИВАН (*через паузу*). Я хотел остаться с вами наедине.

АНЯ. У вас потрясающее чутье. Иногда мне кажется, что вы тайно наблюдаете за нами. Вы не поставили здесь скрытые видеокамеры?

ИВАН. Ну что вы. Каким образом? Когда?

АНЯ. Теперь всё может быть. Не удивлюсь, если вдруг сюда зайдет президент.

ИВАН (*с удивлением*). Кто?

АНЯ. Я когда-то мечтала встретиться с президентом.

ИВАН. Неужели?

АНЯ. Представьте. Хотела раскрыть ему глаза на нашу действительность.

ИВАН. Неужели вы до такой степени были наивны?

АНЯ. Почему «была»? Кажется, вы говорили мне, что я и сейчас слишком наивна.

ИВАН. О, конечно... Он спит?

АНЯ. Вероятно. Зачем вы спрашиваете? Вы же и так всё знаете.

ИВАН. Ну... не совсем всё.

АНЯ. Чаю или водочки?

ИВАН. Спасибо, я, как всегда, захватил коньяк.

АНЯ. Какая верность традиции. А где же гость? Исчез?

ИВАН. Мы с ним не виделись.

АНЯ. Странно... Могу предложить борщ. Но, кажется, вы не едите борщи.

ИВАН. Иногда ем, но не сегодня.

АНЯ. Так зачем я вам нужна? Хотите продолжить свои ухаживания? Кстати, ваше кольцо забрал Сашка. Решил проверить подлинность бриллиантов.

ИВАН (*вдруг*). Зачем он вам нужен?

АНЯ (*растерянно*). Кто?

ИВАН. Вы прекрасно поняли, о ком я... Он не достоин вас. Вы губите свою жизнь. Вы не реализуетесь. Вас должно носить на руках. Боготворить! Обожать!

АНЯ. Каждую женщину необходимо носить на руках и боготворить.

ИВАН. Ошибаетесь.

АНЯ. Нет! Знаете... У меня много работы. Нужно чистить унитаз и ванну.

ИВАН. Неправда.

АНЯ (*возмущенно*). Что значит «неправда»?!

ИВАН. Вам нравится слушать меня. Вас тянет ко мне...

АНЯ. О да! Как кролика к удаву.

ИВАН. Вы меня боитесь.

АНЯ. Еще чего!

ИВАН. Но я не кусаюсь. Я могу исполнить любое ваше желание. Вы будете иметь всё, что захотите.

АНЯ (*с иронией*). Ночь любви – и весь мир будет у ваших ног.

ИВАН. Читаете мои мысли.

АНЯ. Мысли слишком банальные.

ИВАН. Весь мир – сплошная банальность. Кроме вас. Вы неожиданны, непредсказуемы, красивы, как может быть красиво небесное существо.

АНЯ (*с иронией*). О! Какие слова...

ИВАН. И ваша красота не банальна. Вряд ли ваш портрет захотят поместить на обложку глянцевого журнала... Ваша красота уникальна, как произведение искусства, рожденное непонятым толпой гением.

АНЯ. Неужели? (*Повернувшись и смотря прямо в глаза.*) Вы еще и льстец.

ИВАН. Когда вы скажете «да», вы поймете правду моих слов.

АНЯ. Придется жить во лжи.

ИВАН. Напрасно вы мне не верите. Признаюсь, я впервые влюбился по-настоящему.

АНЯ (*с сарказмом*). Да что вы? Бедный вы, бедный. Как же мне вас жаль. Дон Жуан каждый раз влюблялся по-настоящему. И каждый раз впервые...

ИВАН (*заинтересованно*). А вы встречались с ним?

АНЯ. Я читала о нем в художественной литературе.

ИВАН. Это не считается. Дон Жуан никогда не любил по-настоящему. Он всего лишь постоянно доказывал, что он настоящий мужчина. И надо сказать, тем самым доказал обратное. Но определенной части женщин подобные мужчины нравятся.

АНЯ. Не поняла...

ИВАН. ...Я люблю вас. И прошу смилостивиться. Оставить в покое Алексея, отпустить Сашку и отправиться со мной...

АНЯ. А мой будущий ребенок?

ИВАН. У него будет другая судьба.

АНЯ (*заинтересованно*). Какая же? Не пугайте меня.

ИВАН (*с мучительным азартом, словно предчувствуя отказ*).

Вы будете жить на вилле где-нибудь в окрестностях Парижа. Или Леона. Квартира в Лондоне или Риме. Канарские острова... Греция... Турция или Монако. Сан-Франциско, Нью-Йорк. Швеция, Дания, Канада... Сингапур... Что хотите! Где хотите! Италия! Флорен-

ция! Какие люди будут вас окружать! Какие предметы! Какой воздух! Только роскошь и исполнение любого желания...

АНЯ (*стоя у плиты и перекладывая посуду, через паузу*). Очень соблазнительно, но мне лучше здесь. Привычка – вторая натура. Я никогда не бросаю тех, кого люблю.

ИВАН (*через паузу*). Не любите. Жалеете.

АНЯ. Уже слышала.

ИВАН. Сочувствуете! Плюс совесть, чувство долга. Недоверие мне. Страх... (*Отходит к окну*). Я могу предложить вам попробовать. На месяц. Всего лишь месяц мечты. Ради проверки. Для доказательства. А потом... Ваше право. Поступайте, как захотите.

АНЯ. Спасибо, не надо. Вдруг мечта и взаправду осуществится? Трудно будет потом отказываться. Да и к тому же... Я ничего о вас не знаю. Кто вы? Откуда? Кто ваши родители? Может быть, вы женаты? Где вы живете?.. Ничего! Всё только слова... Слова...

ИВАН. Не лукавьте. Вы сопротивляетесь из последних сил. Если вы согласитесь, вы узнаете всё. А так... Ни к чему. (*Подходит к ней*). Уверяю вас, вы ничем не рискуете... Ваша совесть будет чиста. И мне не нужны клятвы, кривавые... Всего лишь одно слово...

АНЯ (*кричит, прерывая*). Нет, нет! (*Затыкает уши*). Оставьте! Уйдите! Вы чужой! Далекий! Вы лжете! Всё неправда! Уйдите! Не хочу! Видеть вас не хочу! Всё! Я сказала!

В тишине, в паузу входит Алексей. Точнее влезает. Он еще не отошел до конца от алкогольного опьянения. Вид у него помятый, волосы слегка всклокочены. Он усаживается на стул и наливает себе.

АЛЕКСЕЙ. Воркуете? Пардон. Мне надо выпить... (*Оглядывается*). А где моя тарелка? Глебова, зачем ты убрала мою тарелку? Я должен хорошо закусить... (*Пьет*). За вас. За ваш союз. Союз Орла и Куропатки. Нет. Ворона и Утки. ...Ты сегодня похожа на утку. Ты так и не пила? Зря. Водка хорошая... А когда вы уезжаете? И куда, если не секрет? Я предложил бы в Африку. Там всегда тепло.

(*Ане*.) Ты же постоянно мерзнешь. Да. И еще не высыпешься. В Африке можно спать на открытом воздухе... (*Ивану*.) Она спит на каждом шагу. У нее болезнь. Сонная... А где моя сарделька? Здесь была недоеденная сарделька. Ваня, ты не видел? Или ты ее съел? (*Через паузу*.) ...Вы объявили мне бойкот?.. Решили молчать. Это хорошо. Я могу говорить сколько захочу. И никто меня не будет останавливать. Наконец-то оторвусь. (*Снова наливает себе*.) Хорошо пошла. Не желаете за компанию?.. Когда придете, дайте телеграмму. А то мало ли. Террористы. Войны. Буду беспокоиться. (*Озирается*.) А где наш гость? Слинял?.. А я-то губу раскатал... И нате! Нехорошо.

ИВАН. Она предпочитает остаться с тобой.

Долгая пауза. Слышно, как кричат на улице дети.

АЛЕКСЕЙ. Напрасно. Если всё, что ты ей мог наговорить, правда, и бриллианты бабушки валяются у тебя под ногами... То она дура, что отказывается. Я уже не дам ей ничего. Ни бриллиантов, ни любви. Я уже ничто. Пустое место. Неудачник. Износившийся сапог. Мое место на помойке, рядом с бомжами. Мы друг друга хорошо понимаем... То, что я еще могу, никому не нужно. Да и негде проявлять свои таланты. Все хотят, чтобы я выдавал на-гора, играл придурков, кривлялся почище, чем в аншлаге... Чехов нынче не в моде... Публика окончательно зомбиривалась. И отличить настоящее от пошлости не в состоянии... (*Закуривает*.) Я думал, что... Книжки хорошие, картины, спектакли... (*Скривившись*.) Искусство, мать твою... Всё вроде бы, ради чего-то. Ради пользы какой... Для людей. А выходит... Никому ничего не надо. Иначе, откуда все нынешние? Эти... Которые смело шагают по земле. Где ж положительные результаты? Отчего ж так много говна? И всё провоняло. Прогнило! (*Встав*.) Нет... Конечно. Справедливости ради... Бывают исключения. Бывает что-то достойное уважения и прорвется... Бывает. Но

так редко. И так тихо. Что хочется выть от несправедливости... *(Пауза.)* Понимаю. Какое я имею право так говорить? Безработный актеришка. Может, во мне таланта на три копейки. А я тут вякаю что-то... Только... Соображалка у меня еще варит. И я еще умею чувствовать. Глаза и уши у меня еще не отказали. И я вижу... Дерьмовое оно, ваше искусство! Гнилое, пошное, фальшивое!.. А впрочем... Как и всё. Как вся наша жизнь...

Пауза.

ИВАН. Жизнь всегда была... тем, что требует осуществления. А заложенную программу не так-то просто осуществить. Это вам не прогулка в ясный солнечный день.

АЛЕКСЕЙ. Хочешь сказать: сам виноват?

ИВАН. Зачем же? Я о другом.

АЛЕКСЕЙ. О чем же, интересно?

ИВАН. В космосе нет добра и зла. Материя вне человеческих категорий.

АЛЕКСЕЙ. И что?

ИВАН. Любая человеческая жизнь – Жизнь. Она не имеет цены. Она равноценно бесценна. Перед космосом... Ты или какой-нибудь пошляк ничем не отличаетесь друг от друга.

АЛЕКСЕЙ. А-а-а... Понятно. Клёво. Или какой-нибудь убийца? Все равноценны перед бездной... Радуйся тому, что имеешь. И помалкивай в тряпочку.

ИВАН. В каком-то смысле... Хотя... Я говорил о более общих вещах.

АЛЕКСЕЙ *(вдруг, улыбаясь и показывая молча на приспнувшую Аню. Она сидит на стуле у стены, к которой и прислонилась).* Я же говорил: сонная болезнь.

АНЯ *(сразу проснувшись).* Что? Вы уже помирились?

АЛЕКСЕЙ. А мы разве ссорились? Стопочку выпьешь? За наше здоровье.

АНЯ. Нет уж, спасибо. Я пошла мыть туалет.

АЛЕКСЕЙ. Ну вот! Чуть что: туалет. Ты его на прошлой неделе мыла.

АНЯ. И что теперь? Я его и на позапрошлой мыла.

АЛЕКСЕЙ. Видишь! Можно подождать. Посиди с нами. А то мы еще подеремся.

АНЯ *(вставая).* Дело ваше. Я разнимать не буду. Надоели вы мне...

АЛЕКСЕЙ. Здрасьте! От миллионов отказалась – и теперь почувствовала себя героиней.

АНЯ. Ни кем я себя не почувствовала. Картошка в холодильнике. Борщ на плите.

АЛЕКСЕЙ. Да погоди ты! Сядь. *(Аня садится.)* Я завтра уеду.

АНЯ *(растерянно.)* Вот еще! Почему? Надо хотя бы предупредить... Они же не ждут.

АЛЕКСЕЙ. Кто, они-то? Я не в Новгород. Я к дружку – в Новосибирск. Поняла?

АНЯ *(испуганно).* Что еще за дружок? А Сашка? Ты же обещал. Какой Новосибирск?! Алексей! Как ты можешь?!

АЛЕКСЕЙ. Ну... могу. Вот так. Извини. Надо.

АНЯ *(через паузу).* Иди-ка, проспись, дружок. А утром поговорим.

АЛЕКСЕЙ. Да не о чем говорить. Видишь, человек тебя хочет. Ждет. Соглашайся. Выгодное предложение.

АНЯ *(тихо).* Я устала, Леша.

АЛЕКСЕЙ. А кто не устал? Все устали.

ИВАН. Усталость проходит.

АЛЕКСЕЙ. У кого как.

Появляется Саша. Он пришел тихо. Никто не обратил до этого на него внимания. Да и он входил тихо и неспешно.

САШКА. О чем беседуем?

АНЯ. О тебе. Шанов собирается в очередной раз уехать.

Надоели мы ему. Скучно с нами.

АЛЕКСЕЙ. Я этого не говорил.

САШКА. А Новгород как же?

АНЯ. А никак!

САШКА. Ну... Ему видней. Колечко, Глебова, настоящее.

ИВАН. Можно было не проверять.

САШКА. На всякий случай. Мало ли... Я его Комову отдал.

АНЯ (*с возмущением*). Ты с ума сошел! Как ты посмел?

САШКА. Сама сказала: в крайнем случае...

АНЯ. Я... Образно сказала. Я шутила!

САШКА. Хороши шутки.

АНЯ. Прекрати! Зачем ты это сделал?

САШКА. Он потребовал деньги. Срочно. Часть долга. У него проблемы. Мы же не оговаривали сроки. Всё на честном слове. Он вдруг пристал... Полгода прошло... Пришлось отдать.

АНЯ (*чуть ли ни с криком*). Что? Полгода! Как ты мог! Сашка!

АЛЕКСЕЙ. Отстал?

САШКА. Пока.

АЛЕКСЕЙ. Если у вас всё на честном слове, не отдавал бы.

САШКА. С меня-то он расписочку взял.

АЛЕКСЕЙ (*печально*). Идиот. Когда ж ты поумнеешь!

САШКА. Да на себя посмотри! Блуждаешь туда-сюда... А толку?..

АНЯ (*тихо*). Мне надо вымыть ванну и туалет. Вы как хотите... А я... (*Уходит.*)

Пауза.

АЛЕКСЕЙ. И в кого ты такой? Где так рубль пожалеешь... Не отдашь. А туг...

САШКА. Когда это я жалел?

АЛЕКСЕЙ. Ладно, замнем.

ИВАН. Напрасно вы тревожитесь. Я же обещал решить его вопрос.

АЛЕКСЕЙ (*посмотрев внимательно на Ивана*). Зависеть, Ваня, ни от кого не хочется. Особенно от тебя.

ИВАН. Невозможно прожить, не завися ни от кого. Законы природы. Не зависеть, значит, не дышать, не есть, не пить... Вы зависите даже от земли, по которой ходите.

АЛЕКСЕЙ. Я в философии не силен.

САШКА. Ладно. Пошел я.

АЛЕКСЕЙ. Куда?

САШКА. К себе.

АЛЕКСЕЙ. Напакостил – и в кусты.

САШКА. Ты про что?

АЛЕКСЕЙ. Подожди, он еще тебя покалечит. Доиграешься.

САШКА. Слушай, Шанов... Кто бы что говорил. Ты, наверно, рад будешь, когда меня изуродуют.

АЛЕКСЕЙ (*с сарказмом*). Ко-не-ечно. А ты как думал?!

ИВАН. Предполагаю, что самое время выпить.

АЛЕКСЕЙ. Вот это верно. Это ты в яблочко. Давай, Санька, по рюмашке и пойдешь к себе...

САШКА (*усаживаясь*). Ты, Шанов, ничего не понимаешь. Ты другое поколение. У вас... понятия другие. И вообще...

Как ты можешь судить другую душу...

АЛЕКСЕЙ. Да где уж мне... Пьем.

Пьют.

Как твоё творчество? Что новенького?

САШКА. Ну есть... (*Поколебавшись.*) Могу спеть.

АЛЕКСЕЙ. Спой.

ИВАН. Да. Было бы крайне интересно.

САШКА. Сейчас я... Попробую. За гитарой только... (*Уходит.*)

АЛЕКСЕЙ. Почему бы тебе ее не насильно?.. Купить билет на Канары или во Францию... Забрать из этого занюханного лица... Она, кстати, недавно загранпаспорт сделала. Как чувствовала. Все делали, и она за компанию...

ИВАН. Насильно, Алексей, не получится. Насильно не любовь, а одни муки.

АЛЕКСЕЙ. Это верно... (*Через паузу.*) Что-то я опять не пьянею.

ИВАН. Скоро придет гость.

АЛЕКСЕЙ. И что?.. (*Хмыкнув.*) Гость... Где ты его откопал? Вроде разумно рассуждает... А-а-а... Блаженный какой-то. С другой планеты... В детстве, наверно, головкой ударили...

ИВАН (*серьезно*). Он действительно с другой планеты.

АЛЕКСЕЙ (*внимательно посмотрев на Ивана*). Ну да... Понимаю.

Возвращается с гитарой Саша.

САШКА (*настраивая гитару, нервничая*). Вчера дописал. Тут еще исправлять нужно. Но в основном можно понять...

АЛЕКСЕЙ. Ладно, не бойсь.

САШКА. Чего мне бояться?..

АЛЕКСЕЙ. Давай. Мы слушаем.

САШКА (*настроив гитару, поет*).

Белый ангел. Черный ангел. Мы – добро и зло.

Нам хотелось бы быть вместе, да не повезло.

– Мы друг друга любим страстно, братик дорогой!

– Ты же знаешь, что напрасно. Я и ты – чужой!

– Я взлетаю очень тихо: без тебя идти.

– Да и я взлетаю, молча: нам не по пути.

– Я блуждаю там, где радость и царит любовь,

– Я ж беснуюсь там, где горе и где льется кровь.

– У меня в друзьях надежда, красота и свет.

– А со мною – тьма, разлука и желанных нет.

– Жизнь, рождение и верность пестуют меня.

– Смерть, отчаянье, измены – содержанье дня.

– Крылья белые прекрасны нежностью небес.

– Крылья черные опасны, как безмолвный лес.

– Белый ангел. Черный ангел. Мы – добро и зло.

– Как хотелось бы быть вместе, да не повезло.

Ну что?

АЛЕКСЕЙ. Впечатляет. Но с рифмами у тебя... Любовь, кровь.

САШКА. Нормальные рифмы. Зачем мудрить-то?!

АЛЕКСЕЙ. Читай, Глебов, других... Пушкина, Бродского...

САШКА. Да Пушкин ваш... Глупость. Скучно. И та же самая кровь, любовь.

АЛЕКСЕЙ. Не скажи.

САШКА (*к Ивану*). А вам как?

ИВАН (*отрешенно*). Они всегда вместе.

САШКА. Кто? Ангелы?

ИВАН (*печально, не глядя ни на кого*). Они – одно целое. Они неразделимы. Можно сказать, что они – это он. Один.

САШКА. Кто «один»?

ИВАН. Вы талантливы, это, несомненно. Но вы ошибаетесь.

САШКА. В чем? Я люблю Лермонтова...

ИВАН. Извините. По-моему, идет наш гость.

Звонит звонок. Иван встает, идет открывать и возвращается вместе с гостем.

ГОСТЬ. Вот мы и явились.

АЛЕКСЕЙ. Проходи, садись. (*Наливает ему*.) У нас тут обсуждение художественной самодеятельности. Сашкино творение оцениваем.

ГОСТЬ (*усаживаясь*). Хорошее дело.

САШКА (*Ивану*). Так вам не понравилось?

ИВАН. Разве я так сказал?

ГОСТЬ (*тихо, с радостью в голосе*). А у меня новость.

АЛЕКСЕЙ. Ну, говори. Разрешили, что ли?

ГОСТЬ (*радостно*). Хоть сейчас! Так что... Всё случится. Надежда не умирает...

АЛЕКСЕЙ. Значит, отправимся. Глебова вот туалет вымоет и отправимся.

САШКА (*поднимаясь*). Я пошел.

АЛЕКСЕЙ. Сейчас полетим, сиди.

САШКА. Спасибо. Без меня. Извините, дела недоделанные остались.

АЛЕКСЕЙ. А проводить нас? На дорожку по стопочке...

ГОСТЬ (*огорченно. Саше*). Как же? Я и за вас просил. Вас там тоже ждут.

САШКА (*внимательно посмотрев на гостя*.) Вы пока тут готовьтесь, а я подумаю... Хорошо? Мне кое-что доделать надо. (*Уходит*.)

ГОСТЬ (*печально вслед*). Конечно, я понимаю... Но вы только не передумывайте...

АЛЕКСЕЙ. Давай, дядя, выпьем сначала, а потом... (*Пьет*.) Если посмотреть на всё это серьезно...

ГОСТЬ (*обеспокоенно*). А как же? Только серьезно. Пылинка невесомая, едва различимая – и та требует, чтобы всё было серьезно.

АЛЕКСЕЙ. Про пылинку не знаю. Только... Когда вернемся, здесь сколько времени пройдет?

ГОСТЬ (*растерянно*). По-разному...

АЛЕКСЕЙ. А если сто лет, тогда как? Что нам делать?

ГОСТЬ. Нет, сто вряд ли. Но вы же остаетесь собирались...

АЛЕКСЕЙ. Собирался... Так это, если понравится. А если – наоборот? Тогда что? Да и Анька как? Мы вернемся, а все родственники передохли. И вообще... Обстановка... Того... Атомная война произошла или глобальное потепление. Оно вон и так началось. Что делать-то?

ГОСТЬ (*растерянно*). Не знаю.

АЛЕКСЕЙ. Ну, дядя, ты как-то не подготовился. Тут такое дело... не в магазин за пузырьком.

ИВАН (*гостю*). Мне кажется, вы растерялись, любезнейший?

ГОСТЬ. Ни в коем случае. Я... задумался.

АЛЕКСЕЙ. Надо сначала с Сашкиным делом разобраться. Если серьезно, то...

ИВАН. Сашкино дело уже улажено.

АЛЕКСЕЙ. Это когда же?

ИВАН. Советую: полететь. Уверяю, всё очень просто.

АЛЕКСЕЙ (*вскочив вдруг*). Слушай... Кончай ты! Надоела мне эта фигня! Понял? Поиграли! Я завтра в Новосибирск отправляюсь. А они здесь останутся... И вам обоим лучше слинять. Не желаю я, чтобы вы тут топтались! Ясно! И если она не хочет, значит, не хочет! А с Комовым завтра сам перед отъездом разберусь. И если он Сашку не оставит в покое... То я... Мне терять нечего... Я на всё могу пойти. Ясно!

ИВАН (*печально*). Он уже оставил. Его больше здесь нет.

АЛЕКСЕЙ. Что? Где нет? Кого?!

Входит растерянный Сашка с мобильным телефоном в руках.

САШКА. Наталья звонила... Говорит: Комова машина сбила.

Пауза.

АЛЕКСЕЙ (*взглянув на Ивана*). Интересно. Может, ошиблась?

САШКА. Да нет. Она с подругой жены встречалась. Там и выяснилось.

Появляется Аня.

АНЯ. Что случилось?

САШКА. Комов помер. Машина сбила.

АНЯ. Господи! (*Смотрит на Ивана.*)

ГОСТЬ (*Ане, тихо*). Мы можем лететь.

АЛЕКСЕЙ (*зло*). Да подожди ты! Дерьмо был человек, а жалко...

САШКА. Мне – нет!

АНЯ. Слушайте... Мужчины... Вы еще долго пить будете? Мне бы прибраться...

ГОСТЬ (*тихо*). Нас ведь ждут.

АЛЕКСЕЙ (*печально*). Да кому мы там нужны, дядя?! Кому?!

ГОСТЬ. Как же! Очень нужны!

АЛЕКСЕЙ. Да никому мы там не нужны! Как, впрочем, и здесь тоже! Ну слетаем мы туда... А дальше-то что? Как ни банально, но мы, дядя, везде гости. Кто-то из великих, кажется, сказал. Что здесь, что в другом месте. Сегодня живем, завтра – помрем. Гости. На всех землях, чудак, – гости. Потому какой смысл лететь? Что там, что здесь. Ты бы лучше меня в Новосибирск перенес. Чтобы сразу. Раз – и там. Дружок у меня... Хороший. Давно я его не видел. Самое время встретиться. А то, мало ли. Требуется мне с ним потрендеть...

АНЯ. Вы пить еще будете?

АЛЕКСЕЙ (*кричит*). Будем, Глебова! Будем! Пока не помрем!

САШКА. Я буду.

ГОСТЬ (*тихо*). Вы обещали! Согласие дали.

АЛЕКСЕЙ (*садится и разливает*). Да не нуди ты! Сейчас полетим. Выпьем, вот, и полетим.

АНЯ. Как быстро ты меняешь решения.

АЛЕКСЕЙ. А ты будто не знала?

АНЯ. Картошку разогреть?

АЛЕКСЕЙ. А как ты думаешь?

АНЯ. Да никак я не думаю. (*Вытаскивает из холодильника картошку и начинает разогревать.*)

ИВАН (*Ане*). Напрасно вы сопротивляетесь.

АНЯ (*испуганно*). О чем вы?
 АЛЕКСЕЙ. Она решений не меняет.
 АНЯ. Не говори за меня.
 ИВАН (*печально*). Хорошие вы люди. И сидеть с вами хорошо. Да, видимо, пора.
 АЛЕКСЕЙ. Вот те раз. Ты же с нами собирался?
 ИВАН. Передумал. С тебя беру пример. Меня, собственно, единственное интересовало...
 АЛЕКСЕЙ (*внимательно посмотрев на Ивана*). Плохо уговаривал. Подход не нашел.
 ИВАН. Не всё нам подвластно. Иногда приходится считаться... с реальностью. Да я предчувствовал.
 АЛЕКСЕЙ (*наливая*). На дорожку...
 ИВАН. Обязательно.
 АЛЕКСЕЙ. Я думаю, что так, как ты, не охаживают. Женщины любят что-то более осязаемое и продолжительное.
 ИВАН (*с иронией*). О, вы правы.
 АНЯ (*с иронией*). Какое знание женщин!
 САШКА. О чем вы?
 АЛЕКСЕЙ. О бабах. Когда вы с Натальей поженитесь? Или так и будешь за мамкину юбку держаться?
 АНЯ. С ума сошел! Ему рано еще!
 АЛЕКСЕЙ. Я в шестнадцать первый раз женился!
 АНЯ. Не все же такие...
 АЛЕКСЕЙ. «Глупые», хочешь сказать?
 АНЯ. Ничего я не хочу!
 САШКА. Когда посчитаю нужным, Шанов, тогда и женюсь.
 АНЯ (*Ивану тихо, вдруг*). Если у Сашки и Шанова тоже начнется другая жизнь... Хорошая... То я соглашусь.
 АЛЕКСЕЙ (*через паузу*). Вот так, значит.
 АНЯ. Ты сам меня уговаривал.
 АЛЕКСЕЙ. Я и не возражаю.
 САШКА. Да про что вы, черт?!
 АЛЕКСЕЙ. Я как-нибудь сам устроюсь. Что он мне может предложить, кроме того, что я имею? Мне Канары и дворцы не нужны. Разве что Сашке...
 АНЯ. Тебя будут снимать. В главных ролях.
 АЛЕКСЕЙ. Не смейся Глебова. Я уже свое отснялся.

АНЯ. Он вернет тебе здоровье...
 АЛЕКСЕЙ. Глебова, неужели ты вправду дура? Не ожидал.
 АНЯ. Почему дура-то?
 ИВАН. Он прав, Анна Васильевна. Другой мир я ему преподнести не смогу. Законы Вселенной не позволяют.
 САШКА (*Ане*). Ты нас бросить хочешь?
 АНЯ. Кого «вас»? Я Шанова бросаю. А ты взрослый уже.
 САШКА. Чума!
 ГОСТЬ. Лететь надо... Там ему помогут!
 АЛЕКСЕЙ. Дядя, хоть ты помолчи!
 АНЯ. Ну, если вы не можете, тогда о чем речь... Я должна была быть уверена, что у них без меня будет все хорошо... А раз так...
 АЛЕКСЕЙ. Будет, Глебова. Будет. Не бойсь! Справимся. А он нам не помощник.
 АНЯ (*с досадой*). Что ж ты меня так сплавить хочешь?! Да еще неизвестно кому!
 АЛЕКСЕЙ. Точно, дура! Об тебе же беспокоюсь.
 АНЯ (*с иронией*). Ты обо мне, я – о тебе...
 ГОСТЬ. Слетайте сначала...
 АЛЕКСЕЙ. Достал, дядя!
 ИВАН. Но он прав.
 САШКА. Дурдом!

Пронзительный звонок в дверь.

АЛЕКСЕЙ. Кого еще принесло?

Снова длинный продолжительный звонок.

ИВАН. Советую не открывать.
 АНЯ. Это еще почему?
 ИВАН. За гостем пришли.
 АНЯ. Кто?
 САШКА. Из психушки?
 ГОСТЬ. Нашли все-таки! Инфузории! Ограниченные люди! Каким же образом?
 ИВАН. Выследили, уважаемый. Выследили. Очень шумно себя вели.

Опять резкий звонок.

ГОСТЬ. Надо лететь! Они всё сорвут! Они не позволят!

АНЯ. Господи, во что же мы вляпались! Шанов!

АЛЕКСЕЙ. А если ошибка? Если там из ЖЭКа или Сашкины друзья? Или ко мне кто?

АНЯ. Сходи, проверь. Кто к тебе может прийти в такое время?

Снова звонок.

САШКА. Мне так не звонят. Да и мобила есть.

ГОСТЬ. Летим! Я прошу вас! Войдите в мое положение!

АЛЕКСЕЙ. Положение твое хреновое, дядя.

ИВАН (*Ане*). И что же вы решили?

АЛЕКСЕЙ. Кто о чем, а вшивый про баню.

АНЯ. Решила! Давно уже все решила! Неужели вы не поняли? Шамов! Нам ведь хорошо с тобой, а? Ты ведь не уедешь? Нет? Не бросишь меня... Нас с Сашкой? Ты ведь любишь? Правда? Как я устала ждать. Господи! Успокойся, милый, а? Всё будет хорошо. Что нам эта действительность? Что нам?! Мы же выдержим. Что нам нужно? Сашке помочь. Потом...

Звонок.

Шамов! Мы же не как все! Зачем нам то, что у других?.. Давай сейчас слетаем. А потом... Всё будет хорошо... Я верю. Нам хватит. Выкрутимся. Давай, милый! Леша!.. Я так люблю тебя.

АЛЕКСЕЙ. Вот! Уже пьяная!

АНЯ. Ни одной рюмки не выпила!

Звонок.

АЛЕКСЕЙ. Надышалась. (*Гостю.*) Может, впустим? И двоих вас отправим. Она, дядя, за тобой там ухаживать будет.

ГОСТЬ. Не надо! Полетимте! Там всё другое! Всё новое! Иная жизнь!

САШКА. Давай, Шамов, слетаем. А вдруг? Да и всё равно ждать-то, пока эти отстанут. Здесь что? Достало меня всё! Тошно мне...

АЛЕКСЕЙ. А дальше что? Куда мы его? У себя поселим?

ГОСТЬ (*с обидой*). Не надо «у себя»! У меня свой дом есть! Что вы! Полетели!

Звонок.

АЛЕКСЕЙ. Да черт с тобой! Полетели... Что надо делать-то?

ГОСТЬ. Ничего. Только тишина и согласие.

АЛЕКСЕЙ. Всего-то? А я боялся, что на голове стоять придется.

ГОСТЬ. Почему ж на голове-то?

АЛЕКСЕЙ. Да так. Колдуй, дядя. Иди ко мне, Глебова. Я тебя обниму. Представим, что мы новую жизнь начинаем.

САШКА. Я рядом с вами присяду. (*Присаживается дурашливо рядом на табуретке и закрывает глаза.*)

АНЯ (*усаживаясь к Алексею на колени*). Представим. Только обнимай меня осторожно.

АЛЕКСЕЙ. Осторожно я не умею.

АНЯ (*мечтательно*). В новой жизни ты пить будешь только по праздникам и чуть-чуть.

АЛЕКСЕЙ. Это ты маху дала.

АНЯ. У нас будет любимая работа и приличная зарплата. На лето мы будем выезжать в круиз. По Европе. Сашка станет...

Звонок.

АЛЕКСЕЙ. Смотри-ка, еще здесь.

ИВАН. Сейчас начнут дверь ломать.

АЛЕКСЕЙ. Всё-то ты знаешь. Тоже из психушки?

ИВАН. Посещал. На экскурсии. (*Ане.*) Очень жаль. Очень. Но вы останетесь в моей памяти.

АЛЕКСЕЙ. Ты, думаю, тоже.

Звонок.

ГОСТЬ. Так мы летим?

АЛЕКСЕЙ. А как же! Тихо! Молчим!

Тишина.

САШКА (*Ивану*). А слова какие-то будут!

АЛЕКСЕЙ. Да молчи ты! Не прерывай полета!

Звонок.

ГОСТЬ. Слов не надо... (*Машет рукой.*)

Резко гаснет свет. Снова звонок.

АНЯ. Ой! Что это? Мы «уже»?

АЛЕКСЕЙ. Уже! А ты не видишь, что ли? Дальше – тишина.

ГОСТЬ. Еще один взмах руки.

Сначала тишина, а потом долгий продолжительный звонок.

КОНЕЦ

Март 2007

Серафима Сан, или Дом у дороги

| Совершенно невероятная история
в трех действиях |

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СЕРАФИМА САН – обаятельная женщина без возраста.

Трудно поверить, что она живет очень далеко от города, в доме у дороги, занимается хозяйством, ухаживает за курами и прочей живностью.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – ему за сорок пять, но выглядит он моложе. Солидный, привлекательный мужчина.

ПАВЕЛ И ПЕТР ГРЕШАНЫ – братья-студенты лет двадцати. Павел – полный и роста ниже среднего.

Петр – высокий и худой. Оба не без обаяния.

КОСТИК, лет двадцати четырех-двадцати пяти лет, высокий, стройный. В поведении, в голосе и в облике его нет ничего женственного и жантильного.

Скорее наоборот: он производит впечатление очень мужественного молодого человека.

ЖЕНЕЧКА, за тридцать, круглолицая, полненькая, привлекательная, энергичная, улыбающаяся женщина.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ – к сорока, артист и, как большинство артистов, слегка себя подает.

МАРИЯ ИВАНОВНА, за пятьдесят, одета как-то по-старушечьи, да и не по сезону, хотя выглядит моложе своих лет.

МИША – хирург, за сорок пять.

ПАРЕНЬ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ПРИЕЗД

Захолустье. Дом у дороги. Лето. Полдень. Мы видим светло-голубенькую застекленную веранду дома с покатой крышей. От веранды дверь на нас, вниз от дверей – три ступеньки. Слева маленькая скамейка под деревом, ближе к дороге. Дорогу мы не видим, но понимаем, что там, в самой глубине, шоссе. Вдалеке за забором огород. Справа у дома свежеструганные жердочки, на которых можно сидеть: они низкие, но надежные. Из дома выходит Сергей Николаевич, за ним – Серафима с ведром в руках. Сергей Николаевич закуривает. Серафима ставит ведро под крыльцом и проходит к скамейке. Во время разговора берет мокрую тряпку, протирает зачем-то и жердочки и скамейку, тряпку потом вешает на жердочки.

СЕРАФИМА. Когда теперь ждать вас?..

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Трудно сказать.

Пауза.

СЕРАФИМА. Остались бы, посидели со всеми, а завтра...

С утра... И отправились... Многие обещали приехать. И Женька, и Костик...

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. О! Вот-вот... Зачем мне все? Я к вам приезжал.

СЕРАФИМА. Ну, все-таки... Застолье. А то как-то...

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Дела, Серафима, дела. Правда.

Пауза.

СЕРАФИМА. Я верю. *(Вдруг.)* Неужели жена даже не подозревает?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Что?.. А-а-а... Да. Я сам себе хозяин.

СЕРАФИМА. У нас ведь с вами ничего такого... Почему бы ей не сказать? Разве нельзя?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Нельзя. Вы же ее совсем не знаете. Может быть, она человек плохой. Вздорная, злая, капризная. Пакости всякие делает. Попробуй такой, расскажи.

СЕРАФИМА. У вас «такой» не может быть.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. О! Может! И еще как! Что вы обо мне знаете?..

СЕРАФИМА. Знаю... не первый день знакомы...

(Через паузу жестко.) Тогда уж лучше разойтись. Зачем друга мучить? Раз любовь прошла.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Эх вы!.. Не узнаю вас. Неужели юбилей так повлиял?..

СЕРАФИМА. Юбилей тут ни при чем... *(Через паузу.)* Я сама себя не узнаю. Вы извините. Лезу не в свое дело. Какая-то на душе печаль.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Да нет... Я к тому, что... Там у меня – одна жизнь, а здесь – другая. И изменить что-либо, к сожалению, невозможно.

Пауза.

СЕРАФИМА. Странно.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Что?

СЕРАФИМА. Все... Как мир устроен. Как люди живут.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ну... Вы и сама женщина странная. Живете здесь... Считай, на дороге. Одна. Никого не боитесь.

СЕРАФИМА. А кого бояться? У меня всегда кто-нибудь да гостит. Знакомых много.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Оно верно.

Пауза.

Счастливым вы человек, Серафима!

СЕРАФИМА. На судьбу не жалею.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. А я жалею. Только рядом с вами и забываю о той жизни. Сумасшедшей и...глупой...

СЕРАФИМА. Нехорошо.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. А что делать? Судьба. Я бы с радостью, как вы... Проснулся бы в один прекрасный момент – и никакого прошлого! Всё сначала! Белый лист. Только, конечно, чтобы без аварий там всяких... Как у вас.

СЕРАФИМА. Без аварий, возможно, не бывает. Разве что чудо. Но я признаюсь вам... Я хотела бы узнать, откуда я родом. Кем была до случившегося? Кто мои родители? Я ведь после всего почти полгода в себя приходила. И, считай, так и не пришла: так и не помню прошлого. Совсем. Хоть бы какие-нибудь родственники или знакомые нашлись! Никого. Словно я раньше, до этой аварии, и не жила. И документов ведь никаких тогда не обнаружили, одна бумажка с именем и фамилией... А чье это имя-то и фамилия? Может, и не мои! Серафима Сан! В платке нашли. И деньги... Де-е-нег...Ой!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Много?

СЕРАФИМА. Да! Там же лежали, в целлофановом пакете.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Какие подробности узнаются. Вы раньше не рассказывали.

СЕРАФИМА. А зачем?..

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Как только не стащили?

СЕРАФИМА. Не судьба. Спасибо Анне Семеновне. Этот дом она купила, мой лечащий врач. Дай бог ей здоровья! Он ее родственникам раньше принадлежал... Дом-то. А остальные деньги она на книжку мне положила. Хороший человек и врач хороший. Она и документы помогла мне получить. Только вот... Я хотела сначала поменять фамилию. А потом, думаю, вдруг откликнется кто... Не откликнулись. И теперь я... человек без роду, без племени.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вы, Серафима, божий человек.

СЕРАФИМА. Все мы божьи люди.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Все да не все.

СЕРАФИМА *(печально)*. «Я дурочка у дороги». Вот кто я есть.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Почему ж это вы так решили?

СЕРАФИМА. Один человек назвал. Шутя. Сама бы не додумалась. А он... Раз в месяц мне орехи привозит.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Почему орехи?

СЕРАФИМА. «На другое чего, – говорит, – денег нет, а вот орехи – бери». А я их не особо жалую, орехи-то. Но беру. А что делать? Не возьму – переживать будет. Жалко.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Любит, значит.

СЕРАФИМА. Опять вы! У него жена есть. Дети. Двое.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Мальчик и девочка.

СЕРАФИМА (*удивленно*). Правда. А вы откуда знаете?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вспомнилось. Из литературы... Роман какой-то. Может, вы японка?

СЕРАФИМА. Да ну вас! Я японского не знаю. Да и лицом... не вышла. (*Посмотрев на дорогу*.) Что-то сегодня автобус опаздывает.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Оно и хорошо. Дольше с вами побуду.

СЕРАФИМА. Домой поздно попадете.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вы то задерживаете меня, то гоните.

СЕРАФИМА (*возмущенно*). Да вы что? Господь с вами! Я просто... беспокоюсь!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Не хотите, чтобы я с Костиком встретился?

СЕРАФИМА. Вот еще! (*Вдруг с печалью*.) А вы из-за него и уезжаете?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Больно много чести. (*Зло*.) Но видеть его... Да еще рядом с вами...

СЕРАФИМА. Жалко. Я бы хотела подружить вас.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*с возмущением*). Еще не хватало! Мне такие дружки не нужны. Я у вас тут неделю прожил... Словно в раю побывал. Вроде ничего особенного, а... Душевно было! И видеть этого... Увольте... Я из другого теста. Хоть и не хочется уезжать. Но... Кто-то другой... Для меня, не совсем достойный, наслаждаться будет общением с вами. Увольте!

СЕРАФИМА. Терпите. Думаю, кто чего и кого достоин, не нам судить.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Оно, может, и верно.

Пауза.

СЕРАФИМА. Если вам здесь хорошо, почему бы не сделать так, чтобы и там было хорошо.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Опять вы! Легко сказать...

Шум машины.

СЕРАФИМА. Легко. Я сама себе эту жизнь выбрала. Могла бы квартиру в городе купить. Могла и за границу укатить. А я вот... Огород копать. И мне она, эта новая жизнь, очень нравится.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. А если б у вас денег не было? Не смогли бы вы это хозяйство приобрести. Устроились бы на какую-нибудь занудную работу за нищенскую зарплату? Или жили бы на пенсию по инвалидности и побирались бы...

СЕРАФИМА. Мне гадать трудно. Только, наверно, и, нищенствую, я бы тоже радовалась. Божий свет, он добрый... Видеть его, дышать в нем... Уже праздник!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*смотрит на дорогу*). Праздник, Серафима, праздник. Кажется, гости к вам пожаловали. Посмотрите-ка.

СЕРАФИМА (*смотрит на дорогу*). И вправду... (*Радостно*.) Костик!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*мрачно*). Черт! Легок на помине... Да еще и не один... Бессовестный!

СЕРАФИМА. Прекратите! Иначе я вас уважать перестану!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Прихватил с собой таких же...

Появляется Костик, с ним двое молодых людей: один высокий, худой, другой – низкий, полный.

КОСТИК. Привет, Серафима! Поздравляю!

Они обнимаются. Костик сует ей в руки фигурку божка на шнурке.

Тебе. На счастье.

СЕРАФИМА (*восторженно*). О! Кто это?! До чего ж смешной!
В руки тепло идет. Спасибо!

КОСТИК. Я к тебе с гостями. Хочу, чтобы они тоже твое
второе рождение отметили.

СЕРАФИМА (*улыбаясь*). Я гостям всегда рада.

КОСТИК (*представляя*). Павел, а это Петр.

ПАВЕЛ. Павел... Поздравляем. Вам! (*Вручает букет полевых
цветов.*)

СЕРАФИМА. Боже мой! Красота-то какая! Спасибо!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*Костику зло*). А меня, стало быть,
здесь нет? Со мной можно и не здороваться?

КОСТИК. Почему же?.. Я кивнул.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ну, за кивок спасибо! Век не забуду!

СЕРАФИМА. Вы проходите в дом-то. Проходите... Сейчас
я провожу только...

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Подожди, Серафима. (*К гостям.*)
У вас документы имеются?

СЕРАФИМА. Да вы что! Сергей Николаевич!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. У меня в этих делах некоторый
опыт есть.

КОСТИК. Ментом работал?..

ПАВЕЛ (*протягивая студенческие билеты*). Пожалуйста.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*разглядывая*). Студенты, стало
быть. Братя? Фамилия-то, какая странная: Грешаны.
Украинская, что ли?

ПАВЕЛ. Отчего же? Русская.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Видок у вас, я скажу...

ПАВЕЛ. Лето. Пыль. Жара. Мухи.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Мухи?

ПАВЕЛ. Они! Комары еще. Муравьи. Жуки.

КОСТИК (*с иронией*). Тушканчики.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Кто?

ПАВЕЛ. Звери разные. Бегают.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ах, звери...

ПАВЕЛ. Мы, собственно, в Астрахань направляемся. С Кос-
тей мы в автобусе познакомились. Он предложил нам
передохнуть, привести себя в порядок. О чудесном
исцелении Серафимы рассказал.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Какой Костик заботливый.
В чужой дом приглашать не накладно. Ответственнос-
ти никакой.

СЕРАФИМА (*растерянно*). Сергей Николаевич! Я прошу вас!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Весь дом испоганят. Им ведь неде-
лю отмываться, Серафима.

СЕРАФИМА (*возмущенно*). И отмоются. Что ж здесь страш-
ного?!

ПАВЕЛ. Какой вы невежливый.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Какой есть!

КОСТИК. Ответственный работник. Семь классов образо-
вания.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Про себя говоришь?

КОСТИК. Я безответственный.

ПАВЕЛ. Мы бы от бани не отказались. У нас и белье чистое
имеется.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Смотри-ка ты, запасливые.

ПАВЕЛ. Мы с виду только такие... Неприбранные. На самом
деле мы очень даже чистоплотные.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. А что ж твой брат все молчит?
Язык проглотил?

ПАВЕЛ. Приболел он в дороге малость.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Приболел? Чем же это?

СЕРАФИМА (*решительно. Ребятам.*) Идите в дом! Идите! Кос-
тик, ты там знаешь, где что! Я думаю, в угловой ком-
нате поместитесь. Пусть располагаются... Я сейчас...
Поесть приготовлю. Идите!

КОСТИК. Спасибо, Серафима. (*Сергею Николаевичу.*) При-
едешь в город, обязательно сходи мозги проверь.
А то... мало ли... Начальство не поймет.

СЕРАФИМА. Костик!

Костик и ребята уходят.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*вслед*). Это тебе надо... И не про-
верить, а вправить!

СЕРАФИМА. Перестаньте, Сергей Николаевич! Взрослый
человек. Что вы хотите?.. Глупо! Стыдно! Только меня
расстраиваете.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Приношу свои извинения. Но я исключительно из-за вас. У меня такой же сын растет. И я знаю, что от них можно ожидать.

СЕРАФИМА. Зачем же сразу плохое думать?!

Шум подъезжающего автобуса.

Вот... и автобус ваш. Прощайте.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Он не мой, он государственный.

Да не сердитесь вы! Пока остальные не приехали, я одну вас с этими не оставлю.

СЕРАФИМА. Сергей Николаевич! Что значит, с этими? И потом... Я кто? Дитя малое? Поезжайте! Следующий – только завтра утром будет.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*решительно*). Именно. Завтра и уеду. Вы же меня сами уговаривали.

СЕРАФИМА (*растерянно*). Уговаривала. (*Смирившись*.) Как хотите.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Обещаю вам вести себя хорошо.

Баньку им растоплю...А то они ведь так в грязи и будут пребывать! И прослежу, чтобы там всё было путем.

СЕРАФИМА. Хорошо. Только вы, пожалуйста, помягче... Я рада, что вы остаетесь. К тому же сами собирались вчера попариться...Вот и повод. Может быть...найдете общий язык.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. С ними? Да вы что! Простите, но... Проследить – прослежу...Чтобы они тут себя вели по-людски. А так... Только ради вас!

Появляется Костик.

Поговорю с этим... И вещички в дом занесу...

СЕРАФИМА. Я прошу вас...

КОСТИК. Неужели остаться решил?

СЕРАФИМА. Да... Я попросила. Он сейчас баньку подготовит. Ребята помоются с дороги. (*С любовью*.) Голодный? Я быстро. Мне только подогреть...

КОСТИК. Перебьемся, Серафима. Не суетись. Мы в дороге заглотнули.

СЕРАФИМА. Да что вы там... В дороге! Сухомятку-то! (*Пошла, обернулась*.) Чтобы без меня здесь никакой ругани! Поняли? Иначе обоих выгоню! (*Уходит в дом*.)

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*пауза*). Если они чего учюдят, я за себя не отвечаю.

КОСТИК. Да ради бога. Только раньше времени смотри, не взбеленись, а то, мало ли, сердечко не выдержит... «Скорая» приехать не успеет.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*сплюнув*). Не человек ты, а...

КОСТИК. А кто?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Посовестился бы дружков своих сюда притаскивать. Здесь тебе не притон!

КОСТИК. Ну да? А по-моему, самое подходящее место для групповухи.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Дождешься... Я смотрю-смотрю, да и...

КОСТИК (*спокойно. С улыбкой*). Буду только рад!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Пошел ты! (*Уходит в дом*.)

Костик осматривается и закуривает. Сзади незаметно подкрадывается к нему молодая женщина пышных форм и закрывает ему глаза руками.

ЖЕНЕЧКА. Ля-ля! Кто я?

КОСТИК (*обхватив руки*). Кто ж тебя не узнает, Женечка?! Разве что мертвый.

ЖЕНЕЧКА. Фу-фу! Какой ты! Я сюда на крыльях можно сказать летела. Наконец-то, думаю, увижу этого обормота. И нате вам!

КОСТИК. Извини, настроение поганое. Душа дергается.

ЖЕНЕЧКА. А мы ее успокоим.

КОСТИК. Там тебя Николаич дожидается. Специально остался.

ЖЕНЕЧКА (*присаживаясь*). Он дождется. Что? Уже поцапались?

КОСТИК. А то нет.

ЖЕНЕЧКА. У меня дома муж остался – такой же зануда, как Николаич.

КОСТИК. Мужей нельзя бросать.

ЖЕНЕЧКА. Всё-то ты знаешь. Я его вроде бы люблю, Костик, но не каждый день. Каждый день – скучно. Да и потом... Ошиблась я, видимо.

КОСТИК. Во как! Машину-то, где оставила? Или на автобусе?

ЖЕНЕЧКА. Без разлюбезного сюда на «мерсе»? Да он удавится. На общественном транспорте потела. Ох! Тоска меня с ним берет. Один день люблю, другой – ненавижу.

Пауза.

КОСТИК. Как твой бизнес? Процветает?

ЖЕНЕЧКА. Растем и множимся. Может, мне бросить его?
(*Ласкает Костика.*)

КОСТИК. Ты меня спрашиваешь, как специалиста по мужчинам?

ЖЕНЕЧКА. Я серьезно.

КОСТИК. Я тоже. Ты надолго?

ЖЕНЕЧКА. На неделю. Эх! Оторвусь у Фимки по полной программе. И пусть мой мужик там на стенку лезет со своим бизнесом!

КОСТИК (*с иронией*). Какая ты жестокая.

ЖЕНЕЧКА. Я не жестокая, я одинокая при муже.

Появляются ребята. Женечка удивленно смотрит на них.

Боже ж мой! Кто это?

КОСТИК. Гости. (*Представляет.*) Знакомься: Павел и Петр.

ЖЕНЕЧКА. Твои дружки?.. Краса-авцы. (*Протягивает руку.*)
Евгения Семеновна Спиридонова. Для своих – Женечка.

ПАВЕЛ. Очень приятно.

ЖЕНЕЧКА. Да-а. Круто... Пойду в дом. Поздоровуюсь да поздравлю Серафиму. До встречи, мальчики. (*Уходит.*)

КОСТИК. Расположились?

ПАВЕЛ. Само собой.

КОСТИК. Женечка – доброй души человек. Но порой ее бывает слишком много. Заносит.

ПАВЕЛ. А Николаич из откуда?

КОСТИК. Из большого города. Вы на него не обращайте внимания. Он тут гость, как и все. На равных правах. Серафима всех нас когда-то... Вытащила... Некоторым образом, спасла. Оказалась в нужный момент и в нужном месте. Ну и...

ПАВЕЛ. Вроде как из петли вытащила?

КОСТИК. Одного и из петли. Он сейчас за границей живет. Во Франции. Сюда редко заявляется. Короче, каждого, по своему поводу... Но... Спасла. Нам бы после всего... Оставить ее в покое. Отблагодарить, да и... Не тревожить. А мы все... Как мухи на сладкое. Здесь словно на другой планете живешь. Если б не работа... Застрял бы до конца жизни. Есть в Серафиме что-то... Слова какие-то находит... особенные... Да и умеет произносить их... Так что потом... на душе легко. Свет от нее. Да и место это, словно заговоренное... Манит. Притягивает.

ПАВЕЛ. И много вас таких?

КОСТИК. Да, наверно, хватает. Думаю. А может, и нет. Что тут и кто тут, без меня, – не знаю. Но мы меж собой вроде как в друзьях. Со всеми, с кем встречаемся. Я человек шесть знаю.

Появляется Сергей Николаевич. Он переоделся.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*напряженно*). Серафима вам там приготовила...

КОСТИК (*с иронией*). Только после бани! Мы грязные не кушаем.

Сергей Николаевич тяжело вздохнул и пошел готовить баню.

ПАВЕЛ. Может, лучше поедим сначала? Все-таки приготовила... Руки мы помыли.

КОСТИК (*посмотрев сочувственно на ребят*). Можно и поесть... Подождите. (*Уходит в дом.*)

ПЕТР. Я тащусь! Еще таких полчаса – и меня нет.

ПАВЕЛ. Перебьешься. Бог терпел – и нам велел.

ПЕТР (*возмущенно*). Если б я знал...

ПАВЕЛ. То что? Что?! Кто бы тебя спросил?!

ПЕТР. Да я... Нет! Какого... Нельзя, что ли, сразу? Мы чего?..
Ждать будем?!

ПАВЕЛ. А ты думал? Раз – и готово?! Соберутся когда все,
тогда и...

ПЕТР. Чума!

На дороге шум проезжающей машины.

ПАВЕЛ. Поднахватался выражений! Слабая у тебя натура.

ПЕТР (*обиженно*). У меня? У меня?!

ПАВЕЛ. А у кого? Лик бы свой поганый умыл. А то смотреть
на тебя тошно.

ПЕТР. Че! Я? (*Кричит.*) Да если хочешь, я мыл...

ПАВЕЛ. Не вопи ты, олух! Сбегутся все, я посмотрю тогда...

ПЕТР. Не сбегутся.

Со стороны дороги появляется Алексей Львович. В руках у него две сумки с подарками.

О! Ба-на!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Добрый день!

ПАВЕЛ и ПЕТР (*хором*). Здравсте.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Серафима дома?

ПАВЕЛ и ПЕТР (*хором*). Дома-дома!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*растерянно*). А вы...

ПАВЕЛ. Гости.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ А-а-а... Из зарубежья?

ПАВЕЛ. Не-е-е... Мы местные.

ПЕТР (*запричитал*). Люди добрые, помогите! Попали мы
сюда...

ПАВЕЛ (*толкая Петра*). Заткнись!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*растерянно*). Да. Понятно. (*Потоптавшись, идет в дом.*) Ну... Я в дом...

ПАВЕЛ. Пожалуйста-пожалуйста. (*Петру.*) Ну ты и придурок!

ПЕТР. Пошутить нельзя?

ПАВЕЛ. Можно. Только шутки у тебя утробные, глупые.

ПЕТР. У-е-ньть?!

ПАВЕЛ. Прекрати! Не оскверняй мой слух!

ПЕТР. О-е!

ПАВЕЛ (*кричит*). Тебя никогда не вернут! Никогда! Будешь
ты гореть в геенне огненной.

ПЕТР. А ты поторчи с мое! Не фиг было задерживаться!
Я сутки без тебя болтался.

ПАВЕЛ. Надо было знать, где болтаться.

ПЕТР. Да здесь где ни болтайся, везде одна гниль!

ПАВЕЛ. Лжешь! Искал плохо.

ПЕТР. Слушай... Не строй из себя...

ПАВЕЛ. Я никого не строю. Я, какой есть! А вот ты...

Возвращается с тарелкой в руках Костик.

КОСТИК. Налетай!

ПЕТР. О-ба-на! Котлетки! (*Хватает рукой котлету.*)

ПАВЕЛ (*бьет по руке*). Не лезь пальцами! Видишь, тебе вилка
дадена.

ПЕТР. Ты че! Охренел!

КОСТИК. Больно ты строгий, Павел.

ПАВЕЛ. А с ним иначе нельзя! Дай только волю... Распустил-
ся шибко.

КОСТИК. Ну, тебе видней. Ждите, короче, баню, а я в доме
буду. С Алексеем Львовичем хочу полялякать. Видели?
Он у нас артист. В настоящем театре работает.

ПЕТР. Иди ты?

КОСТИК. Правда! (*Уходит.*)

ПЕТР. Если ты не прекратишь меня третировать, я уйду.

ПАВЕЛ. Уходи. Я и один справлюсь.

ПЕТР (*кричит*). Ах, вот как! Я для тебя...

Появляется Сергей Николаевич.

ПАВЕЛ. Не вопи. Час омовения пришел.

ПЕТР. Я молчал и буду молчать!

ПАВЕЛ. Напугал.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Идите, готовьтесь. Ничего там не
трогайте. Я сейчас подойду. Одних вас не оставлю, не
надейтесь. (*Уходит в дом.*)

ПЕТР. Принципиальный мужик.

ПАВЕЛ (*вдруг тихо и горько*). Петя... Если ничего не выйдет,
я удавлюсь. И хрен с ними... с последствиями.

ПЕТР. Да ладно тебе... Почему не выйдет-то?..

ПАВЕЛ. Сил нет пребывать здесь. Домой хочу, Петя! *(Плачет.)*

ПЕТР *(успокаивая)*. Ну вот... Тихо-тихо... Все клево! Все на мази!

ПАВЕЛ *(вдруг)*. Не смей говорить так! Слышишь! Не смей!

ПЕТР. Не буду. Делов-то!.. Сейчас попаримся. Очистимся от скверны. И снизойдет на нас благодать божья.

ПАВЕЛ. Прибью, Петька! Вот этими вот руками прибью!

Гонится за Петром, тот от него убегает в баню. Возвращается Сергей Николаевич, за ним – Серафима и Костик.

СЕРАФИМА. Только вы недолго, хорошо? Скоро все соберутся.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Я-то быстро. Лишь бы эти... Не напакостили там...

КОСТИК. У «этих» имена есть...

СЕРАФИМА. Да почему ж обязательно напакостить?! Я, Сергей Николаевич, сегодня сама не своя, но и с вами тоже что-то происходит... Никогда вы так не...

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Да они одним видом своим оскверняют это место. Извращенцы! Извините. Пошел я... *(Уходит.)*

Пауза.

КОСТИК *(печально)*. Это он из-за меня. Мало, что я – один. Так еще, понимаешь ли, друганов привел. Разврат. Да и ревнует.

СЕРАФИМА. Будет тебе.

КОСТИК. Будет-то будет, а...

СЕРАФИМА. Он добрый.

КОСТИК. Заметно.

СЕРАФИМА. Каждый из нас в чем-нибудь да заблуждается.

КОСТИК. Я-то привычный, а ребята... Могут не выдержать. Физиономию ему покалечат. Отвечай потом.

СЕРАФИМА. Глупости говоришь. Не покалечат. Лучше расскажи, как дела? Я каждое утро просыпаюсь и вижу твои рисунки. Сразу хочется улыбаться. Мне страсть

как нравится. А что это за божок? *(Трогает фигурку, которая висит у нее на шее.)*

КОСТИК. Отвечает за удачу и благополучие дома. Сам, между прочим, вырезал.

СЕРАФИМА. Красиво. *(Пауза.)* Как живется?

КОСТИК *(с отчаянием, решившись)*. Да хуже... Здесь... В груди... Тошно.

СЕРАФИМА. Опять... Виделся с кем? Или друзья замучили?

КОСТИК. Какие ж друзья?! Нет у меня их. За три километра обхожу... Чтобы забыться. Не думать. Только толку. Ты прости. Невмоготу. Накатывает. Да и всё тут! Каждый день сны сняться. Никакие молитвы не помогают. Это же помимо меня, Серафима! Лица. Объятия. Любовь! Господи! За что мне?! *(Опускается на колени перед Серафимой.)* Прости! Прости... Роденькая ты моя!

СЕРАФИМА. Тихо! Тихо. Встань! Костик!

КОСТИК *(утыкаясь в колени)*. Я бы рад бы... чтобы как у всех...как у людей! А не получается! Не могу! Ты же знаешь, что никакие доктора мне не помогут! Научкой доказано!.. А я хочу, чтобы как у всех! Семью хочу, милая моя! Детей! А с мужиком-то это как же?! Да и нет у меня никого. Если б был бы, может, и легче было! Но я, видишь ли, не позволяю! Нельзя! Что вокруг скажут?! Вот и получается: ни два ни полтора. Серафима! Солнышко ты мое! Научи! Подскажи! Я ведь на улице, как увижу мужское лицо красивое – глаза в землю! И что б – ни-ни. А во мне так все и переворачивается... А я борюсь! Борюсь! А ночью – сны! И никуда от них не деться! Никуда! Как все хочу быть, милая моя! Золотко мое!

СЕРАФИМА. Все будет хорошо, мой дорогой! Все наладится!

КОСТИК. Ничего не наладится, Серафима! Ничего! Нет выхода. Тупик!.. Просто я должен терпеть, смириться. А я не хочу! Либо жить, либо... Я желаю жить! Отпустить себя! Позволить себе! Ты единственная, кто...

СЕРАФИМА. Всё образуется, Костик. Надо верить... Правда, хороший мой. Всегда должен быть выход. Всегда. Я вон с того света вернулась. Новую жизнь начала.

И мне теперь кажется, что весь мир мне подвластен. Вспомни, что я тебе тогда говорила...

КОСТИК. Я помню, я очень хорошо помню. Потому тебе и открываюсь. Больше никто меня не поймет. Если бы мать была жива... Хотя нет!. Еще хуже было бы. Она была набожная у меня. Она бы меня прокляла.

СЕРАФИМА. Не наговаривай на себя!

КОСТИК. Напрасно ты отвезла меня в тот вечер в больницу.

СЕРАФИМА (*испуганно*). Что ты говоришь?!

КОСТИК. Не надо было бы мучиться. Всё закончилось бы само собой.

СЕРАФИМА (*жестко*). Не смей!..

КОСТИК. Надоело, Серафима! Не могу совладать с собой.

Да и почему?! Ради чего я должен себя преодолевать?! Знаешь, у меня там, внутри, по-прежнему... Такая боль одолевает, что впору... Я вроде бы опять влюбился.

СЕРАФИМА (*растерянно*). Влюбился?

КОСТИК. Кажется. Он лет на десять меня старше. Может, и больше. Короче, в отцы годится. Я же никогда не видел своего отца. Никогда. Мать даже не рассказывала о нем. А я и не спрашивал. Точнее, она запретила спрашивать. Я знаю только, что он сильным был. Я люблю сильных... Настоящих... Я всегда мечтал иметь отца. В детстве... Да и в юности... Часто блуждал по улицам в поисках воображаемого призрака. Думалось: стоит только подойти, познакомиться... Он должен был быть почти таким, как тот, кого я встретил. Мужик что надо!

СЕРАФИМА. Хорошо. Это же хорошо!

КОСТИК. Если бы... Вокруг него женщины, словно пчелы...

Он таких, как я, презирает. И считает извращенцами. Ох! Мне рядом с ним делать нечего. Мне... Ничего не остается, как только...

СЕРАФИМА. Не смей! Мир огромен, Костик!.. В нем столько всего... Прекрасного. Столько...

Появляются Женечка и Алексей Львович.

ЖЕНЕЧКА (*увидев Костика и Серафиму, которая успокаивая, гладит Костика по голове*). О! Извините! Мы прогуляться вышли.

Костик быстро отстраняется и уходит в сторону дороги.

СЕРАФИМА. Подожди! Куда ты?

Пауза.

Ушел. Глупый....

ЖЕНЕЧКА. Молодой.

СЕРАФИМА. Кто бы говорил. Тоже мне, старуха.

ЖЕНЕЧКА. Да уж не девочка. Помешали мы...

СЕРАФИМА. Скоро за стол сядем.

ЖЕНЕЧКА. Мария Иванна заявится?

СЕРАФИМА. Неизвестно. Написала, что болеет. Миша вот обещался приехать.

ЖЕНЕЧКА (*радостно*). Мишка? О-ля-ля! Философ наш несостоявшийся. Мы же в мае его не лицезрели. С превеликим удовольствием его повидаю.

СЕРАФИМА. Он в мае к своей второй жене катался.

ЖЕНЕЧКА. На кой ему это, интересно?

СЕРАФИМА. Уж не знаю. Что вы нынче молчите, Леша?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Как-то получается так. От радости, наверно, что вас увидел.

СЕРАФИМА. Что нового в театре?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Всё – и ничего. Новую роль дали.

СЕРАФИМА. Какую же?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Лао Цзы играть буду.

ЖЕНЕЧКА. Кого?

СЕРАФИМА. Господи! Это кто же?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Был такой великий китайский мыслитель. Философ. Написал великую книгу «Дао».

ЖЕНЕЧКА. Серафима, может, этот Лао твой дальний родственник?

СЕРАФИМА. Да ну тебя! И как работается?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Отлично. Дзеном увлекся.

ЖЕНЕЧКА. О-ой! Всё! Потеряли мы мужика, Серафима.

А я-то планы строила.

Шум подъезжающей машины.

Приехал кто-то.

СЕРАФИМА. Бывает, что чужие останавливаются. Незнакомые. То воды попить, то про дорогу спрашивают.

ЖЕНЕЧКА. Ты с чужими-то поосторожней, Фима. Время беспокойное.

СЕРАФИМА. Дзен – это религия такая?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Нет. Образ жизни. Взгляд на мир. Думаю, вам он, как никому, понятен должен быть.

СЕРАФИМА. Мне?

Появляется Мария Ивановна.

ЖЕНЕЧКА. Потому что ты – Сан! Я ж говорю: родственник. *(Быстро переключившись.)* А кого мы видим! Мария Иванна! Собственной персоной. Легка на помине. Как же мы рады-то!

Все с Марией Ивановной здороваются.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Боялась, что не смогу. Но собралась все-таки, дорогие мои. Правда, еле доехала. В машине духота. Голова что-то...

ЖЕНЕЧКА. Ясно, Мария, присоединяйся к нам. У нас тут знакомство с другим образом жизни. Учимся на мир, как китайцы, смотреть.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Это еще зачем? Мы по-русски-то не умеем...

СЕРАФИМА. Да не слушайте вы ее! Она скажет.

ЖЕНЕЧКА. Нет позвольте! Я женщина серьезная! Бизнесом занимаюсь. Меня китайцы очень интересуют. У них там сейчас расцвет. Рост благосостояния. Я желаю поучиться. Хочу тоже расцвести.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Неугомонная ты, Женя. Гляжу на тебя и люблюсь...

ЖЕНЕЧКА. Любишься, Мария, любишься! В своем исполкомето и глаз положить не на кого.

МАРИЯ ИВАНОВНА *(Серафиме)*. У меня ведь подарок тебе. *(Разворачивает один из пакетов, с которыми приехала.)*

ЖЕНЕЧКА. Подарок – это святое. Без подарка Серафима тебя за стол не посадит.

МАРИЯ ИВАНОВНА *(протягивает фиолетово-желто-зеленую вазу)*. Специально для полевых цветов.

СЕРАФИМА *(растерянно)*. Мария Ивановна! Дорогая! Как же я благодарна вам!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Нравится?

СЕРАФИМА. Спасибо. Очень... выразительная.

ЖЕНЕЧКА *(с иронией)*. Вся в Марию. Особенно цвет. Китайская?

МАРИЯ ИВАНОВНА *(растерянно)*. По-моему, нет. Наша.

ЖЕНЕЧКА. Наша-то еще лучше. Дольше простоит.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ *(поднимаясь)*. Пойду прогуляюсь, пожалуй.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Лешенька, а вам нравится?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Да... Солидная.

СЕРАФИМА. Пора, наверно, картошку ставить.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Я смотрю, ты совсем неденрожденная. Думала, у плиты тебя застану. Помощь понадобится. А ты тут прохлаждаешься. О китайцах слушаешь. Нельзя так, моя милая!

ЖЕНЕЧКА. Мы тебя ждали.

Серафима встает.

Сиди, Фима. Мы с Марией все сделаем.

СЕРАФИМА. Да там почти готово. Картошка только... Пора, наверно, на стол накрывать. Сейчас ребята с Сергеем Николаевичем вернутся.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Что за ребята? Сыновья его?

СЕРАФИМА. Друзья Костика. Куда это он запропастился? Может быть, мы здесь расположимся? На свежем воздухе.

ЖЕНЕЧКА. А ты как думала? Естественно, на воздухе. *(Марии Ивановне.)* Пошли, Машка! *(Уходит в дом.)*

МАРИЯ ИВАНОВНА. Сиди, отдыхай, новорожденная. *(Показывая на подарки.)* Я там на стол положу?

СЕРАФИМА. Конечно, Мария Ивановна. Я сейчас присоединюсь.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Да ладно уж! *(Уходит в дом.)*

СЕРАФИМА (*через паузу*). Надо бы Костика найти. Он такой нервный.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Как в пьесе Чехова.

СЕРАФИМА. Что? В пьесе?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Придет... Он хочет дом поблизости купить. Говорит: продают.

СЕРАФИМА. Да кто же это? Филишповы, что ли, продают? Так они далеко. Вот глупый, что придумал. У него такая профессия прекрасная. Редкая. Видели, как он мне гостиную украсил? И заказов у него много. Я случайно узнала, когда в город ездила. Сказали: не успеваешь справляться.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. На заказы он может и отсюда выезжать. Пусть покупает. К вам поближе, от греха подальше.

Пауза.

СЕРАФИМА. Считаете, от греха? Природа... она ведь не спрашивает.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Согласен. Не спрашивает. Особенно, когда любовь.

СЕРАФИМА. Во-от!..

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*садится. Тихо*). Давайте поженимся, Серафима, а?

СЕРАФИМА (*растерянно. Садится.*) Господи! Леша! Вы что такое говорите?!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Я люблю вас.

СЕРАФИМА. Вы... Зачем?..

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Я хочу жить здесь, с вами. Бросить к черту театр. Устал я от него. Да и сегодняшний театр не для меня. Я его не понимаю и не принимаю. Почему я должен жить не так, как желается! Я безумно тоскую без вас. Я... хочу видеть вас каждый день! Хочу любоваться вами! Наслаждаться! Дышать вами! Серафима! Вы такая... Ничего мне в этой жизни не надо, только бы быть рядом. Соглашайтесь, а?!

Пауза.

СЕРАФИМА. Будете со мной вместе огород копать и за живностью ухаживать?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Буду!

СЕРАФИМА. Навоз собирать. Сено косить. Вставать в пять утра.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Буду! Это же настоящая работа! А театр... Нет настоящего театра! Есть суррогат. Подмена. Маргарин. Я не могу играть в современных чернушных пьесах, претендующих на правду жизни. Играть в классике в угоду самовыражениям режиссеров еще ужасней. Я задыхаюсь. Меня всего переворачивает, когда я слышу, что эти гении говорят и что делают. Когда я смотрю спектакли, где играл мой отец, я... я чувствую себя ничтожеством... А мои кумиры, мои любимцы юности... Во что они превратились! Серафима! Они изменили всему, что было в них прекрасного! Коммерсанты! Они стали коммерсантами от искусства!

СЕРАФИМА. Ну уж не все, наверное.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Да почти все!

СЕРАФИМА. Леша... Вы не сможете жить здесь. А я не смогу жить в городе.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Глупости! Я давно мечтаю всё бросить. Уехать в деревню и начать жизнь заново.

СЕРАФИМА (*тихо*). Заново. Говорите, почти как Сергей Николаевич.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. При чем тут Сергей Николаевич? (*Смотрит внимательно на Серафиму.*) Вы любите его, да?.. (*Отвернувшись и отходя.*) Да! Конечно же!.. Извините. Он хороший... Да... Но вряд ли он оставит семью. Хотя... Всё может быть.

СЕРАФИМА. Я не люблю Сергея Николаевича... Нет... Я люблю его, как человека. Как люблю всех вас. Но... У меня нет того, кто... Я еще до сих пор не оправилась после случившегося. Какая любовь, Леша?!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*внимательно разглядывая Серафиму*). Кто же тогда?

СЕРАФИМА (*растерянно*). Что?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Кто ваш избранник?.. Неизвестный мне человек? Тот, что приезжал на мотоцикле?

Серафима качает головой.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*вдруг*). Неужели Костик?

СЕРАФИМА (*испуганно*). Что «Костик»? С чего вы взяли?!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*через паузу*). Бог мой! Невероятно!..

СЕРАФИМА. Не придумывайте!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*тихо*). Как нелепо... Как... Смешно. Очень смешно!

СЕРАФИМА. Что смешного?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Извините! Нет. Я... слепой. Конечно же! Да! Идиот! Как же я...

СЕРАФИМА (*через паузу*). Вы не меня, Леша, любите. Вы любите свою профессию. И без нее вам не жить. Через неделю вы затоскуете, страдаете... И я вас не спасу.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Нечего в ней любить! В профессии... Нынче дилетантизм в почете. Искусством правят дилетанты и денежные мешки. В лице скурвившихся талантов. Я нужен, как раб. Рабочая сила. Меня попользуют и бросят.

СЕРАФИМА. Нельзя так, Леша!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Нельзя. Но Театра нет. Он пережил духовный Чернобыль. И превратился в мутанта. В дойную корову с четырьмя ногами и двумя головами. Да ладно... Теперь всё ясно.

СЕРАФИМА (*тихо*). Вы мне очень нравитесь... Но... Я всей душой понимаю вас.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Спасибо. Что бы вы ни говорили, я все равно вас люблю. Да! Люблю! Даже еще больше. Вы такая... Прекрасная.

СЕРАФИМА. Вот еще!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Вы мне глаза открываете! Прозреваю с каждой встречей. Честное слово. Вот и сегодня... Услышал – и прозрел. Как у Метерлинка в «Синей птице» Тиль-Тиль. Помните? Мы читали с вами прошлым летом. Только у него наоборот... Но прозревать

всегда полезно... И я все равно буду приезжать и просить вас... Надоедать. Как Медведенку у Чехова в пьесе «Чайка». До тех пор, пока вы...

СЕРАФИМА. Пока я не перестану вас пускать. (*Через паузу*.) Ничего не изменится. Я люблю его. И кажется, сильно. Он... – другой. И я – другая. Мы... понимаем другу друга. Чувствуем, что ли. Я слышу его боль...

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Жалеете...

СЕРАФИМА. Нет! Вы не правы. Может быть, вам трудно понять... Как и многим...

Со стороны дороги появляется Михаил, на руках он несет Костика.

СЕРАФИМА (*увидев, с криком бросаясь к Михаилу*). Господи! Миша! Что случилось? Что с Костиком?!

МИХАИЛ (*укладывая Костика на скамейку*). Тихо, Серафима! Тихо! Все путем.

СЕРАФИМА (*опускаясь на колени перед Костиком*). Костик! Миша! Скажите! Что с ним?!

МИХАИЛ (*усаживается и закуривает*). Жить будет. Руки-ноги целы... Хотел, видимо, уехать. Машину ловил. Вероятно. Не бойтесь... Оклемается. Пусть на свежем воздухе пока полежит.

СЕРАФИМА. Его сбила машина?! Да? Господи! Миша! Несите его в дом! И надо сейчас же вызвать «скорую»!

МИХАИЛ. Спокойно! Вы мне не доверяете?

СЕРАФИМА. Нет. То есть... Но вы же хирург...

МИХАИЛ. Вот именно. И прошу вас не волноваться. Он скорее от страха упал, чем от машины. Может, какая царапина и имеется...

СЕРАФИМА. Царапина! Алексей Львович! Надо что-то делать... (*Шепчет.*) Костик! Костик! Это я виновата...

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Серафима! Миша всё знает. Успокойтесь.

СЕРАФИМА. Да как же «успокойтесь»?

МИША (*Алексею Львовичу*). Неразделенная любовь?

СЕРАФИМА. Миша!

Выходит Женечка и замечает Михаила.

ЖЕНЕЧКА. О-ля-ля! Мишка! Черт рогатый! (*Бросается к нему.*) Как же я рада! (*После объятий замечает лежащего Костика.*) Это еще что?

СЕРАФИМА (*потерянно*). Его машина сбила.

ЖЕНЕЧКА (*растерянно*). Шутите?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Так сказал Миша.

ЖЕНЕЧКА. И какого фи́га вы здесь стоите и созерцаете?

МИША. Ему полезен свежий воздух.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Вроде бы ничего страшного.

ЖЕНЕЧКА. Да вы чего его слушаете! Это же не врач, а мясник. Ну-ка, быстро тащите тело в дом! Если, конечно, его можно тащить.

СЕРАФИМА. Кажется, можно.

МИША (*встает и берет Костика на руки*). Пожалуйста! Как скажете, мадам. Но его жизни ничего не угрожает. Разве что вы. Лично.

ЖЕНЕЧКА. Угрожаю. Тебе. Бесчувственный маньяк!

МИША. Ты с кем-то меня путаешь. Я профессионал высшего класса.

ЖЕНЕЧКА. Иди-иди, профессионал!.. (*Серафиме.*) Что произошло-то?

Миша несет в дом Костика. Все идут за ним.

СЕРАФИМА. Я толком так и не поняла... Миша сказал, что он собирался уехать. И голосовал на дороге... (*Уходят.*)

Появляются переодетые и умытые Петр и Павел.

ПЕТР. По-моему, он чокнутый.

ПАВЕЛ. Это не он чокнутый, это ты используешь запретные методы. И боюсь, от этого только хуже будет.

ПЕТР. Ничего подобного! На ловца и зверь бежит. Надо всех любить и жалеть!

ПАВЕЛ. Кто бы говорил! Петька! Одумайся!

ПЕТР. Нет в том моей вины!

ПАВЕЛ. Хватит, брат, шутить! Мы отсюда не выберемся никогда! (*Садится на скамейку, печально.*) «Я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах».

ПЕТР. Кошунствуешь, брат.

Мимо молча проходит в дом Сергей Николаевич. Он тоже переодется. Взгляд его какой-то потерянный. Что-то его сильно тревожит.

О-ба-на! Даже не посмотрел в нашу сторону.

ПАВЕЛ. Еще бы! Я бы на его месте... Онемел...

ПЕТР (*страстно*). Как воды цветок в пустыне жаждет, так я жажду пожрать.

ПАВЕЛ. Тьфу на тебя! (*Уходит в дом.*)

Петр идет за ним.

ПЕТР. Не подражай Николаичу. У тебя это плохо получается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

То же место перед домом. Теплый вечер. Появились стулья и небольшой стол. На столе – солидный подсвечник с пятью свечками, бокалы и несколько рюмок, открытая бутылка водки, блюдо с ягодами и фруктами. Из дома выходят сначала Серафима с Сергеем Николаевичем, потом Петр и Павел, за ними Костик с перевязанной головой, следом Мария Ивановна с Алексеем Львовичем, Женечка и Миша с гитарой. Серафима зажигает свечи, Миша садится на скамейку и начинает что-то наигрывать на гитаре, у Женечки в руках бокал с вином, у Алексея Львовича – бутылка вина и блюдо с бутербродами, которое он ставит на стол. Видно, что Женечка, Миша, Сергей Николаевич и Костик выпили больше остальных. Сергей Николаевич явно нервничает, периодически блуждая по участку. Костик сначала стоит у забора, а потом из стульев устраивает себе ложе.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*продолжая разговор*). Ужасно то, что поменялся плюс на минус! Живое искусство воспринимают, как мертвое, а мертвое – как живое. И у народонаселения и у критиков сместились понятия, если вообще таковые были.

МИША. Я плохо, Лешка, разбираюсь в искусстве, а уж в искусстве театра, тем более.

ЖЕНЕЧКА (*кричит*). Воздух! Наконец-то воздух!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Очень хорошо посидели, правда?! И все было так вкусно.

МИША. Особенно ваш крабовый салатик.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Вам не понравилось, Миша?

МИША. Что вы! Я в восторге. Теперь поспать бы.

ЖЕНЕЧКА. Не смешно.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*Мише*). А мэтры скурвились. Продались. И, по-моему, тоже перестали что-либо понимать. Деньги затмили все.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*многозначительно*). Власть денег страшнее власти партии.

МИША. Неужели?.. Леша, я простой обыватель. Пошлость, само собой, терпеть не могу. Но люблю отдохнуть. И, вероятно, хаваю то же, что и толпа. Что сделаешь?! Я тоже зомбированный.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. А дети!

ЖЕНЕЧКА (*заинтересованно*). Что «дети»?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Кому нужны сегодня в нашем государстве дети? Что за страна, которая так убого заботится о детях?! Эти жалкие поддачи правительства смехотворны. Я из первых рук знаю, как пытаются свести концы с концами театр, где больше половины – спектакли для юных. А положение дел в детской литературе...

МИША. А нищета в глубинке? Положение дел у нас в медицине... Леша, ты наивен.

МАРИЯ ИВАНОВНА. А у нас в управлении...

ЖЕНЕЧКА. Всё, всё! Машка! Мы не на съезде. Я этими разговорами сыта, во как! Очень умно и интересно, но жажду обещанного. Быстро все рассаживаемся – и начинаем!

СЕРАФИМА. Честно говоря, я – против.

МИША. Против рассаживания?

ЖЕНЕЧКА (*с удивлением*). Почему? Фима! Ты боишься, что тебя разоблачат? Узнают, кто ты есть на самом деле?

СЕРАФИМА. Кто я есть, вы и так знаете. А вот мои мысли... Это что-то очень личное. Раскрыть их... На всеобщее обозрение... Стоит ли?

ЖЕНЕЧКА. А кто первый заинтересовался необычными способностями Петра и Павла?

СЕРАФИМА. Я. Но это же случайно произошло. И... Я предполагала... Гадание или... Двигать предметы.

МИША. Ого!

ПЕТР. Двигать мы тоже умеем.

ПАВЕЛ (*сквозь зубы*). Петр!

ЖЕНЕЧКА. Я тебе и сама могу погадать. А предметы поднимаем потом. Хочу чтение мыслей.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Не бойтесь, Серафима!. Уверен: всё это чистая афера. Авантюризм молодых людей.

ПАВЕЛ. Напрасно вы так думаете, Сергей Николаевич. Мы действительно умеем читать мысли.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Оба?

ПАВЕЛ. Оба.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. А почему у нас Петр молчит? (*К Петру.*) Этот дар вы получили в наследство от своей прабабки?

ПЕТР. У нас все в роду умеют читать мысли.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Удивительно!

ЖЕНЕЧКА. И сейчас читаете?

ПАВЕЛ. Ну что вы, Евгения Семеновна. Нам сначала надо настроиться. Чтение мыслей требует сосредоточенности. Должна быть определенная атмосфера... Много энергии... Да и мы вроде как... открываем, узнаём, так сказать, что за мысли в голове человек... То есть людей... Покоятся.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вот вам! «Открываем! Покоятся!» Что это?! Чужь собачья! (*Петру.*) Если бы вы на самом деле могли читать чужие мысли, то делали бы это всегда. Да и как мы узнаем, что это настоящие мысли? А не... просто глупые фантазии...

ПЕТР. Узнаете.

МИША. Я, например, умею шевелить ушами. Но мне трудно это делать постоянно. Мое умение тоже требует сосредоточенности и много энергии.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Лично я, как и Серафима, боюсь. Мне нечего скрывать от вас, но... Вдруг мои мысли кому-то не понравятся. Не все же можно обнародовать.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вы, Мария Иванна, слишком серьезно к этому относитесь. Правда, Петр?! Это же всего лишь игра! Фокус!

ПЕТР (*хмуро*). Никакой не фокус!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. А что вы обижаетесь?

ПЕТР (*возмущенно*). Я обижаюсь?

МИША. Мария Ивановна, вы всегда сможете отказаться от того, что наговорят наши дарования. Не вы говорили, значит, и мысли не ваши.

МАРИЯ ИВАНОВНА. А если они что-нибудь страшное наговорят?

МИША. Например, что вы часто напиваетесь или балуетесь травкой?

МАРИЯ ИВАНОВНА (*с вызовом*). Вот именно.

МИША. И что ж здесь страшного? Мы вам поможем избавиться от вредных привычек... Предлагаю разделиться. Пусть умельцы откроют мысли тех, кто этого жаждет. А остальные могут удалиться. Пойти, например, прогуляться. Или остаться с нами и просто послушать, о чем же мы думаем на самом деле.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Я согласен.

КОСТИК. Хорошее предложение.

СЕРАФИМА (*Костик*). Тебе лучше бы не участвовать в этой забаве.

КОСТИК. Отчего же?! Я готов и без них открыть свои мысли.

СЕРАФИМА. Костик! Тебе станет хуже...

КОСТИК (*нервно*). Куда уж хуже.

СЕРАФИМА. Я прошу...

ЖЕНЕЧКА. Так что мы решили? Принимаем Мишкино предложение или как?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Естественно, принимаем. Серафима, я вас прошу: отнеситесь к сеансу легче.

СЕРАФИМА. Я что, я, пожалуйста.

МИША. С кого начнем?

КОСТИК (*быстро, с вызовом*). С меня.

СЕРАФИМА (*поспешно*). Нет! Первая я. Я – хозяйка. У меня сегодня день рождения.

ЖЕНЕЧКА. Ты же не хотела.

СЕРАФИМА. Расхотела. (*Ребятам.*) Я готова.

ПАВЕЛ. Прекрасно. (*Сергею Николаевичу.*) Расслабьтесь и ни о чем не думайте.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вот! Пожалуйста! Я же говорил! Не расслабьтесь, они не то прочитают. Лукавите, Петр!

ПЕТР. Когда это я лукавил?!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Интересно. Для того чтобы вы открыли мои мысли, я должен ни о чем не думать?

ПАВЕЛ. Мы ловим мысли, которые покоятся в глубине вашей души.

МИША. Так вы, оказывается, ловцы мыслей?

ПАВЕЛ. Почти.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Но я могу думать о чем-то специально. Транслировать вам то, что хочу. У нас в студенческие годы было такое упражнение...

ПАВЕЛ. Разве то помеха? Ловится всё, что имеется.

СЕРАФИМА. А если у меня не получится расслабиться?

ПАВЕЛ. Не тревожьтесь. Главное, чтобы всё получилось у нас.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. А вы сразу вдвоем будете ловить или по очереди?

ПАВЕЛ. Петр принимает, а я – озвучиваю.

МИША. Ах вот как!

КОСТИК. Фантастика!

ЖЕНЕЧКА. Мужики, кончай болтать. Расслабьтесь и ни о чем не думайте!

МИША. Окружающие, ясная моя, думать имеют право.

ПАВЕЛ. Мы готовы.

СЕРАФИМА. Я тоже.

ЖЕНЕЧКА. Отпад! Гуляем по полной программе.

МИША. Полет в космос! Десять, девять, восемь, семь, шесть...

МАРИЯ ИВАНОВНА. Миша, вы мешаете.

МИША. Кому? Мария Ивановна! Вы прониклись ответственностью момента?

СЕРАФИМА. Мы так никогда и не начнем.

МИША. Нем, как рыба.

Тишина.

Павел и Петр сначала стоят рядом, потом Петр садится. Глаза их сначала закрыты. Павел начинает говорить, но звучит голос Серафимы.

СЕРАФИМА. Павел: Нужно было не соглашаться. Мысли... Раз-раз... И фьють. Разве можно их прочитать? Их всегда так много. Попробуй, поймай. Зачем я позволила? Дурочка у дороги. Ничего хорошего из этого не выйдет. За Костика боюсь. Он начнет...про свое... Из души. Из сердца. А далеко не все в состоянии понять. Сергей Николаич может устроить скандал. Зачем? Почему мы такие... Непримиримые, что ли...То, что не понимаем, считаем плохим. Ох! Надо бы забор покрасить. В город съездить, да не хочется. Шум. Суета. Все бегут. Торопятся. Мимо. Мимо. У каждого проблемы. И счастливых лиц удивительно мало. Иногда сильно стыдно бывает. Идешь по улице улыбаешься. На душе хорошо. А вокруг... Я счастливая. Мне радостно! А другие маются. Стыдно. Нельзя. Стыдно! Но у меня ведь тоже проблем – пруд пруди... Костик чуть под машину не попал. Ужас! Как же за него больно! Я так рада, что он сегодня здесь, со мной... Нет-нет! Я всем рада! Всем! И Женечке непутевой. И Сергей Николаевичу... И Лешеньке. Почти все дорогие мне люди со мной. Да еще и гости! Как хорошо! Вот оно, счастье! Почему ж так всё странно устроено-то в жизни? Если б Леша был Костилом, а Костик – Алексей Львовичем. А Сергей – Женечкой, но мужчиной и тем, кто встретился Костику... А Женечка – Сергей Николаевичем, но женщиной... А Мария Ивановна... У нее бы... Нет-нет! Какие глупые мысли! Но почему ж Бог всё так запутал? Или это люди? Сами? Что ж мне с Костилом-то делать? Что? Его ведь нельзя отпускать одного. Нельзя! Никак. Завтра все уедут. Останусь одна. А Костик... Нет. Не о том думаю. Алексей Львович... Что он во мне нашел? Я его, порой, совсем не понимаю. О чем говорит? А Мария никого не любит. Потому что себя не любит. Чернушку мне мою напоминает... Вылитая. Живность моя бессловесная... Как же вы мне все дороги... И огород. Ждет меня. Все ждут. Картошка. Огур-

цы. Цветы мои... Да! Даже забор ждет. Живой. Стоит и ждет, когда я его выкрашу. Извини, дружок! Извини! Не соберусь всё никак... Боже мой! О чем же я думаю. Хорошо бы что-нибудь сделать для всех. Для каждого. Чтобы люди не страдали. Хотя бы близкие тебе люди... Я, как та старуха из сказки Пушкина, хочу быть владычицей морской, чтобы помогать... Замахиваюсь на роль Господа Бога... Просто ужас какой-то!.. Но что делать?.. Что? Кто я? Никто. Что могу? Ничего. Самую малость... Да и то... О других думаешь – огорчаешься. Плохо. Не думаешь – радуешься. Нехорошо. Стыдно. Тоже плохо. Не знаю. Но только... Почему они так редко радуются? Правда! Совсем не ценят мгновения! Почти не наслаждаются! Почему? Себя жалеют. Обиды помнят. Глупо! Расстраиваются порой из-за таких пустяков. Зачем?! Какими же словами их растормошить? Жизнь течет, ускользает... и вместо того, чтобы радоваться... Как же так можно?! Может, мне выгнать всех? Кроме Костика? Ну их! Пошли вон! Сразу поймут все. И останусь я одна. Да я и так ведь одна... Они как птички залетные... Цвирк-цвирк... А я... Я...

СЕРАФИМА (*вскакивая*). Нет! Нет! Все! Хватит! Глупые мысли. Нелепые... Стыдно! Совсем ни к чему их знать! Нельзя! Ни к чему! Вы простите меня...

ЖЕНЕЧКА (*растерянно*). Да уж, подруга. Разошлась ты...

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Она тут совсем ни при чем. У наших экстрасенсов удивительно бурная фантазия.

СЕРАФИМА. Нет. Это мои мысли. Мои!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Хорошо бы знать, чья тут больше заслуга... Ваша, Петр?

ПЕТР. Что «Петр»?

ЖЕНЕЧКА (*в некотором недоумении. Видимо, в состоянии алкогольного опьянения она ждала чего-то другого от Серафимы*). Птички залетные – это точно. Эх! Дала ты, Фимка. Ты погоди гнать-то, мы еще не всё выпили.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Спасибо, Серафима. Кланяемся в ноги. Выходит, я у тебя за Чернушку? Между прочим, я очень часто радуюсь. Не знаю, кого ты имела в виду...

МИША. Все мы, Мария Ивановна, либо птицы, либо звери. СЕРАФИМА. Нет, Миша! Я не судья или пророк... или... святая. Я не имею права...

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Вы настоящая дзенбуддистка, Серафима.

МИША. Придумал восточную кличку?

ЖЕНЕЧКА. Какой же ты серый, Мишка! Дзенбуддисты – наши китайские друзья.

МИША. У нас есть друзья – китайцы?

ЖЕНЕЧКА. Да я в масштабе страны! Китайцы за бугром.

МИША. А Серафима, как выяснилось, китайка?

ЖЕНЕЧКА. Ну, ты и пень!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Серафима – не китайка и китайцы далеко не все дзенбуддисты.

МИША. А дзен-буддизм – вера по-китайски?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Это китайский взгляд на вещи.

МИША. Мария Ивановна! Вы тоже в это посвящены?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Во что? Просто я не такая дура, какую вы меня считаете.

МИША. Неужели вы знаете, какой душой я вас считаю?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. По всей видимости, друзья Костика – дзенбуддисты. (*Серафиме.*) Вы имеете право на то, чтобы нам напомнить, как мы живем. Я уверен, они и мои мысли угадают. Они ребята смысленные. Правда, Петр?

ПЕТР. Чего «Петр»? Я вообще молчу.

МИША. Продолжать будем?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Обязательно. Теперь я чрезвычайно желаю узнать, что они скажут, читая меня.

МИША. Вы путаете, Мария Ивановна: они не читают, они ловят и не вас, а мысли.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Не делайте из меня опять дуру, Миша.

КОСТИК. Следующий я.

СЕРАФИМА. Нет!

МИША. Почему ты?

КОСТИК. Да. Готовьтесь, ребята!

ПАВЕЛ. Мы-то давно готовы.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Может быть, нам бросить жребий? Установить очередность...

ЖЕНЕЧКА. Еще не хватало!

КОСТИК. Я уже расслабился.

Какое-то время тишина.

КОСТИК. Павел: Ну... Ловите, ловите, ребятки! Чем больше, тем лучше... Вытащите из меня всю подноготную. Выпотрошите меня всего, чтобы знали! Чтобы хотя бы люди, которые мне дороги, поняли хоть чуток меня. Поняли, что я не урод, не больной, не извращенец... Что я человек! Такой же, как все!. Как все, блин! И любить я умею, как все! Только не как положено. Не тех, кого положено. Хотя, кто это определил? Природа? Господь Бог? И почему же? Зачем он дал мне такой удел? За что же меня и мне подобных наказал так? В чем я провинился еще при рождении? За чьи грехи я мучаюсь? Серафима... Милая! Прости меня. Прости! Я... Все затихли. Все уши наострили. Ждут. Слушают. Спокойно. Все нормально. Только бы не разрыдаться. Только бы не унизиться так, что потом... Хотя что мне терять? Мне терять нечего... Главное, расслабиться... Забыл перед отъездом кошку накормить. И свет выключить в коридоре. Сосед будет опять ругаться... Жизнь не имеет смысла. Поэтому можно не мучиться. И поступать, как просит душа. Но я почему-то так не поступаю. Душа... Я хочу только одного... Нет! Я много чего хочу. Но в первую очередь... Любить. Свободно. Не озираясь. Того, кто мне нравится. Не зависеть. Любить. Отдавать всего себя. Тому, кого я люблю... Любить, как Серафима. Без остатка. Отдать свою жизнь любимому... Я никого не встречал, кто мог бы так любить, как она. Но я не достоин ее. Я не смею даже переступить порог ее дома. Прав Николаич. Я – ничтожество. Я ненавижу себя. Ненавижу свое тело, свои мысли, свою душу. Ненавижу, потому что умом хочу одного, а все нутро мое, вся природа хочет другого. Меня унижают. Я отвечаю тем же. Ненависть на ненависть... За что мне это?

В чем я виноват? Если я... Только и делаю, что борюсь с самим собой... Господи!.. Борюсь с этим телом. Со своей душой. Со своей любовью! Чтобы быть, как все! И не могу! Господи! Почему нельзя, чтобы как все! Как у всех! И ничего не получается! Ничего! Свет. Дыхание ребенка. Горный ручей. Мама... Никому ненужная нежность. Я так хочу гармонии! Хочу мира! Ласки! А получается, что... Прикрываюсь цинизмом. Грёбанным равнодушием. Высмеиваю порой всё, что считаю святым. Только чтобы меня не поняли. Да. Чтобы не открыли. Потому что... Я лгу. Лгу! И себе и другим. А я не хочу лгать! Да... Они могут считать, что я болен. Да они так считают... Бог им судья. Кто-то готов меня убить. Ни за что! Просто потому, что я ТАК люблю. Это как бы большая любовь. Да! Но любовь! И среди вас есть разврат и любовь, и среди нас! И среди таких, как я, есть те, кого я ненавижу. За пошлость, распушенность, за грязь! Как мне раскрыть... Господи! Не знаю! Что грязь... она везде грязь! А чистота... Я чист в своих проявлениях!.. В природе нет достойного и недостойного. Нет уродства. Прекрасна и жаба! И роза! Уродство придумали люди! Они определили все табу. Они разделили мир на правильное и нет! Наложили запрет. Даже на природу. Чем я уродлив? Своими желаниями? Своим нутром? Что такого ужасного я делаю человечеству? Кого я унижаю лично своей любовью?! Кого?! Кому я мешаю?! Я всего лишь... Когда я придумываю очередной интерьер, я надеюсь, что на этот раз в помещении поселится гармония. Что я создам очаг природы, где воцарятся нежность, любовь и радость... Где сами стены не позволят людям быть грубыми и пошлыми... И помогут любить и уважать всех!.. Дьявольски наивно. Да. Но за что-то же надо держаться! Хоть чем-то же надо...

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(не выдержав, громко иронизируя)*.

Чист! Любовь! Я и человечество! Подумать только!

Какой несчастный!

ПЕТР. О-ба-на! Клёво.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(с сарказмом)*. Какое благородное сердце скрывается под такой страшной личиной!

СЕРАФИМА. Сергей Николаевич!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Извините, Серафима. Но на этот раз молодые люди не угадали! Ошибочка вышла! Хотя и понятно. Дружки дружка поддерживают. Не правда ли, Петр?

ЖЕНЕЧКА. Не обижай Костика, Николаич! Тебя что-то не устраивает?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ложь! Серафима! Нельзя любить того, кто... Я надеялся, что прозвучит правда! Я ощущаю на себе...

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ *(прерывая)*. Мне кажется, что мы и слышали правду.

МИША *(спокойно)*. В конце концов, Сергей Николаевич, это лишь игра. Не все ли вам равно, что они придумывают? Развлекайтесь!

МАРИЯ ИВАНОВНА *(возмущенно Сергею Николаевичу)*. Вы нарушили правила! Вы прервали сеанс! Так нельзя!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(смирясь)*. Нельзя! Каюсь. Приношу свои извинения. Но ведь должен быть предел... Если вы хотите, Петр...

ПЕТР. Я от Вас? Чур меня!

ЖЕНЕЧКА. Черт побери! Молчите! Продолжай, Пашка!

ПАВЕЛ. Можно и продолжить. Только...

КОСТИК. Не со мной. Я больше не хочу. *(Подходит к столу.)*

СЕРАФИМА *(тихо, с любовью)*. Как ты себя чувствуешь?

КОСТИК. Великолепно. Как после прыжка без парашюта.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Надо верить в людей, Костя. Надо им доверять. Мир не так уж плох. Есть врачи...

КОСТИК *(с иронией)*. Да-да. Я буду верить, Мария Ивановна. А как же иначе? Мне сделают операцию и... И я буду, как все. *(Смеется.)*

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ *(резко)*. Пожалуй, теперь я.

ЖЕНЕЧКА. Извини, Лешечка. Уступи даме. Устала ждать. Любопытство гложет.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Пожалуйста-пожалуйста! Как пожелаете.

ЖЕНЕЧКА. Желаю. *(Ребятам.)* Пашечка! *(Держит в руках рюмку водки.)* Я готова.

ПАВЕЛ. Мы надеемся, что больше никто не будет прерывать.

ЖЕНЕЧКА. Мы тоже. *(Выпила и закрыла глаза.)*

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Я обещаю.

Снова тишина.

ЖЕНЕЧКА. Павел: Отравить его, что ли? Глаза б мои на него не смотрели.

Все, кто слушает, хоть и не говорят, но обязательно реагируют. Кто-то встает. Кто-то пьет. Кто-то начинает есть фрукты. В данный момент все удивленно посмотрели друг на друга. И в конце концов поняли, о ком это Женечка.

Не человек, а машина... Ребеночка хочу. Хоть от кого. Только не от него! Ненавижу его узкий лоб. Его безумные глаза. Ехидную улыбочку. Хрен с ним. Пускай взбеленится. Вот с Павликом пересплю. Хорошенький мальчик. Или лучше с Лешкой. Лешка славный. Добрый. Он позволит. А Павлика я не знаю. А можно и с Мишкой, тот не откажет. Боже ж мой! Устала я. Порхаешь туда-сюда. Делаешь деньги, а этот последние жилы из тебя вытягивает. Миллионером, что ли, хочет быть. Не могу. Пять лет совместной жизни, как десять лет каторги. Хоть я там и не была, а уверена, что так оно и есть. Боже ж ты мой! Я ж не баба, я ходячая счетная машинка, калькулятор. Фимка права: я не живу. Я борюсь. За навар. За прибыль. За сферы влияния. А жизнь-то! Жизнь! Она где?! Нету ее! Павлик! Милый! Возьми меня! Я крупных люблю. Ты в моем вкусе. Честное слово. Тебе со мной хорошо будет!.. Мишка! Неужели я тебя не привлекаю? Я ведь такая аппетитная баба! Ей-богу! Мишутка! Не пропусти!.. Алексей Львович! Лешка! Фимка тебе не по зубам. У нее ж свои интересы. Не выйдет у тебя ни хрена. А я – вот она. Бери – не хочу! Я артистов люблю. Хочешь, в дзенбуддистки запишусь? Я быстро. Меня просить не надо. ...А может, мне Костика завести? Костик, ты как? Попытка – не пытка. Если попробовать.

А вдруг?! Ты же ко мне расположен. Почему бы и нет?! Главное: не бояться. А там... Му-жи-ки! Где вы?! Какая сочная женщина гибнет! Не мил мне мой сухарь! Да и не полюдски у него все. Сплошной расчет. У него наверняка, даже дата собственных похорон определена. Он ее от меня скрывает, боится: мало ли я что... А я что?.. Я-то! Я могу. Не выдержу. Отравлю или удавлю. Ей-богу! Сил нет терпеть! Ловите мгновенье, мужики! Я хоть и бизнесменша, но баба простая... Когда я...

МАРИЯ ИВАНОВНА (*не выдержав*). Ну, хватит! Все! Достаточно!

ПЕТР. О-ба-на!

МИША. Мария Ивановна! Что с вами?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Извините! Но и так все ясно.

МИША (*растерянно*). А что ясно-то? Разве у нас эта... игра для того, чтобы было что-то ясно... Я иногда перестаю вас понимать, уважаемая Марья Иванна.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Разврат! Вот что ясно. Мерзость! Всё что угодно могла предположить, но чтобы такое... Ужас! Мерзость. Как так можно! Самой... Сама... Нет! Это что-то запредельное.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Почему же сама? Все претензии к нашим экстрасенсам. Это они так балуются. Может, они и не правы, но закрутили лихо. Петя постарался.

ПЕТР (*возмущенно*). Опять я! Вы чего?!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Вам, мужчинам, все равно. Вы такие же испорченные, как и она. Но вы – мужчины. И тут уж ничего не поделаешь. Но она! Женщина! Где ее целомудрие! Гордость! Честь!

МИША. Совесть!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Да!

МИША. Нашей дорогой партии.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*озадаченно*). Какой партии?

МИША. Дзенбуддийской.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*кричит*). Прекратите!

СЕРАФИМА. Надо остановиться. Я думаю, не стоит больше. Видите, как все... безрадостно. Ребята... Миша! Алексей!..

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Мы должны продолжить. Иначе будет не по справедливости. Раз уж начали...

МИША. Не подлежит сомнению. Мария Ивановна может удалиться.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Я не удалюсь. Я выдержу этот позор до конца! И послушаю, какие они поймают мысли у меня!

МИША. Да. Это будет вам очень полезно.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Если никто не возражает, я следующий.

МИША. Думаю, никто.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Только остановлюсь я сам. Кто не выдержит, идите, пожалуйста, в дом или погулять.

Снова наступила тишина. Пауза затянулась. Все заволновались.

ПАВЕЛ. Странная пустота. Одни обрывки мыслей.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Сейчас... сейчас.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Павел: Я люблю. Да. Но, конечно же... В юности... Все было как-то по-другому. Более возвышенно, вероятно. Ну и что? Я люблю так же сильно. Я хочу тебя... Я хочу ее. Мне нравится не только ее душа. Она так прекрасна в своем дурацком купальнике в цветочек. Ее грудь, ее бедра... Иногда я буквально задыхаюсь от ее шарма, от излучаемой ею нежности или какой-то трепетности... Господи! Я очарован! Я заворожен! Все слова ничтожны и глупы. Разве можно описать, как пахнет роза? Можно. Но что это будет за описание. Фигня! Я тоскую в разлуке. Порой мечусь, как зверь в клетке, из-за невозможности встретиться. Работа становится в тягость. И все-таки, ты права. Она права. Без любимого дела я ничто. Нуль. Пустое место. Ради дела я могу пожертвовать чем угодно. Я представить себе не могу, что я буду делать, если вдруг, не дай бог, я лишусь дела. При всем при том дело это сегодня превратилось во что-то непотребное. Иногда мне кажется, что я нахожусь в сточной яме. Вся отравы, все отбросы, всё дерьмо стекается туда, где я нахожусь. И, само собой, я стремлюсь сюда. К ней. К тебе! Увидеть! Надыхаться чистым воздухом. Очнуться.

Очиститься. Мне приходится играть в таких идиотских пьесах, сниматься в таких фильмах, что... А не играть и не сниматься, значит – затеряться, пропасть для народонаселения и для тех, кто заказывает музыку. Артисты – зависимые люди. Особенно, если ты пока еще не приобрел положения, когда ты можешь влиять на заказ музыки. А я, увы, до сих пор его не приобрел. Потому что для этого нужно окунуться в яму побольше и поглубже. А я этого не хочу. Иногда я чувствую тупик. Ощущение замкнутого круга. И не вижу выхода. Или вижу в необходимости все бросить и приехать сюда. Задумал же Костик купить себе дом в соседней деревне. Почему бы и мне не сделать этого?.. Я прекрасно представляю себе идеальную картинку своей будущей жизни. Идеальную. Но воображение слишком далеко от реальности. Оттого я, быть может, и вцепился в этот дзен. Роль у меня маленькая. И выставлен в ней великий Лао каким-то придурком. Но это не помешало мне понять все величие его мировосприятия. И прийти в восторг от простоты и гениальности понятого. О! Боже! Как умно. «Величие». «Гениальность понятого». Серафима! Любимая!.. Ты права. Я лгу тебе. И себе! Я же эгоист, каких свет не видывал. Я ничтожество, мечтающее стать великим. И еще прошусь к тебе на огород. В грязь! Я же – чистюля из чистюль... Какой огород!.. Я здесь через неделю взвою. Лжец! Самый настоящий...

Громко заиграла веселенькая музыка.

Ты не представляешь...

ЖЕНЕЧКА (*поспешно роясь в сумке*). Извиняюсь, извиняюсь...

Черт! Я же его выключила. Да где же он?! Вот... (*Выключает.*) Извините. Не там нажала. Ей-богу, не хотела.

Спьяну, видно...

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*усмехнувшись, Женечке*). Бывает...

ЖЕНЕЧКА (*извиняясь*). Ты продолжай... Давай.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*подходя к столу*). Да нет... Думаю, достаточно.

ЖЕНЕЧКА. Я не хотела... Лешка! Ни бэ... Жизнь – сука...

МАРИЯ ИВАНОВНА. Можно не ругаться? Следующая – я.

МИША. Неужели? Мария Ивановна!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Надеялись, что не рискну?

МИША. Да что вы! Ни в коем случае.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*Костику*). Ты покупаешь дом поблизости?

КОСТИК. Собираюсь. А что?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ничего.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Можно начинать?

МИША. А если перерывчик? А? Ребята. Вы как?

ПАВЕЛ. Мы не устали.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Я расслабилась.

МИША. Раз уж расслабились...

СЕРАФИМА. Миша!

Слова тишина.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Павел: Слушайте! Ловите! Вытаскивайте! Я для вас серая мышь... Блюстительница нравственности. Я старая дура! Я никто!.. Я проработала в исполкоме тридцать лет. Меня даже перестройка почти не коснулась. Все поменялось. Везде. И у нас тоже. Но я осталась та же. Денег стали платить меньше по сегодняшним ценам. Но мне хватает. Не бедствую. Пришло много молодежи. Поменялись отношения. Поменялось уважение. Поменялись смысл работы и содержание... Но я там же и я та же. Та же. Как сухое дерево. У меня никого не было. Родители не в счет. Я их уважала. Как положено. Как надо. И только. Я любила. Однажды. Коротко. Глупо. И бессмысленно. И я давно, как всегда, одна. Иногда это страшно и больно. А иногда весело. Когда в одиночестве удастся найти что-то интересное. Но удастся это не так часто. Нет. Я не жалею себя. И не хочу вызвать жалость у других. Я называю себя счастливой. Но на самом деле я не знаю, что это такое. Или точнее сказать: не помню. Я даже в детстве не была счастливой. И поэтому терпеть не могу вспоминать о детстве. У меня есть дело.

Чужое. Есть родственники, о которых я забочусь, и есть друзья. Их немного. Друзей. Две подруги. Но мы изредка встречаемся, когда их отпускают мужья. Я не знаю, почему у меня все так сложилось. Такая жизнь. Вероятней всего, потому что так сложила ее я сама. На работе меня считают старой занудой. Хотя я далеко не стара. Что касается занудства, то я бы назвала это по-другому: прилежность, тщательность, требовательность, исполнительность и обязательность. Скорее всего, я занимаюсь не своим делом, потому что мне скучно и противно его делать. А свое дело я так и не нашла. И теперь вряд ли найду. Потому что нет желания и сил его искать. Я кажусь доброй, но на самом деле я злая. Да. Особенно в последние годы, когда открыла в себе зависть. Еще десять лет назад я не знала, что это такое. И удивлялась, как люди могут завидовать. А теперь знаю. И завидую. Женечке завидую, у которой есть муж, деньги и совсем другое положение, чем у меня. Завидую своим подругам, у которых есть семья и достаток. Завидую мужчинам, потому что они мужчины и им все позволено. Завидую Серафиме. Ей больше всех. Потому что всё ее любят. И потому что она радуется. Почти всегда. И ей хорошо. И с нами. И без нас. Завидую тем, кто юн и молод. Потому что у них всё впереди. А у меня уже всё сзади. И никакой перспективы. И иногда – это ужасно. Иногда. Но я не рыдаю. Я улыбаюсь. Я стараюсь как можно чаще улыбаться.

Мария Ивановна встает.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*тихо. Чуть не плача...*). Всё. Хватит. Только подумать... Я услышала себя со стороны. Крайне интересно. (*Подходит к столу.*) Это я. Я такая...

ЖЕНЕЧКА (*тихо*). Такая добрая и правильная...

МИША. Водочки, Мария Ивановна?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Не откажусь.

Миша наливает Марии Ивановне рюмку водки и подает ей, та выпивает и закусьивает аппетитно бутербродом, который тоже преподнес ей Миша.

МИША. Сергей Николаевич, не хотите присоединиться?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Я готовлюсь. Если не возражаете, теперь я.

МИША. Что вы! Я не спешу. Я вижу: вы волнуетесь? Отчего бы это?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Да, глупости... Потерял чувство юмора.

МИША. И когда же это случилось?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*нервно смеясь*). Действительно, когда? (*Ребятам.*) Ловите, Петр. Я в вашей власти.

Некоторое время опять тишина.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Павел: Серафима... Серафима!.. Стерлось. Черт возьми! Весь вечер себя проверял. С собой боролся. Себя мучил. Куда-то исчезло все, потерялось. Чувство. Что со мной?! Не понимаю. Не в силах понять. Что-то случилось. Со мной что-то случилось после приезда этих фокусников. И так-то всё было в раскоряку. Мысли. Чувства. Голова распухла. Я, собственно, здесь лишь и обретал покой. А тут вот... Не знаю. Желание к тебе стерлось. Ума не приложу. Зато... Глаза... так и зыркают в его сторону. Да если б глаза... Душа! Хочется видеть! Его! Слышать! Впитывать! Жуть! Петр! Ты ловишь? Ты читаешь? Всё после этой чертовой бани. Я.. Да. Надо было мне их оставить. Серафима! Да что, Серафима?! В пустоту бьюсь. Извини! Нет! В груди ноет. Стыд-то какой! Ведь не могу спокойно видеть этого Петра. Так перед глазами и мельгешит своим голым задом, тощей грудью. Всей беспомощностью своей. Лицо худющее... Глаза просят чего-то. Беззащитный такой, как мой сын в десять лет, когда болел воспалением легких. Черт знает что! Жалость...не жалость... А... Сердце ноет! Так и хочется подойти, обласкать, пожалеть, погладить по голове... Прижаться, блин! Целовать! Не пойму себя! Не узнаю! Наваждение какое-то, не иначе! Что-то страшное произошло. Порча. Я ж, когда их увидел с этим Костиком... Я ж их с землей готов был сровнять, я ж их, как гнид поганых, раздавить желал...

Я же ненавижу это все! Эту погань. Разврат этот. Нельзя! Зло это! И вот... Вдруг... Словно кто по голове ударил... нож в сердце всадил. Я же... Нате вам! Бред! Помутнение рассудка! Светопреставление! Стою... Мочалку намыливаю... А сам... Этот пацанчик мне весь свет вдруг затмил! И я... Мужик! Семейный человек! Я о чем думать-то стал... Глаза его. Голубые такие... небесные. Шея цыплячья. Уши торчком, Господи... Что-то во мне возникло?... Я чем жить-то стал, Господи! Что чувствовать?!! Дурь! Это в каких же снах мне привидеться такое могло! Это за что ж мне морок такой?! Теперь, думаю, он без меня-то пропадет! Не могу я его одного оставить. С ним я должен быть. Рядом! Заботиться о нем. Холить его! Лелеять... Обнимать. Ласкать... Це...

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(вскакивая)*. Хватит! Хватит! Не верю! Всё ложь! Ложь! Неправда! Не мои мысли! Навет! Наговор! *(Плачет.)*

ПЕТР. О-ба-на!

МИША. Да кто ж в тебе сомневается, Николаич! Навет! Сплошной навет! Ты только рыдать перестань. А то мы сомневаться начнем. Потому как рыдать по такому поводу – самое бабье дело. Давай-ка, шлепнем с тобой по стопочке, а?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Да, Михаил. Да! Ты прав! Давай. Что-то я... Совсем уж...Мрак! Так ведь, такое дело...

Чокаются.

МИША. Дело хреновое, но ты не переживай. Всё суета сует. И это перемелется.

СЕРАФИМА *(через паузу)*. Может, в дом пойдём? Поздно уже. Прохладно. Да и спать, наверно, пора.

МИША. Спешись, Серафима. Спешись. А я-то еще не меченый. Мне-то тоже охота услышать, что из меня вылетает.

СЕРАФИМА. Я как лучше хочу. Чужало мое сердце: не к добру эта затея.

МИША. К добру, Серафима. К добру! Всё, что ни делается, всё к лучшему.

ЖЕНЕЧКА. Не знала я, Мишка, что ты у нас оптимист.

МИША. А что ты про меня знаешь? Ничего. Сейчас вот, как начну думать, а эти гаврики как начнут ловить... О-о! Держись!

ЖЕНЕЧКА. Да я и так держусь. Меня теперь ничем не удивишь. Ты, главное, про мое предложение не забудь. Оно в силе остается.

МИША. Я-то не забуду, прелесть моя, не бойсь! Как бы ты после сеанса не передумала. Ну что, молодцы, вы готовы, как всегда?

ПАВЕЛ. В трепетном ожидании.

МИША. Недолго осталось терпеть: я последний. А там, глядишь, и отдохнете. Начнем, что ли? *(Отходит в сторону и закрывает глаза.)*

Снова тишина.

МИША. Павел: Я... без сомнения, не ангел. Но страдать из-за этого... Упаси боже! Считайте, что я потерял совесть. Само собой, тем, кто рядом со мной, бывает несладко. Ну, уж какой есть. Хотите – любите, хотите – нет. Дело ваше. Я не так давно смотался от четвертой жены. Компьютер не поделили. А на самом деле – привыкли к друг другу. Время пришло расставаться. Я теперь в свободном полете. Не могу сказать, что рад до безумия... Скорее наоборот. Но не страдаю. Такова жизнь. Жизнь – жестянка. Вчера пришлось срочно оперировать одного пациента. Операция пустяшная, но сам пациент... Презанятный субъект. Не ест, потому как серьезно считает, что всё, что мы отправляем в рот, – живые существа. Не хочу, говорит, быть убийцей. И всё тут. Ну, не хочешь, друг, тогда помирай. А как иначе?! Его, конечно, кормят искусственно. Но зря. Я бы ничего не давал. Либо – убийца, либо – есть. Третьего не дано. Ох, как нам всем хочется на хромоу кобыле в рай въехать. Этак, на двух стульях посидеть. А неудобно-о-о! Жуть! Хитрые мы какие. По мне так... Люби ты кого хочешь! Лишь вреда не причиняй! А если тебе еще и взаимность ответят. В чем вопрос? Переживаешь, что вокруг

бесятся? Да хрен с ними! Всегда найдется тот, кто будет беситься. На всех не угодишь. Только само собой: приходится выбирать. Либо то, либо это. А как иначе? Хочешь ребенка от другого мужика – заводи! Хочешь сохранять верность? Извини. Ребенок будет напоминать мужа. Хотя дурь это бабья. Ребенок тут ни при чем. Да у всех у нас дурь... Кроме Серафимы. У всех понятия, представления, привычки, страх, капризы... Хочешь любить – люби. Работать – работай. А на самом деле чего хочешь? Жизнь она такая, какую мы себе ее нарисовали. И луна в ней – одно, а солнце – другое. Они, конечно, в одном небе висят... Но разный свет несут... Вот и мы тоже... Либо за луну, либо за солнце. Либо за землю, либо за небо. А по большому счету... Что одно, что другое. Ни хорошо, ни плохо. Всё суета сует. Всё тлен. Когда перед тобой сердце бьется... Хрупкое, нежное... Живое. Или желудок краснотой переливается, или почка, или легкое трепыхается... А ты должен ручонками или железками по ним проходиться... Друзья мои, о чем вы плачете? Мария Ивановна! Сердечная вы наша! Не плюнуть ли на приличия? Не убивать же вы начнете или насиловать. Просто мучиться перестанете зазря. Жить начнете. Как, между прочем, и Бог хотел. Чтобы другого любили, как самого себя. А чтоб себя любить, надо себя-то принять. Надо собой гордиться. Даже тому, у кого рожа кривая. А у вас, Мария Ивановна, личико очень даже о-го-го. Сергей Николаевич! Пошлите вы свою мегеру подальше. Ей-богу, только лучше будет. Живите без маски, свободно, как всеми любимая нами Серафима. Это ведь она меня, мужика, уму-разуму научила. Я ж пень пнем был... Костик... Я тебе не завидую. Участь твоя печальная. Но я бы на твоём месте плюнул на всех! Некоторые из ваших так и поступают. И, думаю, счастливы. Себя, друг мой, надо принять таким, каков ты есть. Это в первую очередь. Это не от тебя. Это же тебе сверху дадено. Гордись! Это не ты, это они пусть повесятся от своей ненависти к тем, кто не такой, как они! Меня в детстве в школе

жутко били сначала. И я терпел. Хотя был выше их, да и, как выяснилось, сильнее. Но я... терпел, уступал. Считал, что они лучше. А потом как-то вдарил однажды одному мудаку по морде... И удачно вдарил. И все бояться стали. А я потом поступил в кружок. Боксом стал заниматься. И стал плевать на всех. Я часто замечал, что те, кто вроде сильный, на самом деле слабые. И трусы. А слабые... Очень даже часто сильными бывают. И духовно, и физически... Ох, люди! Либо страдают, либо гадости друг другу делают. Бояться! Всё от страху! Самые смелые преступления совершены от страха! Перед собой или людьми. Чего мы только ни боимся. Отстать! Опоздать! Не состояться. Лишиться! Опозориться. Не успеть! Не получить! Не дать! Не вкусить! И т.д. и т.п. Список можно продолжать и продолжать... И так всю жизнь! Я иногда чувствую... Что... ненавижу людей... Животных больше люблю. Они невинны. Они не ведают, что творят. А люди... Сознательно. Осознанно... Унижают, оскорбляют, травят, издеваются, насилуют, убивают... Банальности думаю... Да, оно так. За что, думаю порой, любить-то их? Этих дерьмовых трусов, этих подонков, которые себе подобных унижают и ненавидят... Люди в большинстве своем мразь... Фуфло. Подонки. Мелкие. Ничтожные обыватели...

Миша встает, подходит к столу, наливает себе очередную рюмку.

МИША (*прерывая*). Ша! Не хочу больше. Что-то я в пророка превращаюсь... хотя сам недалеко ушел от господ, мне подобных. Ваше здоровье! (*Пьет.*) Не думал я, что у меня в голове такой сумбур. Приношу свои извинения за уроки. Грешен: люблю учить.

ЖЕНЕЧКА. Ты меня утешил, Мишка: я дерьмо, но не одинокое. Нас тьмы и тьмы.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Будто ты этого раньше не знала.

ЖЕНЕЧКА. Знала. Но не про себя. (*Идет в дом.*) Я сейчас вернусь. (*Мише.*) Мое предложение остается в силе.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*смирненно*). Я мало что поняла, но согласна.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. С чем же, интересно?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Личико у меня: о-го-го.

СЕРАФИМА. Пора ложиться спать. Надо убрать со стола...

МАРИЯ ИВАНОВНА. Я помогу тебе. *(Берет со стола бутылку, рюмки и уходит в дом.)*

МИША *(ребятам)*. Спасибо за доставленное удовольствие.

ПАВЕЛ. Ну что вы... Надеюсь, мы старались не зря.

СЕРАФИМА. Леша, ты постелишь им?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Конечно.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Я лягу в гостиной на матрасе.

Возвращается Мария Ивановна.

СЕРАФИМА. Что за глупость?.. Впрочем, как хотите. Пойду закрою сарай. Забыла.

ПАВЕЛ. Серафима... Мы старались.

СЕРАФИМА *(не понимая, что от нее хотят)*. Спасибо.

ЖЕНЕЧКА *(возвращаясь Мише)*. Прогуляемся перед сном?

МИША. Не возражаю. Кажется, молодые люди желают за свои труды получить что-то более основательное, чем ваше «спасибо», Серафима.

СЕРАФИМА *(удивленно)*. Что же они хотят?

ПАВЕЛ *(Серафиме)*. Всего лишь ответ на один вопрос.

ЖЕНЕЧКА. Личный?

ПАВЕЛ. Как раз, нет. Прежде чем все разойдутся, мы должны узнать мнение Серафимы...

СЕРАФИМА *(растерянно)*. Пожалуйста.

Все внимательно слушают.

ПАВЕЛ. Как бы вы поступили, если б узнали, что в космическом или божественном миропорядке произошла ошибочка. И вместо некой девочки десяти лет, тоже попавшей в автокатастрофу, спасли вас, а не ее?

СЕРАФИМА *(как-то рассеянно и в то же время, словно ждала именно подобного вопроса)*. Должны были спасти девочку десяти лет?

ПАВЕЛ. Ну да. Девочку по имени Серафима из Страны восходящего солнца.

СЕРАФИМА. Странный вопрос. Непременно я бы хотела исправить ошибку.

ПАВЕЛ. А ваша жизнь?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(отрешенно)*. Это уже второй вопрос.

СЕРАФИМА. Но она же была бы не моей жизнью, а чужой, украденной...

Пауза.

Пойду, запру сарай. *(Уходит задумавшись.)*

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Спокойной ночи! *(Уходит.)*

ЖЕНЕЧКА. Пойдем, Мишенька.

Уходят с Мишей, забрав бутылку и закуску.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. А почему вы задали такой странный вопрос?

ПАВЕЛ. Он вовсе не странный.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. И почему при нас? Хотите еще раз подчеркнуть доброту Серафимы? Мне кажется, что сегодня было столько всего... Что даже подобные вопросы ее только расстраивают.

ПАВЕЛ. Мы понимаем.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Ложитесь-ка спать. Отдохните.

ПАВЕЛ. Мы тут немного посидим. Покурим.

Алексей Львович уходит в дом.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Странные вы, ребята. Если вы экстрасенсы, вы и лечить тоже можете?

ПАВЕЛ. Иногда получается. Самое простое.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Если у меня с утра голова будет болеть...

ПАВЕЛ. Вылечим. Непременно.

МАРИЯ ИВАНОВНА *(забрав оставшееся на столе, уходит в дом)*.

Спасибо.

КОСТИК *(устало)*. Вы поедете завтра?

ПАВЕЛ. Собираемся с утра.

КОСТИК. Может, мне с вами?

ПАВЕЛ *(через паузу)*. У нас дела всякие... Личные.

КОСТИК *(печально)*. Понимаю. *(Уходит в дом.)*

ПЕТР. И что дальше? И на фиг мы устраивали эти чтения? Нельзя так было?! Сразу! Сказать – и все!

ПАВЕЛ. Она должна согласиться добровольно. Без нажима. Ничего ты в людской психологии не понимаешь!

ПЕТР. Что надо, я понимаю.

ПАВЕЛ. Учти! Не то ляпнешь – и все. Я не вынесу. Расплачиваться будешь ты. Я умываю руки.

ПЕТР. Водички принести?

ПАВЕЛ. Батюшки светы, как остроумно.

Возвращается Серафима, подсаживается к ребятам.

СЕРАФИМА. Девочка – говорите?

ПЕТР. Японка. Серафима Сан. Папа у нее японец, а мама – русская. Вот и назвали: Серафима.

СЕРАФИМА. Но фамилия тоже странная.

ПАВЕЛ. Так уж им захотелось. Вы одновременно, в одно время, секунда в секунду, попали в дорожно-транспортное происшествие. И параллель одна и марка машины и даже шоферы – двойники... Один здесь – бизнесмен. А другой там – рабочий фирмы «Судзуки». Потому и ошибочка вышла.

СЕРАФИМА (*с болью*). Нет. Не верю. Глупость какая-то.

ПАВЕЛ. Ну это... Как хотите.

СЕРАФИМА. И перепутали?

ПАВЕЛ. Да. Там.

СЕРАФИМА. Где там?

ПЕТР (*показывает наверх*). Ну там!

СЕРАФИМА. Шутите?

ПАВЕЛ. Какие шутки!

СЕРАФИМА. А откуда вы знаете? Вы кто?

ПАВЕЛ (*серьезно*). Мы – студенты-экстрасенсы. Прочитали всё по звездам и прочим знакам.

ПЕТР. В Японию звонили. Всё сходится. Даже, вот, фотографию достали по Интернету. (*Достаёт фотографию, показывает.*)

СЕРАФИМА. Нет. Не верю. Не может быть.

ПЕТР. Может или нет, воля ваша. И мы, собственно, ничего не предлагаем. Мы ставим в известность. А выводы – это ваше дело.

СЕРАФИМА. Какие выводы? Что я могу сделать? Что? Да и как же они... Хотя какая-то надежда. Получается, что я их бросаю.

ПЕТР. Кого их-то?! Вы же слышали! Они – кто?! Люди! Слабые существа! Ничтожества!

СЕРАФИМА. Да господь с вами! Что вы говорите такое!

ПАВЕЛ. Петр! Замолчи! Не слушайте его! Ничего он не понимает. От болезни еще не отошел.

ПЕТР. Очень я даже отошел! И я знаю, что говорю. Здесь разве жизнь! Издевательство одно! Гниль! Хуже, чем в аду! Не место вам здесь!

ПАВЕЛ. А ты был в аду? А? Был?!

СЕРАФИМА. Жизнь здесь – не сахар. Но я ее люблю. Да и где же мне место-то? Вы про этот дом у дороги?

ПАВЕЛ. Я же говорю: не слушайте его! Мелет, что ни попадя. Типун тебе на язык! Еще скажешь что...

СЕРАФИМА (*словно наконец-то догадываясь*). Да нет... Пусть говорит. Просто... Я не пойму... эта девочка... Она сейчас...

ПАВЕЛ. Сейчас ее нет. Она... Впрочем, отсутствует.

СЕРАФИМА. А как же она появится? Не понимаю.

ПАВЕЛ. А вы ложитесь спать. Отдохните. Утро вечера мудренее. Завтра и поговорим. Вы отдохнете. Мы отдохнем. И тогда... всё такое.

СЕРАФИМА. Да. Хорошо. Пойду. А то голова гудит. Еще эта ваша забава.

ПАВЕЛ. Забава не наша. Наши услуги.

СЕРАФИМА. Ну, не знаю. Пошла. И вы не задерживайтесь. Спокойной ночи! (*Уходит в дом.*)

ПАВЕЛ. Будешь еще выступать...

ПЕТР. То что?

ПАВЕЛ. Ты же все испортишь, не понимаешь? Ты же, как танк, прешь! А тут дело деликатное. Я и так на нервах весь...

ПЕТР. О-ба-на! Что б я еще раз...

ПАВЕЛ. Да кто тебя пустит! Еще раз!

Уходит в дом, за ним – Петр.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПРОЩАНИЕ

Еще ночь, но рассвет приближается. Горят лампочки на входе на веранду и над скамейкой. Какое-то время тишина, потом появляется Сергей Николаевич. Садится на жердочки, закуривает. Потом, осторожно выглядывая, появляется Мария Ивановна.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Не спится?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Разве тут заснешь...

МАРИЯ ИВАНОВНА. Я видела, как вы смотрели на него.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Нехорошо подглядывать.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Я совершенно случайно.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Что-то не верится. *(Через паузу.)* Он спит, посапывая, как ребенок. И кажется таким беззащитным...

МАРИЯ ИВАНОВНА. Да. В нем есть что-то ангельское. Я бы хотела иметь такого сына.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ангельское?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Вы не заметили? Он очень похож на ангела.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Пожалуй. И волосы у него вьются. Он красивый.

Пауза.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Да перестаньте вы так переживать.

Кому какое дело до того, кто вам нравится!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(удивленно)*. И это говорите вы?!

МАРИЯ ИВАНОВНА *(уверенно и гордо)*. Я. Когда я сегодня услышала себя, то... По всей видимости, у меня поехала крыша. К тому же я много выпила. Как никогда.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Боже мой! Так вы пьяны? Идите в дом и ложитесь спать!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Не хочу! И не пойду! Поцелуйте меня!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(растерянно)*. Завтра вам будет очень стыдно за свое поведение.

МАРИЯ ИВАНОВНА. То будет завтра. А сегодня мы будем целоваться, поняли?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(с отчаянием)*. Вы верите в меня, как в мужчину?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Собственно говоря... Я слышала, что бывают люди, которые и с теми и с другими...

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. О чем вы?!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Разумеется, мужчина! Я не сомневалась в этом ни секунды. Целуйте!

Сергей Николаевич долго и страстно целует Марию Ивановну.

Прекрасно! Пойдемте ко мне! Мне выделена отдельная комната.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Да вы что! Нас могут заметить.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Не будьте занудой! Это моя роль. Вы должны доказать себе, что вы – настоящий мужчина.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Но я вообще-то любил Серафиму. Потом влюбился, говоря вашими словами, в ангела...

МАРИЯ ИВАНОВНА. А до этого вы любили свою жену. Какое это имеет значение? Теперь будете любить меня.

Ну, сделайте по крайней мере вид. Я не обижусь.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Черте что!

Из дома появляется Костик.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Костик! Вам тоже не спится? Идите к нам.

КОСТИК. Извините, я хочу прогуляться.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(вскочив)*. Куда прогуляться? На дорогу?! Давай завязывай с этим. Нечего тебе делать на дороге.

КОСТИК. Что такое? С чем «завязывать»? Ах, вы беспокоитесь?.. Да... Мы же теперь одной крови.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Не зли меня!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Мужчины! Никаких драк! Сейчас же помиритесь!

КОСТИК (*хмыкнув*). Мужчины. Это смешно.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Смешно? Можно и посмеяться. Потом. А пока миритесь.

КОСТИК. Я, собственно говоря, и не ссорился.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вот и хорошо. Иди домой. В конце концов, с какими только болячками люди живут и как... живут. Извини, если я... обидел тебя.

КОСТИК (*примирительно*). Мне на самом деле хочется всего лишь прогуляться.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ну что ж... Гуляй.

КОСТИК. Спасибо за разрешение.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. А мы пойдем в дом. Да, Мария Ивановна?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Да. Я давно этого жду, между прочим. Приятной тебе прогулки, Костик.

Уходят в дом. Костик провожает их взглядом и садится на скамейку. Достает флягу и пьет. Осторожно выглядывая, появляется Серафима. Костик поспешно убирал флягу.

СЕРАФИМА. Не спишь?

КОСТИК. А ты?

СЕРАФИМА. Меня ждет в комнате Леша. Я сказала ему, что сейчас вернусь.

КОСТИК. Напрасно ты его бросила.

СЕРАФИМА. Я не бросила. Я пошла к тебе.

КОСТИК. Узнать, как я себя чувствую? Хорошо. Жить буду.

СЕРАФИМА. Я рада. (*Пауза.*) Столько сегодня наговорили... Нет. Уже вчера. Тебе правда лучше?

КОСТИК. Правда.

СЕРАФИМА (*печально*). Я очень тебя люблю.

КОСТИК. Я знаю.

СЕРАФИМА. Никогда не говори, что ты меня не достоин. Пожалуйста! Ты должен себя уважать. Таким, какой ты

есть. Люби и цени то, что имеешь. И тогда появится то, что ты хочешь. Дай мне честное слово, что... Ты все сделаешь, чтобы тебе было хорошо.

КОСТИК. Честное слово.

СЕРАФИМА. Ты не обманываешь меня?

КОСТИК. Нет.

Серафима обнимает его, и они целуются.

Появляется Алексей Львович и замечает их.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Целуемся?

СЕРАФИМА. А тебе завидно?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Вроде того.

КОСТИК. Все-таки я обязательно куплю здесь дом. Как только получу деньги за последний заказ, так и куплю. Филипповы недорого продают. Выпить хотите?

СЕРАФИМА. Хотим.

КОСТИК (*доставая флягу*). Только по глотку, а то мне не хватит.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. О! Коньяк! Где взял? (*Пьет.*)

КОСТИК. Нашел.

СЕРАФИМА. Костик! Не пей много!

КОСТИК. Почему? Козленочком я вряд ли стану. (*Забирал флягу.*) Ладно. Прогуляюсь. До встречи! (*Уходит.*)

СЕРАФИМА. Костик!

Костик останавливается.

Только не очень долго!

Костик уходит.

Пауза.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Мне лучше не приезжать?

СЕРАФИМА (*глядя его*). Никогда.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Гадкое слово. (*Пауза.*) Я не смогу.

СЕРАФИМА. Сможешь. Ты сильный.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Без тебя, как без рук.

СЕРАФИМА. Не преувеличивай.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Здесь на земле единственное место, где хочется быть вечно. Нет. Не на земле. Единствен-

ное место во вселенной. Дом у дороги! Другого такого дома нет и не будет!

СЕРАФИМА. Будет! Да он и есть! Ты просто пока его не нашел.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Серафима!

СЕРАФИМА. Что?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*воет*). Я сдохну!

СЕРАФИМА. Тихо! А ты живи. Ради меня.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*обреченно*). Придется.

СЕРАФИМА. Нет. Ты должен мне обещать, что будешь жить и наслаждаться. Каждым мгновением!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Ты – дзенбуддистка! Настоящая! «Дзен – это путешествие в никуда. Идти – значит быть живым. Добраться до места – значит умереть. Добрая дорога лучше приезда». Так пишет Уотс. А он разбирается в дзене.

СЕРАФИМА. Я не знаю, кто такой Уотс. Не увиливай! Я жду!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ (*через паузу*). Да, ты права... Я обещаю очень сильно стараться. Не зря же я столкнулся с господином Лао. Знак свыше.

СЕРАФИМА. Наверняка.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Быть дзенбуддистом – это удовольствие тем, что есть. И радоваться. И не привязываться ни к кому и ни к чему. (*Пауза.*) Можно, я тебя поцелую?

СЕРАФИМА. Можно, но только после этого ты пойдешь спать.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Какое спать?! Скоро вставать!

СЕРАФИМА. Тем более! Я хочу, чтобы ты поспал. И потом... Мне надо побыть одной. Извини.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Хорошо. Я постараюсь выспаться.

Целуются. Появляются из-за дома, со стороны сафая, Женечка и Миша.

МИША. О! Пардон!

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Какие мы деликатные...

МИША. А ты как думал!

СЕРАФИМА. Вы так и не ложились? Сумасшедшие!

ЖЕНЕЧКА. Счастливые часов не наблюдают.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. А я только и делаю, что смотрю на часы.

ЖЕНЕЧКА. Беденький, Лешечка. Хочешь, я тебя пожалею?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Нет. Жалость унижает человека. Сказал Горький. К тому же тебе теперь есть кого жалеть. Пойду, прилягу. До утра, друзья мои. (*Смотрит внимательно на Серафиму и уходит.*)

ЖЕНЕЧКА. Мы с Мишкой решили соединить свои интересы.

СЕРАФИМА. Вместе заняться бизнесом?

МИША. Не без этого, Серафима. Но речь идет о совместном проживании.

СЕРАФИМА (*радостно вскрикивая*). Господи! Как же я рада!

ЖЕНЕЧКА. Завтра же на развод подаю.

СЕРАФИМА. Я и думать не могла... Как хорошо! Дайте-ка, я вас обниму!

МИША. И поцелую.

Обнимаются и целуются.

Я себя не узнаю. Такое впечатление, что я принимаю участие в одном из бразильских сериалов.

СЕРАФИМА. Идите, отдохните.

ЖЕНЕЧКА. Какой отдых, Фима!

МИША. Разве что собраться, чтобы уехать пораньше.

СЕРАФИМА. Вот-вот. Я надеюсь, вы позавтракаете перед отъездом?

МИША. Смотря чем кормить будете.

ЖЕНЕЧКА. Хам! Чего дадим, то и будешь есть.

МИША. Ну вот! Опять дискриминация. Сплошной феминизм.

ЖЕНЕЧКА. Ты хоть знаешь, что это такое?

МИША. О-о-о! Моя последняя подруга была настоящей феминисткой.

ЖЕНЕЧКА. Не повезло тебе с ней.

МИША. Я надеюсь, что с тобой повезет.

ЖЕНЕЧКА. Надейся-надейся, но сам не плошай. Пошли в дом: пить хочу.

МИША. Иди, дорогая. Попей. Я скоро.

ЖЕНЕЧКА. Фима, он настоящий хам! Учти! Я ревнивая.

МИША. Само собой. А я-то какой ревнивый. Ты еще не знаешь.

ЖЕНЕЧКА. И знать не хочу! *(Уходя.)* Что же за монстр мне достался.

МИША *(возвышенно)*. Серафима! Вы прекрасны!

СЕРАФИМА. Да что вы!

МИША. Я остался выразить вам слова любви и обожания.

СЕРАФИМА. Так официально. Отчего бы это?

МИША. От радости. Я давно не радовался, Серафима. И я никогда не благодарил вас по-настоящему. Всё так... На ходу. Случайно. А сейчас я хочу сказать, что вы для меня всегда были... Лучом света в темном царстве. Да. Вы моя Катерина в темном царстве Кабаних.

СЕРАФИМА. Неужели? Это вы из пьесы? У Алексея поднабрались?

МИША. Что вы! Плохо вы меня знаете. Я тоже читал «Грозу» Островского. В школе. Но я не о том. Вы самый дорогой для меня человек. Вы заменили мне и папу и маму, и сестру и брата, и тетю и дядю... И всех друзей, вместе взятых.

СЕРАФИМА. Ох, Миша!

МИША. Да! Этот дом у дороги... Он великолепен. Я считаю, у каждого должен быть такой дом у дороги. Где его встречает такая великолепная Серафима Сан!

СЕРАФИМА. Теперь у вас будет свой дом.

МИША. Свой у меня был всегда. А вот такого... Дайте мне ваши нежные ручки. Я хочу их поцеловать.

СЕРАФИМА. Да ну вас!

МИША *(целует руки)*. Я осуществляю эту операцию, пожалуй, второй или третий раз в своей жизни.

СЕРАФИМА. Всего?

МИША. Не так часто встречаются столь прекрасные женщины. По-моему, наступил рассвет. Посмотрите-ка, солнце встает в вашу честь.

СЕРАФИМА. Мой день рождения уже закончился. И сегодня оно встает в честь кого-то другого. Я, честно говоря, Миша, не предполагала, что вы умеете такие слова говорить.

МИША. Да. Я жуткий грубиян, каюсь. Ограниченный, серый человек, но и во мне иногда пробуждается чуткое сердце.

СЕРАФИМА. Там вас дама заждалась.

МИША. Вы правы. Пойду. Обожаемая! Прощайте! *(Целует и уходит.)*

СЕРАФИМА. Прощайте! *(Серафима встает, осматривает участок, дом, потом выключает свет. Подходит к изгороди и смотрит на дорогу.)*

Из дома сначала выходит, потягиваясь, Петр, потом Павел.

ПЕТР. Здравствуйте!

СЕРАФИМА. С добрым утром!

ПАВЕЛ. С добрым!

СЕРАФИМА. Что это вы так рано встали?

ПЕТР. Кто рано встает – тому Бог подает.

ПАВЕЛ. Прекрати кошунствовать!

ПЕТР. О-ба-на! Что же это я не то сказал?

ПАВЕЛ. Потом объясню, когда думать научишься.

ПЕТР. Ну ты...

СЕРАФИМА. Спали плохо?

ПЕТР. Отлично спали. Даже комары не мешали. А то вчера.

В лесу когда. Ну, вообще! И зудят, и зудят... З-з-з-з!

Я думал, концы отдам. А здесь и окно было открыто...

ПАВЕЛ *(кричит)*. Петр! Проснись!

ПЕТР. Жрать хочу!

ПАВЕЛ. Ты когда научишься по-людски разговаривать?!

ПЕТР. А надо?

СЕРАФИМА. Сейчас я вам что-нибудь приготовлю.

ПАВЕЛ *(останавливая ее)*. Мы в дороге поедем.

СЕРАФИМА *(смирно)*. Как хотите.

Пауза.

СЕРАФИМА *(опускаясь на скамейку, тихо)*. Я согласна.

ПАВЕЛ *(через паузу. Облегченно вздохнув)*. Вот и хорошо. Вот и правильно. Мудрое решение.

СЕРАФИМА. Если бы не ваше чтение мыслей, я бы не поверила. Ни за что не поверила! Я и сейчас до конца... Не понимаю. Но... Кто еще может читать чужие мысли?!

ПАВЕЛ. В самом деле. *(Петру.)* Иди вещи собери.

СЕРАФИМА. Как? Так скоро? Сразу? Но я... Может быть, когда все разъедутся.

ПАВЕЛ. Чем раньше, тем лучше.

СЕРАФИМА *(смирненно)*. Ясно.

ПЕТР. А почему я?

ПАВЕЛ *(выразительно посмотрев)*. Могу и я. *(Встает.)*

ПЕТР. Ладно-ладно, иду. *(Уходит.)*

СЕРАФИМА. А мне не надо ничего взять?

ПАВЕЛ. Что же? Зачем?

СЕРАФИМА. Да. Правильно.

ПАВЕЛ. Смешная вы, Серафима.

СЕРАФИМА. А кем я была до всего случившегося? Вы, как... экстрасенсы, должны знать.

ПАВЕЛ. Боюсь расстроить. Хотя, что теперь. Согласие вы дали. Добровольно. Назад возврата нет.

Возвращается Петр.

Только не пугайтесь. Вы были Клавдией Самсоновной Бирюковой.

СЕРАФИМА *(улыбаясь)*. Ох, ты! Знатное имечко. И кто она по профессии?

ПАВЕЛ. Никто.

СЕРАФИМА. Домохозяйка?

ПЕТР. Как же! Бомжиха. Алкашка.

ПАВЕЛ. Помолчи!

СЕРАФИМА *(растерянно)*. Он серьезно?

ПАВЕЛ. Да.

СЕРАФИМА. Не может быть!

ПАВЕЛ. Может. Ни кола, ни двора у вас не было. Ходили – не просыхали. В черной затасканной шубе и зимой и летом. Лицо опухшее. Страшное. Вонь от вас... За три километра. Потому как не мылись, одежду не меняли. И пили, пили...Беспробудно.

СЕРАФИМА *(чуть ни вскрикнув)*. Нет! Неправда!

ПАВЕЛ. Правда. Попрошайничали. У киоска газетного стойте и просите: «Дайте сколько можете». Вам и давали... Или гнали с шумом и дракой.

СЕРАФИМА *(отчаянно)*. Почему же так? Почему? Я не работала? Где мои родители были? Нет. В это так трудно поверить.

ПАВЕЛ. Трудно.

ПЕТР. Ночевали незнамо где...

ПАВЕЛ. Тебя спрашивали?

ПЕТР. У меня тоже право есть.

ПАВЕЛ. Ты свое право... Родители умерли. Тетка вас воспитывала. А тетка... Женщина своеобразная была. Работать не научила...

СЕРАФИМА. Не научила?! А школа? Люди вокруг? Так не бывает!

ПАВЕЛ. Чего только не бывает. Зачем вам теперь о прошлом думать? Было и прошло. У вас теперь другое прошлое, значит, и другое будущее.

СЕРАФИМА *(тихо)*. Какое же?

ПАВЕЛ. То не в нашей компетенции.

СЕРАФИМА. Как же она допустила?.. Довела себя. Как же она... Как же я позволила себе так жить? Зачем я себя на такие муки обрекла?

ПАВЕЛ. Мир этот отринула. Обиделась на него. Отбили охоту. А мир-то, он ни при чем.

СЕРАФИМА *(словно вспоминая)*. А почему сейчас? Сегодня. Почему сразу нельзя было? Прошло столько времени. Я так долго приходила в себя... Потом этот дом. Встречи. Люди! Любимые! Дорогие!

ПАВЕЛ. Вопросы, уважаемая, не по адресу. Да и выбор на то и есть выбор. Ладно. Пора нам. *(Встал.)*

СЕРАФИМА *(испуганно)*. А в дом-то?.. Проститься. Хотя бы глянуть. В последний раз.

ПАВЕЛ. Разве... На минутку.

СЕРАФИМА. Разумеется. Я быстро. *(Уходит в дом.)*

ПАВЕЛ *(через паузу)*. Ну вот. Скоро и домой. Ошибка, считай, почти исправлена. Остались детали.

ПЕТР. Сглазишь.

ПАВЕЛ. Теперь уже поздно.

ПЕТР. Неужели вернут?!

ПАВЕЛ. А куда они денутся?

ПЕТР. Ох, достойно будет. Я, честно сказать, и не надеялся.

ПАВЕЛ. Надо верить. Всегда.

ПЕТР. А сам-то! Надо ошибок не совершать.

ПАВЕЛ. Кто бы говорил... Слушай, а может, мы зря?

ПЕТР. Что?

ПАВЕЛ. Да все!

ПЕТР (*озадаченно*). Не знаю.

Возвращается Серафима.

СЕРАФИМА. Тишина в доме. Все спят. (*Через паузу.*) Кто же за моей живностью будет смотреть? Кто же накормит, напоит их... А огород, господи?!

ПЕТР. Отыщутся люди. Иди, Петр, впереди. Милости прошу. (*Указывает рукой в сторону дороги, пропуская Серафиму.*)

Серафима оглядывается и идет за Петром. Рядом с ней Павел.

Уходят.

Почти сразу же появляются Мария Ивановна и Сергей Николаевич.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Точно это были они. Я хорошо голоса различаю.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. И Серафима с ними?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Ну да. Я не слепая. На секунду заглянула и исчезла.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. И где же они? Привиделось тебе!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Клянусь!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. С пьяных глаз-то...

МАРИЯ ИВАНОВНА. Я уж да-авно протрезвела.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. И молчала?

МАРИЯ ИВАНОВНА. А что я должна была сказать? Сергей, хватит, я все понимаю. Что?.. Мне было хорошо. И я ни о чем не жалею.

Пауза.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. По-моему, мы топотали, как слоны.

МАРИЯ ИВАНОВНА. И что?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Надо бы лестницу Серафиме починить. У меня мастер хороший есть.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*вдруг, словно прозрев, испуганно*). А что ж дальше-то?! Дальше что будет?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Встречаться будем.

МАРИЯ ИВАНОВНА (*нервно*). Да-да. Встречаться. Здесь?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. И здесь и там... Где захочешь.

МАРИЯ ИВАНОВНА. А жена твоя? С женой-то что? А сын! Сережа! Что же я делаю?!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Да ничего! Живешь! Сын уже не маленький, поймет. Главное: не бояться.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Я не умею, не бояться.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Научишься. Я будто умею.

Вбегает взволнованный Костик, с трудом выговаривает слова.

КОСТИК. Там... Серафиму... (*Кричит.*) Миша! Алексей Львович! (*Вбегает в дом.*)

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Что такое? Что он кричит?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Не поняла.

Костик возвращается. За ним почти следом Алексей Львович. С опозданием Женечка и Миша.

КОСТИК. Серафиму увезли!

МАРИЯ ИВАНОВНА. Куда?

ЖЕНЕЧКА. Куда ее увезли? Кто?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Ты чего говоришь?!

КОСТИК. Ее увезли на «скорой». При мне. Там сейчас шофер грузовика и второй, у которого «мерседес»...

МИША. Где там? На дороге?

ЖЕНЕЧКА. Почему ее увезли? Зачем?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Что случилось? Мы только что слышали голос Серафимы! Ее никак никуда не могли увезти!

КОСТИК (*рыдая*). Я же говорю... Я собственными глазами видел. Авария. Там произошла авария. Я был в лесу.

Я вышел на шум. И увидел. Они увозят Серафиму. «Скорая». Я даже не успел подскочить!.. Я сначала не понял.

Все было так быстро! Она лежала... Была на носилках. Я крикнул. А они даже не спросили. Они не слушали.

А она в крови... Много крови! И лицо... Оно...

МИША (*растерянно*). А где Петр и Павел? Они дома?

ЖЕНЕЧКА. Дома никого нет.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Значит, они с ней сейчас были.

(Марии Ивановне.) Ты же слышала их голоса, да?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Ну да, слышала.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Они были вместе с ней?

КОСТИК. Я их не видел.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Чушь! Ничего не понимаю.

КОСТИК. Серафима! Она попала под машину. Как когда-то...

ЖЕНЕЧКА *(упрямо, словно робот)*. Дома их нет.

МИША. Я проверю... Мы должны проверить. *(Бежит в сторону дороги, Женечка за ним, а следом остальные.)*

МАРИЯ ИВАНОВНА. Необходимо проверить.

ЖЕНЕЧКА *(тихо)*. Она жива. Она была жива?..

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(растерянно)*. Так быстро приехала «скорая»... Не верю. Мы же слышали голос Серафимы.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Не может быть...

МИША. Как и все случившееся с нами со вчерашнего дня...

Убегают все, кроме Костика. Он медленно садится на ступеньки крыльца. Закуривает. Слышится шум подъезжающего мотоцикла. И почти сразу же появляется счастливый, улыбающийся парень, чуть помладше Костика. Как бы косноязычно он ни говорил, в интонации его речи слышится что-то патриархально-светлое, доброе и ласковое.

ПАРЕНЬ *(радостно)*. Привет! Уже встали все? А Серафима где? На огороде? Я, понимаешь ли, не мог вчера никак!

КОСТИК *(тихо)*. Она ушла. Ее нет.

ПАРЕНЬ. Вот ведь! А я ей орехи привез. Она, это... любит их. Орехи. *(Присаживается, закуривает.)* От меня на прошлой неделе жена сбежала, представляешь? Хорошо, что детей оставила. Не могу, говорит, с тобой. Хочу, как люди, жить. Я ей: это... потерпи, стану звездой, тогда заживем. А она, видишь, сразу хочет. А сразу как? Только осваиваюсь. Надо же этим, у кого бабки, предьявить что-то. Я, знаешь, как играю на басу. Супер! И песни у меня что надо. Сам сочиняю. И слова. Она потом это... жалеть будет, вот увидишь. Глупая! И убежала-то к компьютерщику, представляешь? А она поет! Пот-

рясно поет! Это... Я по перву бесился. Думал: кранты. Хоть это... в окно. А после... Детей-то жалко. Ничего! Поймет. И вернется! Точно. Я ее всякой люблю. Она для меня... Я детей-то оставил у тетки своей – и сюда. Вчера не мог. Бабки делал. А сегодня с утра. Сюрпризом. А остальные-то где? В доме? Или разъехались? Мало ли... А тебя как звать?

КОСТИК. Костя.

ПАРЕНЬ. А меня – Серафим.

КОСТИК *(растерянно)*. Как? Шутишь?!

СЕРАФИМ. Точно! Честное слово!

Костик начинает смеяться.

Смейся-смейся. Мы на этой почве с Серафимой и познакомились. Я, это... ее чуть матом не послал в тот день. Думал, она издевается надо мной. А после-то мы помирились. Хорошая баба. Если б не моя, я бы это... вполне. Душевная. Да моя тоже... С пониманием. Бес ее попутал. Женщины – существа слабые. Им с собой тяжелей совладать, чем нам, мужикам. Она ж это... Как птенец. Пи-пи. Варезку открыла... И соблазнулась... Я сколько живу, всё диву даюсь...

КОСТИК. А почему тебя так назвали?

СЕРАФИМ. Кто ж знает! Я детдомовский. Тетка – это приемная моя. Мы договорились с ней, что я, это... Звать ее так буду. Теткой. А ты что смурной такой? Перепил вчера?

КОСТИК *(тихо)*. Перепил.

СЕРАФИМ. С пивом, наверно, мешал. С пивом нельзя. У меня наутро всегда башка болит. А куда Серафима-то ушла?

КОСТИК. Далеко.

СЕРАФИМ. Вот ведь. А я думал, она со своими курами. Я ж не надолго... Детишки там, понимаешь?

КОСТИК. Понимаю.

СЕРАФИМ. Слушай... это... А там выпить не осталось?

КОСТИК. Осталось. И много.

СЕРАФИМ. Выпить бы за ее здоровье... Это... Да я на транспорте. Нельзя.

КОСТИК. Нельзя.

СЕРАФИМ. Может мне... это... Задержаться здесь? Дождаться Серафимы?

КОСТИК. Долго ждать придется.

СЕРАФИМ. А тетка там. Я их за всё время редко оставлял. Надо было с собой взять. Да только... Ладно... Больше любить будут папку. Как думаешь?

КОСТИК. Я не спец в этих вопросах.

СЕРАФИМ. А я спец? Все когда-то начинают этому учиться. Рано или поздно. Ну так как? Тяпнем с тобой? А? За ее новую жизнь.

КОСТИК *(печально)*. Или смерть.

СЕРАФИМ. Можно и так. Я читал где-то, что мы, когда рождаемся, то мы это... где-то там, в другой жизни умираем. А когда, значит, умираем, то там рождаемся. *(Вдалеке послышались чьи-то голоса. Серафим поднялся.)* Идет кто-то. Не Серафима?

КОСТИК. Нет. *(Тоже встал.)* Гости. Пойдем в дом, Серафим. Выпьем за новую жизнь. *(Уходит.)*

Серафим, потушив сигарету, идет за ним.

СЕРАФИМ. Самое то. Я тоже решил. По новой. Ну, с листа. Читать буду. Образовываться. И вообще... А то, как этот... Как чмо. И перед детьми стыдно. Чего я им? Они сейчас уже интересуются...

Появляются Алексей Львович, Сергей Николаевич и Мария Ивановна.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ *(как-то отрешенно)*. Напрасно они поехали... Зря!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вовсе нет! Косте могло с испугу померещиться. Всем нам надо было ехать! Всем! Что здесь делать? Ждать у моря погоды? Ничего еще неизвестно.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Известно! *(Смеется.)* Во-первых, они не найдут этой «скорой». Не догонят. Откуда она там

появилась? Случайно? Кто ее вызвал?.. А если Серафиму увезли просто на машине. На «мерседесе»... Тогда как? А во-вторых... *(Стонет.)* Господи! Как же теперь быть?.. Во вторых... Она нам... Во спасение была послана...

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(переглядываясь с Марией Ивановной)*. Ты бы пошел в дом. Прилеги..

МАРИЯ ИВАНОВНА. Верно. Что здесь?.. В пыли-то.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Не пугайтесь, я нормален. Даже более чем.

Тихо.

Ее забрали. Да. Время пришло. Хорошенького понемножку.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Кто забрал? Не говори глупостей! Костик мог действительно напугать. Надо верить.

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Ищите теперь встречи с другим существом. *(Смотрит себе под ноги.)* Вот этот жук, может быть, она. Или эта букашка. Хотя нет. Еще рано. *(Оглядывается.)* Сколько же везде перевоплощенных душ! Но мы их не замечаем. Мы их убиваем, топчем. Пожираем. *(Смеется.)* Я теперь понимаю того чувака из больницы. У Мишки.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *(отправляя Алексея Львовича в дом)*. Ты почти не спал. Иди-ка...

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ *(выфываясь)*. Неужели вы не понимаете? Неужели вы ничего не понимаете?.. Нужно, чтобы гром прогремел? Да? Молния сверкнула? И все бы в обморок попадали? Да?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Тихо-тихо... О чем ты?

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ. Нет. Нам и этого мало будет. Нам всего мало будет! Ничто нас не спасет! Ничто! *(Уходит в дом.)*

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вот ведь... *(Через паузу. Смотрит на часы.)* Начался рабочий день.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Позвони. Предупреди.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Зачем? Пусть разыскивают. Хотя раз в жизни меня на работе кто-то будет разыскивать.

МАРИЯ ИВАНОВНА *(с удивлением)*. Тебя никогда никто не разыскивал?..

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Я никогда не терялся.

МАРИЯ ИВАНОВНА *(через паузу)*. Пить хочу.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Да. Надо выпить.

МАРИЯ ИВАНОВНА *(подозрительно)*. С утра?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Уже можно. Да и вообще... А что еще делать?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Ждать.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Одно другому не мешает... *(Вдруг.)*

Я только и делаю, что жду. Отъезда, приезда, встречи, прощания, выходных, зарплаты, автобуса... А жить? Когда же я начну жить?

МАРИЯ ИВАНОВНА. А что ты делаешь сейчас?!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Сейчас я... *(Прислушиваясь к себе.)*

Пожалуй... Обдумываю, как начать... Если, бог даст, всё образуется, и Серафима вернется... То... *(Вдруг.)* С нами ее не будет...

МАРИЯ ИВАНОВНА. Что-что?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ерунда. Мы, Маша, сдохнуть должны, но жить.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Если сдохнуть, как же жить-то? Да еще с утра напиваться... Мне подобного не надо.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Чтобы я – и пил раньше с утра?

Первый раз буду. Жизнь! Свобода!

МАРИЯ ИВАНОВНА *(с иронией)*. Хороша свобода!

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Хороша. Потерпи. И поймешь.

МАРИЯ ИВАНОВНА *(с сомнением)*. Вряд ли.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Да ты уже поняла. Только признаваться не хочешь. *(Уходит в дом.)*

МАРИЯ ИВАНОВНА *(уходя за ним)*. Нет. Не поняла. Ничего не поняла...

КОНЕЦ

Crazy Woman, или «Начинался черный день...»

| театральная история нелепой страсти |

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРИНА ПАВЛОВНА, уже далеко за пятьдесят.
 ВАЛЕНТИН ВИКТОРОВИЧ, без возраста, странный человек.
 АЛЕКСЕЙ, от 22.
 ТАНЯ, от 20.
 ЛЕНА, от 22.
 ВЕРА НИКОЛАЕВНА (Верка) – подруга Марины Павловны.

Действие происходит в крупном провинциальном городе.

– 1 –

Сцена. Репетиция. Но хорошо бы сделать так, чтобы мы сначала не понимали, что это репетиция.

АЛЕКСЕЙ *(он играет героя. Напряженно)*. Можно с вами пообщаться?
 МАРИНА *(она играет героиню)*. Зачем?.. *(Не глядя на Алексея.)*
 Что-то случилось? У нас сегодня нет занятий.
 АЛЕКСЕЙ. Я по другому поводу..
 МАРИНА. Хорошо... Садись.
 АЛЕКСЕЙ *(нервно)*. Постою. Я хотел написать записку. Послать письмо. Хотел встретить вас на улице...И...
 МАРИНА *(недовольно)*. Ну... Что-то случилось?
 АЛЕКСЕЙ. Да нет... Ничего страшного. Хотя... Я в некотором роде напуган..
 МАРИНА *(озабоченно)*. Чем? Что за загадки?
 АЛЕКСЕЙ. Да. Загадки. Знаете, как в легенде. Загадки сфинкса. Отгадаешь – пройдешь, не отгадаешь... Погибнешь.
 МАРИНА *(строго)*. Так что, все-таки, случилось?..
 АЛЕКСЕЙ. Для всего человечества – ничего! Мир остался прежним. Птички поют. Машины едут. Люди блуждают. «Макдоналдс» функционирует. И только для меня... *(С печалью в голосе.)* Действительность слегка сдвинулась. Поплыла не в ту сторону. Как ни странно... Или перевернулась. Как во сне. Да. Мне теперь часто снятся странные цветные сны. И всегда в них присутствуете вы. Уж извините!

МАРИНА (*удивленно*). Я?

АЛЕКСЕЙ. Ну да. Потому что... Вы хороший человек... И учительница хорошая. Но вы еще и красивая женщина. И я... Некоторым образом... Я... Долго мучился, думал... Мне надо от этого освободиться. Вы нам когда-то говорили. Чтобы освободиться от чего-то, надо про это сказать. Назвать вслух. Вот я и решил... И назвал. Короче... Я не равнодушен к вам. Говоря высокими словами... Люблю вас.

МАРИНА (*через паузу*). Опять шутите, юноша?

АЛЕКСЕЙ. Клянусь, не шучу!

МАРИНА. Не верю.

АЛЕКСЕЙ. Вы, как Станиславский...

МАРИНА (*с удивлением*). Ты знаешь, кто такой Станиславский?

АЛЕКСЕЙ. Я много чего знаю.

МАРИНА (*с иронией*). О да... И хорошо умеешь шутить. Порой очень жестоко. Эта шутка про любовь – жестокая.

АЛЕКСЕЙ. Но я не шучу. И тем более на столь деликатную тему.

МАРИНА. Ой ли!

АЛЕКСЕЙ. Зря вы не верите. (*Трагически*.) Извините, что я... вторгся в ваши пределы...

МАРИНА. Какие пределы?... Что за ерунда?

АЛЕКСЕЙ. Это не ерунда.

МАРИНА (*через паузу*). Мы поговорим еще на тему твоей любви. Потом. Сейчас у меня много дел.

АЛЕКСЕЙ (*резко*). Я думаю, ни к чему... Не надо себя мучить. Я действительно пошутил.

МАРИНА (*через паузу*). Зачем?

АЛЕКСЕЙ (*близко подойдя к Марине. С трепетом в голосе*). Если вам удобней думать, что я пошутил... То... Вы потрясающая женщина... Вы... единственная... Я всегда...

МАРИНА (*резко*). Всегда что?

АЛЕКСЕЙ. Я бы не хотел быть предметом обсуждения педагогами и прочим населением... (*Шепотом, печально*.) Не ругайте меня. Услышьте меня. Не презирайте... Мне так плохо...

МАРИНА (*растерянно*). Я... Я должна... (*Резко прекращая «играть»*.) Что за дурацкая фраза: «педагогами и прочим населением...»

АЛЕКСЕЙ (*растерянно*). Но там так было написано, Марин Пална... Я точно выучил.

МАРИНА. Коряво написано. Мне не нравится.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА. В чем дело, почему вы остановились? Марина Павловна!

МАРИНА. Извините, Эдуард Сергеевич, но мне показалось, что должен был быть другой текст. Извините. Фраза... Неуклюжая. Впрочем, если вы считаете, что... Как скажете. Извините.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА. И потом... Почему вы замолчали в конце? Что за «Я должна...» Она пока его не любит. Он не нужен ей, понимаете? Она – супер правильная. А вы сироп тут разводите.

МАРИНА (*резко*). С чего вы взяли?! Она учительница и должна быть деликатной со своим учеником. А драматург, по-моему, плохо понимает то, о чем пишет.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА. Да она дура! Дура, Марина Павловна! А вы пытаетесь играть героиню. Будьте собой! Она совдеповская дура! Она давно уже спеклась. Она совок! Совесть, честь... Принципы дешевые... Она стеба даже не понимает...

МАРИНА. Вы меня выбрали, потому что...

ГОЛОС РЕЖИССЕРА. Да ради бога... О чем вы! Я вас выбрал, потому что вы талант! Умница... Вы – гений, прелесть моя. Оттого и выбрал. Ладно. Прервемся.

– 2 –

Квартира в большом провинциальном городе. Гостиная. Наскоро накрытый стол. В некотором напряжении Марина и ее подруга Вера.

ВЕРКА. Удивила ты меня, подруга... Года три мы с тобой точно не виделись...

МАРИНА (*напряженно*). Да...

ВЕРКА. Все по телефону... Гур-гур... А жизнь-то летит... «Макдональдсы». Реклама. Старое ломают, новое строят. Я улицу нашу не узнаю. Скоро город совсем чужим станет. (*Вздыхнув.*) Выпьем, что ли!

МАРИНА. Выпьем.

Чокаются и выпивают.

ВЕРКА (*закусывая аппетитно*). С чем пришла? Так просто не заявила бы. По себе знаю. Дела, дела... Ох! (*Вздыхнула.*) Так и померем за делами-то...

МАРИНА. Сразу не получится...

ВЕРКА. Умереть-то?

МАРИНА. Рассказать. Опьянеть надо. Да и отвыкли мы друг от дружки. Ты теперь в других сферах летаешь. А я, как раньше, курицей прыгаю...

ВЕРКА. Ой... Хороша курица. Не приbedняйся. Я-то от тебя не отвыкла, подруга... В минус, что ли вышла? Зарплату не выдают? У нас вон... Рядом с нами. У рынка заводик. Всех отправили в неоплачиваемый отпуск.

МАРИНА. Нам пока выдают. Да нет... (*Через паузу.*) Изменилась ты...

ВЕРКА. Прямо! Я, как была портниха, так и осталась. Деньги считать с трудом научилась. Все у меня через одно место... Хотя не скажу, что ничего не получается, но... Эх, иногда, думаю, зачем ввязалась. (*Через паузу.*) Смотри, запьянею и ничего не пойму. Глупости буду советовать... Колись.

МАРИНА. Да, собственно... Что колотьясь?... Не молодеем.

ВЕРКА. Это точно.

МАРИНА (*тихо*). Завязать решила с педагогикой.

ВЕРКА (*со вниманием*). Уже интересно...

МАРИНА. И из театра тоже ухожу...

ВЕРКА (*с удивлением*). Во как. Нынче, конечно, кризис во всем. Но... Ты вчера сказала, что наконец-то роль новую в театре дали. И вдруг «ухожу»... За ночь отняли?

МАРИНА (*напряженно*). Роль! Если бы ты знала, какую я роль получила?! (*Вздыхнув.*) Господи! Издевательство судьбы... Да и как я должна эту роль играть? Что этот... придурок от меня требует?! У них же все с ног на голову... (*Смеется.*) То ничего, то...

ВЕРКА. Тебя бы на мое место. Я бы никогда ни в какую коммерцию не влезла... Нужда! И упрямство. И последний муж мой сподвигнул. А ты – творец! У тебя, может, второе дыхание. Новый режиссер, новая роль. С жиру, извини, бесишься.

МАРИНА (*с иронией*). С жиру... Похоже.

ВЕРКА. А то!

МАРИНА. Как мне тебе объяснить...

ВЕРКА. Не знаю... Объясни. Ближе тебя у меня никого не было. И нет. Да и у тебя, моя дорогая. Так что... Раз пришла...

МАРИНА. Верно... Раз уж пришла... (*С трудом.*) Недовольна я всем, Вера. Тошно, хоть вешайся.

ВЕРКА. А кто доволен? Глупости! Радуйся тому, что есть!

МАРИНА (*посмотрев на Веру с иронией*). Разучилась.

ВЕРКА. Напрасно.

МАРИНА. Я, думаю, не одна я. Полстраны, если не больше, забыли, когда в последний раз улыбались.

ВЕРКА. Ты за страну-то не надо. Ты за себя.

МАРИНА (*хмыкнула*). Все мои победы со студентами... Домашние радости. Какой из меня педагог. Я – актриса. Люблю сцену. А выхожу на нею... Раз в месяц. Да и то, в чем?.. Иногда стыдно в глаза людям смотреть. (*Встала из-за стола и заходила по комнате.*) Но главное... Жизнь бежит. Время другое. Интересы другие. Я – другая. Постарела. Дети – другие. Я иногда их не понимаю. То есть понимаю... Но принять не могу! Их меркантильность

жуткую... Их ограниченность, инфантильность. Мне иногда их так жалко... Но исправить ситуацию не могу... Мы с ними на разных языках говорим. ...Да я в последнее время со всеми стала на разных языках разговаривать. Мир сошел с ума? Или я... Скорее, я. Потому что порой не понимаю, что происходит. Как воспринимать? Все другое. И при этом оно такое необъяснимое оказывается, что... А в театре у нас... Я и театр перестала понимать... Пьесы дурацкие. Чаще всего... чернушные... И что режиссер говорит... Этот наш новый главный. Он же с другой планеты. И видно, что самоучка. Как его только назначили? Кто?.. Не нашлось, видимо, никого. Все, кто поспособнее, в Москве хотят работать. А у нас... Кого найдут... Везде деньги, деньги... А искусство? А душа?.. Нет! *(Замолчала.)* Ты даже не представляешь, сколько я всего могу тебе наговорить. Зачем только? Воду в ступе толочь... Разочаровалась. Во всем... Неинтересно мне стало... Видеть. Слышать. Устала я. Лучше уйти. Вовремя. Куда-нибудь! В никуда. В пространство! Чем мучиться так глупо и бессмысленно. Да и честней будет. Уступить место молодым... Мы давно уже никому не нужны.

ВЕРКА. Тихо! Подожди... Сядь! Давай порциями хотя бы. А то у меня голова загудела... Налетела, как паровоз.

МАРИНА. Извини... Понесло бабу... Опьянела, наверно. Проблем много. Все смешалось. Да. Глупо. Ты права... Сидела без дела. И вдруг: нате. Подарили. Облаготетельствовали. Понадобилась. На крыльях должна летать. Да. Только не летается... Потому что... Есть причина... Есть одна глупая, но очень важная причина. Может быть, я и... И молчала в тряпочку. А тут вот... Совсем сдурела... *(Смеется.)* Расчувствовалась я с тобой. Выпила и рассопливилась. Возраст.

ВЕРКА. Ну, не томи!

МАРИНА. Платье-то у тебя красивенькое. Сама шила?

ВЕРКА. Жди. Я уж не помню, когда к машинке подходила.

МАРИНА. Я бы заказала тебе, как раньше...

ВЕРКА. Опоздала.

МАРИНА *(тихо)*. Влюбилась я, Верка.

ВЕРКА. Ну? *(Подумав.)* И что же тут печального? Не вижу связи.

МАРИНА. И сильно. Очень! Спать ночами не могу. А если могу... То такое снится... Что лучше не засыпать. Фильм ужасов. И порнография. Не знала, что в моем возрасте можно так влюбиться.

ВЕРКА. Класс! «Любви все возрасты покорны». Я тебе завидую, подруга. И кто же он?

МАРИНА. Вот в этом-то вся и печаль...

ВЕРКА. Да?.. Жду очередных откровений. Только выпьем сначала.

МАРИНА. Выпьем.

Выпивают.

ВЕРКА. Ты закусывай, а то быстро окосеешь. Икорку бери... Капустка... Ну, и кто он? Из артистов? Или случайный прохожий? Из obsługi? Смотри, если дурак, я твою любовь быстро отважу. Уйдет, как инфлюэнция...

МАРИНА. Он... студент. *(Проникновенно.)* Наш студент. Мой студент.

ВЕРКА *(оторопело, через паузу)*. Кто? Ты что, ду-у-ра... Ты... Ты чего?

МАРИНА *(сдержанно)*. Вот такая я...

ВЕРКА. Может... придумала себе?.. Пройдет.

МАРИНА. Если бы... Дорогая моя. Серьезно, как твой бизнес.

ВЕРКА. Мой бизнес – вынужденная афера.

МАРИНА. А у меня... *(Печально.)* Тоже афера. Запоздалое... сумасшествие. Или... Наваждение.

ВЕРКА *(серьезно)*. Хоть нынче и... что называется, сплошной разврат на каждом углу, но за это по головке могут не погладить. У нас же народ отсталый. А институт ваш... Детки твои. А город... Это тебе не Москва. Все на виду... Люди... Дремучие. Как были совки, так и остались. Они ж тебя... Да и как же идеалы-то твои... Извини. Озадачила ты меня, подруга!

МАРИНА. Ой... Сама ничего не понимаю. Все в голове смешалось... И в душе.

ВЕРКА. Если что... Тебя выгонят сразу отовсюду.

МАРИНА. Я сама уйду.

ВЕРКА. Ославят на всю страну.

МАРИНА. Не смей. Стране-то не до меня. Другой дурусти хватает. Это здесь... Стану наконец-то знаменитой.

ВЕРКА (*качая головой*). Дура. (*Через паузу.*) ...Он хоть красивый?

МАРИНА. Ну... Ничего так... Разве в этом дело? У него душа...

ВЕРКА. Душа у всех есть. Вроде бы. И кто? Скажи мне! Я их всех видела. Давай! Признавайся!

МАРИНА. А я от тебя и не собираюсь скрывать... Это Леша... Леша Апин... Помнишь, светленький такой...

ВЕРКА. Че? Ты... Это же... Я тебя не понимаю... Он же урод. Ты посмотри на него! Он же... Тощий... Страшный... Глаза огромные... Волосы торчком. Ты чего? Ты... Вообще... Проснись, подруга!

МАРИНА. Для меня он хороший... И я его люблю. И всё!

ВЕРКА. Любовь, конечно, зла... Но в нашем-то возрасте... Ты меня озадачила, Машка. (*Через паузу.*) Хочешь, я тебе одного представительного уroda покажу? Очень интеллигентный. Ты в него сразу влюбишься. Клянусь. И забудешь про своего шпендрика.

МАРИНА (*кричит*). Он не шпендик! Он прекрасный! И не смей его обзывать! Это ты дура! Потому что в любви ничего не смыслишь!

ВЕРКА. Ого-го... Это я-то не смыслю... После того, как я своего третьего мужа подалше послала?! Машка... Он же студентик. Желторотый подросток! Он тебе в сыновья годится. Если уже не во внуки... при ранних-то браках. Да ты соображаешь...

МАРИНА (*гордо*). Я соображаю! Да. Я еще не сошла с ума. Поэтому и ухожу! Чтобы не видеть, не слышать... Я... не могу его спокойно... Я... Если б ты знала, каких усилий мне стоит себя не выдать.

ВЕРКА. Да они уж давно заметили, поди. Особенно девки.

МАРИНА. Ничего не заметили! Я его ругаю чаще других. И девочки, наоборот, считают, что я к нему придира-

юсь. Одна особенно. «Марина Павловна, почему вы так мучаете Лешу? Он от ваших замечаний зажимается».

ВЕРКА. Эх, она смелая какая. Поди, его обожательница. А ты зачем себе позволяешь?! Послать ее подалше, чтобы не вякала.

МАРИНА. Я на него почти и не смотрю. Только всё по делу... Может быть, он и чувствует что... Где-то на уровне подсознания. Ой, Верка! Как же я его люблю! И ведь понимаю все! Мальчик! Ребенок...

ВЕРКА. Хорош ребенок! Да он еще до института, поди, трахаться научился.

МАРИНА. Прекрати! Самое скверное, что я им про нравственность говорю... Про высокие материи... А сама... Знали бы они, какие мысли у меня возникают, какие сны мне снятся... Господи! Стыд-то какой!

ВЕРКА. Да... (*Подумав.*) Видать, есть что-то в вашей профессии эротическое. (*Успокаивая.*) Может быть, наоборот... Посудачат, да и забудут. (*Разливая.*) Не переживай, подруга! Чего-нибудь придумаем. Главное: что с ним делать? Поймет он тебя или пошлет, куда подалше. Давай выпьем!

МАРИНА (*печально*). Не хочу больше.

ВЕРКА. А я выпью. (*Выпивает.*) Эх! Не отказалась бы я хоть кого-нибудь так же полюбить... Да вот только что-то не получается. Словно застыло всё внутри. Пустота. Старость приблизилась... (*Закусив.*) Сначала, наверно, надо ему сказать. Прояснить, так сказать, ситуацию. Для него это должно быть очень почетно, он обязан пойти навстречу тебе. Потом...

МАРИНА. Верка! Это ты дура! Кому сказать? Я еще не такая сволочь, чтобы портить человеку жизнь.

ВЕРКА. Чем же портить?! Ему это в кайф! Преподавательница влюбилась. Заслуженная артистка. Да он гордиться должен. Другое дело, сказать никому нельзя... Но для внутреннего самоуважения ему твоя любовь в самый раз!

МАРИНА. Прекрати! Слышать не могу! Мерзости! Зачем я рассказала тебе?!

ВЕРКА. Сама ты мерзость... Я, в отличие от тебя, – деловая женщина. У меня доход знаешь какой?.. Тьфу-тьфу! Я надеюсь кризис пережить, и с наваром к тому же. Давай сначала выпьем еще, и я тебе сюрприз устрою. *(Разливает.)*

МАРИНА. Я не пьяница. Сказала, что не хочу.

ВЕРКА. Давай-давай... Мы выпили-то. Дозы для мышей.

МАРИНА *(тихо)*. За что мне такое наказание? Всю жизнь искала любимого. Два раза даже пыталась бракосочетаться... И всё как-то... Расстраивалось. Помнишь Кольку Будинцева? Он ведь мне в некотором роде нравился. Почему-то Надьку Шатунову выбрал. А Козлов Петр? Проходу не давал... Как собачка за мной по пятам бегал... Только не любила я его... представить себе не могла: как это я с ним буду вместе. Да еще в одной постели. Он в итоге и отстал. А надо было хотя бы к себе подпустить. Пусть бы ребенка мне сделал. Дура! Я ведь потом уже... Многих к себе приглашала... Ну, не совсем уж многих. Но человека четыре было... Даже Федька Костин ночевал у меня. Я его специально заманила. Ради ребенка. Последняя надежда была. Не мужик, так хоть ребенок. Ничего не получилось. Не понял. Высоко нравственным вдруг сделался. Испугался, наверно. А ведь с кем только ни спал, а со мной испугался... Вот ведь...

ВЕРКА. Да-а, Машка, докатилась ты...

МАРИНА. Устала я так жить... Бесперспективно. Скоро в ящик... Зачем жила? Для чего?

ВЕРКА. Будет тебе прибедняться... Ты не какая-нибудь продащица или уборщица. Тобой люди любят. На тебя в театр ходят. Чего чушь порешь!

МАРИНА *(возмущенно)*. Кто любит? Кто ходит-то? Окстись! Я уж давно в тираж вышла. Меня никто и не помнит уже. А новые и не знают. Провинциальная актриса... В возрасте. Всеми забытая и никому ненужная. Профукала свою жизнь.

ВЕРКА *(возмущенно)*. Что ж ты так всех нас опускаешь! Ты для нас была... «луч света в темном царстве...» Поко-

ление на тебе воспитывалось! До сих пор Джульетту твою помню... Чудо какое было. Раз десять смотрела и всё рыдала!

МАРИНА *(посмотрев на Верку сочувственно)*. О... Ну была я молодой в популярности. А потом? Не говори ерунды! Кто воспитывался? Когда? При советской-то власти... Всё было другое. А сейчас...

ВЕРКА. Хочешь сказать: лучше было?

МАРИНА. Нет. Не хочу! Я хоть и в славе была, но настрадалась. Прилично. Не дай бог кому... Только и нынче... Возраст. Время. Оглядишься вокруг! Хотя, что я... Хватит об этом! Тошно. Эх! Давай наливай.

ВЕРКА. Ну вот! *(Разливает.)*

МАРИНА. Не бойсь. Не сопьюсь. Организм не позволит.

ВЕРКА. Оно и к лучшему. *(Выпив, встает.)* Сиди здесь! Сейчас приду. Кто звонить будет, скажи: «Сейчас придет». Поняла?

МАРИНА *(напряженно)*. А ты куда?..

ВЕРКА. Сейчас... Здесь рядом. Две минуты.

МАРИНА. Что рядом? Ты чего задумала?

ВЕРКА. Сиди. Жди. *(Выходит.)*

МАРИНА *(тихо)*. Куда пошла?.. *(Встает. Ходит по комнате. Достает мобильник, набирает номер.)* Алексей... Да. Вы помните, у вас завтра репетиция. Да. Ворков просил знать текст. Да... Думаю, на сцене. Хотя... Не знаю. Весело, весело... Я не иронизирую, что вы. Это у вас сплошная ирония. Ведите себя прилично... На всякий случай. Предупреждаю. ...Нет. Конечно, никогда. Но, мало ли... До свидания!

Выключает телефон. Возвращается Верка.

ВЕРКА. Черт! Куда делся? Час назад еще был...

МАРИНА. Кто был?

ВЕРКА. Да один хороший человек. *(Разливает.)*

МАРИНА. «Приличный урод», с которым ты меня хочешь познакомиться?

ВЕРКА. Не-ет. Тот другой. Этот... Ладно... Давай выпьем. Ведь ни в одном глазу. Что мы, как дети.

МАРИНА. Иногда я думаю, что до сих пор не вышла из этого возраста... Мне много нельзя. Голова будет болеть.

ВЕРКА. Не будет, если с закуской и соком. *(Поднимает бокал.)*
Пьем.

МАРИНА. Нет. Я сок. За тебя! За твою будущую любовь. Чтобы, наконец, нашелся человек...

ВЕРКА. Человеков-то много, подруга. Любимых нет.

МАРИНА. Вот пусть и найдется. Любимый.

Звонок.

ВЕРКА. Нашелся. *(С удивлением.)* Я ему эсэмэску послала... *(Идет открывать.)* А он и объявился.

Возвращается с мужчиной в стареньком свитере. Внешности потрепанной, но интеллигентной.

Знакомьтесь. Марина Павловна. Должны знать. Актриса любимого всеми драматического театра. А это – Валентин Викторович, недавно переехал в соседнюю квартиру по обмену...

ВАЛЕНТИН. Да... Обстоятельства, так сказать, потребовали... Здравствуйте!

МАРИНА. Рада познакомиться.

ВЕРКА. Садимся. *(Разливает.)* И пьем.

МАРИНА *(извиняясь)*. Я, Валентин Викторович, уже порядочно выпила, так что извините... А вы, пожалуйста...

ВАЛЕНТИН. Да и я, собственно... Редко. По праздникам разве что...

ВЕРКА. А сегодня и есть праздник. Знакомство с талантом. Узнали?

ВАЛЕНТИН *(неуверенно)*. Узнал? Да... Мы с женой...ходили в театр. Раньше. До развода... А нынче вот... Пришлось жилплощадь поделить... И я... Собирался. Перемещался...

ВЕРКА. Вот, Машка, мужчина, что называется, сразу все карты раскрывает. Мол, я один, можете на меня рассчитывать...

ВАЛЕНТИН *(смутившись)*. Да нет... Я к тому, что... Здесь объявился... И обмен... И вообще... И в театр было некогда...

ВЕРКА. Да не пугайтесь вы так, Валентин Викторович! Правильно действуете!

ВАЛЕНТИН *(слегка раздраженно)*. Я никак, Вера Николаевна, не действую. Я же сказал, что...

ВЕРКА. Пьем! За знакомство!

МАРИНА. Пьем.

Все трое молча пьют. Марина – сок.

ВЕРКА *(представляя)*. Валентин Викторович во Дворце железнодорожников работает. Фотограф.

ВАЛЕНТИН. Да. У меня там студия. ...Я, кстати, вспомнил... Я когда-то снимал вас в спектакле... Вы в белой кофточке были. Забыл только название... Мне не особо понравилось действие... Но... Меня попросили. Надо сказать, вы там были очень выразительны.

МАРИНА. Интересно, что же это за спектакль? Давно было. В белой кофточке... «Три девушки в голубом» Петрушевской?

ВАЛЕНТИН. Может быть... Не помню... Совсем не помню. Даже сюжет... Женщины... Мужчина. Кажется, народ смеялся.

МАРИНА *(с иронией)*. У нас много спектаклей, где народ смеется. Мы это любим. Смеяться.

ВАЛЕНТИН. «Мы» – это кто?

МАРИНА. Ну... все...

ВЕРКА. Я, например. Обожаю смеяться. Не люблю вашу мерехлюндию...

МАРИНА. Что ты имеешь в виду?

ВЕРКА. Ну... Про страдания. Достоевского вашего. И так тошно, еще на сцене про несчастья смотреть.

МАРИНА. Видите! Достоевский уже не нужен. Подавайте нам Петросяна.

ВЕРКА. Да и Петросян уже устарел. Сейчас все на молодняк любят... Смотрела «Камеди Клуб»?

МАРИНА. Я телевизор не смотрю.

ВАЛЕНТИН. ...Вы репетируете сейчас что-нибудь новое?

МАРИНА *(вдруг)*. Нет. Не дают. Не люблю новое. Я консерватор. Поэтому меня и не занимают.

ВЕРКА (*с удивлением*). Не слушайте ее! Ей новую роль дали! Главную!

МАРИНА. Пожалуй, я пойду.

ВЕРКА. Как же! Отпустим мы тебя.

МАРИНА. Я и спрашивать не буду.

ВАЛЕНТИН. Я тоже мало люблю новое. Но иногда появляются вещи... Заслуживающие внимания.

МАРИНА (*с вызовом*). Например.

ВЕРКА. Давайте-ка выпьем с вами, Валентин Викторович!

А то она вас сейчас заговорит.

ВАЛЕНТИН. Давайте.

Пьют. Марина не присоединяется.

Вероятно, вы не знаете. Они не так давно появились... Я видел у них в подвале хороший спектакль. Называется: «Я ушел».

МАРИНА (*с иронией*). Впечатляющее название. Я тоже... (*Вставая.*) Ушла.

ВАЛЕНТИН (*тихо*). Как и сам спектакль.

МАРИНА (*с иронией*). Проходили мы всё это... Было! И подвалы. И чердаки. Ничего нового не придумать уже. Тем более сегодня, когда мы так пали, что... Вряд ли поднимемся... Нет того театра, который был!

ВАЛЕНТИН. А зачем тот, который был? Может быть, нужен тот, который сегодня?

МАРИНА. Да. Новый. А я уже старая. И новое меня не волнует.

ВАЛЕНТИН. Но бывает, что и мы сами виноваты. Не понимаем. Или... Не хотим понимать.

МАРИНА. Слышали. Не доросли. Отстали. Или законсервировались. Да-да. Я из таких. Консервы.

ВАЛЕНТИН. Можно вас проводить?

ВЕРКА (*поспешно*). Правильно. Проводите.

МАРИНА. Зачем? Здесь недалеко... (*Подумав.*) Хотя... Проводите, если не лень... До свидания, подруга. Я тебе позвоню.

ВЕРКА. Я тебе тоже. И смотри у меня... Без глупостей. Иначе...

МАРИНА. Скандал устроишь?

ВЕРКА. Шути-шути...

МАРИНА. Целую.

ВАЛЕНТИН. До свидания.

Уходят.

– 3 –

Пространство перед театром. Сквер. Или площадь.

ТАНЯ. Эдик меня не возьмет в театр.

АЛЕКСЕЙ. Да брось ты! У него таких способных нет.

ТАНЯ. Есть. Не утешай!

АЛЕКСЕЙ (*обнимая*). ТЮЗ есть. Еще какой-то подвал появился. Говорят, там хорошо. На худой конец в «Куклы» можно...

ТАНЯ. Жесть! Не хочу я ни в «Куклы», ни в подвал.

АЛЕКСЕЙ. В Москву поедем показываться.

ТАНЯ. Там своих хватает. Да и знаешь... (*печально*). Я не желаю, чтобы ты из-за меня всего лишился.

АЛЕКСЕЙ. Всего «чего»?

ТАНЯ. У тебя роль уже! Почти главная! Редкая удача. И Эдик к тебе благоволит... Не хочу.

АЛЕКСЕЙ. Вадика в прошлом году взяли в Вахтанговский. И нас возьмут.

ТАНЯ. Исключение. Нет... Тебя, может быть, и возьмут. А актрис там... Навалом!

АЛЕКСЕЙ. Не кисни... Придумаем что-нибудь.

ТАНЯ (*отчаянно*). Когда уже поздно будет!

АЛЕКСЕЙ. Прекрати!

ТАНЯ (*вдруг*). Знаешь, она тебя в театре достанет.

АЛЕКСЕЙ. Кто?

ТАНЯ. Машутка. Это наверняка она постаралась. Словечко за тебя замолвила.

АЛЕКСЕЙ. Тю-тю... Я и сам пацан что надо.

ТАНЯ. Конечно-конечно, только курс-то не главного. Эдик и знать не знал, что ты существуешь.

АЛЕКСЕЙ. Хочешь сказать, что я ей всем обязан?

ТАНЯ. Хочу сказать, что мне тебя жалко.

АЛЕКСЕЙ. То есть?

ТАНЯ. Она тебе проходу не даст.

АЛЕКСЕЙ. Да я ей по барабану.

ТАНЯ. Ой! Признаться не хочешь. Тебе же льстит, что она на тебя запала.

АЛЕКСЕЙ. Да ладно?! Когда?

ТАНЯ (*с иронией*). Когда?

АЛЕКСЕЙ. Она по роли в меня влюбляется. Оттого так активно себя и ведет.

ТАНЯ. Это всё игра, дорогуша?

АЛЕКСЕЙ. Что, «всё»?

ТАНЯ. Думаешь, я – дура? И не могу разобраться, где правда, а где что? Ты когда-то говорил, что они так и выются вокруг тебя... Учителя. В школе с седьмого класса физичка доставала... Потом... в театральном кружке... (*С иронией*.) Скоро она на тебя полезет.

АЛЕКСЕЙ. Ты... Посмотри-ка сюда...

Поворачивает ее голову.

Не выспалась?

ТАНЯ. Оставь!

АЛЕКСЕЙ. Чего ты мудришь?

ТАНЯ. Вы с ней по пьесе должны целоваться.

АЛЕКСЕЙ. Ну.

ТАНЯ. Баранки гну. Не нервничай так. Ничего страшного.

АЛЕКСЕЙ. Я нервничаю?

ТАНЯ. Не такая уж она и противная. Когда поцелуетесь...

Потом расскажи... О'кей? Как это будет происходить?

Какие ощущения? Интересно.

АЛЕКСЕЙ (*качает головой, сморщившись*). Что-то я не догоняю!

ТАНЯ. Ой, Лешенька... Не прикидывайся.

АЛЕКСЕЙ (*обнимает, целует Таню*). Золотко мое... Тигрица моя... Ты ревнуешь?

ТАНЯ. Я не тигрица, я рысь... Р-р-р... (*Тихо, сморщившись*.)

Не знаю... Может быть, она и играет... Хорошая актриса. Но ты, Лешенька, не совсем опытный, извини.

Можешь обмануться...

АЛЕКСЕЙ. А ты как бы предупреждаешь?

ТАНЯ. Я же все-таки люблю тебя. Между прочим.

АЛЕКСЕЙ. Понятно.

Пауза.

Мы в институт пойдем или как?

ТАНЯ. Зачем? Там нет никого.

АЛЕКСЕЙ. Ты ж в деканат собиралась зайти.

ТАНЯ. Там разошлись уже все. Пошли в «Бегемот».

АЛЕКСЕЙ (*извиняясь*). Далеко. У меня завтра с утра репетиция.

Пауза.

ТАНЯ (*зло*). Пипец... Началось.

АЛЕКСЕЙ (*с удивлением*). Что началось-то? Мы никогда с тобой не ходили по клубам, если с утра занятие.

ТАНЯ. Неужели?

АЛЕКСЕЙ. Ну да!

ТАНЯ (*спокойно*). Как же ты изменился, Лешенька... Как же ты изменился за этот месяц.

АЛЕКСЕЙ. В чем же?

ТАНЯ (*через паузу*). Проводи меня хотя бы. Это-то ты сможешь сделать? Или тоже...

АЛЕКСЕЙ. Да что за базар? Ты чего, обиделась?

ТАНЯ. Нет. Я хотела сходить в «Бегемот», если ты не хочешь, то я пойду домой.

АЛЕКСЕЙ. Ну, можно потусить... В парке дыхнуть.

ТАНЯ. В парке ветряк.

АЛЕКСЕЙ (*уступая*). Ну, хорошо. Пошли в твой «Бегемот».

ТАНЯ (*резко*). Он не мой! И не надо мне одолжений.

АЛЕКСЕЙ. Да при чем тут... Я же сказал: пошли. Просто сказал.

ТАНЯ. ...О, йес. Посади меня на маршрутку. Я уже не хочу пешком.

АЛЕКСЕЙ. Почему?

ТАНЯ. Вспомнила, что меня бабан просила прийти пораньше, извини.

АЛЕКСЕЙ. Я тебя не понимаю. Я чего?..

ТАНЯ. Ты не «чего». Ты уже артист. А я еще студентка. Увидимся завтра.

АЛЕКСЕЙ. Да постой ты! Тань, что в тебя влезло? Я же люблю тебя!

ТАНЯ. Я верю. Я тоже люблю. Но в меня влезла бабан. Я забыла. Она меня ждет. Вот и транспорт. Да завтра! (*Убегает.*)

– 4 –

Помещение фотостудии Валентина.

МАРИНА. Эта пьеса... Спектакль. Угнетает меня. Когда он стоит рядом... Говорит такое, что я... Нет. Трудно вам объяснить. В любой роли, даже в самой далекой, казалось бы, от тебя... Даже когда играешь убийцу... Хотя мне еще не приходилось играть ничего подобного, вкладываешь себя. То есть находишь это в себе. Должна найти это в себе! Иначе – халтура! Как все эти сериалы, где никто ничего не вкладывает, а играют по поверхности. Какие-то куклы разговаривают – и всё. И самое страшное, что публика этому верит. Им нравится. Эта фальшивка! Нравится! Они уже отучились отличать настоящее от фальшивого. Как и критики тоже... Так вот... Этот юноша... Он стоит рядом и произносит слова, от которых у меня... Мурашки по телу. И хочется... не смеяться, рыдать.

Пауза.

ВАЛЕНТИН. Я понимаю... Ко мне в студию одна девочка ходит... Ну не совсем девочка... Ей уже двадцать два... Считай, девушка. А для меня – девочка... Когда пришла,

ничего не умела. Совсем. «То покажите... Это... Какой кадр, куда встать...» Ну, я показывал, рассказывал... Можно сказать, душу вкладывал. А в один прекрасный момент... Чувствую... Как-то слишком дорога она мне стала. ...Болеет. Хочется вылечить ее. Устала. Как-то подбодрить. В печали развеселить... И когда я осознал свою привязанность, то шибко испугался... Жене даже боялся рассказать... Думаю, ну точно влюбился. Всё! Попался. А потом... Поразмышлял... Пофантазировал слегка. И утвердился в том, что... Ничего печального не произошло. Я ж не собираюсь с ней спать. И вообще... Лена для меня, как дочка... Я всю жизнь хотел дочку. А не получилось. Да у нас вообще с женой много чего не получилось... Изначально мне было известно, что она детей иметь не может. Еще когда только встречались, призналась. Так вот... Это всё на нее... И стало переноситься. На Лену... Кому-то передать, что знаешь... Умеешь... Она одна живет. Родители развелись... Почти и не видит их. Короче, я понял, что ничего скверного не хочу... И что всё, что я осуществляю по отношению к ней, естественно и нормально. А уж кто как воспринимает, это их дело... Главное, чтобы она понимала...

МАРИНА (*резко*). И она поняла?

ВАЛЕНТИН (*через паузу*). Боюсь, что нет. Как-то мы нынче... на расстоянии с ней общаемся. Словно пробежал кто. Кошка или зверь какой... Ну... Мне, лишь бы ей хорошо было.

МАРИНА (*через паузу*). Не тот случай. Не утешайте. У нас с вами разные ситуации. Может быть, для вас девочка – дочка, а для меня мальчик... Я... Уж извините. Не отказалась бы переспать с ним. Потому что люблю его, как женщина может любить мужчину. Тем более что, по-моему, он давно уже не мальчик. Разве что для его мамы. Мама бы узнала, наверно, убила меня. Нет. Может быть, и хорошо было иметь такого сына, как Алексей. (*Смеется.*) Или внука... Я бы другого по харак-

теру и поведению и не желала бы... Но, извините. (*Через паузу.*) Так что ничего у нас с вами не получится. Я люблю его. Сильно люблю. А вас... уважаю. Вы человек, приятный во всех отношениях... И переспать мы с вами можем, если ситуация позволит... Но... Я обязана была предупредить. Не хочу, чтобы вы иллюзии строили.

ВАЛЕНТИН (*через паузу*). Да я как-то устал иллюзии строить... Вы мне нравитесь... И нравитесь... А что из этого выйдет... С некоторых пор я перестал задумываться о будущем и живу днем сегодняшним.

МАРИНА (*цитирует*). Как птицы небесные.

ВАЛЕНТИН. Вроде того. Жизнь такие сюрпризы подбрасывает. Такие поворотики, что... Некогда строить. Не успеваю. У меня до сих пор в квартире вещи не разобраны. Коробки, тюки... Склад. Я от того и не приглашаю вас к себе.

МАРИНА (*с иронией*). А я-то думала...

ВАЛЕНТИН. Что ж вы думали?

МАРИНА. Решила, что вы слишком деликатный. Стесняетесь.

ВАЛЕНТИН. Оттого и ведете себя со мной так, словно вы... (*Вдруг замолчал.*)

МАРИНА. Интересно-интересно... Как же я себя веду?

ВАЛЕНТИН. Разыгрываете... женщину, всё познавшую, ни во что не верящую...

МАРИНА (*резко*). Никого я не разыгрываю. Я такая и есть. Мне хватает на сцене разыгрываний. А здесь я... Вот она. Говорю правду. Позволяю себе быть дерзкой, бестактной. Даже наглой, порой.

ВАЛЕНТИН. Но на самом деле вы другая. Совсем другая.

МАРИНА. Ну да? Заинтриговали. Какая же я... на самом деле? Тихая? Скромная? Деликатная? Интеллигентная?

ВАЛЕНТИН. Страдающая.

МАРИНА (*смеясь*). Ох, разоблачили! Естественно! А как же иначе? Втрескалась в котенка, который чуть ли не во внуки мне годится... Тут и не захочешь, а на стенку полезешь.

ВАЛЕНТИН. Я о другом страдании.

МАРИНА. О! Страдание – оно и есть страдание. Не придумывайте, пожалуйста, всякие выкрутасы... Это уже достоевщиной пахнет.

ВАЛЕНТИН. Я хотел сказать, что... Тайна, которую вы носите в себе... И о которой вряд ли кто догадывается... Вас так измучила... Так вас... извела, что... Лезть на стенку – это семечки. Тут и самоубийство не поможет... потому что это больше, чем себя жизни лишиться... Больше, чем рыдать и головой биться... Это... Когда вдруг уже ничего не хочется... А все живешь.

МАРИНА (*с удивлением глядя на Валентина*). Да вы... Бо-о-ольшой фантазер. Сочинитель... Красивых романов читались? Или сериалов посмотрелись? Что вы тут за глупости говорите? Из какой пьесы или повести слова... В каком кино слышали?

ВАЛЕНТИН. Вероятно, жизнь вас была...

МАРИНА (*язвительно*). О! Как банально. А кого она не была? У кого не было разнообразия трагических поворотов судьбы? В мои-то годы...

ВАЛЕНТИН. Одних бьет, и ничего. А других... У других от этого... От всех перипетий... Как бы это сказать... Там... В душе. Где-то внутри человека... Рождается... (*Замолчал.*)

МАРИНА. Что же, интересно? «Неведома зверушка»?

ВАЛЕНТИН. Назовем это тайной. Вы же Большая Актриса... А Актриса без тайны – не актриса.

МАРИНА (*смотрит на него пристально, потом смеется*). Боже! Большая актриса... Большие не сидят по пятнадцать лет без работы. Как же я сразу не догадалась. Вы же меня так обольщаете. Ого-го... Хитро-хитро... И умело. Я хоть и не очень поверила, но купилась... Только всё равно у вас ничего не получится. Любовь зла! Мне этот ребенок весь белый свет затмил. И тайна моя единственная в том, что... Иногда я готова на всё пойти... В ноги к нему броситься. К нему! Мальчишке! Возьми, мол, не откажи! Издевайся надо мной, как хочешь,

только не отталкивай! Иначе... Сдохну! С ума сойду! Руки наложу! Вот она, Валентин Викторович, тайна! Вот она, настоящая Достоевщина... Я когда в «Карамазовых» играла, не знала, что такое бывает на самом деле... Думала, преувеличил слегка классик. Ан, нет! Мучаюсь! Себя мучаю и окружающих, кто под руку попадет. *(Через паузу.)* Нет! Я уеду, наверно! Всё брошу к чертовой матери и уеду отсюда... У меня троюродная тетка в Питере живет. Может, к ней подамся. Квартиру обменяю... Не получится у нас с вами ничего, Валентин Викторович. Зря вы меня полюбили, если, конечно, полюбили... А то думаю, пустяки... Баба нужна. Почему бы и не я... Только вы не знаете... Я сумасшедшая. Я же ведь бываю сумасшедшей. Особенно, когда роль готовлю. Да еще перед самым выпуском... О! От меня один мужик убежал прямо посреди ночи. Не выдержал моих переживаний перед премьерой. Я тогда Джульетту готовила... Ох, чего было! А он парень крепкий, спокойный. И любил меня. Да сбежал. Послал меня подальше. Надоели ему мои истерики. *(Поежившись.)* Что-то прохладно тут у вас... Пора, пожалуй. Да и времени много. У меня дел прорва... Я, честно говоря, не привыкла, вот так вот... Ничего не делать. Ситуация просто изменилась. Отменила репетиции со студентами. Вот у меня время свободное и появилось... А так... Все бегу, бегу...

ВАЛЕНТИН. ...Я слишком мало внимания уделял жене. И она встретила другого. Повнимательней. Я на фотографировании в некотором роде тоже помешался. Так что и со мной не очень-то...

МАРИНА. Вот и выяснили отношения. Можно и прощаться. Вы не провожайте. Мне еще надо в магазин зайти.

ВАЛЕНТИН. И по большому счету... Я думаю, что я ее не любил. Жалел, что ли... Или... Привык. Мы вместе учились в институте. Вместе в театр, вместе в кино, в клуб... Мне иногда кажется, что я жил в каком-то тумане. А может быть, я и сейчас в тумане живу. Сliš-

ком многое проходит мимо меня. Провинциальная жизнь... Она... Ненормальная. Я когда в Москву выбираюсь, совсем себя по-другому чувствую.словно... На другую планету попадаю. В другой мир, который требует жить по-другому.

МАРИНА. Так оно и есть. Я не люблю там бывать. Угнетает. Давит что-то... Все несутся, как очумелые.

ВАЛЕНТИН. Да-да... Другая планета.

Звонок.

Странно. Вроде бы никто не должен прийти. *(Открывает дверь. В дверях девушка лет двадцати двух.)*

Лена!

ЛЕНА. Мне надо с вами переговорить. Вы извините. *(Увидев Марину Павловну.)* Здравствуйте! *(Валентину.)* Вы заняты, тогда я уйду.

МАРИНА *(останавливая ее)*. Нет-нет. Это я уйду. Мне пора.

ВАЛЕНТИН. Марина Павловна. Заслуженная артистка нашего драмтеатра.

ЛЕНА. Да. Я сразу узнала.

МАРИНА *(с удивлением)*. Неужели?

ЛЕНА. Нас в школе часто в театр водили. Вы в одной сказке играли старуху в черном. Это же вы были?

МАРИНА *(с иронией)*. Угадали.

ЛЕНА. Я лучше пойду.

МАРИНА *(задерживая ее)*. Я же сказала, что ухожу. Вот ведь она сразу меня узнала. А вы, когда нас познакомили, не смогли. Долго вспоминали. Вы, Лена, пришли как раз вовремя. У нас получается смена поста. Знаете, как дежурство у больного?.. А мы теперь все вроде как больные... И Валентин Викторович, думаю, тоже. Проходите... И прощайте.

ЛЕНА. До свидания.

МАРИНА. Приходите на премьеру. Я скоро премьеру играю. Хорошую роль. Не старуху. И вас, Лена, приглашаю на премьеру.

ЛЕНА. Спасибо.

ВАЛЕНТИН. Я провожу.

МАРИНА. Нет-нет... Мы же договорились. Увидимся. (*Уходит.*)

ЛЕНА. Я прошу извинить, если помешала.

ВАЛЕНТИН. Всё нормально. Мы прощались. Марина Павловна торопилась. (*Достает из сумки альбом.*) Кстати, альбом тебе. Тот, который ты искала. Мне знакомые его отдали. Так что... Бери.

ЛЕНА. Спасибо за заботу. Но не надо, Валентин Викторович. Я не возьму.

ВАЛЕНТИН. Да бери-бери... Не стесняйся. Он мне бесплатно достался. Так что и тебе... Нечего переживать.

ЛЕНА. Нет. Если я и переживаю, то о другом... то есть я не переживаю... а я думаю. Ну и переживала, наверно... Я не возьму. Не могу взять.

ВАЛЕНТИН (*удивленно*). Не понимаю.

ЛЕНА. Я не должна брать, потому что получается, что я как бы... Я, наверно, раньше должна была подумать. Но... В общем... Не надо мне. Я всё равно не смогу... Отплатить. За всё. Вы – мужчина. И... Вы не проявляйте больше заботы обо мне... И я не буду ходить. Потому что я... Вы должны понимать.

Пауза.

ВАЛЕНТИН (*спокойно*). Вероятно, должен... Хотя... Как подобное могло прийти тебе в голову?

ЛЕНА. Я же не родная вам дочь...

ВАЛЕНТИН. Да. Ты мне не дочь... Но... (*Через паузу.*) Бред какой-то. Ты ведь не сама до этого дошла...

ЛЕНА. Извините, Валентин Викторович... Вы хороший... Добрый. Вы... Вокруг все лялякают. Сначала, наоборот, радовались, поддерживали, а потом кто-то ляпнул... И все стали дразнить. Мне сначала вроде и ничего... Собака – лает, ветер – носит, а потом... Да Юрка мой... Возмущается... Ревнует. Не верит. Что вы просто...

ВАЛЕНТИН (*улыбаясь*). Ясно. Мне казалось, что он умней...

ЛЕНА. Что тут сделаешь... Дурак.

ВАЛЕНТИН (*через паузу*). Да. Слышать от любимого несправедливые обвинения – обидно. Я тебя понимаю. Что ж... Иди, девочка... Иди! Я не держу. Я понимаю, как тебе не просто. Захочешь – придешь, не захочешь, я – не в обиде.

ЛЕНА. Да нет, я... Честно...

ВАЛЕНТИН. Само собой. Ты мне всё сказала. Молодец. Не киксуй, иди! Выше голову. Хвост пистолетом. Я тебя... уважаю. Все хорошо, дорогая. Иди! (*Выпроваживает Лену.*)

– 5 –

Сцена.

МАРИНА. ...Прочитай! (*Дает Алексею записку.*)

АЛЕКСЕЙ (*прочитав*). Я не знал. Честно. Девчонка!.. Дура.

МАРИНА. Почему же ты ей не раскрыл правду?

АЛЕКСЕЙ. Да она прекрасно всё знает!

МАРИНА. Знает и пишет мне подобное?

АЛЕКСЕЙ. Женщина. Вы же понимаете.

МАРИНА. Нет! Не понимаю. И не хочу понимать! Кстати, слишком много орфографических ошибок. (*Читает.*) «Вы нисмеете к нему приставать». Во-первых, Не. И во-вторых, отдельно. «В вашем возрасте – это поталогия». Пишется: пАтОлогия...

АЛЕКСЕЙ. Не надо!

МАРИНА (*с интересом*). Тебе она нравится?

АЛЕКСЕЙ (*с отчаянием*). Как она может мне нравиться, если я люблю вас!

МАРИНА. Мало ли.

АЛЕКСЕЙ. Мне жалко ее. И я... Позволяю ей быть со мной.

МАРИНА. Поэтому она и пишет подобные записки? Считает, что я тебя соблазняю! Кстати, пишется: сОблазняю.

АЛЕКСЕЙ. Доброе слово и кошке приятно.
 МАРИНА (*с удивлением*). Неужели? Не ожидала. Ты знаешь такие слова? Это мы так воспитаны. А вы... Вы шагаете через трупы...
 АЛЕКСЕЙ. Я не шагаю!.. Когда человеку паршиво, жалость помогает справиться.
 МАРИНА (*чрез паузу*). Если бы я тебя пожалела... И пошла бы навстречу, то... Ты был бы рад?
 АЛЕКСЕЙ. Воспарил.
 МАРИНА (*с иронией*). А как же гордость? Самолюбие...
 АЛЕКСЕЙ (*собирается*). Вы разговаривает со мной, как с пятиклассником.
 МАРИНА. А вы сегодня такие и есть. Неразвитые. Ограниченные духовно. Там (*показала на сердце*) мало что есть.
 АЛЕКСЕЙ. У меня есть, уверяю вас.
 МАРИНА (*словно, только что узнав*). Выходит... Ты по-настоящему меня любишь?
 АЛЕКСЕЙ. А вы до сих пор не верите?
 МАРИНА. Нет. Я могу представить, но... В тебе столько цинизма, что... Я скорее поверила бы... Если бы влюбился кто-нибудь другой.
 АЛЕКСЕЙ. Язык мой – враг мой.
 МАРИНА. Если бы только язык...
 АЛЕКСЕЙ. Вероятно. Я очень мучаюсь.
 МАРИНА (*подходит близко к Алексею и начинает очень внимательно его разглядывать*). У тебя красивые глаза. А ресницы... Какие длинные ресницы! Ты похож... Нет. Ни на кого ты не похож. Аристократическая шея, губы, нос... Уши.
 АЛЕКСЕЙ. Вы заставляете меня краснеть.
 МАРИНА. Терпи, дружок, если любишь. (*Через паузу открывается*.) Нет! Ты слишком юн для меня.
 АЛЕКСЕЙ. Мы рано созреваем.
 МАРИНА. О! Это заметно.
 АЛЕКСЕЙ. Вам нечего бояться.
 МАРИНА. А я ничего и не боюсь. (*Через паузу*.) Вернее... Боюсь за последствия твоего созревания.

АЛЕКСЕЙ. Зря. (*Подходит к ней ближе*.) Разве я противен вам?
 МАРИНА. Почему же? Ты привлекателен. (*Он осторожно трогает ее за плечи*). Что ты делаешь?
 АЛЕКСЕЙ (*тихо*). Прикасаюсь.
 МАРИНА. Разве я тебе разрешила?
 АЛЕКСЕЙ (*он все больше и больше обнимает ее*). Я не в силах ждать разрешения.
 МАРИНА. А ты не боишься...
 АЛЕКСЕЙ. Я тоже ничего не боюсь. Разве что... Краткости мгновений, когда вы... (*Он хватает ее, и она резко вырывается*.)
 МАРИНА (*прекращая игру*). Всё! Всё! Хватит! Я устала! Больше не могу!
 ГОЛОС РЕЖИССЕРА (*кричит*). Что-о-о! В чем дело?! Ну, нельзя же так, Марина Павловна! Можно было бы и доиграть сцену! Что с вами, в конце концов!
 МАРИНА. Извините! Виновата. Да! Я неважно себя чувствую! Мне нужен перерыв! Перерыв! Срочно!

– 6 –

Дома у Веры.

МАРИНА. ...Он стоит совсем рядом! Прикасается своими тонкими пальцами! Я слышу его дыхание. Напряженное, прерывистое... Пугливое. Я вдыхаю его запах... Такой... нежный... Запах из далекого детства. Запах молока... Шоколада... А его глаза... Боже! Его умные большие глаза... Они... Проникают в самую глубину меня. Разрывают на части! Парализуют! Заставляют забыть приличия, броситься к чертовой матери в его объятия! И любить! Любить!.. Невыносимо! Мучительно изображать равнодушие... Одолжение, жалость к нему. Вынужденное согласие... Когда на самом деле готова вцепиться, как тигрица. И раствориться в нем! Растаять! Исчезнуть навсегда!

ВЕРКА (*тихо, через паузу*). Пройдет, подруга... Время лечит. Терпи.

МАРИНА (*с отчаянием*). Не могу! Повешусь!

ВЕРКА. Ну, знаешь... Любить в наши годы таких юнцов – патология.

МАРИНА. Эх... Говоришь словами из пьесы.

ВЕРКА. Неужели?

МАРИНА. Па-го-ло-гия... Ну и пусть! Плевала я на всех! Надо набраться смелости! Один раз живем...

ВЕРКА (*изриво пальчиком*). Ты смотри у меня...

МАРИНА. Я хорошо смотрю. (*Через паузу*.) Сегодня заявления подала. И туда и туда.

ВЕРКА (*с удивлением*). Это ты так на всех плюешь? Смело. Если они подпишут, дураки будут. Но они не подпишут. Театр точно не отпустит. У тебя главная роль! Где они такую артистку найдут?!

МАРИНА. Ой, Вера, совсем ты отстала в своем бизнесе от жизни. Найдут. Незаменимых нет. Выпить надо. Есть у тебя чего?

ВЕРА. У меня всегда есть. Забыла, кто я? У меня, подруга, бар. (*Идет к бару, достает напитки*.)

МАРИНА. О-о! Мы как богатыми стали, бар заимели.

ВЕРА. Не издевайся. Вот проверну одно дело и, может быть, рискну в кино деньги вложить. (*Разливает*.)

МАРИНА. Иди ты?

ВЕРА. Да. Подождать надо маленько. Будешь сниматься в главной роли. Пьем!

МАРИНА (*печально*). Ох, Верка, не строй иллюзий. И так их у нас хватает. Давно пора опуститься на землю. (*Пьет*.)

ВЕРА. Да я-то на земле стою, подруга. Это ты в облаках витаешь. Влюбляешься в бог знает кого...

МАРИНА (*сдержанно*). Я влюбляюсь во вполне реального человека.

ВЕРА. Ему до человека еще расти и расти.

МАРИНА. Не трави душу!

ВЕРА. Сама вспомнила.

МАРИНА. Если хочешь знать... Я уже и с Питером договорилась, с теткой своей. Говорит: обмен вряд ли получится. Надо здесь продать, там купить. Мою трехкомнатную, может быть, там на однокомнатную удастся...

ВЕРА (*с обидой*). И меня бросишь?

МАРИНА. Придется, дорогая. Будем созваниваться. И переписываться. По Интернету. Я компьютер освою в совершенстве...

ВЕРА. Дура! Ох, дура.

Звонит мобильный телефон у Марины.

МАРИНА. Да? О, добрый вечер, Эдуард Сергеевич! ...Нет! (*слушает*). Спасибо за доверие, но у нас получше есть. Многие без работы сидят... А вы обратите внимание. Я могу посоветовать. Вы человек новый: должны попробовать. Новые всегда своих звезд находят. А я уже стара... И давно не звезда. Есть более достойные. Ой, шутите... Спасибо-спасибо... Какие обиды? Я же понимаю. Куда ж я денусь? Так сразу – совесть не позволит. Приду, как положено. Откроете непризнанный талант – вам в ножки будут кланяться.... А то Катерине Петровне дайте. Иначе она вас съест. Она у нас всегда в примах была... Хорошо. Завтра и поговорим. До свидания!

ВЕРКА. Я ж сказала: не отпустят.

МАРИНА. Это он по рангу. Хочет быть интеллигентным, хотя на самом деле: бандит.

ВЕРКА (*возмущенно*). Что ты болтаешь?! У тебя все плохие, одна ты хорошая.

МАРИНА. Не все. Но он уже показал свои... клыки. Убрал литературную часть. Создал помотдел и набрал кучу бездельниц, которые в основном чай пьют и болтают о тряпках...

ВЕРКА. Не может такого быть!

МАРИНА. Может! От главного художника освободился. Музей театра уничтожил. Снял с репертуара три спектакля. Поменял марку театра. Перестроил себе каби-

нет в стиле борделя. И при этом прикидывается милой овечкой...

ВЕРКА. Наговариваешь на человека.

МАРИНА (*с удивлением*). Не узнаю тебя. Ты всегда была агрессивна настроена на моих начальников.

ВЕРКА. Естественно. Только не на него.

МАРИНА. Почему же?

ВЕРКА. Потому! (*Помявшись*.) Мы с ним не так давно познакомились. Он спонсоров себе ищет. На меня вышел... Обаятельнейший человек.

МАРИНА (*с интересом*). О... Да ты не влюбилась ли в него?

ВЕРКА. Вот еще! У него жена и ребенок. Семья!

МАРИНА. У него не только семья, у него... Смотри... разочарование – страшная вещь.

ВЕРКА. Хочешь сказать, он – Дон Жуан?

МАРИНА (*вяло*). Нет. Познакомись поближе, поймешь.

ВЕРКА. А он о тебе прекрасно отзывался.

МАРИНА. О! Он умеет... Отзываться. Пора мне.

ВЕРКА. Да посиди еще.

МАРИНА. У меня встреча. С твоим соседом.

ВЕРКА (*зрительно*). Не понравился он тебе? А такой хороший. Как раз для тебя.

МАРИНА. Чудной...

ВЕРКА. А тебе и нужен такой!

МАРИНА. С тараканами? Не от мира сего? Нет уж... Любовь не позволяет.

ВЕРКА. Если бы... Не любовь это у тебя. Сглаз. Порча.

МАРИНА (*внимательно взглянув на Верку*). Вроде бы умной женщиной была...

ВЕРКА. Не могу я принять... эту... Блажь! Потерпишь чуток – и пройдет.

МАРИНА (*тихо*). В детстве, во втором классе мне нравился один мальчик... Мы с мамой жили в коммунальной квартире. А он – в пятикомнатной, в семье профессоров... У него бабушка и дедушка были профессора, и мама с папой... Наследственное. Так вот: он пригласил меня перед Новым годом домой на елку. Да. На домашнюю елку семьи... Рояль, на котором играла

его старшая сестра. Пение. Чтение стихов. И мне пришлось прочитать. Я уже тогда стихи читала. Все в классе восторгалось. Я пришла в их огромные хоромы разнаряженная... Скромно, но всё-таки, мамочка постаралась. Помню, у меня был огромный бант голубого цвета. И белое платье, как у Мальвины... Мы с ним тогда в первый раз поцеловались... Я любила его. Ах, как я его любила... (*Вздыхнув*). Через год они переехали. В другой город. Куда? Так никто и не узнал. Я рыдала, как дура... Недели две не ходила в школу. Мама не понимала. Я ей, естественно, ничего не сказала. А потом... Время лечит. Хотя я его искала. Я всю жизнь его искала. И когда появился компьютер и Интернет... Я пыталась найти его «в одноклассниках». Не нашла. Так вот... Это он.

ВЕРКА (*растерянно*). Кто?

МАРИНА. Леша. Это он! Та же худоба, те же глаза, тот же взгляд, лицо, походка, интонация... Мистика? Может быть. Но он – это он!

ВЕРКА. Чокнулась. Точно чокнулась. Твоему сейчас сколько лет уже?!

МАРИНА. Зачем же так буквально? Тот, может, и умер, и вернулся в облике этого... Или двойник. А то и сын того... Да не знаю я... И не хочу знать! Только когда я его первый раз увидела... Когда еще его принимали на курс. Я дара речи лишилась. Потом пообвыкла. Думала: бывают совпадения, подумаешь. А уж позже... Не так и давно. Когда повзрослел, когда соображать что-то начал, когда репетировал со мной... Тут-то меня и закрутило. Зря, что ли, судьба послала его мне? Ох! Что я теперь должна делать?.. Понимаю. Смириться. Вот я и уеду. Смирюсь. Подальше от греха... Но я никогда никого так не любила! Ни-ко-го! И никогда! (*Печально*.) «Месяц в деревне», да и только...

ВЕРКА. Какой «месяц»?

МАРИНА. Пьеса есть такая у Тургенева. Мы ее с ним репетировали. Он – герой, а его любимая девушка играла Верочку. Есть там героиня, которая героя любит. Да

зачем тебе... (*Встает.*) Пошла я. Валентин Викторович ждет.

ВЕРКА. Как же он к тебе подходит. Тихий. Интеллигентный. Святой человек!

МАРИНА. Тогда точно не по адресу. Лучше ты его к себе притяни, а этого Эдуарда отвадь. Не нужна ты ему. Обманет! Деньги ему нужны. Поверь!

ВЕРКА. Знаешь... У каждого своя судьба.

МАРИНА. Что ж... Я тебя предупредила.

– 7 –

У Валентина Викторовича.

МАРИНА (*резко*). У нас ничего не получится.

ВАЛЕНТИН. Но и с ним у вас тоже ничего не получится. Это иллюзия. Извините за откровенность.

МАРИНА. Я знаю. Я скоро уеду. В Питер. Продам здесь квартиру. Там куплю.

ВАЛЕНТИН (*обреченно*). Не уедете.

МАРИНА. Это еще почему?

ВАЛЕНТИН. Ну... Это всё не очень просто. Я хочу одного, чтобы вы... Посмотрели на Алексея другими глазами. Чтобы вы увидели нереальность ваших желаний. Всё может быть в этой жизни... И подобная любовь тоже. Но в данном случае... Вы сама говорите, что он даже не знает, что вы его любите.

МАРИНА. Вы позвали меня, чтобы отговорить? Глупая затея. Я прекрасно все понимаю. Меня ждет тетка в Питере. Закроем тему. Скучно опять об этом.

ВАЛЕНТИН (*обреченно*). Вы не поедете к тетке!

МАРИНА (*испуганно*). Что вы пугаете! Я решила! И поеду.

ВАЛЕНТИН. Зря вы меня обманываете.

МАРИНА (*растерянно*). Я... вас не обманываю... О чем вы?

ВАЛЕНТИН (*грустно, через паузу*). Лена сказала, что у нее скоро свадьба.

МАРИНА. Эта девушка? Вы опечалились?

ВАЛЕНТИН. Да нет... Я очень рад за нее.

МАРИНА. Теперь можете воспитывать двоих.

ВАЛЕНТИН. Он меня ненавидит. Ее будущий муж. Ревнует. Подозревает.

МАРИНА. Дурак.

ВАЛЕНТИН. Отчего же... Понять можно. Как всегда... Человеческая ограниченность. Они смотрят изнутри...

МАРИНА. Они?

ВАЛЕНТИН (*спохватившись*). Мы... Смотрим... изнутри... Отсутствие культуры... Стереотипы.

МАРИНА. Странная оговорка.

ВАЛЕНТИН. Нет. Жалко, что у нее будет такой... Не созидательный муж. У людей частенько всё как-то не созидательно.

МАРИНА. Меня имеете в виду?

ВАЛЕНТИН. Я обо всех. Люди из-за ограниченности, веками сложившихся понятий мучают друг друга, лишают себя и других счастья...

МАРИНА. Но я никого не мучаю... Вас разве только.

ВАЛЕНТИН. Это прекрасные муки.

МАРИНА. Вот как? Почему же вы против моей любви?

ВАЛЕНТИН. Я не говорил, что я против. Я сказал, что ваша любовь – по большому счету иллюзия. Может быть, вы должны ему сказать...

МАРИНА. Признаться... ему... И вы это предлагаете?..

ВАЛЕНТИН. Да. Надо рисковать. Он достаточно ограниченный юноша.

МАРИНА (*возмущенно*). Неправда. Откуда вы знаете?

ВАЛЕНТИН. Сделал вывод из ваших рассказов.

МАРИНА. Я могу и ошибаться.

ВАЛЕНТИН. Все могут ошибаться. Но в данном случае... (*Отфрешенно.*) Всё могло бы и сложиться. Если бы в мире людей существовала свобода бытия. А главное... Он смог бы любить вас.

МАРИНА. Бывают чудеса...

ВАЛЕНТИН. Если бы люди были гибки и подвижны духовно. Не обрастали бы привычками. Не цеплялись за вре-

менные, сложившиеся случайно понятия.... Мир иллюзорен, а жизнь конечна... Как же можно цепляться за что-то абсолютно непостоянное. И ломать из-за этого свои временные жизни и ломать своим глупым участием временные жизни других. Я очень даже не против вашей любви. Я ее очень понимаю. Потому что это – настоящая любовь. И она никому не приносит вреда. Она лишь нарушает общепринятые представления, придуманные когда-то людьми...

МАРИНА (*отчаянно*). Нет!

ВАЛЕНТИН (*с удивлением*). Что «нет»?

МАРИНА (*словно сопротивляясь чему-то*). Вы опять меня обольщаете. Вы подлаживаетесь под меня! Вы принимаете эту неосуществимую любовь, чтобы я расположилась к вам. Нет! Не клюну. Не дождетесь! Не сочувствуйте! Хватит! Я не верю вам! Я люблю только его!

– 8 –

Сцена.

Марина бросается к Алексею и обнимает его. Они целуются так, как могут целоваться горячо любящие друг друга люди. У Алексея роль требует страстных объятий, а Марина Павловна «отпустила» себя.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА. Прекрасно! Прекрасно! Как раз то, что нужно... Достаточно. Всё! Всё! Не увлекайтесь! Очень убедительно! Очень! Вы меня слышите? Хватит! Ау! Всё прекрасно!

После страстных объятий и поцелуев, которые прекратились только благодаря требованиям режиссера, они расходятся. Алексей отходит растерянный, ошеломленный, в каком-то полубезумном самочувствии. Марина Павловна – в восторге человека, который наконец-то получил желанное. Пусть не все, но хотя бы часть.

Сделаем небольшой перекур. Я сейчас вернусь. Я скоро. Подождите меня.

Алексей нервно закуривает в растерянности. Марина Павловна приводит себя в порядок.

МАРИНА. Как поживает Таня?

АЛЕКСЕЙ (*растерянно*). Нормально.

МАРИНА. Она, кажется, болела...

АЛЕКСЕЙ. Ну да... Простуда.

МАРИНА. Поправилась?

АЛЕКСЕЙ. В общем, да.

МАРИНА (*через паузу*). Я разговаривала о ней с Эдуардом Сергеевичем. Он обещал подумать. Может быть, и возьмет ее в театр. Хотя я ничего не обещаю.

АЛЕКСЕЙ. Спасибо.

МАРИНА. Пока не за что. Мое влияние ничтожно. Особенно теперь, когда я ухожу из театра...

АЛЕКСЕЙ (*с удивлением*). Вы уходите?

МАРИНА. Да. Уезжаю к тетке в Питер.

АЛЕКСЕЙ (*растерянно*). А как же роль?... А мы?

МАРИНА. Вы уже, считай, выпустились. А роль... Я предупредила Эдуарда Сергеевича.

АЛЕКСЕЙ. Зачем? Невероятно. Мы... Как же мы без вас? Мы все вас любим. И в театре...

МАРИНА. Ха! Особенно в театре... (*Смеется.*) Я верю. Только... Можно любить и на расстоянии. Дела, дружочек. Семейные обстоятельства требуют.

АЛЕКСЕЙ. Плохо.

МАРИНА. Что ж плохо-то? Кому? Да и пьеса мне не нравится.

АЛЕКСЕЙ. Вы кажется, говорили... Что она напоминает вам...

МАРИНА. Если б твой герой любил героиню на самом деле, тогда куда ни шло... А то ведь он это всё специально. Спровоцировал ее на ответное чувство, чтобы ее потом уволили из школы, обвинили во всех смертных грехах. Неинтересно.

АЛЕКСЕЙ. В жизни так бывает.

МАРИНА. В жизни по-разному бывает. Ты... не влюблялся в школе в учительниц?

АЛЕКСЕЙ. Нет. Они в меня влюблялись. И меня это раздражало...

МАРИНА. А... Вот ты какой... Бедные они, бедные.

АЛЕКСЕЙ. Почему же?

МАРИНА (*с иронией*). Ты... Не откликнулся бы на любовь своей дорогой учительницы?

АЛЕКСЕЙ. Никогда. Мне было бы... Влом. Неприятно.

МАРИНА. Ясно. Разве тот, кто любит, не достоин сочувствия? Любовь... Единственное, что представляет собой ценность... Любая любовь. Лишь бы она не провоцировала насилие.

АЛЕКСЕЙ. Наверно. Но... Каждому свое. Что делать.

МАРИНА (*через паузу*). Пожалуй, ты прав. (*С легкой иронией. Улыбаясь.*) А целуешься ты... хорошо. Умеешь.

АЛЕКСЕЙ (*смущенно*). Ну... Мне ведь не пять лет.

МАРИНА. Конечно. Ты уже взрослый. Достаточно взрослый.

– 9 –

У театра.

ТАНЯ. Не верю. Всё бросить... Она, что, дура?

АЛЕКСЕЙ. Выходит, что да.

ТАНЯ. Жесть! Что-то не так...

АЛЕКСЕЙ. Что?

ТАНЯ. А я знаю?.. (*С иронией.*) Как поцелуй?

АЛЕКСЕЙ. Она не растерялась.

ТАНЯ. А ты? В восторге?

АЛЕКСЕЙ. В полном.

ТАНЯ (*внимательно на него посмотрев*). Верю.

АЛЕКСЕЙ. В «Бегемота» пойдём?

ТАНЯ. Нет. Мне разонравилось там... Обстановка сменилась. Хозяин новый. (*Весело.*) ...Меня могут в «Альянс» взять.

АЛЕКСЕЙ. Куда?

ТАНЯ. В группу «Альянс». У них солистки нет.

АЛЕКСЕЙ. И что? Стоило учиться? Может, Эдик прислушается и возьмет.

ТАНЯ. Эдик не возьмет. Да и Мариша, если уедет... Уже будет вне зоны влияния.

АЛЕКСЕЙ (*нервно*). Пошли куда-нибудь.

ТАНЯ. Боишься ее встретить?

АЛЕКСЕЙ. Вот еще! Что за базар? Опять?

ТАНЯ. Она тебя обрабатывает.

АЛЕКСЕЙ. Чтобы потом уехать?

ТАНЯ. Ты же попрешься за ней. Устроит тебя в Питере.

АЛЕКСЕЙ. Слушай... Ты... Она мне в матушки годится!

ТАНЯ. Она тебе в бабушки годится. Но ты не видишь.

АЛЕКСЕЙ. Башня поехала? Кончай жмурить. Пошли... Я жрать хочу.

ТАНЯ. Можно в театре поесть. Там дешевле и вкусно.

АЛЕКСЕЙ (*зло*). Ты нарочно?

ТАНЯ. С чего? Что тебе не нравится?

АЛЕКСЕЙ. Мне в лом в театре болтаться!

ТАНЯ. А-а! Не гони пургу!

АЛЕКСЕЙ (*язвительно*). Ну да?

ТАНЯ. У меня интуиция!

АЛЕКСЕЙ. Знаешь... Я отправляюсь в стекляшку. А ты как хочешь.

ТАНЯ (*с иронией*). Пока! Если что... Я в театре. (*Уходит.*)

– 10 –

В театре.

ЛЕНА. Ну... Мы будем рады очень, если вы придете к нам с Валентином Викторовичем. Вы ему скажите, пожалуйста, что я ничего против... Что Юра тоже ждет. И вообще. А то все будут...А его... Он должен прийти... С вами.

МАРИНА. А если он один придет? У меня в этот день спектакль, по-моему.

ЛЕНА. Ну... Один. Вдвоем лучше. С вами.

МАРИНА (*с легкой иронией*). Он с моей подругой придет. Устроит вас? У меня очень хорошая подруга. Бизнес-леди. Знакомство с ней может вам пригодиться.

ЛЕНА. Пусть с подругой. Тоже хорошо, иначе мой... Ну и гости... Опять шептаться будут.

МАРИНА (*переходя на «ты»*). Зачем же тебе такие гости, которые шептаться будут? Да и муж тоже... Ревнивый и недоверяющий. Хотя... Любовь зла, полюбишь и...

ЛЕНА. Что вы... Он ничего. Только подозрительный. Со временем это пройдет.

МАРИНА. Вряд ли. У некоторых мужчин подозрительность – врожденное. Если уж есть – так навсегда. Без этого жить не могут. Без подозрений. Так что... нелегко тебе придется.

ЛЕНА. Я постараюсь.

МАРИНА (*опять переходит на «вы»*). Я передам ему, Леночка, не волнуйтесь. Один он не придет. Зачем же ему вас подводить. Он вас уважает. И любит. Только, как дочку. Так что не беспокойтесь. Я постараюсь организовать всё.

ЛЕНА. Спасибо вам. Вы классная актриса. Мой вас тоже оказывается в сказке видел. Он надеялся, что вы придете...

МАРИНА. Спектакль, Леночка, – это святое.

ЛЕНА. Ну да. Если спектакль...

МАРИНА. Передавай ему большой привет. (*Вдруг.*) Ведь нет ничего не свете дороже, как близость любимого человека... Каким бы он ни был. Плохой ли, хороший ли, а мой...

ЛЕНА. Не поняла, Марина Павловна.

МАРИНА. Это я так... Лирическое отступление, девочка. Иди. А то у меня репетиция скоро.

ЛЕНА. Хорошо. Спасибо вам.

– 11 –

Дома у Веры.

МАРИНА (*задумчиво*). Твой Эдуард меня не отпускает. Говорит, в суд будет подавать. Запугивает. А я, дура, верю. Какая ему выгода? Единственное неудобство, что нового человека вводить. Так у нас действительно есть хорошие актрисы. Сидят, как я в свое время, без дела.

БЕРА. Зачем ему кто-то, когда ты ему публику сделаешь?! Вернешь в театр всех, кто тебя помнит.

МАРИНА (*внимательно взглянув на Веру*). Я? Смешно. Кого я верну? Да... Мне жаль тебя.

БЕРА (*растерянно*). Меня? Это почему же?

МАРИНА. Эдик оберет тебя и бросит. Выдоит все твои капиталы... И прощай, подруга. При жене-то и детях ему проще простого тебя бросить. Неужели не понимаешь?

БЕРА. Меня никогда еще не любил такой уважаемый человек!

МАРИНА. Ох, дура! Да не любит он тебя! Не любит! Нашла уважаемого! У него свои любимчики есть...

БЕРА. Какие любимички?

МАРИНА. Да разные...Ладно, проехали. Не хочешь мне помочь избавиться от любви.

БЕРА. Я помогаю.

МАРИНА. Чем же? Я должна буду играть премьеру... Ты не представляешь, какая это мука! С одной стороны... Я хочу. Жажду! С другой... (*Через паузу.*) Дальше-то что? Что? Видеть его...рядом... Ждать очередной встречи... Нет! Бежать! Бежать, не задумываясь...

БЕРА. В конце концов... Понаслаждайся любовью хотя бы в спектакле.

МАРИНА. А-а-а... (*Смеется.*) Кто мог бы подумать.

БЕРА. А вот и подумай. Нечего мне... Каждый, знаешь, свое должен урвать. Один раз живем.

МАРИНА (*задумчиво*). Да-да... Урвать.

ВЕРА. Думаешь, я не понимаю эту петрушку с Эдиком? Да еще как... Не такая я уж дура. Только... Хоть месяц, а пожить. Мы с ним тут на неделе так оторвались... Ох! Я и забыла, что так можно. Нет. Пока есть – бери. А там... Хоть трава не расти!

МАРИНА. Да... Это ты молодец... Мне бы так.

ВЕРА. А вот и так! Наслаждайся, пока есть возможность.

МАРИНА (*кричит*). Да нет же возможности-то! Нет! Он же свою девочку любит. А на сцене... Это всё... Временно. Суррогат. Дразнилка. Да еще какая... Ох, Верка!

ВЕРА. Что «ох»? Пользуйся тем, что есть, а то и этого не будет.

Пауза.

МАРИНА. Да, подруга. Ты, как всегда, права. Не будет и этого. Не будет! Причем, никогда! Какое страшное слово! Господи! Ни-ко-гда! (*Тихо.*) У него губы такие... нежные.

Звонок.

ВЕРА. Никак Эдик?

МАРИНА. О! Не желаю с ним встречаться. (*Начинает собираться.*)

Вера уходит и возвращается с Валентином Викторовичем.

(Увидев его.) ... Это вы?

ВАЛЕНТИН. Другого ждали?

МАРИНА. Честно признаться, да.

ВАЛЕНТИН. Ну, извините, не оправдал надежд.

МАРИНА. Какие надежды... Одни разочарования и безнадёга.

ВАЛЕНТИН. Нельзя так. Жизнь – прекрасная штука. И дается нам...

МАРИНА. «Один раз. И надо прожить ее так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

ВАЛЕНТИН. Помните.

ВЕРА. Сейчас маленько перекусим. Подождите. (*Уходит на кухню.*)

МАРИНА. Отчего бы вам в Веру не влюбиться... Она хорошая.

ВАЛЕНТИН. Неужели?

МАРИНА. Да ладно! Обман это. Не нужна я вам.

ВАЛЕНТИН. Может быть. Но я вам нужен.

МАРИНА. Всё загадками говорите.

ВАЛЕНТИН. Почему бы не воспользоваться человеком, который готов сделать для вас что угодно... Вы только попросите.

МАРИНА. Не хочу.

ВАЛЕНТИН. Я же в претензии не буду.

МАРИНА. Нет. Нет! И тысячу раз нет. Душа не лежит, милейший вы Валентин Викторович. Что хотите со мной делайте, только... Не могу я черту переступить, что ли... Ой, не спрашивайте! И не мучайте!

ВАЛЕНТИН. Я не мучаю. Я хочу спасти вас.

МАРИНА. От кого? От мальчика?

ВАЛЕНТИН. От себя.

МАРИНА. Ох. Глупости. Я сама себя как-нибудь спасу.

ВАЛЕНТИН (*тихо*). А если не спасете?

МАРИНА (*растерянно*). То есть?

ВАЛЕНТИН. Не сможете. Я поэтому и предлагаю вам руку...

МАРИНА (*печально*). И сердце... Но оно, увы, принадлежит другому.

ВАЛЕНТИН. «И я другому отдана и буду век ему верна...»

МАРИНА. Не отдана, увы. (*Печально.*) Я, вероятно, никуда не поеду и буду играть премьеру.

ВАЛЕНТИН. Знаю. Не поедете.

МАРИНА (*испуганно*). Какой вы. Откуда?

ВАЛЕНТИН. Догадался.

МАРИНА. Догадливый, однако. Я еще не до конца решила.

Входит с вышивкой и закусками Вера.

ВЕРА. Вот и перекусон пожаловал.

ВАЛЕНТИН. Балуете вы нас, Вера Николаевна.

ВЕРА. Какое ж баловство: гостей принять. Праздник. Удовольствие.

МАРИНА (*к Вере*). А ведь я с Леной говорила. Она ко мне в театр заходила. На свадьбу зовет. Жаждет, чтобы вы со мной пришли или с кем-нибудь. Иначе, вроде как, любимый ее выгонит.

ВАЛЕНТИН. И что же вы ей ответили?

МАРИНА. Обещала организовать. Сама, правда, отказалась из-за возможного спектакля. А вот за вас честное слово дала.

ВАЛЕНТИН (*ухмыляясь*). Как вы неосмотрительны. А если у меня не найдется спутницы и тоже дела срочные.

МАРИНА. К любимой дочери? На свадьбу? Какие могут быть срочные дела?!

ВАЛЕНТИН. Пожалуй.

ВЕРА (*с удивлением*). Как? У вас дочь есть?

МАРИНА. Да. Что-то вроде... приемной...

ВЕРА. Это как? Не родная и не приемная, а «что-то вроде»?..

МАРИНА. Бывает так. Для Валентина Викторовича «вроде», а для дочери... Так. Помогал дядя в свет выйти.

ВАЛЕНТИН. Не судите ее, Марина Павловна, строго. Люди слабые существа. Особенно дети.

ВЕРА. Ничего я не поняла из ваших разговоров. Давайте лучше выпьем.

МАРИНА. Давай, дорогая. Сходишь вместо меня с Валентином Викторовичем на свадьбу к его дочери? Сделай доброе дело.

ВЕРА. Здрасьте! У меня теперь кавалер есть. Что он подумает?

МАРИНА. Приехали. Ничего он не подумает. Один день переживет.

ВЕРА. Да это ж не просто день. Это мероприятие.

ВАЛЕНТИН. Не беспокойтесь. У нас во Дворце культуры большой женский коллектив. Я найду, с кем прийти.

ВЕРА. Вот и хорошо. И слава богу! А то придумала, подруга.

МАРИНА (*с иронией*). Жаль. Как вы быстро сдались, Валентин Викторович.

ВЕРА. А ты меня уже сосватать решила. Не умеешь. Пьем?

ВАЛЕНТИН. Я Веру Николаевну спасаю.

МАРИНА. Пьем, дорогая моя. Пьем. За любовь!

ВЕРА. Сразу и за любовь. Смотри, особенно-то не расслабляйся. А то напьешься, а мне потом за тебя отвечать.

МАРИНА. Зачем же мне на других переключать свое... безумие.

– 12 –

Сцена.

МАРИНА (*останавливая Алексея*). Зачем ты это сделал?

АЛЕКСЕЙ (*пытается уйти*). У меня сейчас контрольная. Желаю к ГЭЖу подготовиться.

МАРИНА (*останавливая его*). Успеешь! Зачем ты это сделал?

АЛЕКСЕЙ. Что? Выложил в Интернете наше любовное свидание? Заложил? Любовь раскрыл? Настучал?

МАРИНА. Омерзительно. Ты хоть понимаешь, что это... низко... Подло. Господи... Неужели ты такой...

АЛЕКСЕЙ. Какой?.. Не думал, что вы столь наивны. В некотором роде... Вы вызываете уважение.

МАРИНА. Зачем? Скажи мне... Что двигало тобой?

АЛЕКСЕЙ. Ничего. Просто...Интерес.

МАРИНА. Не лги...

АЛЕКСЕЙ. Ваша так называемая порядочность... Одно время вызывала сильное раздражение. Я не люблю... чистеньких... Вы не лучше нас. Вы такие же... Вы же хотели со мной трахаться. Я понял это, как только вы позволили себя поцеловать. Вы вспыхнули ко мне страстью... А говорили до одурения про душу... Про свет в окошке...Достали вы меня... Почему бы и не опустить...Правда, она и в Африке правда.

МАРИНА. И ты потратил столько сил... Так долго меня охаживал...

АЛЕКСЕЙ. Ну... уж и не так долго.

МАРИНА. Для кого как. (*Через паузу*.) Обязательно поступай в театральный. Не поступишь – зря пропадут редкие способности.

АЛЕКСЕЙ. Я подумаю. (*Через паузу.*) Не ожидал, что вы так быстро клонете. Слабы... Обломились. Зов плоти. В тихом омуте черти водятся.

Пауза.

МАРИНА. ...Поспорил, поди, с кем?

АЛЕКСЕЙ. Ну и спор имел место. Да разве теперь важно?

МАРИНА. Мне важно. Важно понять, как подобное может в голове родиться. Или не в голове... Что должен человек испытывать...

АЛЕКСЕЙ. Ой, не то в нашей жизни делается. Смотрели «Слон»? Фильм такой. Там один чувак ни за что ни про что перестрелял всех. Да только ли фильм. Уже несколько реальных историй было. На Западе. Скоро и до нас докатится. Мы же поколение безнравственных, глухих и ограниченных. Чего от нас можно ожидать?

МАРИНА. Не все ограниченные.

АЛЕКСЕЙ. Может, и не все. Мы свободу любим.

МАРИНА. Если бы свободу, а то – беспредел...

АЛЕКСЕЙ. Ой! Миром правят инстинкты. Вы читали Фрейда?

МАРИНА. А ты читал?

АЛЕКСЕЙ. Пересказали. Этого достаточно. ...Мне идти надо.

МАРИНА. Иди! (*Тихо.*) Я попрощаться хотела. Больше ведь не увидимся. Никогда!

АЛЕКСЕЙ. Ой, ли. Не переживайте. Вас куда-нибудь пристроят. Школ много, учителей мало. И мы пересечемся. Да и город у нас не такой большой, чтобы не встретиться.

МАРИНА. Может быть. Но я постараюсь сделать так, чтобы мы не пересеклись. Зачем душу травить. И еще... Я не держу на тебя зла... Это я... Это мы сделали тебя таким, какой ты есть. Родители твои постарались... Улица...

АЛЕКСЕЙ. Опять благородство проявляете. Хотите, как всегда, выше нас быть.

МАРИНА (*с возмущением*). Не хочу я не выше, не ниже быть! И жутко, что мы не смогли это понимание в твои... нежные мозги вложить.

АЛЕКСЕЙ. За всех не отвечайте. Для нас есть и приятные вещи. И люди уважаемые.

МАРИНА. А ты за всех тоже не говори!

АЛЕКСЕЙ. Покуда.

МАРИНА (*преграждая путь*). Я тебя всё равно полюбила. Урода. Циника. Духовного калеку. Полюбила! Так что теперь тебе некуда деться. Ты теперь со мной будешь до самой смерти! Всегда! В снах моих, в воспоминаниях. Не уйди тебе от меня! Я и в твои сны проникну. В душе твоей останусь...

АЛЕКСЕЙ. Ха-ха... (*Смеется.*) Это вы-то? Вы? Ну...воще! Я торчу! Да я таких кошелок видал!.. Нет! Полный пипец! У меня матушка таких дур на порог не пускает. Мои родители в Нью-Йорке бабки качают, а вы тут мудохаетесь за три копейки. Потому как ни к чему не приспособлены! Ничего не можете! И хотите, чтобы мы такими же нищими стали! Мои предки воспитали меня по полной! И я по гроб им благодарен! А вы... А ваше время ушло! Ку-ку! Ушло ваше время! Совестьных!! Придурочных! Недалеких! Ненавижу вас! Таких правильных... Задвинутых! Ненавижу! С одной извилиной! Долбо... ручки! Пусти, дура! Так бы и придушил, да сидеть влом. Юродивая!

Уходит, оттолкнув ее.

МАРИНА (*вслед, падая*). Ты не прав... Ты абсолютно не прав! Мне жалко тебя... Как же мне жалко тебя... Вас...Всех! (*Она опускается на пол.*)

Пауза.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА. Прекрасно! Очень хорошо! Великолпно! Превзошли себя. Я более чем доволен. Отлично! Спасибо! Поговорим завтра. Все! Сегодня вас мучить не буду...

Пауза.

Марина Павловна поднимается и присаживается устало на стул. Алексей возвращается.

АЛЕКСЕЙ (*осторожно*). Хорошо, что вы не уезжаете. Я рад.
МАРИНА. Да как тебе сказать... В некотором роде... я всё-таки уеду.

АЛЕКСЕЙ (*растерянно*). Уедете... Зачем?... После премьеры?
МАРИНА. Ты хорошо сегодня играл. Мне было легко с тобой.

АЛЕКСЕЙ (*кланяясь*). Благодарю. Старался.

МАРИНА. Ты вырос. Очень. Я бы хотела, чтобы из тебя получился настоящий, большой артист...

АЛЕКСЕЙ. Я и сам бы хотел.

МАРИНА (*подходит к нему, долго смотрит в глаза*). А глаза у тебя синие, а я думала – зеленые. Пронзительно-синие.

АЛЕКСЕЙ. Свет так падает...

МАРИНА. Возможно. Ну что ж... (*Тихо, чуть не задохнувшись*.)
Прощай!

АЛЕКСЕЙ (*с удивлением*). До завтра.

МАРИНА. Да...

АЛЕКСЕЙ (*на ее взгляд*). Вы что-то хотите сказать?

МАРИНА. Сказать... (*Медленно*.) Да вроде бы всё уже сказано. Татьяне привет передавай. Кажется, ее берут в театр. Хотя... Тьфу-тьфу! Боюсь сгладить... (*Внимательно оглядывает его, потом идет, останавливается, оглядывается*.)
А что, если бы я...

АЛЕКСЕЙ. Что?

МАРИНА. Не горбись! Спину надо держать прямо... Всегда! Прямо. И не сгибаться. Даже если больно. Даже если... Люби! Надо любить! И... никогда ничего не стыдиться, если любишь...

АЛЕКСЕЙ. В смысле? Не понял.

МАРИНА. Глупости. Прощай! (*Уходит*.)

Алексей провожает ее долгим растерянным взглядом. Потом закуривает.

– 13 –

Улица.

АЛЕКСЕЙ (*громко, вслух себе*):

Начинался черный день – смешно:
Было мне тринадцать без недели,
Сочинял я «Думу про Махно»
И считал, что нахожусь при деле.

(*Подходящей к нему Тане*.) ...Есть новости?

ТАНЯ. Нет. Стихи сочиняешь?

АЛЕКСЕЙ. Сосны загораживают свет
И темнеет в восемь...
Впрочем, у меня претензий нет
Ни к одной из сосен.

Корнилов, любимая. Мне не потянуть. Был такой дядька хороший.

Пауза. Где-то протафактел проехавший грузовик. И заиграла веселенькая музыка.

АЛЕКСЕЙ (*задумчиво*). Я за все свои годы ни разу не играл в пейнбол. Представляешь? Не ел ни разу суши. Не был на море. Не прыгал с моста. Мой юмор мало кому нравится. Многие меня ненавидят, хотя я не сделал им ничего плохого.

ТАНЯ (*вопросительно*). Я не ненавижу.

АЛЕКСЕЙ. Она третий день в коме. Чем так можно отравиться!? Никто толком ничего не может объяснить. Лгут.

ТАНЯ. Да чем угодно можно отравиться в наше время. Я на прошлой неделе свеклу ела в нашем буфете, так целый день в сортир бегала.

Алексей смотрит на Таню, потом начинает громко ржать.

ТАНЯ. Ты чего? Правда. Клянусь. Я тебе тогда не стала говорить...

АЛЕКСЕЙ (*смеясь*). Свеклой – это смешно. При-коль-но.

Таня тоже начинает смеяться, но Алексей вдруг прекращает.

АЛЕКСЕЙ. Однажды отец взял меня на охоту, и я распугал всю дичь. А на обратной дороге наш джип чуть не перевернулся. Точнее: он перевернулся, и мы едва остались живы. В третьем классе я любил экспериментировать и чуть не сжег нашу квартиру. Я люблю свою маму и брата. И ненавижу наше правительство, потому что оно обделило жизнь моих близких. Хотя они так и не считают... А вообще-то... Всех нас имеют. И ничего тебя не ждет до смерти.

ТАНЯ (*кричит*). Прекрати! Слышишь, прекрати! Или я уйду!

АЛЕКСЕЙ. Как хочешь. Можешь уходить. Солнце уже зашло, и тебе пора спать.

ТАНЯ. Ты что принял?.. Обкурился?!

АЛЕКСЕЙ. Как бы ты свою жизнь не жил и что бы ты из себя не выделывал... Хоть всю жизнь в тюрьме просиди... Разница будет только в твоих ощущениях. По сути, один развод.

ТАНЯ. Неправда!

АЛЕКСЕЙ. Может быть! Всё может быть. Охота закрыться в своих девяти метрах и сидеть не вылезая...

ТАНЯ. Лешка! Перестань! Гляди сюда! Видишь, это я!

АЛЕКСЕЙ. Ты? Дерьмовая... погода сегодня. Наши сокурнички квасят, поди... Почему некоторые говорят одно, а делают другое? Юлят, как мой полосатый волчок. Я любил крутить в детстве волчок. Когда мне было скверно. Кто-то подлизывается и гадит, как самая вшивая бездомная собака...

ТАНЯ. К чему ты? Неправда!

АЛЕКСЕЙ. Правда. Не могу видеть, как... крутятся в театре. И вообще...

ТАНЯ. Всем хочется, как лучше. Это естественно.

АЛЕКСЕЙ. Что-то – да. А что-то – нет. Сегодня должна была бы быть премьера. Эдик, наверно, рвет и мечет.

ТАНЯ. Пойдем в «Бегемот».

АЛЕКСЕЙ. Бегемот или Гиппопотам – крупное травоядное млекопитающее из отряда парнокопытных, подотряда

свинообразных... Львы и крокодилы обходят их стороной.

ТАНЯ. Они такие опасные? Откуда ты знаешь?

АЛЕКСЕЙ. Читал. С ними лучше не связываться. Представь себе, что тебя окружают одни бегемоты. Питаются одной травкой. Vegetарианцы, а посильнее львов. Милые гип-попы... Попы...

ТАНЯ (*тихо*). Леша...

АЛЕКСЕЙ. Она хорошо играла на прогоне. Я не чувствовал, что я на сцене. Я первый раз полностью забыл, что я на сцене. Мне поневоле пришлось соответствовать ей. Жаль, что не было зрителей. Они были бы потрясены ее игрой... (*Тихо*.) Значит, новостей никаких.

ТАНЯ. Да. Кроме... Юрка женится.

АЛЕКСЕЙ. Ну да? На ком же?

ТАНЯ. На Ленке какой-то.

АЛЕКСЕЙ. Надо же.

ТАНЯ. Нас на свадьбу позвали.

АЛЕКСЕЙ. Сходим.

ТАНЯ. Есть хочу.

АЛЕКСЕЙ. Иди. Закажи мне пиццу. Я скоро приду. Мне сейчас охота побыть одному.

ТАНЯ. Пиво взять?

АЛЕКСЕЙ. Вино. Отметим несостоявшуюся премьеру.

ТАНЯ. Ой, Веруня идет. Может, она чего знает!

АЛЕКСЕЙ. Кто идет?

ТАНЯ. Подруга ее. Помнишь, вчера в театр заходила? (*Зовет.*) Вера Николаевна!

ВЕРА (*подходя*). К ней не пускают. А самочувствие... Пока по-прежнему. Но мы не сдаемся. Мы выдюжим. Мы упрямые. Железобетонные... А вы случайно Валентина Викторовича не видели?

ТАНЯ. Это который фотограф?

ВЕРА. Куда-то пропал. Квартира пустая. Не случилось бы тоже чего... Эдуард Сергеевич ваш в гневе.

АЛЕКСЕЙ. Он не наш.

ВЕРА. Из Москвы должны были приехать... Меня проклинает... А сам... Ох, сложный человек. Вы-то как? Выпускаетесь?

АЛЕКСЕЙ *(с иронией)*. Да. Выпускаемся. Клетки открыты. Решетки сняты. И цепи разорваны. Летим устраиваться в Москву.

ТАНЯ *(с удивлением)*. Чего?

АЛЕКСЕЙ. Но Татьяна еще сомневается. Сомневаешься?

ВЕРА. Хорошее дело. Рыба ищет, где глубже...

АЛЕКСЕЙ. ...А человек – где побольше платят.

ВЕРА. Тоже верно. Я вот искала... Вложила деньги в одно дело. А оно накрылось медным тазом. Маринка права была...

АЛЕКСЕЙ. Прогорели?

ВЕРА. Почти. Кризис. Но я не сдаюсь. Нет, детки мои. Я еще кино сниму с Мариной Павловной в главной роли. Да-да! Не сама, естественно... А устрою это дело. Потому как, надо верить. И... Помнить. *(Смотрит на Алексея.)* Хорошо бы помнить. Взрослым, что они когда-то были молодыми... А молодым – что они тоже станут старыми... Время так быстро летит. А жизнь... Удачи вам. Пойду. *(Тихо вдруг.)* Сдавать что-то стала. Устаю к вечеру. Ноги. *(Уходит.)*

ТАНЯ. К чему это она?

АЛЕКСЕЙ. Я что, профессор? Задумалась. О нашем будущем.

ТАНЯ. Не понимаю. *(Через паузу.)* Ты зачем сказал?

АЛЕКСЕЙ. Что?

ТАНЯ. Про Москву.

АЛЕКСЕЙ. А то и сказал. Здесь не останусь. Тошно.

ТАНЯ. А я?

АЛЕКСЕЙ *(холодно)*. А ты как хочешь. Не мне ж за тебя решать.

ТАНЯ. Ах, вот как... Понятно. Теперь мне всё понятно.

АЛЕКСЕЙ. Что, любимая, тебе понятно?

ТАНЯ. Не смей меня так называть! Потому что... Я пошла в «Бегемот». *(Быстро уходит.)*

АЛЕКСЕЙ *(кричит)*. Вино не забудь взять. То, что покислее... Оно дороже.

– 14 –

В больнице.

Марина Павловна может лежать, а может сидеть в кресле. Валентин Викторович входит в дверь, не закрывая ее за собой, или двери нет вообще. Важно, что с его входом «входит» яркий световой коридор. И не должно быть понятно: всё происходит в реальности или это лишь видение Марины Павловны.

МАРИНА. Это вы... Рада вас видеть.

ВАЛЕНТИН. Я тоже. *(Через паузу.)* Премьера все-таки не состоялась.

МАРИНА. Не состоялась... Даже не знаю, хорошо это или плохо. Но я предупреждала Эдика. Так что совесть моя чиста. Я просила его... Умоляла.

ВАЛЕНТИН. Отмена премьеры из-за болезни актрисы – хорошая реклама театру. Я думаю, он доволен.

МАРИНА. Вряд ли. Не заблуждайтесь. Теперь он еще решит, что это я сделала нарочно из-за него. Мсть. Ведь кроме вас и Веры никто не знает...

ВАЛЕНТИН. Не подумает. У него много других забот.

МАРИНА. И самое печальное, что не знает Алексей. Произношу его имя и... Внутри что-то... Откликается небесной музыкой. Але-ксей. Единственное, что мне хочется, это признаться ему. Без всяких перспектив. Просто. Но он теперь не поверит. Думаю, содержание пьесы так в него вошло ... Так перепутались в его голове вымысел и реальность, что он решит, что я шучу... И не поверит. Ни за что не поверит.

ВАЛЕНТИН. Кто знает... Может быть, и поверит.

МАРИНА. Наверно, любовь – это болезнь. Да. Микробы, которые поселяются у нас в организме и... Действуют на мозг. На наше сознание. Иначе как объяснить любовное сумасшествие? Сколько всего совершается из-за любви. И убийства и самоубийства. Это зараза. Хотя... Когда она взаимная и счастливая... нет ничего лучше. Ничего... важнее, как любовь. Я всегда

была лишена этой радости. Взаимного счастья. И всю жизнь ее хотела. Искала. Шла навстречу. Ошибалась. Подлаживалась. Готова была на всё... И так и не получила... Обделили меня радостью взаимной любви. А это, может быть, единственное, чего можно желать. Всё остальное суета сует. Я всю жизнь свою посвятила театру. Зачем? Во многом себе отказывала, если не во всё... Испытала и поражение, и удачи... Купалась в аплодисментах... И что? Дура. Успех не может заменить главного. Сегодня он есть, а завтра – нет. Сегодня меня знают, помнят, а завтра забудут... А любовь... Взаимная любовь... Она вечна. Даже когда она проходит... Остывает... Когда я потеряла своих самых близких людей... Я поняла это. Да. Мне никто и ничто не нужно было. Только увидеть их снова. Просто сидеть рядом с ними, смотреть на них и радоваться их присутствию. Что имеем – то не ценим, потерявши – плачем. Любовь – это... «посильней “Фауста” Гете». Ох! Я неубедительна, понимаю, но я права. Просто подобное невозможно объяснить. Потому что невозможно объяснить чудесные запахи или звуки прекрасной музыки... Все объяснения будут жалким подобием... Отсветом, искрой от костра. Если бы мы соединились с ним хотя бы на месяц. Или на неделю. Нет, на день... На час! Я бы жила памятью свершившегося. Ах, как бы я была счастлива! И всего-то надо: один час взаимной любви. Ласк и нежности! Тепла и благодарности! Но... человек так устроен... Мир человеческий так устроен, а может быть, и божий... Что он редко кому дает самое желанное. Так, по мелочам. Я мало видела счастливых людей. Хороших – много. Счастливых – мало.

ВАЛЕНТИН. «Человек рожден для счастья, как птица для полета».

МАРИНА. «На свете счастья нет, а есть покой и воля».

ВАЛЕНТИН (*через паузу*). Вы знаете...

МАРИНА. Подождите... Не надо. Я знаю, что вы – мой ангел...

ВАЛЕНТИН (*приложив палец к губам*). О!.. Как вы, однако, возвышенно...

МАРИНА. Я всегда вас чувствовала. Иногда мне казалось, что я слышу ваше дыхание. А когда вы появились у Веры... Тогда... У меня сердце ёкнуло. И я сначала подумала: неужели любовь? И всё с Лешкой легко разрешится. Ан нет. Ошиблась.

ВАЛЕНТИН. Помощь моя слишком ничтожна, но еще не поздно... Я умоляю вас...

МАРИНА. Я с вами разговаривала. Непрестанно, даже во сне. Вы не слышали?

ВАЛЕНТИН. А вы? По-моему, у нас был содержательный, беззвучный диалог. И всё-таки я не успел... Это плохо.

МАРИНА. Вот еще! Вы-то тут при чем! Я сама себе хозяйка. Как вы умело законспирировались. Биографию сочинили? Или чужую взяли?

ВАЛЕНТИН. Не важно.

МАРИНА. И за что мне подобное... откровение?...

ВАЛЕНТИН. Откровение? Вы скажете тоже... Игры неба. Послушайте... Мир... Он прекрасен. И удивителен. И не человеку решать, когда его покидать.

МАРИНА. Я знаю. (*Улыбаясь*.) Я рада, что люблю. Очень, очень рада! И бог с ним, что без взаимности. Если любишь – живешь. Душа не омертвела! Я ведь хочу жить! Я себя старой не ощущаю. Совсем. Я себя девочкой чувствую. Вспомнила недавно, как меня отец на рыбалку брал. Он у меня заядлый рыбак был. Сидим у реки, слушаем тишину и ждем, когда клюнет. А всё не клюет и не клюет. И тогда он вдруг как подскочит ко мне... Мой отец. Как обнимет меня, возьмет на руки, словно маленькую, и раскачивает. И откуда у него такая сила была? А я вырываюсь. Бегу, он за мной. Носимся. Дурачимся... Он меня сильно любил. Я для него всем была... Всем... Мне же мало лет. Двадцать шесть. Ну, тридцать... Не больше. И нет всех этих долгих мучительных дней. А есть счастье молодости. Юная зрелость... Я хочу жить... (*Тихо*.) Но не могу.

ВАЛЕНТИН. Кто-то из великих сказал, что приход в этот мир – временное посещение. Прогулка из другого мира для приобретения опыта. Настоящая жизнь там, откуда на время отправляют или выталкивают...

МАРИНА. Интересная версия. Опыта я набралась... через край.

ВАЛЕНТИН. Опыта не бывает много. Жизнь – всегда неразгаданная тайна. Не вам решать: быть или не быть.

МАРИНА. Жизнь – сплошная загадка. А смерть... Она хуже, что ли? Она тоже... Черная комната с черной кошкой. Интересно же туда заглянуть. Найти кошку. Заговорились мы с вами. А свет... смотрите... Он манит. Какой яркий! Всё, как рассказывали. У меня были знакомые, которые рассказывали...

ВАЛЕНТИН. Вы нужны ему. Он ждет вас. Просто нужны. Можно же любить молча. И можно просто любить.

МАРИНА. Как вы?

ВАЛЕНТИН. Как я. Как многие, кому выпало это испытание. Жизнь без испытаний скучна и нелепа. Чем больше испытаний, тем полноценней жизнь.

МАРИНА. Еще одна интересная версия. Но испыталка моя устала и изнасилась.

ВАЛЕНТИН. Глупости. Это только так кажется. Заблуждение одно. Пойдемте, я покажу вам мои новые фотографии.

МАРИНА. Свет... Он... притягивает. По-моему, там так хорошо, так... приятно, так тихо... Радостно.

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. Добрый день, Марина Павловна! Добрый день... Как вы себя чувствуете? Вам уже лучше?

МАРИНА (*оборачиваясь*). Что?! Это же... Алексей? Нет?.. Это его голос? Да? Или мне кажется? Ну да. Правда? Его? Не пойму. Он здесь?.. Он пришел? Ничего не вижу! Не вижу. Свет слишком яркий. Алексей...

ЗАНАВЕС

Рай

| киносценарий |

1990 год

Коридор старой провинциальной гостиницы. За конторским столом, древним и обшарпанным, покрытым сверху газетой и треснутым стеклом, сидит сонная дежурная, лет этак пятидесяти, и тупо смотрит на ползущего перед ней таракана. Справа на углу стола, рядом с допотопной настольной лампой, кособоко пристроенный будильник показывает 23 часа 05 минут. К нему-то, к будильнику, и ползет наглый таракан.

– Вот, зараза! – восклицает сонная дежурная и качает обреченно головой. – Откуда взялся?!

– Простите... – отвлекает дежурную Клавдия Степановна.

Она только что с улицы. С мороза. Раскрасневшаяся и усталая. Старенькая шуба ее расстегнута, на голове – огромный шерстяной платок, в руках – маленькая дамская сумочка. – У меня в номере бачок... не сливает. Я утром... Когда устраивалась... Забыла сказать.

– Да? – удивляется дежурная. – Я запишу. Завтра проверят. Обязательно! Придется потерпеть до завтра, милая... Вызовем сантехника. И он тебе все сделает. Потерпи. Если бы ты с утра...

– Спасибо. Я потерплю.

Клавдия Степановна отворачивается с печалью в сердце и направляется к себе в номер.

Закрыв номер и включив тусклый свет в комнате, она снимает свою тяжелую, от старости слегка пообтрепанную рыжую шубу и, повесив ее с великим трудом в плоский шкаф на вешалку, проходит в комнату.

Вокруг всё, как положено в древних гостиницах, в номере-люкс, где не так давно был косметический ремонт.

Новенькие розовые обои с голубенькими цветочками фантастического происхождения. В правом верхнем углу – уже коричневые следы от потолка. Письменный стол у окна, тяжелое кресло в красном чехле, напоминающее сидящего слона, блестящие розовые занавески с грязно-коричневыми полосками. Телевизор, холодильник, красный телефон.

Клавдия Степановна устало садится на аккуратно прибранную постель, и алое покрывало собирается складками, вызывая обнажая белоснежный пододеяльник. Взяв с тумбочки привезенный с собой огромный том «Войны и мира», обожаемого ею Л. Н. Толстого, она наугад открывает книгу. Прочитывает одну только строчку и шумно захлопнув, бросает ее обратно на тумбочку. Попавшаяся строка, на которую Клавдия Степановна загадала, не удовлетворила ее. Можно сказать даже расстроила.

После гадания она печально смотрит в окно, где скудным двухцветьем мелькает реклама новоиспеченной фирмы. Красный – зеленый, красный – зеленый. Сквозь покрытые узорами стекла разобрать название фирмы довольно трудно. Но оно и не очень-то интересует ее.

Медленно она подходит к тумбочке с телевизором, где стоит телефон, и снимает трубку. Набирает шестизначный номер.

В трубке молодой мужской голос отвечает:

– Да. Алло! Я вас слушаю... Говорите же!

– Простите, что я так поздно... – решает Клавдия Степановна – Мне Виктора Григорьевича.

– Кого? Вы куда звоните?

– Я...

– По-моему, вы ошиблись номером.

В трубке – возмущенные гудки. Клавдия Степановна слушает их. Долго слушает. Потом опускает трубку и ложится на кровать, не раздеваясь, и так и не сняв с головы свой любимый шерстяной платок.

Клавдия Степановна закрывает глаза. И слышит, как необыкновенно звучно запели сверчки. И надо же! Окно оказывается распахнуто в звездное летнее небо. И кометы, кометы... Множество ярко вспыхивающих линий разрезают

черную пустоту. А сама-то она, Клавдия Степановна, оказывается, сидит на подоконнике в белоснежной ночной рубашке.

Всё смешалось во сне у Клавдии Степановны И ее действительность, и действительность Льва Николаевича. И смотрит она в окно, улыбается и видит внизу, в прекрасном старинном парке, длинную очередь.

– За чем вы стоите? – удивленно спрашивает Клавдия Степановна

– За любовью, за любовью! – отвечает ей очередь.

– Разве любовь тоже продают? – недоумевает Клавдия Степановна

– Да! Да! – кричит очередь. – Самый дефицитный товар. По полкило в руки дают.

– Ах! – восторгается Клавдия Степановна – Я буду за вами! – кричит она крайнему в очереди и оттолкнувшись, взлетает.

Она летит над огромной очередью, поднимаясь всё выше и выше... И вот уже вся большая страна под ней, как на географической карте. И через всю страну черная лента за любовью. А Клавдия Степановна продолжает подниматься еще выше. И уже живая лента тянется через все страны, по всему земному шару. И на разных языках спрашивают: кто крайний и поскольку дают?

Олег стоит на улице в очереди за хлебом. На Олеге осеннее пальто и шикарная лисья шапка. Олег прислушивается к разговорам в очереди о повышении цен, о возможном голоде, о том, где кто и что успел достать. Правда, не очень-то поговоришь, пусть и в слабый, но мороз.

Часы на башенке старинного дома напротив показывают 11 часов 05 минут. И взглянув на часы, Олег начинает нервничать, высчитывая, сколько осталось человек до его входа в магазин и высматривает: много ли народу в самом магазине. А в магазине... Черно от людей.

Следующее утро. К. С. проходит мимо стола дежурной. Сегодня там сидит молоденькая девушка. Точнее, сидит и что-то ищет в ящике стола.

– Простите... – обращается Клавдия Степановна, взглянув на будильник, остановившийся на 11 часах 05 минутах. – Вам передали про бачок?

– Бычок, бычок... Это чей же бычок? – бормочет, не понимая и продолжая что-то искать, светловолосая дежурная. – Курил кто?

– Бачок! – возмущается Клавдия Степановна и удаляется к выходу из гостиницы. И слышит, как ей вслед добродушным тоном кричат:

– А-а! Бачок! Тот, что в сортире?! Я сообщила, бабуля, сообщила. Придет он. Придет. Унитаз ставит в двести пятом...

– Прибежит, – бормочет Клавдия Степановна, выходя на улицу, в холод, навстречу слабому, но колючему сибирскому ветерку.

– Ну и что? И что? – возмущенно кричит Лариса. – Я торчу здесь почти час! Уже собралась уходить.

На Ларисе модная серая зимняя куртка с капюшоном и кроличья зимняя шапка. В руках – тяжелая сумка с продуктами и через плечо – серая дамская сумочка. В своем одеянии Лариса выглядит старше своих лет и полнее. Они стоят с Олегом у огромного заиндевевшего дерева, рядом с грязно-зеленого цвета скамейкой. Мимо проходят прохожие. Некоторые оглядываются. В руках у Олега буханка хлеба.

– Господи! Да возьми ты хоть... – Лариса зло пихает Олегу тяжелую сумку и, сунув освободившиеся руки в карманы куртки, отворачивается.

– Так и будем стоять? – интересуется без энтузиазма Олег.

– Не знаю! Мне уже никуда не хочется. Я замерзла.

– В кинотеатре согреемся.

– Да уж! Там согреешься.

Олег затравленно смотрит на спешащих прохожих. Ему хочется сейчас остаться одному. Но он не может себе этого позволить.

– Ладно. Пошли, – соглашается Лариса.

– Куда? – интересуется Олег.

– Слушай... Ты... Всё! Хватит! Иди куда хочешь! – вспыхивает Лариса. – Мне надоело!

Она вырывает сумку и бежит. Олег догоняет ее, пытаясь обратно забрать сумку.

– Ну, подожди! – кричит он на ходу. – Дай сюда! Перестань! Что ты в самом деле?!

Лариса останавливается.

– Оставь меня в покое! Я хочу домой! Понял!? И... Иди! Иди!

– А что случилось?

– Ничего! Если не считать, что я тебе надоела!

– Ты в своем уме?!

– Отстань! Всё! Уйди!

Лариса снова резко отворачивается и продолжает бег. И Олег не останавливает ее. Он, как и хотел, освободился от нее. И хотя и испытывает угрызения совести, он рад.

Клавдия Степановна разглядывает бойкое юное существо мужского пола в короткой дубленке и норковой шапке. Существо стоит на улице, у стены красивого особняка. Перед ним стол, на столе бутылка коньяка, французский одеколон, жвачка, сигареты, коробка дорогих шоколадных конфет и прочие желанные прелести.

– Беспроигрышная лотерея за пятерку! – выкрикивает существо. – Минимум риска – и счастье в ваших руках!

Вокруг стола стоят крикливо одетая дама, солидный мужчина с солидным портфелем, два пацана лет двенадцати, юноша во всем по фирме и девушка в очках. Юноша протягивает существу пятерку и достает из стеклянной коробки на столе свернутую бумажку.

– Двадцать шесть, – говорит он, развернув листок.

– Пожалуйста, – протягивает существо юноше лотерейный билет.

– Это че? – спрашивает юноша.

– Приз, – говорит Существо и обращается к Клавдии Степановне: – Хотите, гражданочка, рискнуть?

– Нет, спасибо, – пугается Клавдия Степановна – Я невезучая.

И отходит поспешно от стола, продолжая свой путь.

Местное кафе-бар гудит голосами подвыпивших посетителей. Олег и его друг стоят с наполненными стаканами у покосившейся стойки. Друг в дубленке, из-под нелепой бурой зимней шапки, надвинутой на лоб, выглядывает молодое широкоскулое раскрасневшееся лицо. У иностранцев именно такое лицо считается исконно русским. Да и не только у иностранцев. Большой, сильный, громогласный... Олег явно проигрывает в обаянии рядом с другом. Особенно сняв свою огромную лисью шапку, которая теперь занимает место на стойке рядом с буханкой хлеба и тарелкой, где обветриваются бутерброды с жалкими кусками бледной докторской колбасы. Худое лицо Олега и слегка выющиеся светлые волосы подчеркивают явно несибирскую хрупкость и навевают воспоминания о латышах или французах. Друг сосредоточенно разглядывает пышную буфетчицу, а Олег хмуро смотрит на наполненный стакан.

– Слушай!... – мрачно сообщает Олег. – Мне, между прочим, двадцать шесть.

– Угу... – кивает поглощенный буфетчицей друг.

– Должен я вообще-то хоть что-то путное иметь, а?

– Угу, – снова соглашается друг. И зачем-то протягивает Олегу зажигалку.

– Хорошую работу, семью, хату свою... – продолжает Олег, утыкаясь взглядом в зажигалку, на которой изображена обнаженная женщина. – Надоело жить под крышей у предков. Приходишь домой, как в общягу. Брат, сестра... Дед, родители. Ящик орет. Ни почитать тебе. Ни...

– Ну! – отвечает понимающе друг.

– В кооператив, что ли, какой устроиться? – размышляет вслух Олег, накрывая зажигалку, а значит и подмигивающую женщину своей огромной лисьей шапкой. – Угол снять...

– Я тебе говорил... Я тебе на прошлой неделе что говорил? Забыл? – реагирует друг.

К ним подходит в замызганном ватнике и шапке-ушанке, со сморщенным испитым лицом, мужик лет сорока.

– Господа! Пообщаемся? – предлагает мужик, вопросительно поглядывая своими карими глазами на друзей.

– Иди-иди! – отправляет мужика друг.

Но мужик продолжает печально смотреть на Олега и не уходит.

– Да на! Возьми! – неожиданно пихает мужику свой стакан с вином Олег.

– Вот спасибо! Вот путем! Это по-нашему. Это по-сибирски, – радуется мужик, торопливо вцепляясь в стакан и поспешно выпивая содержимое, словно его отнимут. И друг и Олег внимательно начинают разглядывать мужика. Похоже, хотят понять некую очень важную тайну жизни. Либо мужика, либо свою. Мужик ставит аккуратно стакан и приблизившись к сосредоточенным на чем-то вечном лицам благодетелей, сообщает:

– Я скажу так... Всё тлен! Вот я счастливый человек, господа... когда Наполеон брал Москву...

– Он в нее вошел! – недовольно возражает друг.

– А я и говорю. Когда брал Москву... Вас еще тогда не было. Вы еще не родились...

– А ты уже родился? – язвит друг.

– А я мальчонкой был... Во-от таким. Меня батя в тот день в баню повел.

– Так ты москвич, что ли? – спрашивает Олег, словно наконец понял что-то очень важное.

– Ну!

– Москвич! Здорово! По такому случаю надо выпить. У нас осталось еще? – спрашивает Олег у друга.

– У нас еще много осталось.

Друг достает из внутреннего кармана дубленки бутылку, наливает в пустой стакан и ставит бутылку на стойку.

– У-у-у... Вы богатые. – оживляется мужик.

– А ты думал... У нас в банке миллион. – Острил Олег.

Он пихает свой наполненный стакан мужику и кивает другу: «Мол, давайте, пейте».

Друг, пожав плечами, чокается и пьет.

– За братство! – многозначительно произносит мужик и тоже пьет. После чего продолжает:

– Так вот, входим мы в баню. Снимаем с себя всё – и голяком в парную...

– Голяком? – иронизирует друг. – Ну вы даете. И без веника?

– Почему это?! – обижается мужик. – Веник батя всегда с собой носил. Свеженький.

– Всегда? И в магазин с ним ходил?

– Тогда лавки были. И в лавке с веником делать нечего.

– Пойду, – неожиданно заявляет Олег и нахлобучивает свою лисью шапку.

– погоди. Чего ты вдруг!? Осталось же... – задерживает его друг и вновь разливает.

– В кино пошли? – предлагает в ответ Олег.

– Какое кино? Ты чего? – не понимает друг.

– Интересное. «Восставшие из ада». Самый кассовый фильм в США.

– Плохое кино, – важно замечает мужик, выпивая предназначенный Олегу стакан.

– Скучные вы... Пойду я, – вздыхает печально Олег и, взяв буханку, направляется к выходу.

– Куда? Ты чего? – с недоумением вопрошает друг и идет следом.

Заметно потемнело. Клавдия Степановна останавливается на тротуаре, не дойдя несколько шагов до подземного перехода на другую сторону улицы. Ее внимание привлекла юная пара. С левой стороны от Клавдии Степановны на углу – одноэтажка «Молочного бара». Неподалеку от него и стоят девушка и, на голову выше своей любимой, юноша.

– А у тебя нос покраснел, – прищурившись, сообщает девушка.

– Да, – соглашается юноша. – А у тебя уши сейчас отвалятся.

– Греем? – предлагает девушка.

– Греем! – соглашается юноша.

И начинают поцелуями отогревать уши и нос друг у друга. Клавдии Степановне очень стыдно, но она продолжает восторженно наблюдать за влюбленными.

– Ба-ба-ба-ба... – говорит девушка, целуясь.

– Ду-ду-ду-ду... – соглашается юноша.

– О-о-о-о... – удивляется девушка.

– И-и-и-и... – подтверждает юноша.

Мимо них проходит пожилая дама с большими тяжелыми сумками в руках.

– Придурки! – обзывается дама и чуть не падает, поскользнувшись на заледенелом асфальте. Молодая пара смеется. А Клавдия Степановна вздохнув, идет дальше. Губы ее заметно шевелятся. Она громко набарматывает:

– Нет! Нет! Я не сумасшедшая! Нет! Это я раньше была чокнутой... Жила как надо... Как положено. А кому положено? Дура! Тридцать лет коту под хвост! Зачем? Ради кого? Ради этого хорька в очках? Пусть он прав. Пусть.. Я его не виню. Но больше не хочу! Нет! Хватит! Было и прошло! Сколько ж можно... Все для кого-то! А для себя? Боже мой! Для себя! Хоть что-то! Хоть самую малость! И не малость даже... Нет. А самое главное. Самое дорогое! Иначе зачем жить-то?! Зачем?..

Клавдию Степановну прерывает маленькая собачка загадочной породы. Подскочив к ногам Клавдии Степановны, она громко тявкает и ластится.

– Ой! – удивляется Клавдия Степановна – Какая смешная...

– Гектор, Гектор! Пожалуйста, осторожнее! Не пугай леди! – басом умиряет Гектора большой, можно сказать, огромный мужчина в спортивном костюме.

– Ему бы собачку побольше, – шепчет Клавдия Степановна и радостно смеется, провожая взглядом мужчину и смешного Гектора.

Крики, ругань, пыхтенье. Одинокий фонарь едва освещает вечернее пространство неподалеку от подъезда дома, где живет Олег. Пространство, где в самом разгаре довольно неординарная драка. Олег меряется силой с огромным парнем в тулупе и валенках, а друг дерется с низкорослым крепышом в японской зимней куртке. Мужик бежит от одной дерущейся пары к другой, изредка помогая Олегу и другу беспомощными верчениями руками и выкриками: «Так вам, господа! Так! Вот вам!» Но все пятеро изрядно выпивши,

поэтому драка протекает с загадочными покачиваниями и опасными замираниями для отдыха и приобретения силы. Шапка Олега валяется рыжим пятном на снегу далеко в стороне. Возможно, из-за нее и началась драка. Рядом с шапкой лежит буханка хлеба.

Огромный парень очередным ударом отправляет Олега в сугроб, где тот и остается сидеть, закрыв глаза и что-то недовольно бурча себе под нос. Парень, спотыкаясь, вяло убегает и к нему присоединяется тотчас же крепыш. За ними устремляются друг и мужик. Драка возобновляется уже где-то за углом дома.

Из-за деревьев выходит испуганная Клавдия Степановна. Она подбирает шапку и буханку хлеба. Приближается к поверженному Олегу.

– Олег! Олежек! – растерянно бормочет она, наклонившись над Олегом и приводя его в чувство. – Ты слышишь меня? Слышишь? Олег?

Олег открывает глаза. Сквозь пьяный туман разглядывает женщину. И трезвеет. Покачиваясь, вылезает из сугроба, неловко стряхивает снег.

– Вы? Это вы? Здесь? В командировке? Нет... Не может быть!

– Как ты себя чувствуешь? Все в порядке? Да? Все хорошо? – интересуется Клавдия Степановна. И сунув в руки Олегу шапку и хлеб, отходит в сторону.

Олег покачиваясь, неловко одной рукой напяливает кое-как шапку и пристраивает под мышку несчастную буханку. Он глядит куда-то в сторону, на замерзшие деревья и кусты, как бы соображая, что происходит, где он находится и что делает.

– У меня отпуск... – сообщает, извиняясь, Клавдия Степановна, сочувственно поглядывая на Олега. – Захотелось померзнуть... Испытать острые ощущения. Меня в люкс поселили. По-моему, я дала больше, чем положено. Администраторша смотрела на меня, как на дуру... Впрочем, почему «как»... Я и есть дура. Старая дура в поношенной шубе...

– Не-ет! Вы не дура, Клавдия Степановна. Вы на себя не наговаривайте!.. – возражает бурно Олег.

– У нас в Москве тоже очередь за хлебом, – зачем-то сообщает Клавдия Степановна и замолкает.

Олег делает несколько шагов вперед и, остановившись перед Клавдией Степановной, с энтузиазмом восклицает после неловкой паузы:

– Вам надо посетить нашу картинную галерею. Там выставка... Ререха.

– Рериха, – поправляет Клавдия Степановна.

– Ну да! Его, – поддерживает Олег. – Я думаю, вам понравится. Там мистика... И всё такое... Транс...цын...дентное, – с трудом выговаривает он.

– Трансцендентальное?

– Не-ет. Трансценде-ентное, – не соглашается Олег, качая упрямо головой.

– Я поняла.

– Ну... До завтра, – сообщает Олег. Поворачивается и идет к своему подъезду, тяжело поднимается по ступенькам. Разгоряченный дракой друг обрушивается внезапно сзади, мешая открыть дверь.

– Оклемался? Да? Живой?

– А где ты был-то? Не ушел?

– Так драка же! Драка! Видишь?

Друг демонстрирует кровь на щеке, подставив под бледную лампочку свое лицо.

– Шпана гребаная! Козлы! Не испортили шапку-то? Шапку-то твою... Как?

– Да... Я пошел, – уведомляет Олег, машинально жмет другу руку и входит в подъезд, закрыв перед его носом дверь. Друг пожимает плечами и вяло спускается со ступенек. Клавдия Степановна стоит все там же у сугроба и наблюдает.

– Мужик! – орет друг. Орет так, что в освещенных окнах, раздвигая словно по команде разнообразные занавески и занавесочки, появляются любопытные лица. До этого они, возможно, созерцали с такой же заинтересованностью драку.

– Тут я, тут... – откликается мужик, и друг идет в сторону прозвучавшего голоса.

Мужик сидит на земле, прислонившись спиной к скамейке.

– Давай, поднимайся. Замерзнешь.

– Я вот что думаю,... Москва за нами! – поднимается

Мужик. – Когда Наполеон пожал мне руку...

– Слушай, старо, мужик, – прерывает его друг. – Придумай что-нибудь новое. Я уже про это от кого-то слышал или читал... Я тебе точно говорю.

Друг поднимает мужика, и они идут в сторону, где продолжают стоять Клавдия Степановна

– Для кого – старо, а для меня – быть!

– Быль и быль. Держись, давай. Тебе куда?

– Мой дом – Москва.

– Я тебя сейчас на транспорт посажу... Тебе в какую сторону?

– Мне? В любую.

– Простите, который сейчас час? – прерывает Клавдия Степановна.

Друг останавливается и смотрит на часы.

– Одиннадцать часов ночи. Пять минут, – сообщает он громко.

– Спасибо, – благодарно кивает Клавдия Степановна и идет дальше, вдоль темной аллеи. А мужик и друг смотрят ей вслед.

Олег стоит, опираясь о стену, и уныло смотрит на дверь в свою квартиру. Ему явно не хочется идти домой. Он окончательно протрезвел. Непонятно откуда взявшаяся тощая рыжая кошка, мякнув, проходит мимо Олега и, не спеша, спускается вниз.

Клавдия Степановна озирается на автобусной остановке. Нет ни пассажиров, ни автобусов. До гостиницы далеко. Клавдия Степановна готова поймать машину, но машин тоже нет. А если одна и прошелестела мимо, то не остановилась.

Мужик и друг, обнявшись и покачиваясь, громко поют: «Россия! Там-там-там... Россия!..»

Олег отталкивается от стенки и, пройдя несколько шагов, звонит в дверь напротив. Слышится шорох – и дверь открывает заспанный полураздетый, в накинутом на голые плечи тулупе, мужчина лет сорока пяти. Разглядев Олега, угрюмый взгляд мужчины светлеет.

– А-а-а... Сосед, – произносит хрипло он, приглаживая свои коротко подстриженные волосы. – Проходи.

– Я не помешал? – спрашивает Олег и, не дожидаясь ответа, проходит.

Клавдия Степановна, вся скукожившись, словно замерзший воробей на жердочке, сидит с закрытыми глазами на скамейке.

Где-то вдалеке оркестр играет красивую мелодию старинного танца. Неожиданно красивое старинное здание напротив раздвигает стены. И огромный зал с колоннами и паркетом в шашечку является во всей красе перед Клавдией Степановной. И танцующие пары в старинных костюмах приближаются к ней. И оказывается: танцует-то она с Олегом. Да еще в окружении высокопоставленных особ. Ну прямо как Наташа Ростова. Только все пары одеты, как положено, а она, Клавдия Степановна, в своей старой лисьей шубе, а Олег – во фраке и в лисьей шапке. И под мышкой у него буханка хлеба, а за Клавдией Степановной почему-то волочится по паркету сливной бачок. Но они с Олегом как бы не замечают этих неудобств и радостно танцуют великолепный старинный танец. А вокруг важные особы мужского и женского пола восхищенно смотрят на них, аплодируют и громко перешептываются:

– Вчера Ростовы организовали швейный кооператив.

– А Безухов возглавил концерн «Волна».

– Почему «Волна»?

– Ах, не спрашивайте. Левины, например, учредили Северную биржу «Белка».

– «Белка»?

– Да. А граф Шереметев купил на аукционе скульптуру Дзержинского.

– Что же он будет с ней делать?

– Поставит рядом с Лениным и Наполеоном.

Клавдия Степановна и Олег, не обращая внимания на окружающих, продолжают танцевать.

– Вы знаете, Олег... – обращается Клавдия Степановна, совершая ногами очередные красивые па. – Я вам купила полкило любви. Больше, к сожалению, не давали. Самый дефицитный товар.

– Да что вы? – удивляется Олег. – Где ж это вы достали?

– Ах, Олежек! – томно закидывая голову, восклицает Клавдия Степановна. – Места надо знать.

И они продолжают свой дивный танец по восхитительному паркету. Пока хриплые голоса, внезапно возникшие из ниоткуда, громко поющие: «Россия... там-там-там...» – не вызывают бурное возмущение важных особ, и Клавдия Степановна просыпается. Она обнаруживает себя на скамейке и слышит приближающиеся голоса.

Скромно обставленная двухкомнатная квартира. Олег стоит перед телевизором. На экране неистовствует поп-солист. Сосед, по пояс голый, развалившись на диване, на мягких подушках, задумчиво курит. Худенькая молодая девушка в цветастом халатике накрывает на стол, где уже лежит разрезанная пополам буханка Олега.

– Хлеб-то кстати. Моя не успела сходить. Очередь была до бани. Колбасу, что я привез, не забудь! – как-то игриво командует девушкой сосед. – Поживей, поживей. Сейчас поужинаем. Потерпи. Видишь, как моя новая жена старается... Рада, Ленка, гостям? А?

– Жена-а-а, – вытягивает девушка. – Чего болтаешь.

– А не жена? Ну, шлюшка. Или как тебя иначе?..

Лена молча выходит на кухню. Олег, оставив телевизор, присаживается на стоящий у стены стул. Сосед, продолжая дымить, чему-то мрачно улыбается.

– Что молчишь-то? На работу устроился?

– Предлагают... Завтра поеду. Посмотрю. Тепло тут у вас.

– А у тебя холодно? Денег-то не надо?

– Деньги есть. Спасибо.

Олег собирается сказать еще что-то, но, так и не решившись, смотрит в незанавешенное окно. Потерянный вид Олега вызывает у соседа сочувствие, и он мрачно хмыкает.

Остановившись перед Клавдией Степановной друг с мужиком молча ее созерцают.

– Баба на морозе, – трагически произносит мужик.

– Не баба, а женщина.

– Дама, – уточняет мужик. – Дамочка, вы не боитесь здесь замерзнуть в одиночестве?

– Боюсь! – смело заявляет Клавдия Степановна.

– Ну! Так надо как-то согреть вас! – озадачивается мужик и садится справа от Клавдии Степановны. А друг неуверенно и даже слегка неловко, опускается слева и закуривает.

– Хорошо бы, конечно, согреть... Только, я думаю, вы тоже не шибко горячие.

– Ну... Подзамерзли маленько... Но ничего. Держимся. Давно ждете автобуса? – интересуется мужик.

– Давно.

– И не дождетесь, – резюмирует он сочувственно. – Вот когда Наполеон занял Москву...

– Да будет тебе! – обрывает его друг. – Женщина и без тебя знает...

– Отчего же? – откликается Клавдия Степановна. – Может, и не знаю. Мне интересно. Я как раз сейчас перечитываю «Войну и мир».

– Тогда... развлекай мужик.

– А имя у вас есть? – спрашивает Клавдия Степановна у мужика.

– Само собой. Александр Иосифович. Будем знакомы, – сообщает мужик, протягивая руку.

– Очень рада. А меня – Клавдия Степановна.

– Рад знакомству.

– А вас как зовут? – обращается она к другу.

– Меня Иваном зовут, – почему-то недовольно сообщает Иван.

– Мне бы в гостиницу «Сибирь». Я здесь... по работе. Я заведующая... В музее. У нас хороший музей. Маленький. Уютный.

– «Сибирь»? У-у-у... – восклицает Александр Иосифович. – Это далеко.

– Да, не близко. И машин нет. Боюсь, замерзну здесь.

– Никогда! Чтоб такая дама, и замерзла, как француженки в Москве? Не позволим. Ваня! Ты слышишь? Придумай что-нибудь!

– Ты ж собрался про Наполеона рассказывать.

– И чего? Собрался! Мне тогда, Клавдия Степановна, было пять лет. Мальчонкой я был во-от таким... Пошли мы с батей в баню...

– Вы видели Наполеона? – восторженно спрашивает Клавдия Степановна.

– Э! Кого я только не видел. Мне бы память. Память. Отбило, понимаешь ли, на прошлой неделе. Упал и головой об стенку. И всё! Про Наполеона помню, а больше – ни про что!

– Ладно заливать! Пошли! – вдруг решительно заявляет Иван.

– Куда? – настороженно откликается А.И.

– Поднимайтесь, Клавдия Степановна. Сейчас мы вас согреем. Если нас не выгонят, то согреем.

– Там не страшно? – насторожилась Клавдия Степановна.

– Нет. Там не страшно. Ну... Хуже не будет.

Маленькая кухня. На плите – чайник. На столе – чашка, сухари в тарелке. Лариса звонит по телефону.

– И не приходил? Должен был? Нет? Он собирался сегодня прийти? Подожди. Хорошо. Поняла. Я перезвоню.

Лариса вешает трубку, выключает чайник. Снова набирает номер телефона.

– Алле! Подруга! Ты чего делаешь? Дежуришь? Почему?.. Кто загулял? Старушка? И что? Ее право. В гости пошла.

Смешная? На кого похоже? Родная? Может, это она и есть? Что? Бачок? Какой бачок? А-а-а... Слушай, я к тебе заскочу?.. Естественно. Жди. Я быстро.

Лариса вешает трубку и смотрит, задумавшись, на чайник, потом на картинку на стене, где изображена маленькая птичка, парящая в синем небе.

Олег сидит напротив Лены за столом, уже пододвинутом к дивану. Сосед – по-прежнему на диване. Он умело разливает в граненые рюмки водку и хмурится.

– Так как тебе моя шлюшка?

– Прекрати, – улыбается Лена.

Олег явно мается. Молча хмыкнув: «мол, ну, конечно, нравится», он поднимает рюмку.

– За вас, Лена!

– Во-от! – преувеличенно возмущается сосед. – Это за что ж? За нее? Чем это она заслужила?

– Ну... – мямлит, не зная, что сказать, Олег. – За женщину. Хозяйку.

– Ты смотри! – строго шутит сосед. – Мы тебя быстро женим. Ленка! Нравится тебе Олег? А?

Ленка вдруг взрывается, выскакивает из-за стола и убеждает на кухню.

– Вот так, – зло заявляет сосед и откидывается на подушки. – Теперь до утра.

– Зачем ты? – робко интересуется Олег.

Но сосед не отвечает. По телевизору прыгает и надрыгается очередной певец. Олег закуривает.

– Пожалуй, пойду я...

– Да сиди... Куда тебе спешить?

– Завтра встать рано.

– Зачем? Ты ж не работаешь. Всё равно сейчас не заснешь.

– Я думаю... – через паузу говорит Олег. – В университет поступать. На журналистику.

– Ты? Ты же инженер. Зачем тебе еще?

– Не знаю. Хочу.

Олег встает и начинает нервно ходить по комнате.

– Хочу! Может быть, это единственное, что я хочу.

– А жить на что?

– На что все живут?

– Все! Каждый на свое. Если б я в аферу с телевизорами не втравился... Фиг бы выкрутился. Эту корми... Дочке помогай. А сын растет... Да за квартиру платить. Что мне на заводе суют? Пятьсот? Да и то...

– Тебе сложно. Жены да дети свое требуют... А мне... Я сам по себе. Что мне? Выкручусь. Иначе... Тошно! Вроде идешь, а как будто стоишь на месте. Всё мелькает. А ты стоишь на месте. Как ослик... в цирке. На тумбе такой... Вертящейся.

– Почему ослик?

– Я видел. В цирке. В детстве. Копытами перебирает, а на месте...

– Сравнил...

– Бессмыслица. Пустота. Ни цели... Ни... будущего. Плохо внутри. Как в танке.

– Всем плохо. Вся страна без будущего и в пустоте.

– Возможно, Юр. Но я хочу делать то, что я хочу, понимаешь? Я же свободный человек...

– Хм. Захотел.

Резкий звонок в дверь обрывает разговор и вызывает удивление и у хозяина и у гостя.

– Милиция, что ли? – острит Юра и идет открывать дверь.

– Здравствуйте! – говорит появившаяся в дверях Клавдия Степановна. – Я прошу меня извинить, но меня привели к вам согреться.

– Да, – подтверждает выглянувший из-за спины Клавдии Степановны Иван. – Тут понимаешь, такой случай... Исключительный. Я Олегу звонил, никто почему-то не отвечает. Ну я и подумал... У меня, понимаешь, жена... Если мы не во-время, мы уйдем.

– Очень даже вовремя, – расплывшись в улыбке, восклицает Юра. – Дружок твой у меня... так что...

– Отлично.

– Да заходите...

Гости проходят в прихожую. Раздеваются.

– Это Клавдия Степановна. Из Москвы, – знакомит Иван.

– Очень приятно. Пардон за мой вид... Юра.

– А это...

– Александр Иосифович, – подхватывает А.И. и протягивает руку. – Тоже из Москвы.

– Друг Наполеона, – острит Иван.

– Иди ты? Пили вместе? – откликается Юра.

– В бане парились, – продолжает Иван.

– Ты, Ваня, не вводи в заблуждение человека. Я, когда Наполеон пришел, был еще мальчонкой... Вот таким...

– Началось. Ты не слушай его. Он башкой об стенку ударился. Ну и сам понимаешь... – Иван вертит пальцем у виска.

– Да. Ударился, – оскорбленно подтверждает А.И. – И отшибло память. И помню только про Наполеона...

– Главное-то помнишь? – подыгрывает Юра.

– Главное помню, – соглашается А.И.

– Ну и всё! А что еще надо? – успокаивает Юра.

В это время, пока мужчины беседуют в коридоре, Клавдия Степановна прошла в комнату и увидела Олега. Она застыла, растерянно глядя на него, и он застыл посреди комнаты, увидев ее... И они молча долго смотрели друг на друга, пока шумно не ввалились мужчины.

– Олег. Это Клавдия. Зашли согреться. Давайте... Садитесь... Клава на диванчик. Олег, стульчики... Там... В другой комнате. Вань, на кухне девушка... Лена. Зови ее сюда. И пусть тарелки захватит. Я сейчас. Только упакуюсь. Вы тут пейте-ешьте. – И Юра торопливо выходит.

Коридор гостиницы. Лариса и ее подруга, дежурная по этажу, курят в приоткрытую форточку, сидя на подоконнике.

– Ты ему так и скажи... – советует подруга. – Либо я, либо... До свидания!

– Скажи-скажи... Если б мне наплевать было.

– Страсть у тебя, что ли?

– Не знаю.

– А что ты в него вцепилась?! Я тебе такого мальчика найду. Ей-богу! Упадешь! Клянусь! Во! Сталлоне. А этот хлюпик... Ты посмотри на него трезво. Он же хлюпик. Глиста! Щеки впалые. Ты ж с ним с голоду помрешь. Двести рэ в месяц – это даже не двадцатка сегодня. Деревянные! А большего ты не жди, я тебе точно говорю. Ты на своей фабрике и то больше будешь получать. Сколько тебе сейчас платят?

– Триста пятьдесят.

– У-у-у! А будет тысячу. Вот увидишь. А его еще и на работу никто не возьмет. Уволили по сокращению – и все! Он же ничего делать не умеет.

– Умеет. Мебель.

– Ти-и-и. Эту его мебель в сортире ставить.

– Да место-то можно найти, – возражает Лариса.

– Хм. А он согласится на это место? Он уже месяц выбирает. Месяц. Любимую работу ищет. Да кто сегодня на любимой-то работает?! Одни мафиози! А из него мафиози – как из меня Патрисия Каас.

– А что? Ты поешь прилично.

– Я-то? Окстись!

Вторая комната в квартире Юры. Клавдия Степановна стоит, прислонившись к стене, напротив, на диване, сидит Олег. Клавдия Степановна разглядывает графический рисунок Эйфелевой башни. Рисунок висит в рамочке, под стеклом, на стене над диваном. Рядом с ходиками с выскочившей когда-то кукушкой, да так и застрявшей с открытым ртом. В комнате горит только настольная лампа, почему-то стоящая на маленьком стуле у стены.

– Интересно, в Париже сейчас тоже ночь? – печально спрашивает Клавдия Степановна.

– Не знаю, – отвечает Олег.

– Париж... Ницца... Канны... Триумфальная арка. Елисейские Поля... Боже мой! Я никогда не увижу Париж. И Канны... Никогда! Какое дикое слово: никогда.

– Отчего же... Накопите денег. Или выиграете... В лотерею, – неловко успокаивает Олег. – И поедете. Или полетите...

– Скорей всего, полечу. Я очень люблю летать. Выйду на пенсию... К этому времени накоплю. Путевки подешевеют. И «никогда» станет возможным... – размышляет Клавдия Степановна, отвернувшись уже от рисунка и глядя куда-то вверх, на едва заметную паутину в углу комнаты.

– Я знаю. Это плохо, что я прилетела... Я не должна была... прилетать. Я знаю. Не смогла. Да... Старая дура. Господи... прости меня. Так было... Плохо. Так... Я уже собралась таблеток налотаться... Или еще чего сделать. А потом взяла вот... Может, в последний раз... Ты мне снишься каждую ночь. И сны всё такие... Вольные. Но сны ведь невозможно контролировать. Они лезут сами по себе... Хотя не только сны. Здесь... В груди. Или ниже.словно поселился кто. И мучает. Крутит. Я лечусь. Тебя в разных отвратительных видах представляю. Ничего не помогает. Мужа бросила. С одним милым человеком познакомилась. Он готов за меня... В огонь и в воду. Но я его... Не люблю.

Клавдия Степановна опускается в бессилии на диван, рядом с Олегом.

– Что я говорю... – бормочет она. – Что я говорю?! Неужели у тебя совсем нет ко мне... Я противна тебе? Да? Я старая... Но что же мне делать? – в отчаянии вопрошает Клавдия Степановна.

– Наверно, ждать, – тихо шепчет Олег.

– Чего? Мне уже нечего ждать. Только смерти. Посмотри на меня! Есть у меня время ждать? Я же не прошу быть со мной всегда. Нет! Ты свободен! Ты... Пусть у тебя будет своя жизнь. Такая, какую ты хочешь. Прекрасная, полноценная... С женой, с детьми... И иногда... Лишь иногда. Хотя бы раз в полгода. Хотя бы на несколько часов... Встретиться. На день... Когда ты мой! Только мой! Когда я тебе смогла бы отдать... Себя. Разве сложно? Посвятить мне всего лишь несколько часов? Разве мы не тратим впустую дни, недели... Я же знаю... Я не была тебе неприятна. Ты сам подошел тогда... Ты даже... Господи! Наверно, там, у них, на Западе... Нет таких проблем. Тебе нужно? Пожалуйста! С меня не убудет! Я же люблю тебя... Я...

Клавдия Степановна закрывает лицо руками. Молчит. И Олег тоже молчит.

– То, что вы просите... будет обманом, – наконец выдает он из себя.

– Ну конечно! – взрывается Клавдия Степановна. – Трахать молоденьких девочек – не обман. Я же знаю, дорогой, как ты вел себя в Москве. Но я ничего не говорила! Я не обращала внимания! Я не претендую на преданность и верность. Мне бы только кусочек... Кроху... Ничтожные часы... Нет, прекрасные часы! Священные часы, когда ты... Даже не надо дарить. Просто бросить, как собаке кость. И я буду счастлива! Буду! Разве ты не способен подарить ближнему своему хоть кусочек счастья?! Как монету нищему. Тебе там, в раю, зачтется. А грехи мои будут. Мои. Я буду змеей-свертальницей... Я смогу...

Дверь приоткрылась, и появилась голова Ивана.

– Вот вы где. Философствуете? А там... Юрка рубашку не может выбрать... Ругается... Олечка, может, Клавдия Степановна отдохнуть желает?

– Я хочу, чтобы он меня трахнул. А он отказывается, – смело заявляет Клавдия Степановна.

– Что? Что? – переспрашивает испуганно Иван и после паузы натужно смеется: – Ну и шуточки у вас.

– Зачем вы? – произносит Олег.

– Если нельзя душу, то хотя бы тело, – объясняет Клавдия Степановна и отворачивается.

– Приношу свои извинения. Шутка действительно глупая. Да и разве можно разделить то, что в общем-то не делится.

– А почему все разбежались? – Всунулся в дверь, отпихнув Ивана, Александр Иосифович. – Пришло время выпить за победу над Наполеоном. Когда он жал мне руку, покидая Москву, он сказал: «Мальчик, я завидую тебе. Ты родился в великой стране».

– По-русски сказал? – серьезно спрашивает Иван.

– Зачем же? Сказано было по-французски. Но мне перевела маман. Она стояла рядом и держала меня за руку, чтобы я не сбежал с французами. А желание у меня такое было.

– Значит, ты тогда еще не был патриотом? – снова серьезно спрашивает Иван.

– Почему? Патриотом я был всегда. Просто... Мной руководило желание поделиться с французами русским духом.

– Навонянь, что ли?. – Иван закуривает, усаживаясь основательно на стул. – Как коммунисты? Я всё-таки где-то об этом читал...

– Фу-у! – оскорбляется Александр Иосифович.

– У Толстого? – откликается Клавдия Степановна.

– Не знаю, что вы читали и где... – возмущается А.И. – Но всё это было лично со мной. И если кто и написал, то... значит, про меня. Я предлагаю выпить.

Клавдия Степановна встает и резко выходит из комнаты.

Лариса все так же сидит на подоконнике. А подруга разговаривает по телефону, присев на стол.

– Да я так позвонила-то... Вспомнила. У меня тут подруга хандрит, вот я и... Гости? Если машину пришьешь, то мы мигом. Мне в шесть уже на месте надо быть. Иначе тетя Маня меня прибьет.

Закрыв трубку, подруга обращается к Ларисе: «Собирайся! Развеемся».

– Что-то меня в сон потянуло.

– Тебе что, на работу завтра? Поехали!

И снова продолжает в трубку.

– Жду-жду... Рубашку найдешь? Да мне без разницы. Не обмани. Если через пятнадцать минут машина не подъедет, то сам понимаешь...

Повесив трубку, подруга начинает приводить себя в порядок.

– Давай, Лорка! Сейчас приедет.

– Как же... Прилетит.

– У Юрочки все тип-топ.

– А здесь что?

– Тетя Маня поглядит. Кому надо, тот пришел. Кому не надо, тот уже не заявится. И старушка наша загуляла.

Подруга подходит к Ларисе и шепчет, показывая на ближайший номер:

– Ты подойди, послушай.

– Чего?

– Че-го... – повторяет подруга и подходит к дверям номера.

– Это надо ж так громко стонать. На всю гостиницу. Ни стыда ни совести у людей!

– Ты про кого? – не поняла Лариса.

– Про кого! Тут почти в каждом номере большая любовь... А мы чего? Рыжие?

– С ума сошла?! Я не поеду.

– Да не тронет тебя там никто! Шучу я. Мамой клянусь.

Подруга оборачивается и замечает слезы на глазах у Ларисы. Сидя на стуле, отставленном в сторону от стола, под бьющим в лицо светом от настольной лампы, Лариса напоминает человека, только что испытывавшего унижительный допрос.

– Сколько можно, сколько можно, – шепчет Лариса.

– Да будет тебе, подруга. Нервы надо беречь. Красивая девка.

– Нет у меня нервов. Вышли все. Устала. Мне его деньги не нужны. Сама себя прокормлю. Лишь бы он был рядом. Всегда.

– Ха-ха. Частная собственность на средства производства?

– Чего? – не понимает Лариса.

Клавдия Степановна выскакивает из подъезда на улицу, на ходу застегивая шубу и накидывая платок. За ней в накинутом на плечи тулупе, по-прежнему без рубашки, Юра. Он преграждает К. С. дорогу, обгоняя ее.

– Что за дела, Клава?! Кто тебя обидел? Этот с Наполеоном?

– Нет-нет, Юра! Они хорошие... И вы хороший человек. Спасибо вам...

– Да куда ты? Мать твою... Сдурела?

– Я поймаю машину.

– Ладно! Угомонись. Всё будет путем. Пошли в дом.

– Юрочка, не держите меня.

Из подъезда выскакивает в накинута пальто Лена.

– Заболеть решил? – кричит она, остановившись на крыльце под тусклой лампочкой, напоминая некую мистическую фигуру.

– Тебя не спросил! Вали в дом.

– Я за тобой ухаживать не буду. Ты и так три дня назад загибался...

– Я – сибиряк! Не боись. Сейчас придем! Иди, гостей развлекай.

– Пустите, Юра! Мне необходимо идти, – объясняет Клавдия Степановна, вырываясь из цепких рук Юры.

– Куда? Ты чего, сдурела, мать? Я тебя не отпущу!

– Ох, Юра, если бы ты знал... Если б знал... – стонет Клавдия Степановна.

– Что произошло-то?

– Что может произойти? – вдруг как-то сникает и перестает вырываться Клавдия Степановна. – Я старая дура. Уродка. Извращенка. Или как там это называется?..

– Баб, что ли, любишь? – напрягается Юра. – И что? Делов-то! Мы тебе подберем кого-нибудь. Вон, Ленка... Сейчас это, пожалуйста... Не запрещено.

– Да нет, – жалко улыбается Клавдия Степановна. – Баб не люблю. То есть нормально отношусь. Спокойно. Правда, иногда ревную...

– Мужик бросил?

– Не-ет. Не успел! Скорее... Еще не взял, чтобы бросить, – признается Клавдия Степановна. – Не могу я без него, Юра. Хоть вешайся. Я готова на всё. Пусть меня презирают. Пусть пальцем показывают. Лишь бы... Хотя... Я ведь и его могу подвести... Так что... Осталось мне только под поезд, как Анне Карениной.

– Подожди, кого его-то? Кто он? Здесь, что ли?

– Вы так спрашиваете, Юра... Словно когда узнаете, кто, готовы заставить его меня полюбить... Разве ж это можно? Я ему зла не желаю. Я с собой справиться хочу. Ключик какой внутри повернуть, чтобы дверка захлопнулась. И холод не поступал бы. Чтоб мне там, внутри, хорошо было и тепло...

Клавдия Степановна замолчала, и Юра замолчал. То ли понял, то ли о чем своем задумался. Опять появилась Лена.

– Там твои гости сейчас подерутся. Хватит на морозе торчать! Я ведь сказала: лечить не буду.

Юра вдруг взбрыкивает, напугав Клавдию Степановну. Срывает с себя тулуп и орет:

– Ну, не лечи! Не лечи! Дура! Может, мне нравится так! Может, я хочу заболеть и сдохнуть! Хочу! Раньше сдохну, раньше мучить всех перестану! И себя, и тебя, и всех!

Обнаженный по пояс, он стоит между Леной и Клавдией Степановной, вдыхает шумно морозный воздух и обсыпает себя снегом.

– Вот! Смотри! Вот! – кричит он, запихивая в рот снег. – Видишь, дура!

– Юра! Юра! – тихо пытается успокоить его Клавдия Степановна.

– Она лечить не будет! – выкрикивает Юра. – Да больно надо!

Он утыкается головой в снег и громко рычит. Лена и Клавдия Степановна пытаются поднять его, но он отталкивает их, разгибаясь.

– Не трогайте меня! В дом валите! Слышите! Я здесь... отдыхаю! Я свободой наслаждаюсь! Я... этот гребаный мир взорвать хочу! Я сейчас подожгу здесь все! Я...

– Нельзя, Юра! Нельзя! – испуганно лепечет Клавдия Степановна.

– Скурвились все, заразы! Довели страну, засранцы, до нищеты! Ненавижу! Всех ненавижу! Жизнь эту скотскую ненавижу! Себя ненавижу! Суки! Ничтожества!

Из подъезда вылезла знакомая тощая кошка и, остановившись неподалеку от Юры, стала жалобно ему подмякивать.

– Юра! Успокойтесь! Всё будет хорошо! Всё будет хорошо! Юра!

– Что будет?! Когда будет?! Никогда ничего не будет! Как были в дерьме так и останемся! Всегда! В яме! В одной вонючей яме...

Клавдия Степановна делает попытку что-то сказать Юре, но Юра опережает ее, снова взбрыкнув и чуть не наступив на кошку, с визгом отпрыгнувшую от него.

– Обрыдло всё! Ох, как обрыдло-то всё! Не мо-о-огу! Прибил бы меня хоть кто-нибудь, что ли!

Душат Юру рыдания, затыкают ему глотку – и вырываются с хрипом наружу, и опускается он на колени посреди белого сугроба, закрывает лицо руками и стонет...

Слышится шум подъезжающей машины. Фары высвечивают Юру, ослепляя ярким светом. Машина резко останавливается, чуть ли не уткнувшись в Юрины колени. Из машины выходят Лариса и ее подруга.

– Это что у вас? Чего? Моржуешь? – суетится заинтригованная подруга, подбегая к Юре.

– Развлекаемся! – зло бросает Юра, медленно поднимаясь и мотая из стороны в сторону головой, стараясь прийти в себя после случившейся с ним истерики. Он находит тулуп, накидывает его себе на плечи, дает шоферу деньги и, сказав на ходу «пошли», скрывается в подъезде.

Машина, громко взыв, уезжает. Все, кроме Клавдии Степановны, тоже скрываются в подъезде. Клавдия Степановна подбирает выпавший из рукава Юриногo тулупа шарф, достает из сумочки бутерброды.

– Кис-кис... На, моя хорошая, на... – Присев на корточки, Клавдия Степановна кормит кошку и ест сама.

Пока все поднимаются пешком на седьмой этаж, в связи с отключенным на ремонт лифтом, в квартире, во второй комнате, Иван угрожающе держит за воротник А.И. А Олег с трудом пытается разжать руки защитника.

– Ух ты, гнида! – шипит Иван. – Еврей гребаный. Патриот... Я тебя, педик, сейчас по стенке размажу. Я тебя за твой орган на люстре повешу! Ровесник Наполеона!..

– Ваня! – пытается оправдаться А.И. – Ты меня неправильно понял. Я ничего не сделал плохого! Ничего! Я просто сказал Олегу, что он красивый – и всё!

– Да ты его по шее гладил и целоваться лез, педрило еврейское.

– Ваня! Неправда! Я патриот! Я – русский еврей. Я видел Наполеона, как сейчас тебя. Он тоже, как ты, дышал мне в лицо. Но не кричал. И не называл меня педиком. Он пожал мне мою маленькую руку...

– Оставь его в покое! – Вклинивается упрямо Олег, наконец-то высвобождая А.И. из цепких рук обвинителя.

– Как это, оставь?! Он к тебе приставал! – не соглашается Иван.

– Слушай... Да не трогал он меня! Черт! И вообще!.. – срывается вдруг зло Олег. – Если хочешь знать... Мне все равно. Что женщина, что мужчина! Лишь бы нам было бы хорошо! Вдвоем! Нам! С человеком! Вместе! Мне и человеку! Понял!?

– Как?! – вскидывается, едва ли не подпрыгнув, А.И. Даже он не ожидал услышать подобного заявления. Оба они, и Иван и А.И., испуганно воззрились на Олега, который застыл перед ними, сжав кулаки, вытянув свою длинную шею и вскинув голову, словно комиссар перед расстрелом.

– Кому хорошо?.. Ты чего? Ты тоже... – неуверенно вопрошает Иван.

– Вы здесь? – хрипит заглянувший в комнату Юра. – Пошли за стол. К нам красивые девки приехали.

– Нужно этого мудака выставить. Он этот... Он к нему... приставал, – с большим сомнением в голосе заявляет Иван.

– Неправда! Абсолютная неправда! – кричит возмущенный А.И. – Моей первой женой была графиня Шереметева. Если бы она была жива, она бы подтвердила. А моя вторая жена...

– Ладно! Ждут там. Де-вушки, – обрывает Юра и выходит.

За ним выскакивает А.И., потом Иван. И последним – Олег.

Он сталкивается в коридоре с Ларисой. И они молча смотрят друг на друга в растерянности.

– Меня подруга привезла, – словно оправдываясь, заявляет Лариса. – Я не знала.

– Мир тесен, – произносит Олег и идет на кухню.

Юра облапывает в коридоре подругу Ларисы. Она увертывается, скрывшись в ванной. Юра с трудом открывает дверь и ныряет за подругой. Слышно, как ванная запирается.

Лена вытаскивает из холодильника колбасу. Из магнитофона тихо звучит страстное пение Патрисии Каас.

Лариса стоит у окна на кухне. Напротив нее, прислонившись к стене, стоит Олег.

А.И. «достаёт» Ивана, который уваливает от него, и они блуждают по комнате, натываясь на стол, стулья, телевизор.

– Ваня, уверяю тебя, ты меня не понял.

– Отстань!

– Я клянусь тебе!

– Отстань, говорю!

– Ваня! Ты глупый человек! – через паузу серьезно сообщает А.И.

– Что-о-о? – Иван собирается снова наброситься на А.И.

– Я уезжаю. В Москву, – тихо сообщает Олег.

– Сегодня или завтра? – спокойно спрашивает Лариса.

– Да! Да! Да! – громко кричит А.И. – Можешь убить меня! Да! Я – пьяница! Я – алкаш! Я... Но я цивилизованный человек! Я никогда никого не преследовал! Даже словом! И если ты сейчас будешь... На меня... Меня... Я... Я... Разденусь догола!

– Дурак! – сплюнув, шипит Иван и демонстративно садится за стол.

Всю эту странную катавасию с любопытством созерцает Клавдия Степановна.

– Я лучше замолчу, – возвышенно заявляет А.И., но замолчать не собирается. – Я замолчу... Да! Если этого захотят все! Все! А не один ты!

– В университет, – объясняет на кухне Олег. – Подготовлюсь. Потом – поступать. Я уже решил.

– Да ну? Понравилось жить на горбу предков?! – интересуется Лариса.

– Тебе не хочется проснуться?

– То есть?

– Мне кажется, что... Всё это... Сон. Нелепый, дикий...

Так в жизни не бывает. Но как по-другому... Я не знаю... Нам всем снится один и тот же... Странный сон...

– Мне – не снится!

– Ох, пардон, – извиняется заглянувшая на кухню подруга и тотчас же выходит.

– Юра обещал дать деньги, – возвращается к объяснениям Олег, проводив равнодушным взглядом подругу.

– Ты еще ссуду возьми... На обучение. А ночевать на улице собираешься?

– Сниму комнату.

– Да что ты... Надеешься, что сдадут бесплатно?

– Я надеюсь, что проснусь.

– Извините, – бормочет появившаяся Клавдия Степановна. – Где-то здесь должна быть пепельница.

– Пожалуйста, – протягивает Лариса пепельницу, обнаруженную на плите.

– А вы не идете? Там все уже садятся за стол.

– Да. Мы сейчас.

– А вы познакомились? – рьяно беспокоится Олег. – Клавдия Степановна. Из Москвы. Лариса.

– Очень приятно, – смущенно кивает Клавдия Степановна. – Вы вместе работаете?

– Мы вместе живем, – улыбается Лариса.

– Да, – подтверждает Олег. – В одной стране. В одном городе. Но районы разные. И квартиры... Иногда мы пересекаемся. На улице. По дороге на работу.

– Да. Да, – снова кивает Клавдия Степановна и, уходя, повторяет:

– Там уже все садятся за стол...

– Это что за старушка? – интересуется Лариса.

– Она здесь в командировке. По-моему, до старости ей еще далеко.

– Ну да? А по-моему, в самый раз. На зрелых женщин потянуло?

– Ага, – кивает Олег. – Потянуло на старушек, на мужиков, на девочек. На животных. На трупы...

– А на мальчиков еще нет?

– Пока нет. Но я расту... Развиваюсь. В будущем, возможно, переключусь на мальчиков.

Олег сидит на корточках у стены и улыбается. Лариса отходит от окна и, остановившись у дверей, пророчествует:

– Ты влезешь в долги. В университет тебя не возьмут. Ночевать ты будешь на вокзале. Или в подвале где-нибудь вместе с крысами. В какой-нибудь вонючей дыре, среди дерьма. В окружении старых шлюх. Там ты дорастешь и до мальчиков. В итоге тебя посадят или ты заболеешь...

Лариса внезапно замолчала, и Олег продолжил:

– Секс – не самое главное в жизни. Но, возможно, я все-таки заболею и умру.

– Не исключено, – соглашается Лариса и выходит, громко закрыв за собой дверь на кухню.

Все, кроме Олега и Ларисы, сидят за столом.

– Выходит, вы та старушка, что с бачком. Здорово! – радуется подруга. – Вы на мою бабушку чем-то похожи...

Входит Лариса, и Юра усаживает ее на диван, а А.И. поднимается с рюмкой в руках произнести тост.

– Лорка, это ж та, с бачком... Что загуляла. Представляешь? – делится подруга.

– И старушки гуляют, Томка. Не все ж делами заниматься, – отвечает Лариса. – Мужья-то надоедают.

– Мы давно развелись, – объясняет Клавдия Степановна. – Так что я свободная птица.

– А бачок-то починили, – информирует Томка. – Льет! Только сильно не дергайте. Отважная вы женщина, Клавдия Степановна. Прямо, декабристка. Завидую я вам...

– Господа! – прерывает подругу, так и не дождавшись Олега, А.И. – Я хочу, чтобы мы выпили.

– Мы тоже хотим, – мрачно откликается Юра.

Олег всё еще на кухне. Он смотрит в окно. И курит. Свет на кухне погашен. Лишь газовая конфорка, бурно шипя, отбрасывает голубоватые блики. С высоты седьмого этажа просматривается довольно большая часть ночного зимнего города. Чернеющие крыши домов. Пустые улицы и площади. Мрачноватое покинутое на ночь пространство. Не шумят машины, не лают собаки и не мяукают кошки. Не видно звезд и не видно луны. Замерз город и замерзла природа. И только гул самолета, пролетающего высоко в небе, нарушает внезапно тишину.

Стол придвинут к дивану. На диване – Лариса, Юра и Клавдия Степановна. Напротив в окружении подруги и Лены сидит Иван. С одной стороны стола – пустой стул для Олега, напротив – стоит А.И. Тост его явно затягивается, но никто не ропщет. Все давно поставили на стол свои рюмки. И каждый думает о своем. И хотя ничто, даже намеком, не напоминает нам тайную вечерю, все-таки какой-то странный дух, витающий в комнате, вечернее освещение или голос А.И. заставляют вспомнить великое событие.

– И тогда наступит мир! – провозглашает А.И. – Каждый будет понимать всех и все – каждого. Я сказал ему об этом. И маман перевела мои слова. И Бонапарт заплакал. Из его глаз катились во-от такие слезы. Они капали мне на руку. И я сейчас, как тогда, чувствую вот на этой руке... Нет. Вот на этой... его горячие слезы.

Входит Олег и усаживается на предназначенный ему стул. И все молча смотрят на Олега, потом, отвернув головы, возвращаются к своим мыслям и мыслям А.И.

– Он еще погладил меня по голове, – продолжает А.И. – Он сказал: «Мальчик, где ты был раньше? ...Твои слова сняли пелену с моих глаз. И я увидел свет. Я знал, что такое Италия и что такое Франция. Теперь я знаю, что такое Россия. Зачем нам войны, зачем нам границы?.. Мы должны быть свободны... Как птицы! Родина для нас – весь земной шар... Даже вся вселенная. Мы все братья! Что мы делим?! Какого могущества мы ищем?! Кого и зачем мы хотим унижить?!

– Всё-таки, что-то мне этот бред напоминает, – бормочет Иван. – Точно напоминает.

– Когда Наполеон удалился на остров Святой Елены, – продолжает А.И., не обращая внимания на замечания Ивана, – он вспомнил о маленьком мальчике, открывшем ему глаза...

– Ну, это ты точно помнить не можешь! – прерывает его снова Иван.

– Я помню, как старый солдат дружественной державы принес письмо, – не сдается А.И. – Достав из-за пазухи желтую тряпицу, он развернул ее и протянул маман конверт. Аккуратно вскрыв его, маман обнаружила исписанные красивым мелким почерком листочки... Это была исповедь раскаявшегося тирана. Я плакал, господа...

– Всё – вранье! – кричит Иван. – Этот большеголовый коротышка спалил Москву! Нанес державе большой экономический и моральный ущерб!

– Ваня! – гордо прерывает его А.И. – Я замолчу! Вы скучный человек, Ваня. Вы уткнулись в рюмку, торчащую гвоздем перед вашим носом... Но я не обижаюсь.

– Если ты сейчас... не заткнешься... – встает, словно засидевшийся Илья Муромец, Иван. – То я...

Он стучит кулаком по столу и чуть ли не со слезами на глазах выкрикивает:

– Я всегда боролся за правду! Я... как положено. Может, мне тоже Наполеон снился. Только я не...

– Ваня! – поставив рюмку на стол, тихо обращается к нему А.И. – Я тебя понимаю. Да. Я тебя понимаю... Ты хочешь правды.

А.И. запускает свою руку во внутренний карман своего сильно заношенного пиджака и достает... Нет, не тряпицу. А всего лишь старенький бумажник. После чего извлекает из бумажника несколько пожелтевших, сложенных вчетверо, пообтрепавшихся по краям, листочков бумаги. И расправляет их, разложив на столе.

– Вот оно, – благоговейно произносит А.И. – Кто владеет французским, может прочесть.

Все, кроме Клавдии Степановны, приближают свои головы к листочкам и недоверчиво разглядывают их. Действительно по-французски, очень мелко и очень красиво. Но французским никто не владеет. Быть может, Клавдия Степановна, но она откинулась на диване, прислонилась к стене, и сладко дремлет.

Она видит ясное синее небо. И летающих в нем, размахивающих руками, как птицы крыльями, людей. Пролетают, счастливо улыбаясь, Юра и Лена, Тамара и Лариса. Олег парит, как горный орел. Как-то нелепо, скачками парит А.И. Да и сама Клавдия Степановна пролетает вслед за Олегом, пытаясь догнать его. Все летают. И только один Наполеон пытается взлететь над своим островом Святой Елены и не может.

– Вам надо было очередь занять! – кричат ему с неба.

– Почему вы не купили полкило любви?

– Ах! – вздыхает Клавдия Степановна и кричит Наполеону:

– Я с вами поделюсь. У меня много. Берите!

И бросает ему маленькие разноцветные шарики. Но они, не успевая долететь, взрываются многоцветным салютом. И Наполеон начинает рыдать от отчаяния. И его треуголка доверху наполняется слезами, и они проливаются через край и затопляют остров.

– Какая же это любовь?! – восклицает, пролетая мимо огорченной Клавдии Степановны Иван. – Это не любовь. Это разноцветные презервативы. Нам их из Японии присылают.

И тут Клавдия Степановна видит, как маленький мальчик, очень похожий на А.И., подлетает к Наполеону и, схватив своей маленькой детской рукой руку Наполеона, поднимает его в небо. И все запевают хором, по-французски, заглядывая в пожелтевшие листочки исповеди, тоже парящие в безоблачном небе.

Клавдия Степановна просыпается, обнаружив себя лежащей на диване во второй комнате. Рядом с ней сидит

Олег. Он держит руку Клавдии Степановны в своей руке, как маленький А.И. – руку Наполеона.

– А где все? – спрашивает Клавдия Степановна.

– Все? – переспрашивает Олег. – Улетели.

– Разве такое возможно? – удивляется Клавдия Степановна.

– Вполне, – отвечает Олег. – В наше время все возможно.

– О-о-о! – восхищается Клавдия Степановна и обнаруживает или осознает или наконец-то замечает, что лежит она совершенно обнаженная, прикрытая лишь необыкновенно красивой, но прозрачной накидкой. И Олег сидит совершенно обнаженный. И Клавдия Степановна стыдливо смотрит на висящие на стене ходики, с застывшей с открытым ртом кукушкой. На ходиках – 11 часов, пять минут.

– Уже утро? – беспокоится почему-то Клавдия Степановна.

– Они остановились, – тоже взглянув на часы, отвечает Олег.

– Олег, – шепчет Клавдия Степановна. – А мы?

– Что мы? – переспрашивает Олег.

– Я тоже хочу... полетать, – признается Клавдия Степановна

– Надо подождать, – объясняет Олег.

– Чего?

– Когда подойдет наша очередь.

– Как? Опять очередь? И здесь?

– Конечно. – Олег встает, отпустив руку Клавдии Степановны и открывает широко дверь. И Клавдия Степановна видит пространство голубого неба, тесно забитое летающими людьми. Закрыв дверь, Олег снова подсаживается к Клавдии Степановне и показывает написанный чернилами на ладони номер очереди. Он очень-очень большой. Ладони не хватило.

– Ох! Олег! – вздыхает Клавдия Степановна. – Я не дождусь.

– Что вы! Нам совсем немного осталось.

– Нет, Олег! – не соглашается Клавдия Степановна.

– Хотите, я вам пока почитаю «Войну и мир» Л. Н. Толстого?

– Нет! – отказывается Клавдия Степановна.

– Тогда, может быть, письмо Наполеона к маленькому А.И. в переводе Пастернака?

– Нет! – снова отказывается Клавдия Степановна и шепчет:

– Вы лучше поцелуйте меня.

– Хорошо, – соглашается Олег и наклонившись, крепко целует Клавдию Степановну в губы.

Защебетали птицы. Зазвучала небесная музыка. Раздвинулись стены. Прямо как в сказке о спящей красавице. И огромный цветущий сад с фонтанами, гротами и ручейками предстал пред очами Олега и Клавдии Степановны. И гуляют по саду вдалеке совершенно обнаженные люди. И среди них знакомые лица.

– Что это? – восторженно вскрикивает Клавдия Степановна.

– Как? Вы не узнали, Клавдия Степановна? – удивляется Олег.

– Это сад нудистов? – предполагает Клавдия Степановна.

– Что вы! Клавдия Степановна! Это же рай! Рай! – объясняет Олег. – Пойдемте, погуляем!

И они, взявшись за руки, благоговейно вступают в райский сад. И Клавдия Степановна смеется, и Олег тоже смеется.

– Ба-ба-ба... – говорит Клавдия Степановна.

– Ду-ду-ду... – соглашается Олег.

– О-о-о... – удивляется Клавдия Степановна.

– И-и-и... – подтверждает Олег.

И они медленно удаляются, величественно вышагивая среди ярких дивных, причудливых цветов и деревьев. И их глупый, наивный лепет растворяется в щебете птиц и райской музыки...

ОБЪЕКТ – 2 Т.А.Б.

| фантастический рассказ |

Посвящается А. Башлачеву

Ия опоздала. Очень долго не могла решить: идти ей или нет в этот загадочный Инкубатор. С одной стороны, предложение Юйя оказалось очень кстати: в последнее время ее стали одолевать неприятные, можно сказать, опасные мысли, и она искала средство освободиться от них, минуя привычную помощь Отдела Спасения. С другой стороны, скучное, допотопное по архитектуре здание Инкубатора всегда навевало на нее необъяснимую тоску, и она старалась как можно реже бывать в районе, где возвышалось неприятное для нее семиэтажное сооружение.

Из-за не слишком-то привлекательного вида и особенно из-за чрезмерной таинственности творимых в здании дел, Инкубатор не пользовался уважением большинства хлопов. К счастью, он находился далеко от других построек, посреди огромного поля, засеянного пестрыми пахучими цветами инопланетного происхождения.

В конце концов Ия решила посетить Инкубатор, отдавшись в руки судьбы. Хотя хлопы не верили в судьбу и многие даже не знали, что это такое. Они давно уже много чего не знали. Прошрое их мало интересовало. Особенно это касалось всего, что связано было с их культурой. Хотя понятие судьбы вроде бы мало было связано с культурой, но всё-таки когда-то кем-то оно использовалось.

– Ждешь? – спросила Ия, смиренно остановившись рядом с бесшумно закрывшейся за ней дверью в просторное, но неуютное (что ей сразу не понравилось) помещение третьего Блока.

Худенькая, стройная, с большими карими глазами, в обтягивающем голубеньком комбинезоне, подчеркивающим все ее земные прелести... Юй чуть не проглотил чанг, увидев ее. Даже про разговор с Аичем, своим нелюбимым

шефом, забыл. Еще совсем недавно тот его страстно и безумно стыдил за лень. Юйя это слегка озадачило. И он, тупо пребывая в своих озадаченных размышлениях, не сразу обнаружил, что Ия опаздывает.

Чем-то ее облик отличался от привычного стандарта идеальной хлопнянской красоты. То ли лицо выглядело слишком простым, то ли фигура слишком выразительной и какой-то незащищенной... Но это непонятное ему отличие очень даже впечатляло. «Как я раньше ее не замечал», – подумал он.

– Жду, Иячка! Ты чудо! – Юй сплюнул в отходник чанг и, ловко подскочив к ней, пожал ей руку и деликатно подтолкнул в сторону пульта, к глубокому, мягкому креслу, похожему на маленького печального слона, опустившего в растерянности перед техникой свои передние конечности.

– Времени в обрез, мышка моя, – строго заявил он. – Учти, ты попала в обитель для Посвященных. Цени!

– А надо ли посвящаться? – словно собираясь отказаться, ответила Ия.

– Боишься лишиться своего счастья? Не получится. Оно, пожалуй, давно уже у нас в генах.

– Ничего я не боюсь. – Ия дотронулась осторожно до кресла и тяжело вздохнула.

– Сядешь в это вместилище и будешь следить за красной пупочкой. Вот здесь, в центре. Если активно замигает, нажимай смело на черную панель. И всё!

– Всё? – Она с сомнением посмотрела вокруг, потом на красную пупочку. С удивлением отметила допотопность аппаратуры. Или имитацию под давно забытую всеми аппаратуру. Во всяком случае, подобный агрегат предков с множеством кнопочек, пупочек, спиралей и другого хлама она видела только в музее. В одном-единственном музее Прошлого, когда путешествовала по покинутому кварталу Предшественников.

– Ну, если тебя одолеет скука, нажми этот зеленый квадратик и созерцай контрольный экран. Увидишь жизнь нашего Объекта.

– Объекта?

– Да. Наблюдение за таковым и является нашей обязанностью. По правилам, посторонним запрещается. Лишь

с разрешения шефа и в особых случаях. Но, сама знаешь, кто сегодня придерживается каких-либо правил, когда за тебя почти всё делают приборы. Да и потом... Будем считать твоё появление особым случаем.

– И больше никаких инструкций?

– Нет.

– Извини, но я хочу знать, что это за Объект. Кто он? Или что? И зачем вы наблюдаете?.. Их много? Объектов? – И она сердито посмотрела на Юйя.

И он снова почувствовал к ней желание: он явно ее раньше не дооценивал. Она была сказочно привлекательна. И как это он ее пропустил?

– Фишечка моя, чтобы объяснить, рабочего оборота не хватило бы. У нас тут что-то вроде межпланетной и межвременной благотворительной организации. Погружение в прошлое, как в настоящее.

– Что-что?

– Честно говоря, я сам смутно понимаю, что это такое. Не бери в голову. Знакомство с Творцами. Вход в другое измерение, изучение чужих нравов, моделирование и прочая возня. Честное слово, долго объяснять.

– Понятно. Оставляешь меня в тоске и одиночестве.

– В безделье. Расслабься и получай удовольствие. Надо сказать, что за ними иногда очень интересно наблюдать.

– За ними? А где твой дружок из восьмого Блока? – спросила она вдруг, вспомнив шустрого малого, когда-то неуклюже пристававшего к ней.

– Ас? Давно уволился. От скуки отправился на параллельную Станцию. Промышляет интеллектуальными играми. Да он всегда был... не от мира... Зануда.

– Зануда, – грустно согласилась Ия.

– А ты где работаешь? Чем дышишь? – спросил он игриво, изобразив на лице глубокую заинтересованность. – Мы с тобой давненько не виделись.

– У меня затяжной перерыв. Обдумываю свое будущее, – призналась она и глубоко вздохнула. – Живу в ожидании... И выбираю.

Юйя явно озадачивало настроение Ии. Он не любил связываться с теми, кем могут заинтересоваться опреде-

ленные организации. Но... В данном случае... Соблазн был столь велик... что он решил продолжить отношения с Ией. А потом...Время подскажет.

– С моим драгоценным мы разлетелись. Слишком деловым оказался, – продолжала говорить Ия, надеясь, видимо, на понимание и помощь. – Нас, как полагается, привели в порядок в Святилище, и теперь я снова многообещающая. Работала в центре Спасения, но задохнулась от сердобольной болтовни хлопнянок. Утром они нажимают на кнопки, захлебываясь от словоблудия, а вечером разлетаются по увеселительным заведениям. От этого с орбиты соскочить можно! ...Собираюсь теперь сочинять Сказки. Другие же пишут, а я чем хуже? Или отправлюсь путешествовать. Хотя везде одна... пустота. Тебе не кажется, что в нашей счастливой жизни что-то не так?

– Да ты что?! Лично я всем доволен.

Ие показалось, что идеальное лицо Юйя как-то слегка вытянулось и стало напоминать морду ослика, которого она не так давно видела в Историческом музее.

– Завидую тебе, – призналась Ия. – Когда всё есть, ничего не хочется.

– У меня есть далеко не всё.

– Понимаю. Нет предела желанием... А ты никогда не задумывался, зачем мы живем? – Ия провела рукой по краю пульта так, как будто в этом движении был некий тайный смысл, и вызывающе взглянула на Юйя.

– Детский вопрос. Задумывался. И ответил. Однажды и навсегда: чтобы жить. Да и потом... Разве тебе в Святилище не объяснили?

– Конечно. Еще Система Заботы каждый день кричит... Знаю я.

– Ну и...

– И ничего не понимаю. Наш Благодетель...

– Хороший малый, – подхватил Юй. – Я опаздываю, извини.

– Да. Понимаю. Может, продемонстрируешь, как это работает?

– Проще не бывает. – Юй прикоснулся к зеленому квадрату, и мрачная серая стена за пультом осветилась.

Смурная зимняя ночь. За квадратом окна – ни звезд, ни луны, ни фонарей. Черная дыра. Выходи – и пропадай. Можно навсегда. И даже дома не спрятаться от этой всасывающей холодной бездны. Батареи чуть теплые. Настольная лампа едва тлеет, дичая в углу у дивана, – и в комнате насто-раживающий полумрак.

– Уже три, – посмотрев на затравленно тикающий на полу будильник, сообщает устало Евгения. Девушка принципиальная, но добрая и отзывчивая. На ее привлекательном, но усталом лице застыло выражение отчаяния. Если, конечно, у отчаяния есть способность застывать.

Они сидят с Сашей в центре комнаты за хрупким одноногим столом, доставшимся Евгении в наследство от любимого деда. И кажется, что его легендарный дух сегодня призывно витает над ними. В чае уже давно «плавает ладожский лед». И пить не хочется, и разговор не клеится, и сна – ни в одном глазу.

– Вчера заходил один чувак в длинном пальто и черной шляпе, искал здесь Веру, – сообщает Саша и мрачно смеется. – Пальто, кстати, у него тоже было черное.

– Нашел? – интересуется Женья.

– Что?

– Веру.

– Я послал его...

– Зря. Напоил бы чаем. Обогрел. – Женю явно тяготит эта неуютная атмосфера с витающим духом любимого деда, и она с тоской смотрит на дверь в коридор. Словно чего-то или кого-то ждет.

– Лучше, всё-таки, лечь, – вздыхает она и встает. – Завтра у тебя концерт. Опять будешь сипеть.

– Я буду кричать. Но меня не услышат.

– Бедненький. Пойду, пожалуй, помою посуду. – Както неуверенно, без особого энтузиазма она отправляется на кухню.

– Боб вчера сказал, что я рею, как буревестник, – громко жалуется Саша.

– Боб такого сказать не мог, – откликается с кухни Женья.

– Ты его не знаешь. Романтики – они такие.

– Он не романтик. Он дзенбуддист. – Женя останавливается в дверях и с прежним отчаянием смотрит на Сашу.

– Почему у него пальто и шляпа были черные?

– У Боба? – не понимает Женя.

– У чувака, который искал Веру.

– Опять издеваешься! – злится Женя. – Как мне надоели все чуваки, герлы, мэны и прочие пиплы!

Женя возвращается на кухню и шумно выпускает на волю дремавшую в трубе воду.

– Я бы с удовольствием съездила в Ялту или Сочи, – кричит она, вяло споласкивая тарелки. – Но, увы, в ближайшие месяцы отпуск не предвидится. Да и есть опасность опять встретить там кого-нибудь... А я хочу тишины! Хочу, чтобы солнце, море и тишина!

– Одни козлы мечтают о югах, другие – о других берегах... – громко декламирует Саша и тяжело вздыхает.

– Это ты про меня?

– Ты женского рода... – Он усаживается поудобней на колченогом стуле, тоже доставшемся Жене в наследство, и начинает маяться дурью с огромной, расписанной красными цветами, дедовой чашкой. Чашка наполнена до краев свежесваренным элитным чаем смешанных сортов и, похоже, задыхается от этого, мечтая об освобождении. Но дурь Саши требует совсем другого. Он пытается сдвинуть несчастную на край стола не пролив ни капли.

– Ты знаешь анекдот про обезьяну? – удачно продвинув чашку на несколько сантиметров, спрашивает Саша.

– Нет. Только про идиота, – отвечает Женя: она вернулась в комнату за полотенцем и обнаружила Сашину маяту.

– Считаешь, похож?

– Чашки принеси! – приказывает она и снова возвращается на кухню.

Но Саша не реагирует.

– Почему ты не согласился на запись?! Почему отказался сниматься?! – через паузу кричит из кухни Евгения. – Глупость какая-то! Ты постоянно себе противоречишь!

– Да. Я – как маятник. Когда затихну на нуле, обрету гармонию, – откликается Саша, продолжая двигать несчастную чашку.

– Ты совсем забурел. Хоть бы раз вынес мусорное ведро. Тяжело ему, видите ли, подниматься на восьмой этаж. С пустым-то ведром! На лифте! Лень-матушка вперед тебя родилась. Шляешься черт знает где! На концерты тебя уговаривать приходится, – возмущается Женя. – Ни одной новой песни!

Нам редко нравится, когда нас ругают, и Саше, видимо, тоже.

– Может, ты заткнешься?! – тихо грубит он, оставив в покое страдальцу на краю дедова стола.

– Вот-вот! – отвечает Женя. – Скажи еще что-нибудь хорошее. Лучше бы в деревню съездил. Проветрился!

То ли Сашу задевает совет Жени, то ли то, что она, в принципе, не заткнулась, то ли еще что неизвестное, но он вдруг зло кричит, ударяя кулаком по легендарному столику, (от чего столик вздрагивает и чуть ли ни разваливается, а чашка подпрыгивает и наконец-то освобождается от коварного чая):

– К е... бабушке твою деревню! Пусть сами катятся! И ты вместе с ними!

Женя замирает с тарелкой в руках, неуклюже прислонившись к дверному косяку, и молча смотрит на улыбающегося Будду, нарисованного на стене Климом в день ее рождения. Саша встает и начинает бессмысленно блуждать по комнате. Слышно, как тархтит холодильник на кухне, журчит вода в батарее, все так же затравленно тикает в комнате будильник и скрипят в отчаянии под ногами у Саши половицы древнего паркета. Извержение чая задело или скорее накрыло муху, и она шумно суетится, пытаясь взлететь.

– Дура! – говорит ей Саша и видит появившуюся в дверях Женю.

Женя молча проходит к дивану и, резко отбросив свои любимые шлепанцы с помпончиками, тихо ложится.

– Я не тебе сказал... – запоздало оправдывается Саша.

– Мне всё равно. Я так устала с тобой... Господи, как я устала! Нужно быть железной, чтобы тебя выносить.

Она утыкается лицом в подушку и плачет. Саша подходит к окну, что-то бормочет, вглядываясь в черный провал, потом, повернувшись, хрипло выдавливает:

– Так получается... Я же не по злобе. И рад бы... Да вот...
Тоска.

– Ты в тоске. А я причем? Причем тут я?! Ты мечешься, как птица в клетке... А я кто? Кто? Жердочка для птички? Чтобы ты мог прыгать через меня или на меня?! Ходить по мне в своей тоске. Царапать меня. Точить когти?!

– Когти у зверей.

– И у птиц – тоже.

– Я не буду больше.

– Поезжай в Москву, к своей... Как ее там? Семеновы или Петровой?

– Я люблю тебя. ...И Настю тоже... И всех люблю.

– Ишь ты, какой султан!

Саша покаянно опускается на колени перед плачущей на дедушкином диване Женей и тихо спрашивает:

– Ну, что ты хочешь, чтобы я сделал? Повесился, отравился или выбросился из окна?

– Я ничего не хочу!

– Зря. Смерть, она выручает.

– Кого выручает? Что? Господи! Перестань кривляться!

Надоел этот стёб! Надоел! Надоел!

– Я не кривляюсь.

– Монстр!

– Да, – соглашается Саша и подсаживается на диван пропавшего без вести дедушки.

– Я ненавижу тебя! Ненавижу!

– Я понимаю.

– Ты только себя понимаешь!

– Да, – кивает Саша и, едва дотрагиваясь, целует Женю в затылок.

Она затихает и, откинув в сторону подушку, заглядывает Саше в глаза, потом неуверенно шепчет: «Обними меня».

– Хорошо, – откликается он, улыбнувшись.

– Опять ты мне делаешь одолжение. Опять?! – Она резко отодвигается от него на край дивана.

– Никогда, – успокаивает он и пытается ее обнять. – Я же люблю тебя. Каждый день, каждую ночь, каждую секунду...

– Хо-хо-хо, – не верит она.

– Ты так хороша, – шепчет он.

– Это ты так хорош, – иронизирует она.

– Это от того, что ты так хороша со мной, – поправляет он.

И они обнимаются, как самые близкие люди перед вечной разлукой. И они любят друг друга, как самые близкие люди, наконец-то встретившиеся после долгой разлуки.

– Ну, как? Хватит? – поинтересовался Юй, выключив контрольный экран. – Впечатляет?

Ия не ответила. Она сидела, глубоко вжавшись в кресло, и продолжала внимательно смотреть на омертвевшую стену.

– Думаю, теперь ты справишься, и я могу удалиться? – спросил он. Но Ия продолжала молчать. Юй наклонился и доверительно прогудел ей в ухо:

– Ау! Радость моя!

– Да, – наконец-то отозвалась Ия. – А они действительно живые?

– А то...

– Он – Объект? 2 – Т.А.Б. Почему два? А она?

– Она – С.Е. Сопутствующая единица. Он – Объект. Остальное... Требуется научного объяснения. И... Честно говоря, я сам не всё знаю. Я не любопытен. Убегаю, фишечка!

– Убегай, шашечка! – Ия вдруг смело направилась к матовой светящейся стене напротив входной двери. Там стояли прозрачные кубы, разделенные на отсеки, и в каждом из них находилась желеобразная разноцветная масса.

– А это что? – спросила она, словно Юй не собирался убежать, а проводил с ней экскурсию по помещению.

– Кажется, я опоздаю, – заявил он Ие, и продолжил: – Не знаю. Коллекция шефа. Раньше он их держал у себя. Кстати, забыл предупредить. Шеф может заглянуть. Его почетный бюст обычно возникает на нижнем экране. Крайне редко, правда, но мало ли... Мы с тобой потратили уйму времени. Вероятность появления увеличилась. Заглянет, – скажешь, что ты новенькая, из второго Блока... Там недавно уволилась одна. Спросит обо мне – я пошел за бабками.

– За чем?

– Энергетическая подпитка.

- И надолго ты?
- На три паузы. От силы – три с половиной.
- А если шеф мне не поверит?
- Аич – прекрасный хлоп. Весь в своих объектах.
- Ладно.

Юй мог бежать: все оговорено. Но он почему-то не двигался с места. Его что-то мучило, что-то неосознанное... Он облокотился на кресло, возвышаясь над пультом, как идеальный экспонат идеального, во всех отношениях, хлопа, – достойный результат хлопнянской генетики: так же идеально красив лицом и телом, как и все хлопы. Ия внимательно разглядывала шевелящиеся массы или делала вид, что разглядывает.

– Стремление к Празднику заложено в природе хлопа! – выдал вдруг Юй, пожалуй, сам от себя не ожидая подобного заявления. А дальше его, что называется, необъяснимо понесло:

– Нам предоставлена возможность быть счастливыми! И это прекрасно. Смысл в том, чтобы брать, что дают, не спрашивая, зачем! Мы достигли совершенства! Нам удалось организовать идеальное существование. Мы научились избавляться от проблем! Мы бодры, веселы... Мы счастливы...

– Прекрати! – оборвала его Ия. – В эту чушь я больше не верю. И больше не хочу жить в успокоительной лжи. ...Ты кажется, спешил?

– Я вернусь и... Мы продолжим наш разговор. Ты меня зацепила.

– Неужели? Это не похоже на тебя.

– Почему это? – Юй капризно вскинул голову и стремительно выскочил из третьего Блока.

Ия не спеша вернулась к пульту, снова опустила в мягкое подобие слона и осторожно положила правую руку на зеленый квадрат. «Еще несколько пауз – и без Отдела Спасения не обойтись, – подумала она. – Вроде бы каждый хлоп выбирает свой путь – под личную ответственность. Но почему-то эти пути... как-то все слишком одинаковы: обеспеченно пусты. Когда всё есть... Всё не имеет смысла. Точнее... Какой смысл вообще в этом их пребывании. Такой... Бездумный.

Без...умный смысл. Или бездумное пребывание. Хлопы ли они вообще? Или просто... Шевелящаяся масса». Мысли ее зашли в тупик: она поняла, что не в силах найти, где спрятана серая мышка. И тогда она осторожно нажала на зеленый квадрат.

Женя спит, свернувшись калачиком, на мягком дедушкином диване. В гнетущей тишине комнаты слышно лишь жужжание выбравшейся мухи. Саша осторожно целует спящую Женю в лоб и тихо выходит на кухню. Он будит яркой лампочкой под потолком всех ее безмолвных обитателей. Опускается на самодельную табуретку возле кухонного стола и закуривает.

То урчит, то замолкает, на что-то обидевшись, холодильник. За окном та же смурная зимняя ночь, но пошел снег, и бездна напоминает фантастические кадры атомной катастрофы.

Саша достает из просторного кармана своей пестрой клетчатой рубашки огрызок карандаша и сложенный аккуратно листок бумаги из тетрадки в клетку и старательно разворачивает его. Но листок неожиданно сопротивляется, как будто жаждет вернуться в уютные просторы кармана, и сворачивается. Саша зло прижимает его огромной пепельницей в виде оскаленного закопченного черта и начинает писать: «Мир давно скурвился. Все неимущие харкают кровью, а имущие стреляют золотым поносом. Иногда они меняются местами. В зависимости от места и времени. Люди жили и живут и будут жить во грехе, и никто и ничто не способно изменить их...» Саша перечитывает написанное, горько хмыкает и, отшвырнув листок, встает.

– Дурь, – говорит он, обращаясь к вымытым Женей тарелкам, побитому чайнику, кастрюлькам, возвышающимся на полке у стены, пыльным пустым бутылкам, расставленным аккуратно на подоконнике, – и прочим безмолвным свидетелям его маяты.

– Не знаю. Ничего не знаю, – делится он, совершая прогулку по тесной кухне. – Хреново, как в танке. Тоска... Она злится, что я не снимаюсь. В этом дерьме? Его и так по уши! Ненавижу их рожи! Совки! Глотать вечную ложь.

Ползать червем, как в сортире у Клима... Все было! Все уже было. Орлиные перья, кровавый бант, стальные шпоры, звон мечей. Люди судят и каются, боготворят и низвергают... Всё повторяется. То гульба, то похмелье. То ножом, то плетью, то дулом... Все Бахи и Моцарты не способны были остановить нашествие крыс! Или перерождение в крыс... Что я могу?... Пустота. Ноль...

Саша сморщил лицо, словно попробовал кислое яблоко, остановился у стола и, засмеявшись зло, скомкал листок и бросил его в мусорное ведро под раковиной. Потом подумав, достал его из ведра двумя пальцами, положил аккуратно в пепельницу и поджег. Листок испуганно вспыхнул, истерично затанцевал, нехотя отдаваясь огню, и превратился в пепел.

– Женечка... – вдруг зашептал он. – Я люблю тебя. Люблю тебя... И Настю... Люблю. Люблю! Милые вы мои. Дорогие мои... Все милые... Дорогие...

Он подходит к раковине, выпускает из крана воду и некоторое время наблюдает за ее свободным падением, потом наклоняется и пьет, пьет, захлебываясь, как будто навсегда желая вобрать в себя ее вольное ледяное дыхание, – и резко закручивает кран, так и не утолив внезапно возникшей жажды.

– Четвертое измерение, – бормочет он, продолжив странную прогулку по кухне. – Черные дыры. Космос. Переселение. Ха-ха-ха... Некуда спрятаться. Господи, прости меня, грешного. Тошно! Ничего не хочется. Все – тошно. Мучительно спать, сидеть, ходить, думать, писать... – остановившись, он прислоняется к дверному косяку и стучит кулаком по стене. Потом сползает, глухо рыча, на пол, на колени и некоторое время сидит так молча, больно лаская головой косяк.

Услышав странный стук за окном, он настороженно поворачивается и горько шепчет:

– Убежать бы куда-нибудь. Улететь. Спрятаться. Исчезнуть. Раствориться. На прошлом концерте... Струны лопались, как... Звук лопнувшей струны. У Чехова... Вся ладонь была в крови. Знак. Судьба? Рок? Благословение. Разве плохо? В черноту. С головой! И чтоб ничего! И душа – от тела! И бардак за чертой. ...Иногда вдруг хочется жить. Да. Иногда накалывает... Дышать... Петь. Писать. А... Иногда. А потом... Всё!

Мрак. Если бы человек умел летать. Как во сне. Высоко. Красиво. Свободно. Летать! Господи! Прости меня!

Саша поднимается с колен, подходит к окну и открывает форточку. На кухню грубо врывается обжигающий холодный воздух. Он приносит с собой крупные хлопья снега. Хлопья успевают долететь до Саши и умирают сиротливо на рукавах его клетчатой рубашки, оставляя прохладные мокрые следы.

Зажегся большой нижний экран на пульте, и Ия вынуждена была нажать на зеленый квадрат. На экране возникло лицо седого хлопа с кучей бородкой, и Ия догадалась, что это шеф.

– Вы кто? – изумленно спросил он, осматривая третий Блок, видимо, в поисках Юйя.

– Я? Новенькая, из второго... – поспешно произнесла Ия и сделала вид, что проверяет наличие всех клавиш, кнопок, спиралей и прочих деталей на пульте.

Ответ произвел на Аича ошеломительное впечатление: он посмотрел на Ию, как на незнакомое инопланетное существо, потом собравшись с мыслями, спросил:

– Вы наблюдаете за ОБЪЕКТОМ?

– Конечно, – уверенно ответила Ия.

– И вы всё приготовили к включению?

– К включению чего? – нервно переспросила она.

– Да, – гневно ответил Аич. – Чрез полпаузы, а возможно и раньше, мы вынуждены будем произвести Включение! И вы должны были бы знать это! Если вы новенькая. Но вы ничего не знаете! Вы и вам подобные! Потому что вам давно на всё наплевать! Сидите себе в Блоках или блуждаете в Пространстве – и ублажаете свои инстинкты!

Гнев Аича был столь велик, что у Ии возникло ощущение, что он сейчас выскочит из экрана и потащит ее в Отдел Порядка к ответственным хлопам, где ее будут учить, как себя правильно вести.

– ОБЪЕКТ – настоящее живое существо! Творец! – гневно продолжал Аич. – Как только мы нашли его, мы сразу же установили Лоты. И мы не имеем права его терять. Он достоин Вселенной! А вы... Вы бездумная... Как вас там

называть?! Вы, по-моему, уже родились с деформированным сознанием. Вам лучше было бы не вылезать, а оставаться в своем шпоке... Вы – дура! – произнес он незнакомое ей слово и замолчал, сосредоточенно что-то делая там у себя, в пространстве своего Блока.

Ия прекрасно сознавала, что она виновата, оказавшись здесь без разрешения, но все-таки обвинения Аича были несправедливыми.

– Где-то на просторах Вселенной мы обнаружили Творцов. И мы поняли, что они – наше спасение, – яростно продолжил Аич. – Мы пытаемся спасти их в надежде, что труды их помогут нам. Там они гибнут чаще всего раньше отпущенного им срока. Мы тратим максимум энергии только ради того, чтобы здесь, у нас, ожила душа. Чтобы хлопы научились глубоко и подлинно чувствовать! Конечно, после идиотских сказочек внедрить что-то более... глубокое... не так-то просто. Их искусство – их кровь, нервы, слезы, отчаяние... Иногда мне кажется, что Их крик разносится по всей Вселенной.

Ия простила Аичу его гневные обвинения, потому что он говорил о том, что волновало и ее.

– Я понимаю, – тихо призналась она.

– Да ничего вы не понимаете! – Аич исчез в глубине экрана и вскоре снова появился. На руках у него лежала коричневая желеобразная бесформенная масса. Ие она напомнила экспонаты из коллекции Аича в прозрачных кубах, но те были более привлекательные: этот напоминал продукт, возникающий в результате естественной хлопнянской потребности.

– Мы вымираем, голубушка. – Аич продолжал держать перед собой неприятно шевелящуюся массу. – Было у них такое милое слово «голубушка». – Так вот... Нас скоро не будет. И бессмертие не поможет. Мы исчезаем, сходим на нет, превращаемся в нечто... За один пот нас стало меньше на... Мы... Исчезаем. Из-за отсутствия волевой энергии на работу души. Мы на такой стадии развития, когда в организм всё входит без затрат духовной энергии. Нам не требуется усилий: достаточно заглотнуть... например, песенку про супер-шпака или жизнь мега-злодея... Все эти куколь-

ные страсти, многоплоточные картинки, усеченные поигрушки... Вы видите это существо? – Аич приподнял коричневую массу, и она заполнила весь экран. – Выразительное доказательство нашей деградации. Преобразование формы при отсутствии содержания. А теперь можете полюбоваться другими экземплярами слева, в отсеках кубов.

Аич исчез, чтобы вернуть на место мутанта, и, появившись снова на экране, добавил:

– Посмотрите, посмотрите! Милые массы. Можете с ними пообщаться.

– Пообщаться? – Ия нерешительно подошла к знакомым кубам. Разноцветные массы в отсеках медленно зашевелились. Каждое их движение сопровождалось чавкающими звуками. В одном отсеке масса сладко раздувалась, в другом не спеша сплющивалась, в третьем – ползала по стене, важно и с охотой. Создавалось впечатление, что кто-то невидимый нежно ласкал их, и они с радостью отвечали на проявленную заботу. Трудно было поверить, что мутанты – бывшие хлопы. Зрелище было не из приятных. Ия даже машинально ощупала себя: на всякий случай.

– А что они там делают? – осторожно поинтересовалась она.

– Живут, голубушка. Развлекаются. Ловят шпок. Вечный шпок!

– Почему же только Посвященные об этом знают?

– А кому до них дело? Вы обращали внимания? Нет. Среди множества разнообразных форм материи во Вселенной... А!.. Зачем я объясняю. Скажите Юйю, что я его жду. Вы – молоды. Вам еще...

Аич не успел договорить. Замигала красная кнопка, и он побледнел, вскрикнул испуганно и исчез с экрана, который тут же погас. Ия поспешно нажала на черную клавишу. Пульт ожил. Включились и замигали разнообразные экраны, появился неприятный жужжащий звук, правый ряд клавиш засветился изнутри фиолетовым светом. И продолжалось это около четверти паузы, потом красная кнопка погасла, и пульт отключился, и все затихло. И Ия, не выдержав наступившей в Блоке гнетущей тишины, дотронулась до зеленого квадрата.

Пасмурное зимнее утро. Проснувшийся город вязнет в грязном ватном небе. Дома торчат, как безликие постаменты гигантского кладбища, и, зажатая ими сонная улица напоминает сверху клочок белого савана, прикрывшего черную землю.

Тело Саши неуклюже распластано на тротуаре, как тело подбитой на лету большой птицы. Разорвав пространство белого савана, оно лежит темным кричащим пятном. Левая рука беспомощно откинута в сторону, правая прижата к горлу, голова уткнулась в левое плечо, словно ища защиты или прощения. Совсем рядом едва заметная лужица потемневшей крови и три маленьких колокольца – неразрывны с околыцовой шеей. Лицо Саши спокойно, и в безмолвных глазах его отражается белизна неба и первые лучи, выглянувшего на секунду бледного по зиме солнца. Рот Саши по-детски приоткрыт в полуулыбке, в последнем вдохе – выдохе, освободившем его измаявшуюся душу.

Прилично одетый одинокий прохожий пугливо обходит тело стороной и что-то недовольно бормочет про себя, пряча лицо в поднятый воротник и теплый шарф. Холодный ветер гневно треплет Сашины волосы и раздувает на груди пеструю клетчатую рубашку. Из подъезда появляется женщина с опухшим лицом в шапке-ушанке, в грязном черном коротком пальто и дырявых ботах. Она подходит к Саше, нагибается, ойкает и, суетливо перекрестившись, торопливо отходит в сторону.

Ия испуганно вздрогнула: рядом стоял Юй.

– Веселая картинка, – сочувственно оценил он и выключил экран. – Черненькую нажимала?

– Аич был. Сказал, чтобы ты зашел.

– Засек, старик?!

– Он так и будет там лежать?

– Он уже у нас.

– Здесь?

– В этом здании.

– Живой?

– Существующий, скажем так. Мы откручиваем назад их время. Создаем подобие их действительности. Все запутанно. Я не очень-то разбираюсь.

– Я хочу к нему... – прошептала Ия.

– Что? – Юй взглянул на нее, как на объект, потерявший разум. – У тебя, что, цепь замкнулась? Или ты шутишь?

– Нет. Я хочу встретиться с ним.

– Разрядись, мышка моя.

– Я тебе помогла, теперь твоя очередь.

Юй в недоумении пожал плечами, развернул кресло с Ией к себе и, наклонившись над ней, сообщил, неприятно растягивая слова:

– Там никто никогда не был. Туда – нельзя. Ты попадаешь в другое измерение: с тобой может произойти все что угодно. Оттуда просто можно не вернуться. Ясно?

– Мы вечны.

– Там другое измерение! – сердито повторил он. – Даже ремонтники там еще не были. Особая зона.

– Да?.. Расскажи мне о нем, – вдруг смирилась Ия. – Ты же наблюдал. Слушал его... О чем он пел? О чем думал?

– Собственно, нечего рассказывать... – Юй зашел за кресло. Лицо приняло скучное выражение. – Такой же дерганый, как многие из них. Песни странные. Жалобы. Стоны. Страдания. Его бы в Отдел Спасения...

– А ты не любишь страдания?

– А ты? Кто ж их любит? Мы давно уже научились от них избавляться. Ты мне помогла. Спасибо. При случае – рассчитаемся. Я надеюсь на нашу встречу в другой обстановке. Не бери в голову, радость моя. Не мудри! – Он отечески поцеловал ее в голову. И ему снова захотелось продолжить с ней отношения.

– Я не уйду отсюда, пока не увижу его, – заявила Ия и вцепилась в кресло, приготовившись сопротивляться. Но Юй отошел от нее, посмотрел лениво на кубы и спокойно сказал:

– Ну... Я тебе сообщу, когда можно будет посетить пятый Блок, где за ним наблюдают.

– Я не хочу наблюдать! Я хочу с ним встретиться. Если «ремонтники еще не были», то считай, что я – ремонтник.

– Перестань. Зачем тебе это?!

– Я не уйду, пока не встречу с ним! Слышишь ты, интеллектуальная масса! – сорвалась она на крик, и Юйю это явно не понравилось.

– А без оскорблений можно?!

– Нельзя! Потому что ты – бесчувственный желеобразный болван! Мутант!

Юй молча прошелся несколько раз от пульта до дверей и, приблизившись к Ие, повис над ней, как злодей из хлопнянской сказки:

– По-моему, тебе не мешало бы сходить в Отдел Спасения.

– Я схожу. Увижу его – и схожу, – зло улыбнулась она, показав ему свои красивые ровные зубы.

– Ты глубоко ошибаешься. Аич близко бы меня не подпустил к ОБЪЕКТАМ, если б я ничего не соображал. У него нюх на хлоп. Не хочется тебя огорчать, но... Аич тешит себя надеждой, вылавливая каждый раз новый ОБЪЕКТ, что уж этого-то спасет... А спасти не удастся. Все системы срываются по нулям. Что-то, вероятно, не подвластно нам.

– И тебе не хочется понять, что? Открыть. Спаси!

– Нет. Зачем? Я не одобряю этой затеи. Стоило добиваться Равновесия, деятельного покоя, чтобы... У нас хватает своих забот.

– Это каких же?

– Нельзя отказываться от достижений цивилизации! Проблемы не исправления, а сохранения покоя, возможности развлекаться и шпокать...

– Все твои достижения дерьмовой пульки не стоят. Я не вижу в них смысла.

– Ну да?

– Скажи мне честно, как к нему попасть. Не бойся, никто не узнает, что ты помог мне, – как-то смиренно и чуть ли не шепотом заговорила Ия. – Я буду тебе обязана. Я сделаю всё, что ты захочешь.

– Боюсь, что после этого ты не сможешь... Тебя просто не будет. Растворишься.

– Не пугай! Тем лучше. Исчезать, так достойно.

– О! Завидую твоему упрямству.

– У вас же здесь... эксперимент... Об этом... – И Ия обвела взглядом пространство Блока. – Мало кто знает. Защищен-

ность по минимуму. Не может быть, чтобы попасть к нему было сложно. Вас всего-то здесь... Всё на энтузиазме Аича.

– Здесь переход в первый Блок, – неожиданно для Ии спокойно сказал Юй и показал ей на квадратное углубление в стене. Потом долго и тупо смотрел на Ию, думая о чем-то своем, и продолжил: – Справа – блестящая дверь. Вставишь карту... Когда раздастся щелчок, выходи из лифта. Отсек – слева. Будет написано: «Зона 3». Садись в ВАКК... Дальше, думаю, разберешься сама. Вот карта. – И Юй протянул ей тонкий блестящий квадратик.

– Благодарю! – Ия заторопилась к заветной двери, но Юй остановил ее, положив свои образцовые ладони ей на плечи, и заглянул в ее так понравившиеся ему голубые глаза:

– Ты думаешь, я не побывал там? Чего от скуки не делаешь. Я ценю твои благородные порывы, но они наивны. В ближайшее время я перехожу в лабораторию Галактик. Мне терять нечего. А вот на твоём месте я бы подумал о будущем... Ты там наламаешь катушек... И новое состояние не поможет.

– Я уже давно подумала. Мне тоже терять нечего. Если я не пойду к нему, то... Это единственное в чем я вижу смысл.

– «Мы – выродки крыс, мы – пасынки птиц...» – насмешливо процитировал Юй.

– Что? – спросила Ия.

Юй молча отошел.

...Оказавшись в Зоне 3, ее вдруг охватил настоящий, впервые испытываемый ею, страх. Потрогав ладонью гладкую холодную поверхность пусковой панели, она зажмурилась глазами и машинально повторила рукой запомнившиеся ей движения существа с опухшим лицом. Открыв глаза, она обнаружила перед собой черную бездну. Но, как ни странно, чувство страха прошло. Одновременно с коротким мелодичным звуком бездна внезапно растворилась – и она увидела ЕГО. ОН стоял на подоконнике у раскрытого окна и готовился к полету.

– Саша, – тихо позвала Ия, и ОН обернулся...

(В рассказе использованы слова из песен А. Башлачева)

Содержание

Уход	5
Возвращение, или Особенный день	41
В полете, или «Мы рождены, чтоб сказкой сделать пыль...»	91
Гости	159
Серафима Сан, или Дом у дороги	215
CRAZY WOMAN, или «Начинался черный день...»	285
Рай (<i>киносценарий</i>)	341
ОБЪЕКТ – 2 Т.А.Б. (<i>фантастический рассказ</i>)	379